

Илья Тё Свобода для Господа Бога

Твердый Космос – 3

Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
«Свобода для Господа Бога»: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-9942-0385-9

Аннотация

Всемогущество. Всезнание. Вечность.

Три «В» космического абсолюта.

Акционер Корпорации, создающей вселенные на заказ, Гор искренне полагал, что обладает указанными качествами. Оказалось – не так. Перенесенный врагами в тело узкоплечего, слабого, а главное, смертного существа, он с удивлением осознает, что искренняя любовь и настоящая дружба с боевыми товарищами, спаянная мукой и кровью на полях сражений проклятой «сервской войны», способны творить чудеса, превосходящие все, на что способны даже Бог-Роботы, создававшие для него искусственные миры.

Став простым человеком в далеком заброшенном мире, всемогущий, всезнающий и бессмертный Бог Мицения познает истинные пределы своей свободы – свободы долга, преданности и любви.

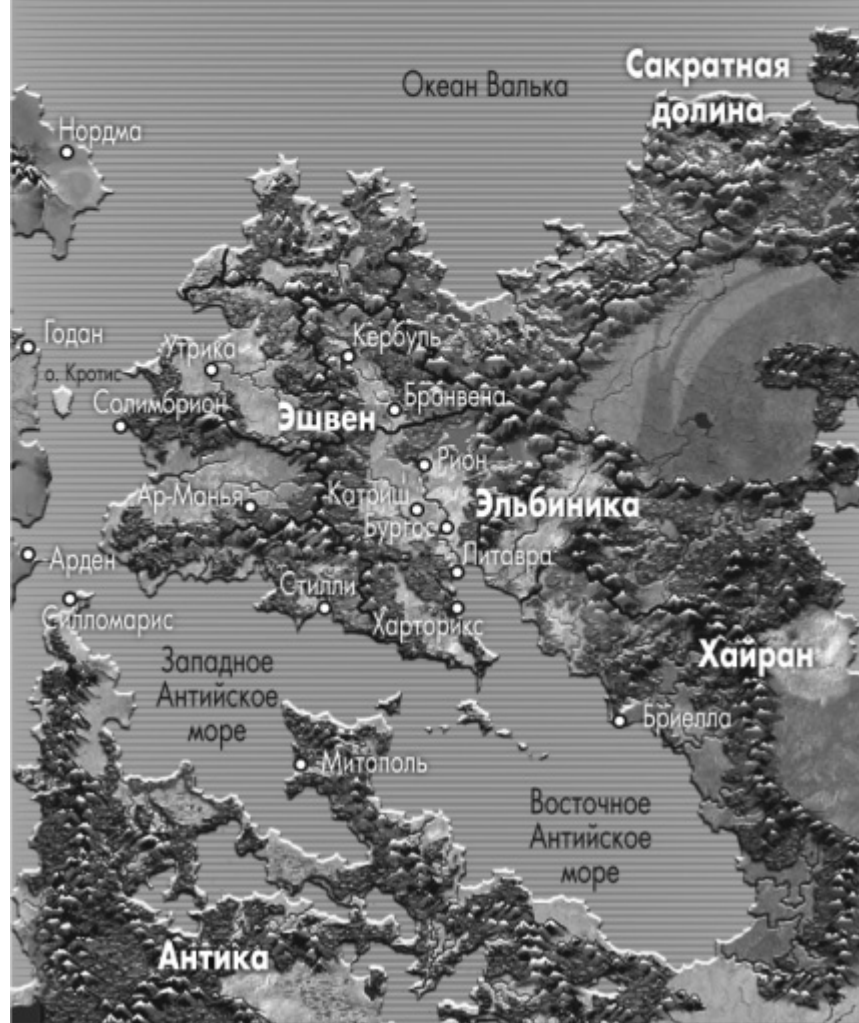
© FantLab.ru

Илья Тё
Свобода для Господа Бога

Сфера НЕВОН

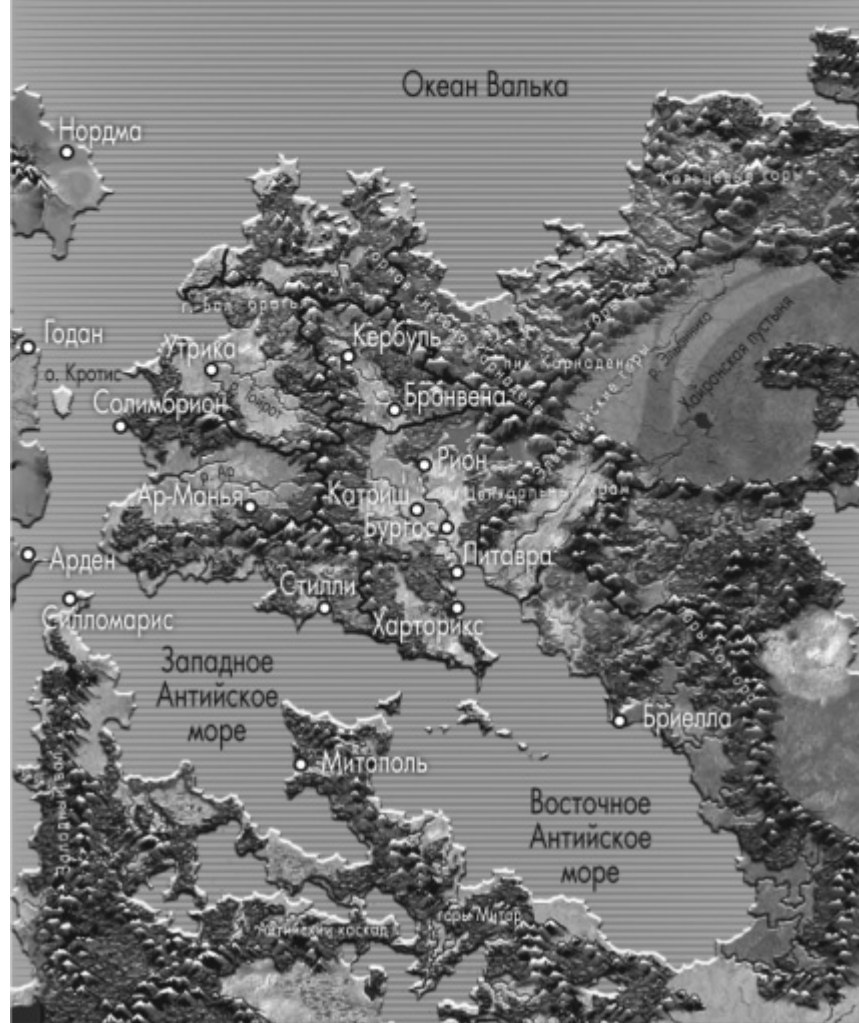
Континент ЭШВЕН

С указанием епархии Невона

Континент Эшвен

физико-географическая карта

Сфера НЕВОН

Континент ЭШВЕН

Республика Равных
4380 — 4382 гг. э. х. х.

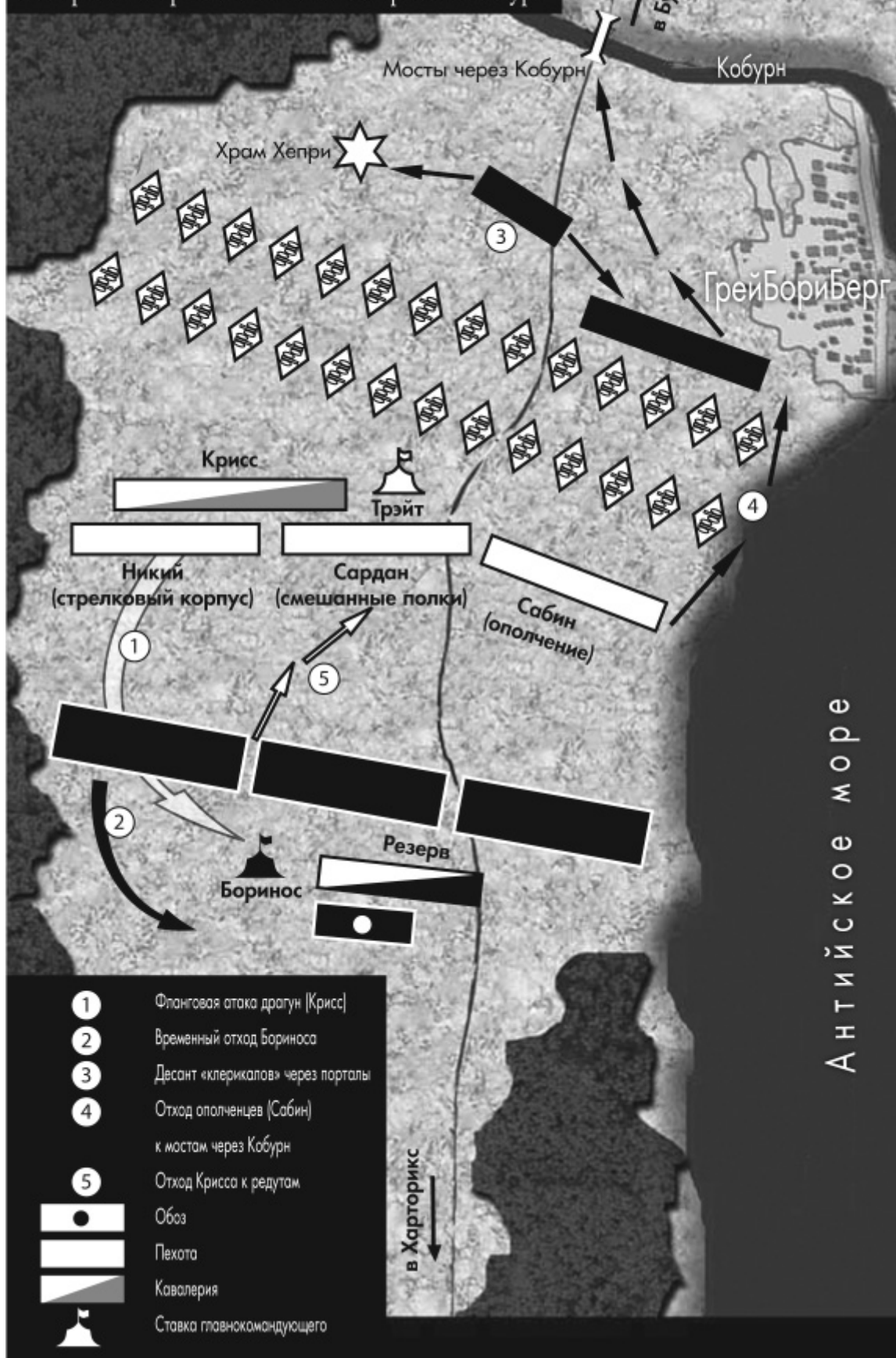

Битва за Бургос-2

20.08.4380 г. э. х. х.

Генеральное сражение на линии Карабан—Кобурн

1 фаза

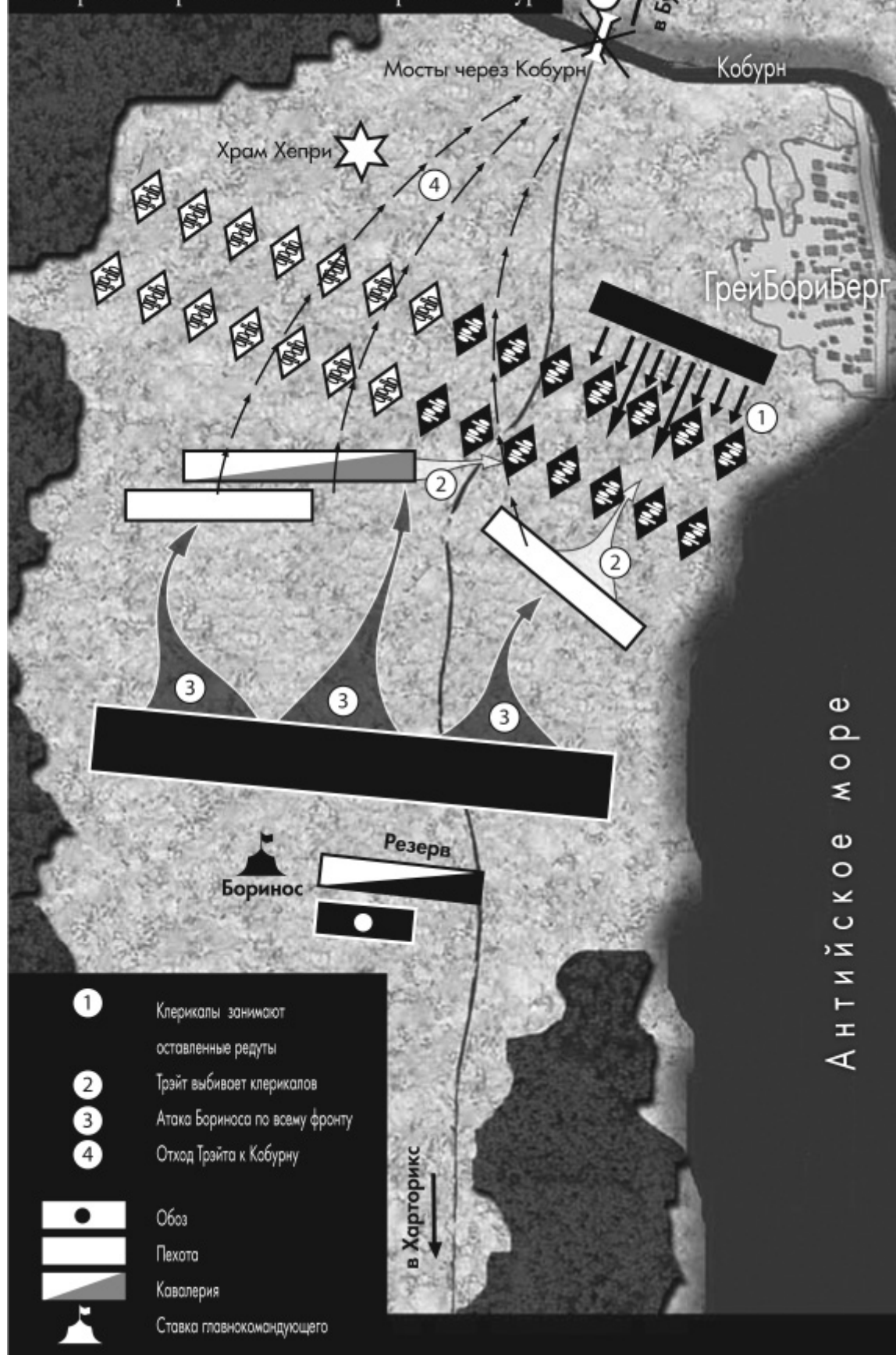

Битва за Бургос-2

20.08.4380 г. э. х. х.

Генеральное сражение на линии Карабан—Кобурн

2 фаза

Часть первая Свобода или смерть

*...О, низойди в наш мир, природы дочь, Свобода!
Власть, вышнюю в стране, захватим навсегда.
Тебе возводят храм восставшие народы,
Поправ насилия года.
Свободные! Весь мир гордится вами,
Презрев обман богов – найдите к правде путь!
Свобода, поселись в гостеприимном храме,
Богиней будь!*

Слова из песни Великой французской революции

...Революция как Сатурн – она пожирает собственных детей.
Робеспьер

Пролог

*Коммуникационная система
храмов Хепри.
Вибрации в сети*

– Селена?

– Да.

– Это Юсуф... Кардинал Амир схвачен сервами.

– Ты бредишь!!

– Нисколько.

На три секунды зависло тягостное молчание.

– На базе есть кто-нибудь? – спросил Юсуф.

– Никого... Его высокопреосвященство забрал всех подчистую. Есть два охранника-серва. Наложницы из публичного гарема. Уборщики. Сервы-поварята. Ах да, еще есть я... Но из спецназа никого.

– А не из спецназа?

– Только клерикальные мушкетеры, мой господин. В окрестностях Стеллополя расквартированы два полных гренадерских полка... Но разве они годятся для спецопераций?

– Если бы я знал!

– И что теперь?

Молчание зависало в пространстве снова.

– Послушай, ты сможешь открыть мне проход в один из порталов Бургоса?

– Не вопрос. Но куда именно?

– А какие есть варианты?

– Всего три: Пашкот-палас, Башня Дракона и, разумеется, ближайший к городу храм.

– Пашкот-палас!

– Сделаем.

Искусственное Мироздание.

Континуум Твердого Космоса.

Клерикальная провинция Эльбиника.

Храмовый арсенал

Тридцать минут спустя викарий прошел в оружейную, закрыл за собой дверь и задумчиво осмотрелся. Его окружали полки и стеллажи. Оружейная база клерикального спецназа в Стеллополе поразила бы воображение самого требовательного посетителя – в

четырёх сотнях подземных ангаров бесконечной чередой были выставлены образцы разнообразнейшего оружия и спецсредств. Для получения рабочих экземпляров в каждом из этих огромных экспозиционных залов размещались стационарные нуль-синтезаторы, на которых по желанию можно было воспроизвести точную копию любого из представленных на полках орудий убийства в течение нескольких секунд.

Размышляя над выбором, секретарь кардинала Амира не спеша прошёлся вдоль длинных рядов стендов и полок.

Вокруг лежали арбалеты, пружинные и пневматические ружья, самозарядное, автоматическое и, наконец, лучевое оружие – тысячи и тысячи видов. Плюс десятки разнообразных боеприпасов к каждому, амуниция, одежда и спецсредства. При желании, одними только образцами, без всяких нуль-синтезаторов, здесь можно было вооружить приличную армию, но, к сожалению, в епархиях Эшвена уже более тысячи лет действовал строжайший запрет на применение высокотехнологичных видов оружия кем-либо из «простых смертных». Единственными, кто мог бы даже просто взять в руки одну из этих вещей, оставались лично отобранные Господом Хепри бойцы кардинальского спецназа. Те самые, что валялись сейчас мертвыми на залитых солнцем и кровью лужайках в окрестностях Бургоса.

Выходило, что в пределах Твёрдого Космоса применить это оружие в бою, не нарушая тем самым запрета Хепри, мог, собственно, только сам викарий да оператор связи Селена, миловидная девушка, которая вряд ли держала в своей жизни что-либо смертоноснее кухонного ножа.

В итоге, в сложившейся ситуации, викарий мог располагать только самим собой с неограниченным запасом вооружения, а также двумя полками клерикальных мушкетеров. Последние вооружались примитивными кремневыми ружьями, никогда ранее не участвовали в стремительных силовых операциях, а потому годились разве что для несения охранной или пограничной службы. Между тем, по данным видеонаблюдения со спутника, вращающегося вокруг Медиас Кордис, под Бургосом находилось более трёхсот тысяч солдат и офицеров Армии Свободы, и каждый из них – был уже почти ветераном. Так что мушкетерам церкви там мало что светило.

Викарий взял шлем-каска с опускающимся пуленепробиваемым стеклом, надел кевларовый жилет. Потом снял с полки снайперскую винтовку с оптическим прицелом, заткнул за пояс автоматический пистолет, достал коробку с патронами...

«Что же ещё?» – подумал он. Взгляд случайно упал на одну из самых нижних полок, куда обычно никто не заглядывал.

Оружия там не было. На перфорированной поверхности алюминиевого стеллажа лежали маленькие гранаты незнакомого типа, окрашенные фиолетовыми и зелеными полосками.

Викарий поднял одну из малышек и повертел в руках. Потом резко откинул в сторону винтовку, стащил шлем-каска и прошёл к аппарату-синтезатору. Там набрал код искомого изделия и, подождав примерно минуту, принялся набивать подсумок маленькими «лимончиками», появившимися в емкости аппарата.

На красном экране машины мигал код полученного изделия и его краткое описание: «Газовая граната РГХ-15. Рекомендуется использование химзащиты».

Глава 1

Столица в огнях и в кольцах

*Южный Артошский тракт,
окрестности Бургоса.*

Четырнадцатое Пафира 4380 года

Как и миллионы людей, рожденных в котле сложной технологической цивилизации, давно забывшей о рабстве в прямом смысле этого слова, Гордиан Рэкс прекрасно помнил

древний девиз «Свобода или смерть!». Однако он солгал бы сам себе, если бы сказал, что хоть раз до своего ужасного пробуждения в мире планеты-каверны задумывался о подлинном смысле и страшном содержании этой крылатой фразы.

Оброненные в забытые времена кем-то из великих героев древности, а может, сразу несколькими из них – в разное время, в разных местах и при разных обстоятельствах, эти слова давно стали расхожими. Однако всегда ли произносящие их сознавали, что именно стоит за этим коротким кличем? Пожалуй что почти никогда, ведь противоречие подобных прописных истин можно прочувствовать только на собственной шкуре, а понять разумом – вряд ли.

Жить рабом или умереть свободным?

Умереть свободным или остаться рабом?

Сложный вопрос, ответить на который отдельно взятый человек может только сам себе и только в совершенно конкретной ситуации, когда выбора отвечать или нет у него не остается.

Кровавая рабская революция бушевала в Эшвене уже второй год, и новые десятки и даже сотни тысяч невольников давали свой ответ на этот вопрос, почти не задумываясь. Они умирали свободными!

Совет виликов бросал тела и души своих соратников в пылающую топку войны без жалости и без счета, не составляя списков погибших, часто не выкапывая даже общих могил и уж тем более не ставя памятников. У наступающих полков армии рабов-сервов при избытке решимости и оружия не было важнейшего из военных ресурсов – времени. А потому повсюду в Северном Эшвене украшением для братских кладбищ служили лишь изглоданные кости бойцов, их истлевшие мундиры и сытое воронье.

Короткая передышка, дарованная победой маршала Трэйта в «священной битве» под Шерном, а также огромные материальные ресурсы, захваченные в ходе весенней кампании на севере Артошской марки, позволили Совету виликов накопить силы и собрать огромную армию для вторжения в южные провинции континента. Сорок дней назад Трэйт вывел эту армию в поле из своего временного лагеря и двинулся по большому Артошскому тракту, в направлении Бургоса и Литавры...

Гордиан Рэкс усмехнулся печальным мыслям и посмотрел на уходящую в горизонт длинную линию собственных полевых батальонов: «Для большинства из них, – подумал он, – свобода или смерть очень скоро будут означать одно и то же».

Так был ли смысл подниматься им на эту войну?

Впрочем, лично для него смысл был, и это уравнивало все остальное. А насчет жертв... Второй прописной истиной, которую Гордиан знал с детства, было то, что войны и революции подобны кровавым богам – они требуют человеческих жертвоприношений, и прежде всего – от тех, кто является вершителем этих вселенских потрясений. Вне зависимости от того, насколько чисты причины и побуждения воюющих сторон, насколько светлы идеи и вера революционеров в непорочную чистоту справедливости, их путь всегда омыт кровью, и никак иначе...

Двадцать дней назад, вслед за маршалом Трэйтом, из разоренного сервами и войной Риона на юг континента выполз, тряся пузатыми боками повозок, знаменитый стрелковый корпус. «Корпус Апостола Гора», впрочем, следовал не один. Гордиана Рэкса сопровождал огромный обоз, буквально с тоннами необходимых для продолжения войны продуктов, со взятыми в Рионе орудиями, с порохом, с ядрами и еще с тысячью наименований разнообразных предметов, что сотворил человеческий гений или же человеческое безумие для насыщения страшных потребностей вечно голодного чудовища войны.

Боезапас и амуниция, медицинские бинты и лекарства, палатки и сапоги, котлы для варки пищи и фляги для воды и вина, пули и ядра, брандкугели и гранаты, мундиры и треуголки, пистолы, алебарды и пики, соль, красное вино и, конечно, грубая мука для маленьких солдатских хлебцев – все это присутствовало здесь в огромных количествах.

Вместе со стрелковым корпусом Апостола по пыльному тракту двигалось огромное

количество присоединившихся по пути отрядов: драгуны бывшего габелара Крисса, набранные на севере артошские добровольцы, отставшие и оставленные в городках вдоль тракта маленькие трэйтовские гарнизоны, которых Гор без зазрения совести менял на собственных израненных или приболевших бойцов, а также свежие бронвенские батальоны, успевшие добраться к Риону, до того как огромный обоз двух полковников покинул разграбленный город. За корпусом также двигались неисчислимой грудой отряды мелких торговцев, чем-то непрерывно обменивающихся с солдатами, кучи местных бездельников, желающих поглазеть на легендарного Тринадцатого пророка, а также армия «свободных девиц», занимающихся на коротких ночных стоянках своей нехитрой и старой как мир торговлей.

В авангарде всей этой разномастной, шумной и весьма потрепанной в многочисленных мелких стычках толпы на гнедом жеребце ехал Гордиан Рэкс собственной полубожественной или полусолдатской персоной.

Господь и Создатель Тринадцатимирья, акционер Корпорации Нулевого Синтеза и великий *Тшеди*, а ныне обычный артиллерийский полковник и командующий небольшим рабским полевым корпусом, он грозно зыркал по сторонам и по возможности старался ускорить неспешное движение своего пестрого воинства. Однако сделать это на практике оказалось довольно сложно. Торговцы и проститутки, которых Гор пытался отгонять, все равно возвращались. Заниматься же показательным развешиванием торгашей и девок на придорожных столбах рабский полковник совершенно не собирался. Дисциплина в рядах его маленькой армии оставалась все же на приемлемом для такого малообученного сброда уровне, но дело, собственно, крылось вовсе не в дисциплине. Кровавые потери последней схватки с кардиналом и тот мистический ужас, который пришлось пережить его бойцам во время сражения под Рионом с почти миллионной ордой ремесленных сервов, выгнанных против профессиональных полков болевыми разрядами «хомутов», не могли не отразиться на психике и состоянии духа его несчастных солдат. И потому, хотя Гор неистово торопился, считая каждый километр и подгоняя своих ребят со всей яростью уже бывалого командира, применения крайних мер, вроде обычных для местных армий показательных казней или увечающих телесных наказаний, он старался не допускать.

Ровно два года назад мистер Гордиан Оливиан Рэкс, демиург и бизнесмен, владелец собственной звездной системы, биллионов кредо, а сейчас просто нищий, не имеющий ничего, кроме злой смертоносной шпаги, болтающейся на боку, после неудачного Хеб-седа, вопреки собственной божественной воле, оказался в тщедушном теле юнца в этом странном «вывернутом» мире.

Причиной провальной реинкарнации – сейчас Гор это отчетливо понимал – стали не технические неполадки или просчеты медиков, а жестокие политические интриги, участником которых он умудрился стать.

Два могущественнейших существа его старой родной вселенной, которых он с трудом мог называть людьми, архонт Нуль-Синтеза Питер Тициан Аякс и верховный стратиг Нуль-Синтеза Тэдди Октавиан, полубоги и полужрецы, встали у него на пути.

Согласно сведениям, сообщенным обоими высшими правителями в тот роковой и последний день его пребывания в Мироздании Корпорации, мистический Творец Вселенной, таинственный и внушающий ужас Учредитель, исчез из собственного Творенья.

В отсутствие верховного божества Корпорации угрожали хаос и стагнация. И вот, после крушения высшей власти, архонт и стратиг потребовали от демиурга Гора преданности. Причем каждый – себе. Им нужна была его божественная сила, уникальная способность контролировать вычислительные машины и, прежде всего, – машинерию Корпорации, соединенную в Сеть, связывающую многие миры. Машины давали бессмертным невероятную власть. Власть большую, чем та, которой обладали когда-то языческие божества древних, власть, способную творить само пространство и время с бесчисленными мирами внутри!

Гордиан горестно усмехнулся. Его божественный дар – сила *Тшеди*, талант

экстрасенса, говорящего с машинами и сетями, стал для него проклятием. Эта сила вознесла его на вершины власти, сделав одним из акционеров Корпорации Нулевого Синтеза, демиургов и полубогов. И она же привела его к гибели, убив «божественное» тело и вышвырнув разум сюда, на задворки вселенной. Даже трижды проклятая сервская война, бушующая в приютившем его диком мире, стала следствием этого дара.

Оказавшись в Эшвене, в теле кухонного раба, Гордиан быстро понял, что в новом жестоком мире главным препятствием к свободе являются вовсе не стражники, не цепи, не стены и не опасность преследования. Решающей и единственной причиной, что вот уже тысячелетия держала сервов Эшвена в подчинении у хозяев, являлось простейшее техническое приспособление – койн, электронный ошейник, надетый на шею каждого раба, прошитый особой программой контроля и управляющий поведением носителя с помощью создаваемых в храмах Хепри болезненных или даже смертельных разрядов.

Первоначально Гор пытался сбивать настройку «хомутов» электричеством, однако вскоре, когда дар *Тишеди* возвратился к нему в полной мере, выяснилось, что он может раскрывать койны, сжигая их электронную начинку на расстоянии. В результате впервые за тысячелетия сервы Эшвена получили возможность огромными массами избавляться от узды, не пускавшей их к вожаемой свободе.

Гордиан покачал головой. Великий дар – это великое горе. В тот проклятый день он отказал им обоим – и архонту Аяксу и стратигу Октавиану, не приняв сделанные ему предложения.

Почему? Ответа на этот вопрос он и сам не знал до сих пор. Стратиг вызывал у него отвращение своим высокомерием, архонт – слащавостью и ложью, скрывающейся в глазах. От первого исходил зримый ужас, он явился с угрозами, демонстрируя свою силу. Второй пришел с лестью и уговорами, с добродушной улыбкой, скрывающей оскал льва. Как это ни смешно, но Гору больше импонировал второй. Впрочем, отказ есть отказ, и предательского удара в спину, результатом которого стало пробуждение в теле полудохлого выродка в захолустном мире, можно было ждать от любого из этой пары, а возможно – сразу от обоих.

Слова, которые срывались тогда с его искривленных в презрении губ, были полны самомнения и наивной отваги, странной для трехсотлетнего человека. И кусочком сознания, что бы ни говорил сам себе Гордиан, он понимал, почему отказал тогда и стратигу, и архонту.

Причина была проста – она вела его сквозь пылающий Эшвен все эти два долгих года: Гор был свободен! Свободен как Бог, свободен как Человек. И никто, даже величайшие из бессмертных, не могли подчинить себе его волю.

Бывший демиург снова мрачно и зло усмехнулся. Криво, одним углом рта. Воля Творца Тринадцатимирья осталась тогда не подвластна его врагам. Однако жизнь его и могущество оказались вполне в их власти.

Он умер в тот день или – стал кем-то другим. Технология переноса матрицы экс-божества в тело хилого юноши во вселенной, про которую не знали в Нуль-Корпорации, до сих пор оставалась ему не ясна. Но причины происшедшего были вполне прозрачными – это возмездие за ослушание.

Возмездие – вот только от кого?..

* * *

Как бы там ни было, вопрос о возмездии, ставшем причиной провального Хеб-седа, волновал павшего демиурга в данный конкретный момент существования весьма незначительно.

Спустя девять суток после схватки с кардиналом Амиром, а именно душным утром четырнадцатого Пафира, Гор и Крисс оказались на вершине холма, с которого открывался вид на живописную долину реки Кобурн и город Бургос с окрестностями.

Бой, в результате которого стрелковому корпусу удалось полностью истребить

Красную гвардию кардинала и чудовищных великанов личной сотни кардинальского Священного легиона, запомнился Гору надолго, ведь уцелел он тогда почти случайно – исключительно благодаря героической стойкости своих храбрых артиллеристов. Однако даже по сравнению с собственным чудесным спасением, как гораздо большую удачу Гор оценивал иной факт – пленение самого кардинала Амира!

Теперь, имея на руках высшего церковного иерарха вселенской Апостольской церкви, главу Бургосской курии и соответственно всей местной храмовой структуры, Гор рассчитывал изрядно поторговаться с его подчиненными. За свободу сервов и некоторые личные, необходимые ему дивиденды.

Впрочем, как наглядно демонстрировал раскрывшийся перед Гором и Криссом вид, до торговли с храмами было еще далеко. Прежде чем войти в Пашкот-палас – резиденцию кардинала, разместившуюся по злой иронии в самом центре города Бургоса, двум полковникам армии рабов предстояло овладеть одним тщательно оберегаемым призом – самой королевской столицей.

«Задача, – подумал Гор, – отнюдь не из легких». Глядя на одинокие столбы дыма, тянущиеся к небу по всей обширной равнине, а также на вражеские полчища, мнущие траву под утренними лучами Медиас Кордис, Гордиан многозначительно крикнул и привычно потер мозолистой ладонью рукоять офицерской шпаги.

Мысленно экс-господь прикинул, что в мирное время в долине вокруг многоголосой столицы располагалась весьма густонаселенная местность с богатыми селами и веселыми жителями. Нехитрый этот вывод проистекал из того, что дымы поднимались со всех концов открывшегося взору пейзажа: то горели усадьбы и коттеджные поселки состоятельных горожан, деревни сервов-арендаторов и фермы.

По докладам пленных и перебежчиков, обозный корпус восставших здесь ожидал карракошский субпрефект Оттон, прославленный генерал и один из величайших эшвенских полководцев, гонявший хайранцев еще до того, как большинство ныне живущих сервов вылезли из клонических колб безусыми сосунками. Королевская армия, таким образом, неожиданно сменила командующего, но о печальной судьбе генерала Бавена Гор с Криссом предпочитали не спрашивать – во-первых, о ней и так уже все догадывались, а во-вторых, слишком жуткой и несправедливой она казалась по отношению к бравому, убеленному сединами вояке.

На первый взгляд, Оттон показался Гордиану грамотным воеводой: ведь долина пылала не случайно. Осадившие Бургос войска короля жгли окружающие деревни, чтобы лишить спешащих к городу Крисса и Гора материала для строительства контрвалационной линии, что, конечно, весьма удручало Тринадцатого пророка. Но еще больше это обстоятельство наверняка удручало многочисленных местных жителей, покинувших местность несколько дней назад и укрывшихся в лесах, дабы избежать ужасов войны.

Вообще, ситуация вырисовывалась забавная. Насколько Гору было известно из отрывочных сведений, поступавших к нему от перебежчиков и вестовых, Трэйт умудрился взять укрепленную крепость с ходу, забросив внутрь городских стен лавзейский десант Бранда. Под покровом ночи головорезы захватили главный городской арсенал, Замок Дракона и устроили в Бургосе пожар, пожравший почти половину внешней стены.

Всем городом, впрочем, маршал сервов овладеть не успел. Центральная цитадель Бургоса – знаменитый Старый Город, где размещались резиденции короля и кардинала, – осталась в руках королевского гарнизона. Трэйт не стал штурмовать высокие стены и просто обложил их сплошным кольцом осады, укрепившись в пределах оставшихся в его распоряжении городских кварталов. От Старого Города до Кольцевой Стены.

Однако спустя всего пару дней после взятия Бургоса сервами к несчастной столице с юга подошел неизвестно откуда взявшийся полуполегарный генерал Оттон со свежими подкреплениями. Он, в свою очередь, зажал плотным кольцом теперь уже самого Трэйта, окружив внешние стены города контрвалационной линией из подручных материалов.

Сейчас, с приходом корпусов Гора и Крисса, ситуация снова менялась, поскольку у

двух последних не имелось значительного перевеса в численности. И вследствие этого, не оставалось ничего иного, как опять-таки закрыть Бургос очередным сплошным кольцом окружения.

В итоге получился слоеный пирог.

Сначала Цитадель Дракона с Брандом и Сарданом Сато внутри. Затем Старый Город с королевским гарнизоном Бургоса. Затем кольцо осады, образованное сервами Трэйта, укрывшегося за внешней Кольцевой Стеной. Потом войска Оттона, закрывшие сплошным окружением теперь уже самого маршала рабов. И, наконец, великие и ужасные Крисс и Гор, отрезавшие Оттона от внешнего мира четвертой осадной линией.

Вокруг города было четыре осадных кольца!

Со стороны ситуация могла показаться весьма забавной, если бы не обещала в будущем реки крови для каждой из осаждающих город армий.

Гордиан пожал плечами и погладил своего скакуна по шее. Несчастный антиец, как будто разделяя переживания своего наездника, ерзал и дрожал. Успокоив таким образом животное, Гор кивнул Криссу— и они спустились к войскам.

Ощетинившись мушкетами, в плотном строю отряды повстанцев окружили войско Оттона по всему периметру. Как и Бавен, новый предводитель королевской армии оказался бывалым военачальником и узнал о подходе противника задолго до его появления на горизонте. Конные разьезды, раскиданные по всему центральному Артошу, доложили о приближения сервов за три дня до их реального появления.

И генерал подготовился. За эти три дня было разобрано большинство домов вокруг города, а то, что осталось не разобрано, сейчас горело, пуская белесые столбы дыма к небесам под лучами Медиас Кордис. Из собранных досок делали грубо сколоченные щиты для укрепления земляных валов, а сами валы выкладывали в основании булыжником и щедро отсыпали землей и песком.

Примечательно, что Оттону Великому (а именно так именовали прославленного генерала старинные книги, описывающие военные кампании Хепри, что гремели над местными континентами столетия назад) вообще пришлось отсыпать вокруг Бургоса целых два вала.

Первая линия окружала собственно стены города, чтобы предотвратить возможные вылазки со стороны осажденного маршала Трэйта. Вторая же была возведена непосредственно вокруг позиций Оттона для защиты от приближающихся армии Крисса и корпуса Гора Фехтовальщика.

В общем и целом, королевские солдаты ударно поработали киркой и лопатой, и сейчас перед бывшим старшиной лавзейских габеларов маршалом Трэйтом и бывшим демиургом Нулевого Синтеза Гордианом стояла нешуточная задача — свести их труды на «нет» и выйти из сложившейся ситуации с минимальными потерями.

Спустя несколько часов четвертая линия окружения была завершена...

Гор и Крисс не имели возможности соорудить сплошную цепь укреплений, а потому поступили просто: элементарным образом расположили свои войска в двух больших лагерьях, защищенных земляным валом и рвом.

Первый лагерь под руководством Гордиана встал с северо-запада от Бургоса, перекрывая направление на Рион, Бронвену и ответвлявшийся в этом месте западный тракт на Катриш.

Второй лагерь соответственно встал южнее города, закрывая направление к морю, Литавре, ГрейтБориБергу, Харториксу и прикрывая от подхода возможных королевских подкреплений. Здесь расположился Крисс.

Восточный же край всех четырех колец упирался в Кобурн. А потому, по мнению Гордиана, не нуждался в специальном прикрытии со стороны их армии, ибо у них все равно не имелось кораблей. С запада два последних кольца проходили через городской Дуэльный парк, протянув свои валы и окопы между разбросанными по парку вековыми деревьями.

Кольцо окружения получилось, таким образом, весьма неплотным, и мимо разьездов и

караулов Армии Свободы, как и подозревал Гордиан, достаточно свободно по ночам метались подручные осажденных. Это, впрочем, не сильно огорчало павшего демиурга, поскольку разрешить сложившуюся ситуацию с помощью долгой осады было невозможно в принципе. Ведь ставка всех четырех армий, участвующих в противостоянии, делалась не на измор противника, а на скорую и неминуемую схватку.

Бранд. Оттон. Трэйт. Гор.

Схватку кровавую, как закат перед ураганом...

* * *

Спустя еще сутки, когда работы по укреплению лагеря и размещению в нем бойцов и подразделений были окончательно завершены, Гордиан Рэкс впервые за несколько часов остался в своей палатке один. Он развернул мятую карту Бургоса и его окрестностей, каким-то чудом добытую офицерами его корпуса в обезлюдевшем после бойни Рионе.

Карта содержала множество пометок, нанесенных не далее как сегодня утром, а кое-где даже буквально только что. Пометки указывали нумерацию и предполагаемую численность королевских полков, окруженных в городе, а также их положение на оборонительных рубежах. В узком пространстве, образованном двумя кольцевыми укреплениями Оттона, собралось по приблизительным подсчетам почти сто сорок тысяч человек, преимущественно пехоты, набранной из свободных жителей центральных и южных провинций. Как и у сервов, их обучение оставляло желать много лучшего, к тому же находились они в армии без году неделя и реального боевого опыта не имели. Солдаты Крисса и Гора в этом плане – впервые за всю военную кампанию – даже превосходили своих противников.

Внезапно полог палатки раздвинулся и внутрь вошел Крисс. Не здороваясь со старым товарищем, с которым они во время похода и так практически не расставались, он снял драгунскую шляпу и взгромоздился на стул.

– Что-то задумал? – спросил он, глядя на корпящего над картой Фехтовальщика.

Бывший демиург только задумчиво покачал головой:

– М-мм... Не знаю, дружище. Как-то все хреново выглядит. Мешанина. Четыре кольца окружения – ума не приложу, что делать. Тут наши, там их. Тут мы, здесь они. Чер-те что! При такой диспозиции проще застрелиться, а не воевать. Но главное, я полагаю, что их ситуация выглядит все же несколько лучше, чем у нас. Мы, видишь ли, ограничены в ресурсах. Если разграбим местные запасы, то придется голодать, да и стрелять нам будет нечем, на сто тысяч мушкетов у нас не так много пороха и картечи. А у Его светлости герцога Оттона материальный фонд, как ты знаешь, безграничный и имеется свободное снабжение по Кобурну кораблями речной флотилии. Да и сам Боринос, того и гляди, припрется сюда с подкреплением. Тогда будет пятое кольцо, представляешь? Так что по всему выходит, что инициативу в распутывании этого узла придется проявлять нам, а не Оттону.

– А инициатива обычно наказуема! – воскликнул Крисс с непонятным его товарищу задором.

– Вот именно!

– И что? – поинтересовался бывший габелар. – Опять будешь пить?

– Зачем? – не понял Гордиан.

Крисс рассмеялся.

– Ну, алкоголь, как показывает наша практика под Рионом, стимулирует у тебя умственную деятельность. И вообще – положительно влияет.

Гор отмахнулся.

– Иди ты к черту, нашел что вспомнить, я же серьезно! Вот подумай, инициатива к общему штурму и сражению в любом случае принадлежит нам. Давай посчитаем. Первое: Бранд, запертый солдатами казненного Бавена в Цитадели Дракона, не может атаковать при любом раскладе – у него слишком мало людей, чтобы самостоятельно действовать против

королевского гарнизона в Старом городе. Максимум его возможностей – поддержать штурм Старого города со стороны Трэйта.

Второе: королевский гарнизон в Старом городе также не способен атаковать Бранда, поскольку, как только он приступит к штурму, Трэйту достаточно будет сделать вид, что он готовится к нападению на Старый город, и гарнизон будет вынужден прекратить свою попытку, дабы не получить удар в спину.

Третье: Трэйт находится в аналогичной ситуации – он не может атаковать Старый город, пока ему в спину смотрят орудия и штыки Оттона. И четвертое: Оттон, хотя и он в целом гораздо более свободен в принятии решений вследствие численности своих войск, также не может нападать – ведь если он дернется на Трэйта, в спину ему тут же ударим мы. Вот и выходит, что сигналом к общей потасовке будет только наша атака.

– Значит, – заключил Крисс, – вся ситуация состоит в координации действий. Мы должны пойти на штурм одновременно с Трэйтом и Брандом. Ты это имеешь в виду?

– Не только. – Гор покачал головой. – Координация – это лишь половина дела. Даже если мы ударим одновременно тогда, когда враги не ждут, исход сражения практически не предсказуем, поскольку силы всех трех наших отрядов – я имею в виду нас с тобой, Трэйта, а также Бранда с Сарданом – равны по численности силам Оттона и бавеновского гарнизона в Старом городе. Даже атакуя скоординированно, мы спровоцируем лишь хаотическую драку на тесных улицах, где ни одна из сторон не имеет решительного перевеса. Ввязаться можно, но вот каков будет результат, я сказать не берусь.

– Печальная картина, – скривился Крисс, – похоже, ничего не остается, кроме как стоять и ждать, пока придет Боринос с подкреплением. Или пока наши из Бронвены кого-нибудь в помощь не пришлют. Точно?

– Нет.

– Нет?!

Гордиан пожал плечами.

– Знаешь, я и сам не вполне представляю, как это будет, но мне кажется, что шанс есть вот здесь. – Он ткнул пальцем в карту.

– Городской парк?

– Это Дуэльный парк, мастер Крисс. Его так и называют – Дуэльный парк! Символическое название, учитывая, что в деле участвуют консидории, ты не находишь?..

Глава 2

Парк для дуэлей. В очередь!

Бурная ночь шестнадцатого Пафира – время битвы за Бургос – началась не ровно в полночь, как это предписывается календарем и часами, а где-то около восьми вечера.

Гордиан Рэкс бродил по палатке, додумывая детали, затем вышел к ожидавшим его офицерам. Ждали его всего четыре человека: начальник инженерной службы Роббер, новый полковник ормских мушкетеров Биллон, заменивший героически павшего Самсона, начальник драгунской кавалерии Крисс и, конечно же, Никий, начальник штаба и адъютант.

Остальные офицеры по соображениям определенной конспирации приглашены не были.

– Господа, – начал Гор негромко, – сегодня мы попытаемся выманить противника из его берлоги и навязать сражение. Вот здесь!

Он снова ткнул пальцем в изображение парка на карте и продолжил, делая между длинными предложениями продолжительные паузы, чтобы дать слушателям время усвоить сказанное.

– Роббер. Через тракт, отойдя на север, чтобы не вызывать подозрения, вы делаете крюк и вот тут, примерно в районе Тоху, минируете низкую стену парка. – Гор подождал, фиксируя предложение, а затем продолжил: – Биллон. Примерно через час после Роббера вы выходите в полном составе своего пехотного полка и следуете тем же путем. Мне известно,

что через парк каждую ночь, пользуясь темнотой и отсутствием охраны периметра, следуют группы вестовых и конные разъезды разведчиков, которые обеспечивают коммуникации между Оттоном и остатками королевских гарнизонов в поместьях западнее города. Мы специально не тревожили эти вражеские силы и специально не контролировали территорию парка ночью. Во-первых, это действительно трудно – держать под надзором крупный лесной массив, а во-вторых... во-вторых, мы приучили врага не бояться! Нам известно, что остатки гарнизонов из поместий тайно просачиваются в город небольшими группами каждую ночь. Инциденты имели место уже восемь раз за последнюю неделю. Разведка докладывает, что сегодня попытка проникновения повторится – почти две сотни конных габеларов пробираются к нам с запада. Мы ждали, пока враг осмелеет и войдет в парк более или менее крупной группой. Сегодня это наконец должно случиться. Двести человек – это самый крупный отряд из всех, что когда-либо пытался просочиться сквозь нашу осадную линию. Враг обнаглел, и значит – время пришло!

Гор взмахнул рукой.

– Крисс! – воскликнул он. – Спустя три часа после Биллона ты выводишь конных драгун тем же путем в обход через Тоху. Примерно в это же время двести нарушителей периметра должны достигнуть Тоху с другой стороны парковой стены. Как только наблюдатели докладывают об их прибытии, вы, Робер, взрываете минные заряды в стене, образуя в ней проломы, достаточные для одновременного и внезапного введения в бой одной роты ормской пехоты. Разом!.. Это понятно?

Роббер и Крисс одновременно кивнули.

– Хорошо! Далее, как нетрудно догадаться, Биллон атакует нарушителей силами этой самой одной роты. Остальные ждут. Крисс, твои бойцы спешиваются, отгоняют коней подальше и тоже ждут. В бой, если что, вступите на своих двоих, как пешие мушкетеры. Кавалерии, как вы сами понимаете, в парке не место. Примерно в это же время, сразу после начала перестрелки, Никий поднимает остальную армию по частям и поэтапно отправляет полки тем же путем к месту сражения. Это все!

В воздухе повисло напряженное молчание. Прервал его конечно же Крисс.

– Не понял, – сказал он, – столько сложных передвижений, обходные маневры, суета. А зачем? Ты хочешь пострелять габеларов, нарушающих периметр? Давай просто посадим в парке вместо роты один батальон среди деревьев, а когда враг подойдет – просто расстреляем картечью. Кстати, это давно следовало сделать, а то шляются туда-сюда прямо перед носом – бойцы недовольны, враг обнаглел, моральный дух страдает.

Гордиан покачал головой.

– Я вижу, ты меня совсем не понял, – сказал он. – Мы не будем ввязываться в бой крупными силами, Крисс. Только рота. Это основа плана. Я надеюсь, что старший офицер королевской армии, который в это время будет охранять позиции Оттона в районе парка, увидев, сколь незначительны наши силы, станет думать так же, как ты. И не будет ждать, пока наша рота справится с его ротой или, наоборот, – его рота с нашей. А просто введет в бой дополнительный контингент. Ты понимаешь меня?..

Крисс помотал головой, и Гор, вздохнув, пояснил:

– На самом деле все просто. Как только со стороны Оттона, неважно, по его личному приказу или по приказу дежурного штабного офицера, в бой в парке будут введены дополнительные силы, мы тут же введем свои. Враг будет знать – для того чтобы перебросить в парк помощь, нам потребуется не меньше часа, – и будет вводить туда войска в надежде обеспечить себе численное преимущество! Но там уже будем мы. Мы уже там будем!

Он покачал головой, развернулся и уперся глазами в карту, как будто видел за слоем покрытой краской бумаги настоящие парк, лес, земляные насыпи и суетящиеся между ними полки и батальоны в цветных мундирах.

– Сначала рота, – воскликнул Гор, – затем батальон, потом полк! Потом – дивизия! И, в конце концов, вся армия – Оттона и наша. Но при этом всегда у нас будет преимущество в

численности. Войска будут вступать в бой пошелонно и немного отдохнувшими после перехода, а не прямо с марша, как у него. К тому же я уверен, что для нас бой будет носить оборонительный характер. По крайней мере, на первом этапе. Кроме того, когда в сражении завязнет значительный контингент, мы начнем обстрел парка через боковую стену силами артиллерии, которую так же заранее, где-то часа через два после начала схватки, доставим на место. Оттон просто не сможет также быстро через лес подтащить туда пушки! Это гарантированный перевес! Ситуация начнет развиваться по нарастающей, и я надеюсь, наступит момент, когда Оттон уже не сможет отступить. – Гор шумно выдохнул и посмотрел на товарищей-офицеров: – Таким образом, мы дадим Оттону неожиданное генеральное сражение с численным преимуществом на каждом этапе боя. С пошелонным вводом свежих сил на незнакомой ему пересеченной местности и без участия его артиллерии и рейтар! Что скажете, ну?!

Крисс задумался.

– В принципе, план дельный, – произнес он после весьма продолжительного молчания, – вот только что будет, если в момент, пока наши войска будут на поэтапном переходе к Тохо, Оттон атакует наш лагерь?

Гордиан кивнул, принимая вопрос.

– Согласен, это опасный момент, – подтвердил он, – но кто не рискует, тот не побеждает. Да и к тому же, чтобы напасть на нас именно в это время, нужно быть провидцем, а Оттон, насколько мне известно, хоть и замечательный полководец, но к оракулам не относится. К тому же я не вижу иных вариантов втянуть его в драку, кроме как пойти на штурм города через парк. Но главное – сражение ведь начнется стихийно, с маленькой глупой стычки, понимаете? Возможно, на первом этапе Оттон даже не будет в курсе, что именно происходит в парке – так, какая-то мелкая драка. Ну что принимается?

– Конечно, принимается! – восторженно сказал Никий, в очередной раз убежденный в великолепии и неподражаемости своего кумира.

Крисс просто пожал плечами, Биллон молча кивнул, Роббер тоже.

Гордиан сжал свой маленький кулак, как будто ломая тонкими юношескими пальцами стальной прут:

– Тогда вперед!

* * *

В эту долгую ночь орудия гремели не переставая. В пять часов утра почти вся армия Оттона дралась в парке с по-прежнему превосходящими силами Армии рабов, и вся глупость этого сражения стала для полководца очевидной: это была ловушка!

Сражение началось в одиннадцать часов вечера, когда он только что прилег, чтобы выспаться после привычно тяжелого дня. В самом начале драка имела вид мелкой перестрелки между следовавшими в город габеларами из дальних поместий и ротой сервов, по непонятной причине именно в эту ночь решивших перекрыть Дуэльный парк.

В одиннадцать тридцать Оттон, поднятый с кровати отдаленными выстрелами и мощным одиночным взрывом (это Робер взорвал стену парка), с мрачным лицом выслушал доклад дежурного офицера и махнул рукой – две сотни никчемных габеларов его интересовали весьма незначительно. Так что в ответ на просьбу дежурного выделить роту поддержки, он только утвердительно буркнул и снова завалился под одеяло.

Примерно до двенадцати тридцати перестрелка разрасталась, втягивая в конфликт все новые и новые роты, а затем и батальоны королевской армии, которые подходили к месту боя поодиночке, разрозненно и спросонья – и только после того, как от их предшественников оставались лишь жалкие клочья! Дуэльный парк как огромная топка начал медленно сжигать королевскую армию.

Все это время Оттон спал, как сурок – дежурные не посмели будить командира, который отдал ранее однозначное распоряжение, а после прилег отдохнуть.

Все же, примерно в час ночи, дежурный офицер решился снова поднять Оттона, поскольку в огне ночного боя сгорал уже целый полк. Мелкая стычка решительно превращалась в серьезную баталию.

Оттон продрал глаза, раздраженно выслушал доклад и в полном бешенстве кинул в бой своих рейтар.

То была страшная ошибка, ибо в этот момент имелся последний шанс, когда королевская армия могла еще достойно выйти из боя. Оттон, однако, в эту минуту пребывал в слишком сильном раздражении, да к тому же и заспан, чтобы думать.

– Раздавить! – крикнул он дежурному. – В ключья! Все полки на западной стене – в ружье!

Так уж получилось, что на западной стене ближе всех к месту неожиданного сражения стояли именно рейтары, и, взлетев в седло, они бросились во тьму ночи.

Далее события развивались стремительно.

Пять тысяч рейтар – уже целых пять тысяч! – освещенные тусклым светом Медиас Кордис, приблизились к границе парка и, мелькая между деревьями, попытались навязать рабским мушкетерам «правильный» бой с традиционными для легкой кавалерии массовыми залпами и вольтами. Однако местность была слишком пересеченной, небо слишком темным, а стволы вековых дубов – слишком частыми для размашистого конного маневра. Кустарник и живые изгороди, то тут, то там разбросанные в этой части парка, рассеяли рейтар лучше, чем это могли бы сделать самые крепкие пики и самые острые алебарды. Сервские мушкетеры прятались за деревьями, палили и отбегали назад, увлекая рейтар все дальше и дальше в глубь расширяющегося к западу парка. В результате менее чем через час пять тысяч храбрых всадников оказались практически истреблены мушкетными пулями.

Тут же, увлекаемый товарищеским долгом, гневом на «грязных сервов» и ночным возбуждением, которое вполне обоснованно охватило размещенных перед парком королевских солдат, в дело ввязался еще один рейтарский полк, а также несколько пехотных частей, преимущественно батальоны ополченцев и габелар. На относительное счастье Оттона стоящие тут же, но более дисциплинированные пикинеры и алебардчики в лес не пошли, ожидая команды сверху, и спустя всего несколько минут атакующие части королевской армии, так же как и их предшественники, намертво увязли в затяжной перестрелке «втемную».

Оторвав зад от теплой кровати, Оттон лично выехал за стены укреплений и взгляделся все еще острыми и внимательными глазами в темный массив гигантского городского парка. Мысль об отступлении мелькала в его голове, однако, судя по всему, он уже опоздал. Под бликами лунного света по корням деревьев и в некошенной траве топталось почти двадцать тысяч человек, и бросить на произвол судьбы и сервской пули такое количество бойцов он не мог.

Ну что же, как ему казалось, потери, понесенные королевской армией до этого момента, объяснялись преимущественно несерьезным отношением командования к ночной стычке. В бой вступали малыми отрядами, которые последовательно перемалывались засевшими в укрепленной позиции сервами-мушкетерами. Расстояние от места схватки до лагеря восставших на пять километров больше, чем расстояние от этого же места до позиций Оттона, а значит, вводить свежие силы в ночную драку он сможет быстрее.

Следовательно – в бой!

План Оттона был прост. Ввести в парк значительные силы, прежде чем сервы успеют среагировать. Подавить вражеских мушкетеров массой и натиском, спасти своих и отступить обратно, за спасительные стены оборонительной линии.

Схватка происходит хаотически. Укрепления ни у одной из сторон не подготовлены. Случайный бой.

Решено!

Властным голосом знаменитый генерал дал команду, и королевская армия, всего шестьдесят тысяч человек, поднялась в ружье. Собственно, большая часть воинства,

разбросанная крупными лагерями по периметру осады, только-только продрала глаза и под звуки рожков начала одеваться. Передовые же подразделения, те самые пикинеры и алебардчики, что ожидали команды сверху, размещенные ближе к рубежу перед парком, стояли «в ружье» уже больше часа, переминаясь с ноги на ногу и тихо матерясь. С них и решено было начать.

Двумя огромными змеевидными колоннами пикинерские полчища прошли через ворота Западной стены. Следом за ними к парку двинулись ополченцы числом шестьдесят пять тысяч и с ходу вступили в бой.

Через десять минут после начала этой фазы сражения Оттон поднялся на вал, пытаясь хоть что-нибудь увидеть через стекло подзорной трубы. Темнота и нагромождение деревьев не позволили ему это сделать, и командующий присел, ожидая докладов от вестовых.

Примерно в полтретьего ночи первый вестовой прибыл и доложил, что в парке оказалось большое количество вражеских солдат. Сколько – не понятно, но ясно, что их никак не меньше, чем королевских. Пикинерские колонны вошли в лес, рассеялись меж деревьев, с огромными потерями прошли сквозь первую линию сервов, стрелки которой были разбросаны по кустам, и тут же наткнулись на вторую, затем на третью, а после и на четвертую вражеские линии. Потери от рассеянного мушкетного огня оказались просто беспрецедентны, а далее последовала рукопашная контратака.

Длинные пики и тяжелые алебарды хороши на поле, в строю, когда товарищ прикрывает плечом товарища. В лесу же, когда ты бьешься почти в полной темноте, один на один, мушкет со штыком становится куда более грозным, дерзким и злым оружием. Он короче, чем пика, легче, чем алебарда, и значительно быстрее, а толстый трехгранный штык с размаха бьет пехотный нагрудник. В общем, случилось невозможное – легковооруженные пехотинцы сервов опрокинули королевскую панцерную пехоту, лучшую в мире и не знающую себе равных!

Ровно в три часа ночи в дело вступили ополченцы. Сервы снова откатились, заманивая дилетантов в лес, и расстреляли их на третьей линии из засад. Оставшихся в живых встретили в штыки.

«Похоже, – мрачно подумал Оттон, – в следующем году нужно ожидать в парке бурного роста зелени. С момента основания Бургоса так щедро его никогда не удобряли...»

В три двадцать ночи Оттон бродит в ставке, сгорая от бешенства. Он уже четко осознает, что введение войск в непредсказуемую ночную схватку было ошибкой. И в то же время прекрасно понимает, что выйти из боя, бросив застрявших в лесу, избиваемых мушкетерами ополченцев, просто невозможно – ему этого не простят.

К черту, думает он, пусть будет, что будет. Бой решит все. По приказу королевского генерала вся его армия, снявшись с лагеря, темным спрутом потянулась в парк.

И снова диспозиция сыграла с Оттоном злую шутку. Королевские войска вокруг города располагались по кольцу, а значит, у каждого формирования расстояние до места боя было разным. Вводить же свежие войска в топку сражения требовалось срочно, так что при всем желании Оттону приходилось входить в схватку не всей массой своей армии, а разрозненно и в судорожной спешке.

Тем не менее к четверем часам ночи грубая сила сделала свое дело. Гигантские королевские полчища вступили в бой в парке, повернув тяжелое колесо фортуны в свою сторону. Вскоре сопротивление трех линий мушкетеров было подавлено, а четвертая линия уставших за ночь сервских стрелков, существенно израсходовавших боезапас, держалась разве что из последних сил и на том диком кураже, который им придали первые часы схватки. Оттон уже готовился дать распоряжение о завершающей атаке и победоносном отступлении обратно в лагерь, когда его уши уловили страшный далекий гул, доносившийся со стороны парка.

Стоящие вокруг офицеры замерли, да и сам Оттон превратился, казалось, в ледяную статую. Его тренированный мозг, привыкший за столетия военных кампаний различать самые тонкие оттенки батальных звуков, с роковой неумолимостью подсказывал ему, что

именно он слышит, хотя сознание отказывалось в это верить.

– Это картауны, картауны, – зашептали за спиной офицеры, – это артиллерия!

Оттон покрылся холодной испариной. При всем своем желании он не мог ответить на огневые удары противника тем же – чтобы снять со стен и доставить на поле боя тяжелые картауны или даже более легкие кулеврины, потребуются часы, которых у него не было!

Смахнув леденящий пот, Оттон посмотрел на парк уже без подзорной трубы. Медиаз Кордис медленно загорался розовым предрассветным огнем, постепенно освещая лесное море, ставшее сегодня ночью местом кровавого побоища.

Теперь Оттон видел все.

Навесом, через стены Дуэльного парка десятки, нет, сотни огнедышащих чудовищ лупили картечью по его оробевшим полкам, столпившимся плотными массами под ветвями деревьев. Картауны, кулеврины, мортиры.

Это был разгром! Генерал схватился за голову.

– Выводите, выводите их! – в бешенстве закричал он.

Но команда повисла в воздухе. Королевская армия слишком сильно увязла в своем натиске, слишком далеко откатилась от города. Пушки били ее по всему фронту, полосуюя ряды и шеренги неумолимыми граблями из свинца и смерти. Бешено замелькали мгновенья.

Пять минут, десять, двадцать.

Десять тысяч убитых. Пятнадцать. Тридцать.

Через полчаса королевской армии более не существовало. Часть обезумевших людей бросилась в самоубийственную атаку через стену парка на истязающих их артиллеристов. Другая часть метнулась через противоположную стену на прорыв из города. Оставшиеся тысячи бойцов, развернувшись и бросая оружие, помчались обратно в свой лагерь, надеясь найти защиту за насыпями осадного периметра.

Глупцы! На их плечах, наступая на пятки, к раскрытым воротам земляного вала, пустым палаткам, к оставленным без расчетов орудиям, к осажденному городу летели мушкетеры и спешенные драгуны Армии Свободы.

Гром! Оттон развернулся. Где-то за его спиной гремели залпы и лопались гранаты – это маршал Трэйт, засевший в городе, ударил в спину остаткам королевской армии.

Командующий сел и устало откинулся на спинку услужливо подставленного адъютантом стула.

– Оставить город! – приказал он. – Периметр не удержать.

Глава 3

Священник делает ход

Долгая ночь девятого Пафира все еще продолжалась, хотя ее уже рассеивал своими призрачными лучами кровавый рассвет. Рассвет поднимался над городом вместе с утренним паром от насыщенных влагой полей, а также тем духом ужаса, что витал над отступающими оттоновскими колоннами. Остатки королевской армии, сдавленные в железных тисках Равных, в судорожной спешке все еще выходили из города. В спину им били наступающие на пятки легионы Крисса и Гора, а незащищенный бок удирающих отрядов терзал Трэйт с засевшими в Старом городе консидориями и стрелками.

Орудия лупили, не переставая, трескали дружными залпами мушкеты. Оставляя раненых, бросая награбленное добро, пушки и даже ручное оружие, королевские солдаты пробивались вон из своей столицы.

Маршал Трэйт, верховный главнокомандующий Армии Свободы, стоял на площадке одного из старинных бастионов и с высоты почти тридцать метров смотрел на унижение противника.

Там царили хаос и паника, паника и хаос!

Не хотелось бы оказаться сейчас на месте Оттона, подумал маршал. Что ни говори, а в свое время старик был хорош. Когда-то в Лавзейской библиотеке юный Мишан Трэйт, тогда

еще безусый консидорий, в краткие часы отдыха, которые позволял ему суровый дацион Черух, зачитывался воспоминаниями Оттона Великого о военных кампаниях, проведенных блестящим генералом в различных частях планеты-каверны. Мог ли он тогда даже думать, что означенный гений войны и публицистики сдаст его армии столицу Вечного королевства?..

Месяц назад, овладев Бургосом с лету, благодаря неожиданному речному десанту Бранда, и заняв восемьдесят процентов огромного средневекового мегаполиса практически без сопротивления, маршал Трэйт осадил в Старом городе остатки бавеновских полчищ.

Оба тертых вояки прекрасно осознавали бессмысленность ситуации, в которой оказались их армии. Два кольца окружения являлись стратегической глупостью, результатом которой мог стать только полный разгром запертых в Старом городе королевских отрядов – то был лишь вопрос времени. Однако Бавен оказался упорным орешком и не сдавался. Ощетинившись оставшимися в его распоряжении пушками, сенешаль Артоша изготовился к отчаянной обороне.

Тогда, желая сохранить жизни и время, Мишан Трэйт предложил Бавену пропустить королевские полки без боя. К этому широкому жесту помимо прочего прилагалась возможность сохранения вымпелов, вексилумов и знамен, ручного оружия и артиллерии, огромной казны столичной префектуры, всех запертых в городе шательенов и их семей, королевских ценностей, а также личного имущества жителей вселенской столицы.

Предложение было более чем шикарным. И выгодным обоим противникам: Трэйт получал огромный моральный куш – без единого убитого солдата он становился полным хозяином в столице рабовладельцев, а Бавен сохранял свою армию, артиллерию, казну города, его жителей и получал возможность продолжить военную кампанию, не рискуя жизнями гражданских лиц и опираясь на земли, связывающие его с королевским югом. Однако Бавена сразу арестовали и, как стало известно позже, провели через церковные нуль-порталы перед очи изверга-короля, а затем по непонятной причине зверски казнили где-то в Антийском Каскаде.

Преемником Бавена на посту командующего осажденными в Старом городе королевскими полками стал некий совершенно неизвестный Трэйту шательен с фамилией Де Люссак, новый королевский префект. В оскорбительной форме новоиспеченный главнокомандующий отверг предложения рабского маршала и, более того, – повесил прибывшего к нему с этим предложением трэйтовского посла.

Маршал взъярился, поскорбел о своем дурацки погибшем вестовом офицере, собрал штаб и велел «мочить» королевских.

Штурм Старого города обещал быть кровавым, но с технической точки зрения ни у кого сомнений не вызывал. Тяжелых картаун у сервов имелось маловато, но и тех, что были, с лихвой хватало для такой задачи. Старый город являлся, скорее, декоративным укреплением и имел в большей степени историческое, нежели фортификационное значение. К тому же за спиной у Де Люссака в Замке Дракона сидели Бранд и Сардан, существенно отвлекавшие осажденных от непосредственной обороны внешнего периметра.

Так что, сделав в стене несколько широких проломов и снеся огневыми залпами почти все куртуазные башенки этого памятника столичной архитектуры, Трэйт уже приготовился не мудрствуя лукаво покончить с несчастным королевским воинством одним могучим движением армейских подразделений, как с юга явился Оттон...

Перед лицом столь прославленного противника штурм Старого города отложили.

Из заранее запасенных материалов была живо восстановлена внешняя оборонительная стена, и тяжелые орудия перенесли на нее – для противодействия артиллерии знаменитого карракошца. Затем к городу прибыли Гор с Криссом, и идиотическая ситуация с осадными кольцами еще более усугубилась.

Трэйт дождался, пока Крисс и Гордиан укрепят свои полевые лагеря и чуть отдохнут после длительного перехода, а затем приготовился «списаться» с ними, послав вдоль берега Кобурна ночных пловцов. Задача была проста: скоординировать действия сервов и

разрешить ситуацию с четырьмя осадными кольцами в хаотической потасовке всех пяти армий. Но внезапно Гор сделал ход за него.

По мнению Трэйта, ход был рискованный, но, как показала практика, невероятно эффективный. Армия Оттона, вероятно, величайшего из когда-либо существовавших в Эшвене полководцев, улепетывала в данный момент по южному тракту, разгромленная бывшими гладиаторами рабских школ!

Все еще удивляясь таланту Гора как воеводы, Трэйт покачал седой головой.

Рядом стоял Рихмендер.

– Чистая победа, – прокомментировал его мысли старый товарищ и улыбнулся, показывая рукой на закрытый дымами город. – Если не ошибаюсь, именно так говорит барриста, когда в поединке консидориев повержен противник? Полагаю, эти слова очень подходят к данной ситуации.

Мишан Трэйт кивнул. Чистая победа, город взят. Однако почти шестьдесят тысяч оставшихся после сражения королевских солдат представляли серьезную опасность даже будучи разбросанными за пределами Бургоса. И хотя численное превосходство Армии Свободы после ночного сражения в Дуэльном парке создалось просто подавляющее, пренебрегать возможностью окончательно «примучить» вражеские отряды совсем не следовало.

– Битва не окончена, – озвучил Трэйт свои мысли. – Рихмендер, высылайте полки на перехват отступающих. Все резервы – за южную стену. Пусть отрежут Оттона от Кобурна и речной флотилии. Кроме того, мы пошлем курьера к Гордиану и Криссу, чтобы выводили своих драгун за стены парка и атаковали отступающие колонны кавалерийским порядком. Нужно добить раненую лисицу!

Трэйт развернулся и подозвал к себе вестовых.

– Господа офицеры. Ко мне!

* * *

Ранним утром семнадцатого Пафира первые лучи солнца осветили обширную долину Кобурна. Если бы одинокая птица пролетала в этот момент над рекой, она стала бы свидетелем захватывающего зрелища. С высоты птичьего полета, откуда только и можно было рассмотреть гигантскую полосу великой реки и серое пятно Бургоса, распластавшегося по земле мертвым грибным наростом, отчетливо виднелись десятки тысяч бойцов в разноцветных мундирах, марширующие по тракту и лугу. Почти шестьдесят тысяч королевских солдат разрозненными отрядами отступали на юг и на запад.

Оттон вел их к реке, ближе к спасительным водам Кобурна, где мельтешили вдоль берега корабли речной флотилии с заряженными картечью кулевринами. Он планировал укрыться в прибрежном лагере, ошестиниться штыками и под защитой судовых батарей пережить этот день. А дальше будет видно: либо удастся дожидаться новых подкреплений, либо – организованно отступить без наседающих на плечи преследователей, отступить без паники и суеты, превращающих отступающую армию в толпу перепуганных людей.

До реки оставалось всего семь километров, когда передовые колонны встали. Задние партии отступающих стали напирать на тех, кто двигался впереди, сокращая интервалы между колоннами, однако в целом организованное отступление застопорилось.

Оттон послал вперед вестового, а затем, в нетерпении, выехал сам в сопровождении штабных офицеров. То, что он увидел, заставило его грязно выругаться: из-за южной стены Бургоса выкатывались свежие, не измотанные многочасовым побоищем полчища Трэйта, намереваясь преградить его войску единственный спасительный путь.

Их было, в общем, не так уж и много, Оттон оценил заградительный отряд Равных примерно в пятнадцать тысяч человек, и в другой ситуации его войска смяли бы это ничтожное препятствие, давясь от смеха и разбрызгивая рабские потроха своими пиками и мечами. Однако сейчас, когда в спину его полкам смотрел другой настигающий враг,

препятствие это смешным не казалось. Отнюдь.

– Разворачиваемся! – снова в бешенстве заорал Оттон вестовым. – Отходим по тракту вдоль реки к Каробергу!

Команды понеслись по рядам. Измотанные боем и бессонницей колонны солдат-беглецов разворачивались на юг, на девяносто градусов в сторону от предыдущего направления. Прочь от речного лагеря и спасительной корабельной артиллерии, от древней столицы – к новой, еще не построенной.

Но опытный глаз Оттона уже видел, как на западе через проломы, сделанные минерами в низких стенах Дуэльного парка, пробираются полуэскадроны сервских драгун – не одна и не две тысячи, а много больше. Звериное чутье старого лиса вспыхнуло, обжигая грудную клетку тягостным и страшным предчувствием.

Предчувствие врать не могло: его ждал страшный и окончательный разгром.

Отступающие колонны двигались, далеко растянувшись по тракту, полки, пытающиеся маршировать вдоль дороги по полю, безнадежно отставали в этой изнурительной гонке смерти. Так что по мере продвижения остатки отступающей армии все более и более вытягивались в одну тонкую нитку, толщиной всего в пять, а то и десять шеренг.

Драгуны сервов настигали отставшие части, как волки настигают заплутавших овец, и устраивали резню. Они подлетали к центру колонны, делали залп, вольт и резким маневром безнаказанно откатывались обратно. Под этими быстрыми, точечными, но кровавыми и безжалостными ударами королевская армия все более и более превращалась в задыхающееся от страха стадо. Один за другим от нее откалывались части и люди. Кто-то погибал под картечью драгун, кто-то сдавался, а кто-то, бросая оружие, бежал в лес, наплевав на приказы командира, воинскую честь и присягу.

Собственная кавалерия, представленная двумя полными полками шательенской конницы, уцелевшей в ночном сражении, шла в начале колонны. Еще при выходе из города Оттон приказал ей защищать тылы отходящей армии, но шательены, разумеется, отказались: не барское это дело прикрывать отход пехотинцев! Но сейчас это был единственный шанс, и, не медля, Оттон вторично послал вестовых к обоим кавалерийским полкам с приказом жандармерии собраться, выдвинуться в хвост колонны и пресечь вражеские атаки.

Однако великолепные шательены, краса и гордость Эшвена, игнорировав приказ своего командующего, прищипорили коней и дружно припустили по тракту на юг, галопом, бросая оставшуюся королевскую армию на произвол судьбы.

Им вслед понеслись проклятия. Передовые пехотные колонны устремились за ними бегом, задыхаясь под тяжестью доспехов и безнадежно отставая. Предательство благородных лордов не осталось незамеченным, по рядам войск прокатилась волна негодования, возникло ощущение полной безысходности и через короткое время, как после прорыва плотины, началось паническое бегство. Сотни, нет уже тысячи бойцов, как по команде, отбрасывали в сторону оружие и разбегались как зайцы, кто в сторону от тракта, на запад к лесам, кто на восток, ближе к реке и пляжам Кобурна. В течение нескольких минут армия Оттона умерла.

Замыкающие отряды сдавались гарцующим по полю драгунам уже организованно, по команде своих офицеров. Бойцы откидывали мушкеты и пики, снимали ремни с кошкодерами, поднимали вверх усталые, пустые ладони. Рядом с Оттоном остались лишь горстка штабных офицеров, рота охранения и ближайшие батальоны, не решившиеся сдаться победителю перед очами своего прославленного командира.

Оттон снял шляпу и несколько раз обмахнулся своим пышным головным убором. Вот и все, подумал он, конец армии, конец карьере. Сдаться настигающим сервам ему не позволяла честь. Пытаться спастись практически не представлялось возможным, а кроме того, Оттон лично присутствовал на казни сенешаля Жернака и был прекрасно осведомлен о том, как именно кончил жизнь его старый товарищ Бавен. Умереть в столь почтенном возрасте с колом в зад? Нет уж, увольте.

В этот момент подскакал офицер одного из оставшихся батальонов.

– Мы ждем ваших распоряжений, мой генерал, – прокричал он прямо с коня. – Отступать далее столь незначительным контингентом смысла не имеет, нас легко настигнут и сомнут на тракте драгуны. Предлагаю занять круговую оборону и драться! Мой генерал?

Оттон печально посмотрел на офицера.

– Драгуны сомнут нас в любом случае, мой друг, – спокойно ответил он. – Бросайте оружие и сдавайтесь. Насколько мне известно, Трэйт вполне сносно обращается с военнопленными.

– Мой генерал, о чем вы? Сдаваться рабам?!

– Ну что вы, сударь, – ответил военачальник, – рабам сдадутся наши солдаты. Таким образом, мы сохраним хотя бы их несчастные жизни. Что же касается офицеров, включая вас и меня лично, то тут я не в праве отдавать какие либо распоряжения. Действуйте, как подсказет вам совесть и честь командира.

С этими словами генерал Оттон, прославленный покоритель Хайрана, лорд Самоса и герцог Риши, полный кавалер семи высших орденов королевства, Тайный советник Его величества, герой Эшвена и просто солдат вытащил пистоль и приставил к подбородку.

– Прощайте, сударь! – произнес он бодро.

Пуля прошила мозг.

* * *

Викарий не видел позорного разгрома королевской армии, поскольку почти час назад отключился от спутникового канала. Он был занят подготовкой к атаке на Бургос и считал возможным отказаться от наблюдения. Место кардинала в центральном зале занимала клерик Селена, которая на время операции должна была стать его глазами, ушами и, пожалуй, даже нюхом, если понимать под таковым не банальное обоняние, а некое подсознательное чутье на опасность. Ибо в любой силовой акции интуиция почти всегда подсказывает больше, чем видит глаз и объемлет рука.

Фиолетовая рамка вспыхнула, блеснула переливами и показала кусок плохо освещенного помещения – нижние галереи Пашкот-паласа.

Юсуф взмахнул рукой, и две тысячи клерикальных мушкетеров шеренга за шеренгой шагнули в открывшийся межпространственный проем.

Операция началась!

* * *

Все это время Мишан Трэйт по-прежнему стоял на стене в стальной кирасе и почти в полном одиночестве. Как бы сказал Гордиан Рэкс, город был «демилитаризован», то есть практически очищен от пребывания военных, в том смысле, что все солдаты, находившиеся в нем еще ночью, покинули сейчас казармы и квартиры, посты и бастионы.

«Королевские», в том числе и из Старого города, драпали ныне по тракту, а бойцы Армии Свободы наседали на них, лупя, как говорится, в хвост и в гриву. Четырех колец окружения более не существовало, и в Бургосе больше не осталось войск.

Все находившиеся в оперативном распоряжении Трэйта немногочисленные солдаты стояли сейчас рядом с ним. Точнее, на крыше бастиона он был один, а два десятка консидориев сопровождения и примерно столько же штабных офицеров разместились ниже, не смея беспокоить командующего в минуту размышлений.

Трэйт бросил взгляд вверх, на белесые облака и яркий диск светила, блистающего в сердцевине небесного свода, и расстегнул ставший удушливым ворот камзола.

Битва закончена, от его решений более ничего уже не зависит. Еще час – и охота за отступающими королевскими частями завершится, а к вечеру выловят всех королевских солдат, пустившихся в бега поодиночке. Полки Равных вернутся в Бургос, можно будет дать отдых войску, да и самому поспать – все-таки три дня без сна это слишком даже для его не

пробиваемого никакими недугами организма.

В этот момент в воздухе резко прозвучали выстрелы. Сначала Мишан даже не придал им значения, поскольку за последние двенадцать часов ухо уже привыкло к беспрестанному визжанию картечи, пороховому грому и реву пронзающих воздух ядер. Но сейчас выстрелы звучали слишком близко.

Трэйт подошел к противоположному бортику бастиона и посмотрел поверх кирпичных зубцов на происходящее внизу. На его скулах заиграли желваки: там, внизу, сотни стрелков в серых мундирах клерикальных полков расстреливали его охрану.

«Чистая победа?» – усмехнулся маршал.

Похоже, придется посорить.

* * *

Грянул залп!

Двадцать консидориев, скупающих у входа в бастион, ставший на последние пять часов резиденцией Трэйта, умерли мгновенно, не успев даже взяться за оружие. Серая масса клерикальных мушкетеров в угрюмых шинелях и войлочных колпаках, перекрывая все пространство от ближайших домов до городских стен, к линии которых примыкала каменная туша бастиона, устремилась навстречу своей цели.

Викарий приказал им взять маршала и убить остальных. И они убивали! Разместившиеся на первых этажах беззащитные штабные офицеры, картографы, советники и вестовые, умерли разом, пронзенные штыками. Пытавшиеся огрызаться из пистолей адъютанты маршала распластались по полу, превращенные в решето мелкой мушкетной картечью. Рихмендер пал, сраженный пулей, поразившей худощавого старика в грудь и руку, поднятую им для защиты от убийственного свинца.

Наверху оставались лишь двое. Бывший призовой консидорий, чемпион боссонских авеналий, а ныне brave сервский полковник Дакер и сам легендарный маршал Трэйт на крыше этой маленькой и уже павшей крепости.

Уже павшей? Ну нет!

Предпоследний этаж. Выстрел. Первый же клерикал вылетел обратно в дверной проем с головой, простреленной пистолетной пулей.

Дакер встал здесь и оказался страшным противником!

Прежде чем избежавшая по лестнице толпа мушкетеров настигла его, он бросился к ним сам, отбросив в сторону разряженный пистоль, метнулся в самую гущу и начал работать мечом.

Так, как это делают в Дуэльной школе!

Раз, два, три! Укол, плавно переходящий в разящий удар наотмашь, змеиное движение кистью, отскок, отсеченная голова, разрезанные к чертям потроха и вспоротое горло!

Класс Лавзейской дуэльной школы явил тут себя во всем своем ужасающем совершенстве. Прежде чем кто-то из дальних рядов свалил блестящего консидория из мушкета, он положил пятерых, сильно порезал двоих и отсек голеностоп еще одному. Затем его, уже раненного, толпа сбила с ног прикладами и затоптала. Но даже после того как Дакер затих, клерикалы продолжали разить его штыками, не веря, что такое смертоносное и фантастически быстрое создание можно убить. Наконец, церковники остановились на незримое мгновение, чтобы оценить силу поверженного противника, воздать ему дань уважения и ужаснуться.

Один к восьми. Точнее – один с мечом к восьми с мушкетами.

То был зверский расклад!

Наконец, отбросив тело в сторону, клерикалы двинулись дальше.

Наученные горьким опытом предыдущей встречи, мушкетеры двигались вперед осторожно, стараясь не лезть на рожон. В конце концов маршала им нужно взять живым, а это значит, что мушкетные залпы им тут не помогут, придется не стрелять, а сражаться.

Сотня штыков против единственного меча консидория! Силы не равны, но кто первый рискнет, судари, кто первый?

Трэйт не стал размениваться на мелочи типа игр с мечами. Он подождал, пока этаж заполнится людьми, и просто вышел к толпе из-за угла с двумя бомбардами под мышками каждой руки. Стволы были заряжены картечью.

Он дал залп с бедра и отбросил обе бомбарды. Свинцовые дробины, вылетев сквозь широкие раструбы бомбард, прошили воздух и разметали тела вбежавших в комнату бойцов кровавыми ошметками по стенам и потолку. Остальные бросились врассыпную, скрывшись за дверными косяками и мебелью. Отстрелявшись, Трэйт мигом укрылся за спасительным углом, и запоздалые мушкетные пули с дальних рядов, просвистев мимо, воткнулись в стену. Трэйт улыбнулся. Щенки!

Вытащив гранату и отсчитав пару секунд, он не глядя метнул ее через коридор в дверной проем, за которым укрылись оставшиеся клерикалы. Прогремел взрыв и коридор с комнатой заполнились стонами раненых и изуродованных бойцов. И пороховым дымом.

Не дожидаясь ответа, Трэйт вскочил и с двумя пистолями за поясом, а также с парой мушкетов в руках припустил в надстройку бастиона. Клерикалы же, пораженные упорством единственного оборонявшегося, замешкались. Прошла, как минимум, минута, прежде чем с нижнего этажа новые бойцы решились подтянуться к коридору, в котором валялись, по меньшей мере, пятнадцать трупов их товарищей. Наконец, забросав коридор гранатами, они вошли внутрь и, не глядя на кровавые останки соратников и сдерживая рвоту, двинулись за Трэйтом.

Два наиболее храбрых и отчаянных головореза из числа церковников-мушкетеров шли медленно, плечом к плечу, нацелив стволы ружей и взгляд напряженных глаз на узкий проем ведущей на крышу двери-люка – она осталась приоткрытой. Солнечный свет пробивался тонкими струйками через узкую щель и пару небольших отверстий прямо над их головой чуть левее и соответственно чуть правее двери. Интересно, для чего они, эти маленькие бойницы? Может быть, вентиляция?

Неожиданно нечто темное выпорхнуло из ближайшего отверстия и бухнулось им на ботфорты, вертясь и искря фитилем. Бойцы лишь глянули друг на друга и истошно завопили от ужаса. Это стало последним, что они видели в жизни – испуганные глаза товарища и граната, шипящая под ногами.

* * *

Викарий подъехал к бастиону с точно рассчитанным им самим опозданием ровно в двадцать минут. За это время внезапный штурм и горячая схватка должны были подойти к завершению, однако, как выяснилось, не подошли. Засевший в надстройке бастиона маршал заблокировал дверь, привалил ее одним из имевшихся на этаже орудий и эффективно пресекал все попытки атакующих взять его штурмом. Маленькие бойницы, сделанные справа и слева от дверных проемов специально на этот случай, давали ублюдочному серву прекрасную возможность палить по стоящим на лестнице людям, не подвергая себя при этом особой опасности.

Если бы в распоряжении викария имелся его верный спецназ или хотя бы обычные морские пехотинцы королевского флота, можно было бы попытаться подняться по почти отвесным стенам крепости на крючьях и веревках и ворваться внутрь через окна, одновременно с нескольких сторон. Однако клерикалы для этого не годились – что с них возьмешь? Они всего лишь полевая солдатня, полные ничтожества.

Викарий отстранил в сторону майора в сером мышинном мундире, командовавшего штурмом и сейчас что-то тараторившего ему. А затем сделал раздраженный жест рукой – помолчи. Задумчивым взглядом он осмотрел бастион, оценил ветер и вновь подозвал офицера:

– Вот что, милейший, отведите большую часть своих людей подальше, скажем, на

противоположные улицы. Хотя нет, на всякий случай, оставьте мне один взвод на нижнем этаже. Далее мне нужны от вас четверо наиболее крепких парней с хорошим здоровьем и покрупнее. Для них – вот это...

Он раскрыл небольшой подсумок, висящий у него через плечо.

– Пусть наденут на лица. Надевается вещьца вот так, а потом вот так... – Викарий показал. – Все довольно просто. Понятно?

Майор обомлел:

– А что это, сэр?

– Противогазы, сударь, если вы понимаете, о чем я. Это спецсредства из арсенала Господа Хепри.

Майор задохнулся:

– Но как возможно?! Магическое оружие под строжайшим запретом, только спецназ имеет право...

Викарий презрительно посмотрел на клерикала.

– Да, только спецназ, – сказал он. – А еще я.

Не торопясь, он достал из подсумка гранатомет, двумя движениями собрал его, один за другим вставил в оружие восемь забавных зелено-фиолетовых вещиц, напомнимших клерикальному офицеру недозревшие плоды лимона. Потом надел на лицо собственный противогаз, застегнул молнии костюма химзащиты, надетого под мундир, натянул перчатки и передернул затвор.

– Четверо с противогазами поднимаются за мной, – пробурчал он из-под резиновой маски, – остальной взвод перекрывает подножие бастиона. Все прочие пусть засядут в домах через улицу. И да, командир, посадите их с наветренной стороны, это важно!

Один за другим странные незнакомые заряды влетели в окна бастиона, со звоном выбивая стекла и заполняя помещения густым тягучим желтым дымом.

Викарий вспомнил инструкцию: «Использование химзащиты обязательно».

Он усмехнулся: у вас она есть, мастер Трэйт?

* * *

Спустя час к опустевшему зданию бастиона подоспели вооруженные протазанами расчеты артиллеристов из Дуэльного парка. Еще через тридцать минут подскружили Крисс с тысячьо конных драгун и Гордиан с двумя десятками верховых сопровождения. Бесчисленные мушкетерские роты и батальоны консидориев спешили к месту побоища пешком, задыхаясь от бега.

Гордиан и Крисс спешили первыми, выпрыгнув из седел чуть ли не на ходу и вбежали в здание. Повсюду висел удушающий запах газа, выветрившегося уже до безопасного состояния, но оставившего свои «ароматные» следы в воздухе маленькой цитадели.

К ним навстречу, опираясь единственной целой рукой на поддерживающего его артиллериста, развернулся и даже привстал Рихмендер, постаревший казалось еще на десяток лет. На правой руке, в том месте, где у человека обычно бывает кисть, у него болтался разможенный окровавленный веник с торчащими наружу костями и кое-как перебинтованный обрывком грязной рубахи. Очевидно, старый командир испытывал страшную боль, но на лице его не дрожал даже мускул. Он подошел к Фехтовальщику и схватил его здоровой рукой за грудки.

– Трэйт схвачен! – прохрипел он. – Трэйт! Схвачен!!!

Глава 4

Сделка лжецов

Республика была обезглавлена. У нее вырвали сердце, вырезали печень, выжгли мозг и

глаза!

Однако, если использовать ту же аналогию, руки, точнее кулаки, у Армии Равных еще оставались. У победоносных полков, с ходу взявших грозную столицу Королевства рабовладельцев, остались полевые полковники, колонели, и хотя связующей их силы, единого разума, заключенного в простом крестьянском лице их непобедимого седого командира не было, все военачальники армии горели решимостью вернуть Трэйта в строй!

Трэйт схвачен. Трэйт схвачен!

По каменной брусчатке древнего города топали две тысячи консидориев. Их подбитые железными гвоздями ботфорты выбивали четкую дробь по булыжникам мостовой. Закованные в латы лавзейцы смотрели на молчаливые стены старинных домов грозным взором из-под надвинутых шлемов. За ними семенил едва ли не весь стрелковый корпус, артиллеристы и мушкетеры, почти пять тысяч человек с мушкетами наперевес и обнаженными кошкодерами.

Впереди всей этой молчаливой железной массы, сжимая в руках оружие, выступали Бранд Овальд и Гордиан Рэкс.

Бранд шел, взирая на всех с высоты своего нешуточного роста и свирепо вращая глазами. В руках он сжимал огромный, почти мясницкий топор, устрашающий одним своим видом. Рядом с великаном, шагая более часто, чтобы поспевать за своим длинноногим товарищем, но с таким же решительным видом, бесшумно и быстро, как кошка на ночной охоте, двигался Гор Фехтовальщик. Пророк и Апостол. Маленький юный уродец с конопатой рожей. Мушкет за спиной. На поясе пистолеты. В портупее шпага. Руки сжаты в кулаки. В сердце каждого, кто шел сейчас за ними по узким улочкам замершего в испуге города, kloкотала ярость.

Трэйт схвачен. Трэйт! Схвачен!

Немногочисленные пешеходы, попадавшиеся в этот час на пути, поспешно отскакивали к стенам домов, стараясь вжаться в кирпичную кладку, или же резво убегали, чтобы не столкнуться с марширующими солдатскими рядами. Озлобленность сервов, казалось, была материальной и, как волна, бежала впереди молчаливых колонн, спешащих к центру Старого города. Два или три раза дорогу консидориям перегораживали посты, поставленные командованием Армии Свободы. Однако, увидев впереди закованной в латы массы знакомых каждому вождей восстания – а Бранд и Гордиан пользовались известной славой в рядах собратьев по оружию, – постовые расходились, убирая свои алебарды и мушкеты подальше и отступая к стенам подобно обычным пешеходам. Тех же, кто осмеливался не то что препятствовать, а хотя бы просто задавать вопросы, Бранд отпихивал могучим плечом в сторону и шагал дальше, не обращая внимания на протесты и ругань. Сопrotивляться разъяренному великану не смел никто.

Трэйт схвачен. Трэйт!! Схвачен!!!

Наконец железнобокие консидории и серомундирные мушкетеры, вынырнув из узких уличных проходов с разных сторон, подошли к площади Пашкот-паласа и замерли, напряженно вглядываясь в башни и анфилады старинного дворца. Бойцы в нетерпении теребили оружие, готовые ко всему. Сердце ненавистного королевства рабовладельцев было окружено солдатами рабской армии – их ненавистью и оружием.

И все же ненависть не являлась в этой огромной закованной в латы или увешанной огнестрельными пукалками толпе каким-то всеохватывающим чувством. Во время движения по улицам города, несмотря на свой грозный, убийственный вид, дьявольское сверканье глаз и клокочущую в сердце ярость, уроженец Нуль-Корпорации, мистер Гордиан Оливиан Рэкс, в отличие от большинства своих более примитивных спутников, старался не только до боли в ногтях сжимать рукоять шпаги, но и анализировать ситуацию. Постепенно он заставил себя сдерживать эмоции, успокоить бешеный темперамент, присущий, по всей видимости, не столько трехсотшестидесятилетнему разуму демиурга, сколько его юному телу.

И результаты в его мозгу не замедлили появиться. В Апостольской церкви, размышлял Гор, работали, по всей видимости, неплохие аналитики. После захвата в плен главы курии

кто-то из них «просчитал» его с Трэйтом. Изучил, разложил по полочкам все стремления и мотивы, а затем сделал единственно верный ход! Расчетливый, необычайно ничтожный, почти что точечный укол и ...потому поражающий своей эффективностью. Торговаться с храмовниками, тыкая их носом в плененного кардинала, теперь стало невозможно, и задумка Гордиана, на которую он возлагал столько надежд и которой посвятил столько времени, размышляя зябкими вечерами на коротких стоянках, похоже, летела ко всем чертям.

«Итак, — подумал бывший демиург, — есть Трэйт и есть кардинал. Ну что же, посмотрим...»

Не медля далее, рабский полковник вышел вперед, чуть дальше, чем стоящие вокруг бойцы, но в то же время не сильно высовываясь из общей массы. Он сосредоточился, стараясь отвлечься от постороннего шума и движения тысяч тел. Картинка окружающего мира привычно сдвинулась. Изображение заиграло, дернулось и превратилось наконец в подобие двух отменного качества слайдов, наложенных друг на друга. На одном по-прежнему виднелись грозные солдаты в доспехах и без, а также красивый старинный дворец, а на другом...

Пашкот-палас окружало тонкое, едва различимое фиолетовое сияние с четко очерченной границей — так сверкало силовое поле. Незримая, почти невидимая даже для нарождающегося *Тшеди*, но при этом незыблемая и несокрушимая материальным оружием стена отделяла его от последних врагов восстания в древней и великой столице. Ну, с Богом, сказал он себе. С тем, который Иешуа, конечно, а не Хепри.

Гор подал знак, и Никий с одним из стрелков вывели из рядов сервов связанного по рукам кардинала.

Амир стоял на ногах, но при этом шатался словно пьяный. Голова его болталась из стороны в сторону, а по подбородку стекала слюна.

Гордиан отступил снова в толпу солдат и там, уже невидимый для гипотетического наблюдателя в Пашкот-паласе, опустился на землю. Он сел в традиционную для медитации позу «лотоса» и медленно потянулся к спящему мозгу Амира. Мысленно коснулся входного отверстия шунта и рухнул вниз, в самый центр «я» пленника.

Секунда. Две. Веки Амира медленно разлепились, и Гор посмотрел на мир глазами кардинала. Как всегда после проникновения, Гордиан испытывал легкое головокружение. Это сказывалась разница в общих физиологических параметрах у него и у Амира, но через несколько минут все должно было пройти.

Гордиан сделал шаг, другой, привыкая к новой оболочке. Повернулся и скользнул взглядом сквозь ряд солдат по застывшему без сознания собственному телу. Все хорошо.

В этот момент из рядов вышли старшие офицеры — Бранд и Крисс. Они подхватили его, стараясь держать так, как держат пленника. Бранд взял Гордиана (точнее, тело Амира) за шею и приставил к его виску заряженный пистоль. Крисс же, габеларская рожа, отработанным приемом заломил пленнику руку и железной хваткой вцепился в плечо. В такой связке они и прошли к воротам древнего дворца и остановились прямо перед закрытыми створками.

Разумеется, за ними наблюдали.

Чугунные решетки ворот, украшенные замысловатым литьем, имели забавные витые загогулины внутри вензелей и орнаментов. Две из них медленно и почти незаметно для глаза вертелись из стороны в сторону, поблескивая красной точкой оптического зрачка. Видеокамеры, понял Гордиан. Две на воротах, две чуть дальше на ближайших секциях забора и дальше — раз, два, три, — он насчитал, по меньшей мере, еще восемь скрытых камер, после чего бросил это занятие. Судя по всему, видеонаблюдение велось по всему периметру ограды. Может, разбить ближайшие из мушкетов? Пожалуй, нет, мерцающая стена силового поля проходит прямо перед створками. Да и не стоит разговор начинать со стрельбы, по крайней мере, нам. Лишь бы с той стороны палить не начали.

— А не шмальнут ли в нас, а, Гордиан? — Бранд, видимо, подумал почти о том же самом. — Стоим ведь голые посреди площади. Свинцом в лоб — милое дело.

Фехтовальщик дернул щекой – вот бы кто ему на такой вопрос ответил!

– Не знаю, – сказал он вслух, – но надеюсь, что стрелять не станут. Видишь вон те узоры в чугунном литье? Да, те, с красной точкой. Они медленно шевелятся. Это их глаза. Они видят нас и видят лицо своего кардинала и твой пистоль у моего виска.

Бранд посмотрел на пистоль нехорошим взглядом.

– Странно мне все это. Ты вроде – а вроде и кардинал! Ненавижу эту рожу. Так что не обессудь, если я тебе в этом теле полбашки снесу.

– Да ну, какие обиды, – попытался пошутить бывший демиург, – полбашки твои. Сноси на здоровье.

– А не заткнуться ли вам обоим? – прошипел Крисс. – Юмористы хреновы! Похоже, к нам делегаты с той стороны забора.

Действительно, из резных дверей в главном фасаде здания вышли три человека, один из которых носил традиционное церковное одеяние – длинный черный камзол с поднятым коротким воротничком и маленькой серебряной пекторалью на шее, а двое других в военной гвардейской форме.

Церковник был высок и строен, хорош лицом и вообще имел вид, необычайно благолепный, хотя и несколько бледный. Именно людей с подобным обликом всегда рисует воображение, если представляешь себе служителя церкви. Гордиан усмехнулся и мысленно одернул себя. Местная богадельня менее всего, по его мнению, попадала под понятие «церкви» и, скорее, являла собой пример отлаженного коммерческого предприятия, промышлявшего в числе прочего производством оружия и рабов. Так что перед ним не «отец», не «падре», а всего лишь топ-менеджер враждебной организации.

«Топ-менеджер» вышел вперед, подойдя вплотную к незримой силовой линии, отделявшей дворец от остального мира.

– Ваше преосвященство? – спросил он, внимательно глядя в лицо Гору-Амиру.

Тот молча зыркнул в сторону схватившего его Бранда. Бранд засопел, сильнее надавил дулом на висок Гордиана и ... ничего не сказал. Только железной хваткой вцепился в шею пленника, да так что тот рефлекторно поморщился от боли и от досады на товарища: вот же дубина, двух слов связать не может!

– Им нужен Трэйт, – сказал Гордиан, стараясь хрипеть и говорить как можно более подавленным голосом, чтобы собеседник не уловил изменившейся манеры речи у мнимого первосвященника и его оригинала. – Отдайте им маршала и меня отпустят.

Церковник еще внимательнее вгляделся в Гордиана, одновременно прислушиваясь к какому-то сообщению, явно прозвучавшему в этот момент у него в шунте, и медленно покивал головой:

– Обмен возможен. Но нам нужен кардинал, а не то, что я вижу перед собой. У меня есть средства, которые позволяют думать, что передо мной не Его преосвященство. Вы ведь не Амир, не так ли?

Это был критический момент. Гор понял, что у церковника, очевидно, имеются приборы, снимающие ментальные спектры людей, и то, что там можно увидеть, кардинально отличается от того, как выглядит спектр кардинала Амира.

Гор почувствовал, как напряглись руки гвардейцев, стоящих за спиной церковника, как легла на рукоять сабли ладонь Крисса, и собственным виском ощутил, как Бранд притер палец к спусковому крючку прижатого пистолета. В этот момент Фехтовальщик внезапно и вполне отчетливо осознал, что через мгновение вместо шести крепких, здоровых мужчин перед воротами может оказаться шесть крепких, «здоровых» трупов.

– Спокойно! – воскликнул он, осторожным движением отвел пистолет Бранда от своей головы и затем вывернулся из рук своих спутников.

Встряхнулся, улыбнулся, поднял руки и посмотрел в глаза собеседнику, мнение которого в этой ситуации было решающим.

– Да, я – не Амир, – просто заявил Гор.

Церковник улыбнулся краем рта. Его рука лежала на поясе, а за поясом был пистолет.

Все висело на волоске.

– И?..

– И я предлагаю вам его, вашего кардинала! Тело, которое вы видите перед собой, это тело Амира, в нем заключена его личность. Сознание кардинала подавлено. Если в этот момент тело Амира погибнет, его «я» умрет навсегда.

Церковник покачал головой:

– Это невозможно. Аппаратура, отслеживающая души погибших в Эшвене, стара как мир и сбоев не дает никогда. Если тело убить, Его преосвященство очнется в новой оболочке в своем дворце. – Он показал большим пальцем назад. – Именно здесь, в Пашкот-паласе, в покоях верхнего этажа.

– Отлично! Но насколько вы уверены в этом? – продолжил Гордиан. – Аппаратура воскрешения не давала сбоев ни разу. Замечательная статистика! А сколько раз сознание Его преосвященства оказывалось подавлено сильным медиумом и сколько раз в его тело вселялся «чужой»? Опять же сколько именно раз вы видели свечение ауры, подобное моему? Один раз? Два? Может быть, три? – Гор сделал шаг вперед, и под его напором враг-собеседник неожиданно для себя отступил на тот же шаг назад. Гор же буквально рокотал, а не произносил слова: – Ты не знаешь этого! Но я – знаю! Стоит мне нанести этому телу смертельный удар и твой босс сдохнет, как последний серв, не имеющий шунта. Вот так!

Гор сделал быстрое движение. Его и церковника отделяло всего двадцать или тридцать сантиметров друг от друга, и он решил подавить решимость собеседника еще одним доводом, мелким, но всегда производящим впечатление – ловкостью фехтовальщика. Рука потянулась к поясу врага, чтобы выдернуть оттуда чужой пистолет и приставить к его же животу.

Но, к своему стыду, он начисто забыл про силовое поле.

Треск! Искры! Незримая стена, все это время отделявшая двух людей, сработала как надо. Короткий разряд пробежал сквозь присвоенное тело кардинала и ушел в землю, унося с собой мысли и контроль над собой. Мир красочно распался на пазлы и собрался вновь, но уже с другого ракурса – Гор, хрипя, лежал на земле у ног Бранда и Крисса.

Церковник ухмыльнулся.

– Возможно, вы правы, – спокойно сказал он, глядя на Гордиана сверху вниз, – эта сделка выглядит разумной. В конце концов, мы меняем Его преосвященство «всего лишь» на бунтовщика, который и так рано или поздно будет пойман. Так что рисковать, убив сейчас занятое вами тело, смысла нет. Вставайте. Кстати, с кем имею честь?

Гор с трудом поднялся, опираясь на руку Бранда. Его трясло мелкой дрожью и сильно тошнило. Как глупо!

– Командующий стрелковым корпусом Армии Свободы полковник Гордиан Рэкс, по прозвищу Фехтовальщик. Он же – Ракир-Жало, Апостол Свободы, Тринадцатый пророк и прочая и прочая. А вы кто?

– Али Юсуф, викарий кардинала.

* * *

Когда спустя двадцать минут Гор, Бранд и Крисс вернулись к своим, старшие офицеры бросились к ним с расспросами. Но Гордиан поднял руку, и все замолчали. Ничего еще не было решено, нечего было и говорить об этом. Решать предстояло троим – именно Гору, Бранду и Криссу, поскольку после пленения Трэйта в силу отсутствия при армии Сабина и ранения Рихмендера старшими в гарнизоне захваченной столицы, да и вообще в армии, за исключением Вордрика Аймена, оставшегося в Бронвене, стали именно они.

– И что, ты думаешь, ему можно верить? – спросил Бранд, как только они оказались одни в небольшой бакалейной лавке напротив Пашкот-паласа, приспособленной под оперативный штаб переговорщиков.

– Я слышал то же, что и ты, старина, – ответил только что «переодевшийся» Гор, кидая

шляпу на стол, – понятия не имею.

Он задумчиво посмотрел на лежавшее на легкой кушетке тело Амира, мозг которого он только что оставил, вернувшись в собственный.

– Скажу одно: менять кардинала только на Трэйта мы не должны. Его преосвященство – слишком значительная фигура для всего королевства.

– А Трэйт что же? Он, по-твоему, меньше стоит, чем этот мешок дерьма? Наш маршал – герой, вождь восстания! А этот... да даже слов нет ругательных, чтобы описать, какая это гнида.

– Зато есть обычные слова, Бранд. Амир – это глава Бургосской курии. Сиречь – глава всей эшвенской церкви. Первый здесь после Господа Хепри, к тому же бессмертный. Ты можешь себе представить, как бессмертное существо должно дорожить своей жизнью? Это должна быть для него абсолютная ценность. Превыше долга, чести, превыше Родины, семьи, любимой женщины, превыше вообще всего. И у нас есть шанс сыграть на этом!

– И что ты предлагаешь?

– Не знаю пока. Можно попытаться провести этого церковного прихвостня: взять Трэйта и не отдавать кардинала. А потом потребовать еще... уж не знаю чего. Снять ошейники со всех сервов на планете, например. Передать нам оборудование синтеза храмов. Да что угодно!

– Звучит заманчиво. Да только реально ли это? Викарий, сдается мне, не дурак.

Фехтовальщик вздохнул:

– Он, конечно, не дурак, но ведь и не медиум, как я, верно? Надо пробовать.

Гор опустил голову, и Бранд глянул на Крисса.

– А габелары чего молчат? – спросил он. – А, голова вертухайская?

– Гордиан прав, – задумчиво сказал Крисс, как всегда, ничуть не обиженный. – В смысле, нужно торговаться. Но обманывать его – я против. Лучше прямо предложить. Он должен понять, если хочет вернуть господина.

– А хочет ли?

Крисс ухмыльнулся:

– Откуда ж я знаю? Надо пробовать!

Через полчаса они снова вышли на площадь.

– Слышь, Гордиан, – поинтересовался Бранд, – и что, Амир действительно умрет, если я убью это тело?

Тот пожал плечами:

– Думаю, да. Я держу его сознание под контролем. Оно сейчас подавлено и не сопротивляется. Вопрос лишь в том, что мне придется удерживать его сознание в его мозге в сам момент смерти. Это всего несколько секунд, может быть, минута. Но минута – это все же время, и в течение этого времени я буду совершенно беззащитен. Собственно поэтому я и оставил свое тело там, на расстоянии, за рядами своих мушкетеров. Когда я внутри Амира, я удерживаю его сознание в мозге автоматически. Поэтому, если его тело начнет умирать вследствие, допустим, колотой раны в сердце, то начнет умирать и его личность, подавленная моим сознанием. Аппаратура воскрешения в Храмах просто не сможет эту личность зафиксировать. Когда же мозг кардинала умрет, мое «я» также исчезнет внутри него и я автоматически очнусь в своем теле. Понятно объясняю?

– Вообще-то не очень. Короче, он сдохнет?

– Короче, да.

Они подошли к воротам почти в той же сцепке – Гор в теле Амира, Бранд за ним с пистолетом у кардинальского виска, а Крисс чуть сзади также с пистолетами за поясом и шпагой в ножнах.

Их уже ждал Али Юсуф.

– Пока его преосвященство не слышит, – начал он, – скажу, что мне очень необычно видеть непосредственное начальство в таком пикантном положении. Надо же, как он плохо выглядит! Надеюсь, вы не пытали его и вообще не чинили вреда?

– Только тот, который был минимально необходим, сударь, – ответил на вопрос Гордиан, поминая давешний молоток и его воздействие на пальцы Его высокопреосвященства. – Ему, видите ли, кирпичи на руку упали в момент, э-э... задержания. С крыши, от взрыва.

– Ну-ну. И что вы решили, господа, по поводу моего предложения?

– Будем меняться, – улыбнулся бывший демиург.

– Отлично! Тогда еще раз повторим условия...

– А условия, знаешь ли, несколько меняются! – решительно встрял Бранд. – Во-первых, гвардейцев твоих пленных мы отдавать не будем, хватит и одного кардинала. Если хочешь, можем их потом на сервов каких-нибудь поменять. Это, значит, раз. Во-вторых, кроме маршала Трэйта, мы хотели бы получить оборудование синтеза для организации собственной фабрики по производству оружия, боеприпасов и продовольствия. Это, значит, два. И, наконец, вы должны дезактивировать все рабские ошейники, какие только у вас в церкви есть. Дашь свободу всем сервам! Это все.

Викарий несколько секунд смотрел на Бранда, потом тихонько рассмеялся в кулачок.

– Очень скромно, – сказал он наконец, – но главное, смешно. И вы действительно решили, что мы освободим всех рабов Эшвена? Я еще согласен подумать на счет пленных гвардейцев, но оборудование синтеза и все ошейники – это через край!

– Как знаете, сударь, но это наши условия. Быть может, вам нужен перерыв, чтобы их обдумать? Обсудить с кем-нибудь?

– Обсуждать мне нечего и не с кем, господа. В церкви, если вы забыли, установлена система единоначалия. Старше меня – только кардинал, – тут он довольно неуважительно показал подбородком на тело Его преосвященства, временно занимаемое сознанием Гора, – а все остальные в Бургосской курии – ниже. Так что советоваться мне не с кем.

– Отлично! – передразнил тон викария Гордиан. – Тогда скорее соглашайтесь, и мы немедленно вернем вам ваше «непосредственное начальство».

Юсуф молчал. Гору показалось, что его лицо сделалось более внимательным, хотя вроде бы и не меняло своего выражения. Прошла минута, и наконец викарий сказал:

– А почему вы решили, что можете ставить мне условия? Что если я сейчас выведу вашего маршала и пристрелю его у вас на глазах? А потом велю дать залп собственно по вам?

– Вы молчали почти минуту, сударь, прежде чем сказать нам это, – радостно возразил Гордиан, – и я полагаю, что все сказанное – блеф. Вы не станете ни казнить маршала, ни стрелять по нам. Ведь здесь кардинал.

– Черта с два! – Юсуф приложил указательный палец к черной точке мобильного телефона, закрепленной внутри правой ушной раковины, и ритмично нажал, вводя пин-код.

– Заключенного ко мне! – уверенно приказал он, однако от Гора не ускользнуло, как легонько дрогнул его голос.

Вскоре пара молодых вывела из здания маршала Трэйта в изодранном мундире. Командир выглядел несколько потерянно, возможно, от непрошедшего еще химического отравления, но ни кровоподтеков, ни синяков Гордиан на нем не заметил.

Трэйта повалили на колени прямо перед ними. Их разделяла всего пара метров и... непроницаемое силовое поле – не достать.

Викарий вытащил из-за пояса пистолет и взвел курок. Брови Гордиана медленно поднялись вверх: в отличие от прошлого раза в руках у Юсуфа находился не пистоль, а именно пистолет, точнее – барабанный револьвер вполне стандартной конструкции. Пока оружие оставалось в кобуре на поясе, Гор не мог отличить его от привычных кремневых пистолей, поскольку рукоять револьвера была сильно изогнута и отделана резной костью. Однако сейчас различия стали очевидны.

– Ого! – сказал Гор, показывая на револьвер. – Интересная штукавина.

Викарий, собравшийся приставить оружие к темени Трэйта, остановил движение.

– Это оружие знакомо вам, сударь?!

– Представьте себе, да!

– Похоже, вы еще более загадочный человек, чем я думал...

– Похоже!

– Но это не меняет расклада. – Юсуф все же приставил револьвер к голове маршала. – Мое окончательное предложение таково: меняем Трэйта на Его преосвященство. Гвардейцы пока остаются у вас. В качестве бонуса предлагаю в дополнение к вашему предводителю четыре аппарата для синтеза промышленных изделий. Сможете делать ядра для пушек, пули и мушкеты. Ну и прочую дрянь. Орудия лить не сможете. Большого дать не могу, поскольку в Пашкот-паласе всего четыре аппарата, а разукomплектовывать для вас оборудование храмов Хепри я не стану. Как выражается ваш разговорчивый друг, – викарий кивнул на Бранда, – это все. Согласны?

Троица переглянулась. Барабанный пистолет у затылка маршала выглядел весьма красноречиво. Почти так же, как кремневый пистоль с картечью у виска кардинала. Кто его знает, этого церковника, вдруг ему и вправду плевать на «непосредственное начальство»?

– Согласны, – кивнул Гордиан. – Как будем меняться?

– Да очень просто. Силовое поле открывается посекционно. Пространство ворот – это отдельная секция. Я отключу поле здесь, но по периметру оставлю. Трэйт пройдет через ворота к вам, а Его преосвященство – ко мне.

– А аппараты?

– Их вам вынесут. Пригласите шестнадцать носильщиков, чтобы можно было дотащить технику к вам. Сначала заберете аппараты, потом обменяемся пленниками. Но пусть они будут без оружия. И вы трое также приходите на обмен без оружия. Только кинжалы, чтобы было, что приставить к горлу заложников. Ни пистолетов, ни мечей. Я знаю, что все вы – бывшие консидории, и я не хочу здесь бойни. Годится?

– Пожалуй. Если условие об оружии распространяется и на вашу сторону.

– Разумеется. Только кинжалы.

– Ну и отлично. Так я зову носильщиков?

Викарий покачал головой.

– Нет-нет, – заявил он, – встречаемся через час. Мне понадобится время, чтобы демонтировать аппараты во дворце.

– По рукам!

Они вернулись в бакалейную лавку и стали совещаться дальше.

– Он лжец, – заявил Гордиан, – я хорошо рассмотрел линии силового поля, пока мы там болтались. Оно имеет одностороннюю структуру!

– Не понял, – удивился Бранд. – Что это значит?

– Это значит, что если стрелять будут с «той стороны», то пули и энергетические лучи пройдут сквозь него. А если стрелять будем мы – пули срикошетят или сгорят.

– Круто!

– Круто не только это, Бранд. Ты видел турели на крыше здания?

– Что видел?!

– Маленькие, стянутые друг с другом трубки на треногах, по шесть штук в связке, с отверстиями. Не видел? Так вот, они там есть. Это крупнокалиберные пулеметы. Нечто вроде сверхбыстрого самозаряжающегося мушкета. Дальность боя – наверняка свыше тысячи метров. Это значит, что если викарий захочет, он расстреляет всех, кто есть на площади. Всех наших солдат. Я не помню данных по скорострельности именно этой модели, но что-то подсказывает мне, что она выкосит всех наших бойцов минут за пять—десять. Когда-то я смотрел старый фильм про концентрационные лагеря, так вот там, для того чтобы в случае бунта перестрелять всех заключенных, достаточно было десяти башен и десяти пулеметчиков на них. А во дворце их больше, чем десять, и все автоматические, без стрелков.

– Да ну, брось, Гордиан, где ты видел такие скорострельные мушкеты, да еще стреляющие сами по себе?!

Гор чертыхнулся, подошел Бранду и схватил его за отворот мундира:

– Они стоят на крыше дворца, Бранд! Я их там видел! Ты понял?!

– Так это значит...

– Именно! Как только кардинал окажется за воротами, Юсуф активирует силовое поле и таким образом закроет Амира от нас. Затем откроет кинжальный огонь из пулеметов. Войска, стоящие на площади, будут расстреляны, а нас троих... Ну, нас могут либо также расстрелять, либо захватить обратно вместе с Трэйтом в плен. Что называется – на выбор заказчика.

– Но ведь викарию не обязательно так делать. Он может и выполнить свое обещание, а эти, как ты говоришь, турели – просто для подстраховки.

– Может быть, конечно, и так. Викарий действительно может быть честен с нами. Возможно, он на самом деле просто обменяет маршала на кардинала, даст нам аппараты и все. Но подумай! Как бы сделал ты на его месте? Ведь каков шанс! Можно вернуть кардинала и покончить со всеми военными лидерами восстания прямо здесь, прямо сейчас, верно? Что же касается его честности, то не забывай: мы для него всего лишь сервы. Меньше чем животные! Слово, данное рабу, это слово, данное пустоте.

– Верно, – как всегда последним подал свой голос Крисс, почему-то размяв кулаки, – в любом случае мы должны подстраховаться. Мы консидории или нет? Я вот что предлагаю...

* * *

Шестнадцать рабочих отнесли четыре аппарата синтеза в глубину солдатского строя. Гор хотел бы проверить технику на предмет работоспособности, но решил отложить этот вопрос на потом. Сейчас не это главное, самое важное – Трэйт и кардинал.

Сейчас Амир был Амиром, а Гор – Гором. Он впервые подошел к воротам дворца в собственном теле. Кардинал же, напротив, не подошел, а был буквально привезен к воротам на плечах Бранда.

Как и всегда с момента пленения, Амир пребывал в бессознательном состоянии и приходило в другое, по-видимому, не собиравшись, что устраивало повстанцев. Сейчас перед дворцом стояли двое – только Гор и Бранд. Старина Крисс остался с войсками и наблюдал за сценой обмена со стороны.

Через несколько минут, чуть запаздывая к условленному времени, к воротам вышел Юсуф и те же два мушкетера, которые вели Трэйта. Маршал выглядел уже несколько живее, на ногах держался вполне крепко и был уже не в оковах, а просто со связанными веревкой руками.

Гор шагнул к самой кромке силового поля.

– Привет, – сказал Юсуф.

– Привет, давно не виделись, – ухмыльнулся Гордиан.

– Вообще-то, мы никогда не виделись, сударь, – поправил его церковник, – в живую, в вашем собственном теле я вижу вас впервые.

– Мне как повернуться, в профиль или анфас?

– Да никак. Стойте, как стоите. Вы собственно статью ни с какого бока не впечатляете. Мелковаты-с. Просто перестаньте язвить и давайте сюда Его преосвященство.

– Натё, забирайте. – Гор скорчил чуть-чуть обиженную мину и дал знак Бранду. Тот послушно подошел к мирно беседующим противникам и выразил глазами полную готовность сдать свою ношу куда положено.

Юсуф, не торопясь, приложил указательный палец к точке телефона в ухе и проговорил приказ. Силовое поле, невидимое до этого обычному глазу, несколько раз бликнуло и растворилось в воздухе.

– Свободно, – сказал викарий и улыбнулся.

– Отлично, – кивнул Гор и шагнул вперед через невидимую границу.

Руки он держал в карманах, и на каждой был тяжелый кастет с шипами. Чуть присев и

немного нагнувшись, он выдал правой классически красивый апперкот прямо в челюсть надоевшему оппоненту. Стремительно – снизу-вверх!

Выполнив короткое, но весьма порадовавшее Гора сальто, Юсуф грохнулся на землю.

Тя-же-ло!

Интересно, жив ли? Мог ведь и дуба дать с непривычки. Наверняка его редко бьют на его работе.

Гор скосил глаз – Бранд уже стоял рядом за границей поля. Великан слегка полуприсел, прикрывшись телом кардинала от возможных выстрелов, но никто не стрелял.

Однако к ним бежали!

Как и следовало в критической ситуации, восприятие Гора резко ускорилось. Движения других людей тормозили, как в замедленном кино, а собственные – замельтешили словно на ускоренной перемотке. Не оборачиваясь, необъяснимым шестым чувством он понял, что силовое поле за его спиной снова активировано, и теперь они отрезаны от своих.

Движение воздуха вокруг тронуло мыслью – вот разворачиваются турели пулеметов, чтобы начать огонь по столпившимся перед воротами сервам-мушкетерам. Вот несется к нему, размахивая оружием, гвардия кардинала, вылетевшая из центрального входа в Пашкот-палас.

ТУМ! ТУМ! Прогремело слева – это Бранд, отбросив Амира в сторону, двумя ударами пудового кулака в таком же, как и у Гора, кастете, вышиб дух из молодцев, что вели Трэйта. Великан одним движением кинжала разрезал маршалу пути, затем, схватив Трэйта и кардинала, отшвырнул их за спину и стиснул кулаки.

Пока все это происходило, сам Гордиан на полном автомате действовал, как и предполагалось по плану. Он схватил викария, затем одним движением кастета разорвал ему кожу на виске и притянул дрожащими пальцами к окровавленному шунту.

Нужен контакт! Господи, дай контакт!!!

...И он рухнул вниз. По алмазным линиям из силикона, по нейронным цепям и узлам нервных клеток. Всё дальше и дальше!

Внутри каждого из служащих Корпорации есть секретная кодировка, дающая доступ к управлению системной техникой. Эшвенская церковь являет собой почти точное подобие Нулевого Синтеза в ее полусредневековом варианте, и она наверняка имеет схожую структуру нейропрограммирования.

Викарий – первый после кардинала. Это значит, что если Система не регистрирует сигнал личности кардинала, то викарий для нее вообще первый в иерархии управляющих, даром что раб. Система выполнит любой приказ такого человека или любого другого, знающего его, викария, личный код доступа.

Вот оно! Гор уцепился за длинную ленту двоичных цифр, которыми был записан церковный код Эшвена. Еще секунда, еще...

...Бранд Овальд фыркнул. Подбежавшие к нему гвардейцы со шпагами наголо и числом почти в целую полусотню, по-видимому, станут его последними противниками в этой жизни. Он был в доспехах, но без оружия, два кастета – не в счет. Пора помирать, мастер Овальд, но помирать красиво!

Первый гвардеец был молодец, саданул шпагой с размаху, издалека, так, чтобы руки с кастетами не достали его голову. Но под одеждой у Бранда скрывался нагрудник, и шпага лишь скользнула по металлу, жалобно скрипнув. В следующее мгновение великан сократил дистанцию и ударом молотобойца разнес кастетом череп резвого гвардейца.

Второй ударил сбоку. Быстро и сильно, как и полагается хорошему рубака. Однако Бранд был не просто хорошим бойцом. Много лет являясь дуэльным чемпионом, он по праву считался лучшим в своем классе и потому с легкостью ускользнул от удара. Затем кастет рассек воздух и превратил нос и скулы нападавшего в кашу из мяса и костей.

– Следующий!!! – прорычал сквозь стиснутые зубы Бранд. – Давай!!!

... А Гор в это время погружался в глубины. Для его ускоренного восприятия время тянулось медленно. И хотя на самом деле счет шел на доли секунд, для Гора время

вытянулось в минуты. Он двигался от одного нервного узла к другому, постепенно разматывая нить, ведущую к коду.

Одновременно сознание регистрировало и происходящее вокруг – он видел Бранда, крушащего черепа. Кулак великана с шипастым кастетом плыл в голову очередной жертвы со скоростью ползущей черепахи, и воздух расплескивался перед ними как вода, расходясь волнами и переливами.

Гор видел Крисса, разинувшего рот и, видимо, кричащего что-то надрывным голосом далеко за воротами, за щитом силового поля. Крисс стоял во главе развернувшейся перед дворцом огромной солдатской массы, и замедленные движения его рта складывались в слова.

«Н-н-а-а ш-т-у-у-р-м!» – вскричал габелар. И, повинувшись его команде, железнобокие консидории рванули вперед, вытаскивая на ходу мечи, а стрелки в серых мундирах вскинули к плечам мушкеты. Однако за ровными рядами мушкетеров стояла сила страшнее. Здесь выстроились десятки мортир и кулеврин с задранными вверх стволами. Орудия заранее нацелили на окна и двери первого этажа, на крышу и мансарду дворца, и пушки сервов готовились к дружному залпу. Фитили уже пылали в умелых руках.

А в это же время навстречу рабскому войску разворачивались турели на крыше Пашкот-паласа. Находясь в режиме повышенного восприятия *Тшеди*, Гордиан отчетливо слышал, как на расстоянии сотен метров от него защелкали автоматические предохранители и затворы, вгоняя патроны в стволы.

Со следующим импульсом сердца «ударники» стукнули по запалам, воспламенив порох в патронах, и в пламенном облаке крупнокалиберные пули прыснули наружу. «Смерть сервам!!!» – пел летящий свинец, и Гор понимал, что когда пулеметные очереди коснутся цели, они разнесут в клочья и атакующих сервов, и их артиллерию...

...Но вместе с дворцовыми пулеметами ухнули и рабские пушки. Примитивные круглые чугунные ядра с гневным рычанием вырвались из стволов и устремились навстречу конусовидным крупнокалиберным пулям. Сейчас они коснутся невидимой линии силового поля и опадут кусками оплавленного металла.

Время, казалось, замерло.

В это мгновение Гор наконец-то размотал всю линию до конца. Воля викария спазматически дернулась слабым потоком хаотических мыслей и опала бессмысленным студнем к ногам захватчика. Гор потянулся и взял код!

Есть! Его сознание пронеслось через шунт церковника к АСУ дворца и дальше, пробежав развертку меню, вошло в сектор систем безопасности.

Питание силового поля. Отключение поля. Включение поля. Не то.

Вот – режим силового поля! Развернуть наружу. Развернуть вовнутрь.

Развернуть вовнутрь!

Виртуальный тумблер кликнул, и фиолетовая пленка вокруг дворца на мгновение стала видимой, подернулась мелкой рябью и вновь исчезла из спектра человеческих глаз.

И тут же вспыхнула тысячью ярчайших всполохов. То врезались в энергетическую стену пулеметные очереди! Врезались и опали на землю обожженными горошинами свинца.

Но не так произошло с ядрами. Снаряды примитивных чугунных пушек разом прошли сквозь блистающую границу, просвистев над головами сражающегося Бранда и Гордиана с викарием, валявшихся на земле, и устремились к дворцу, разрушительным тараном круша чудесные арки, колонны, портики, анфилады и стены, покрытые филигранной лепкой. Чарующая красота фасада подернулась клубами пыли и пламени, и стены рухнули, обнажая внутренности великого строения.

В следующее мгновение атакующая волна консидориев ворвалась в ворота. Железнобокие пантеры в полном доспехе и с тяжелыми мечами разметали бездеспешных храмовых гвардейцев, как промчавшийся по дороге скакун разгоняет куриц. Мечи замелькали быстрее, быстрее – и Гор понял, что выходит из ускоренного режима.

Сил не осталось.

За скорость, с которой его мысли неслись несколько прошлых мгновений, сейчас приходилось расплачиваться сполна. Он моргнул, покидая нервную систему викария, а вместе с ней и АСУ разрушенного залпом Пашкот-паласа. Темный занавес появился из ниоткуда и накрыл его с головой.

Вокруг расцвела тьма...

Глава 5

Черный юмор господина Викария

В помещении штаба гвардии, где еще совсем недавно проводили собрания Доминик Бавен и Оттон Силломарский, теперь заседали сервы.

Трэйт, одетый в серый мундир без знаков различия, Бранд, Крисс, Дакер, Сардан и прочие старшие офицеры, оставшиеся в живых после шернской баталии, рионской резни и битвы за Бургос.

Гор лежал здесь же, развалившись в кресле с закрытыми глазами. Сознание его блуждало внутри викария, который со скованными руками сидел в центре зала на стуле со спинкой. Пальцы церковника дернулись, сжались в кулаки, затем разжались.

Гордиан открыл глаза, и вслед за ним поднял веки и викарий – оба снова стали сами собой.

– Ну? – чуть ли не шепотом спросил Бранд.

– Что «ну»? – ответил Гор и потер надбровные дуги.

«Вот ведь странно, – подумал он, – во время проникновения глаза закрыты, но именно они устают больше всего». Видимо, при виртуальных путешествиях сильно напрягается глазной нерв, ведь получаемая информация в основном зрительная, а не какая-то иная.

Гордиан помассировал глазные яблоки еще несколько секунд, затем устало оглядел товарищей.

– В общем ситуация такова, – сообщил он. – Викарий, конечно, крутой перец в местной иерархии, однако его волеизъявления недостаточно, чтобы снять ошейники с сервов Эшвена. Так что тут он не врал: для повсеместного отключения «хомутов» требуется код кардинала Амира. Более того, даже если Амир решит освободить сервов, он сможет это сделать только в пределах своей епархии – то есть в Артоше, Артоне, Аране и, разумеется, Боссоне, который и так нами очищен от ошейников почти полностью. Для снятия койнов в других частях королевства требуются коды других кардиналов соответствующих епархий.

– Ну так в чем же дело? – спросил уже Трэйт. – Хреново, конечно, что Антика, Валькрика и Хайран с Ветой останутся в ошейниках. Но четыре эшвенских марки – это уже хорошо. Надо снимать, и скорее!

– Все не так просто, – вздохнул Гордиан. – После пленения викария и разгрома нами Пашкот-паласа его шунт, – он кивнул на церковника, – как и шунт Амира, отключен от основной храмовой системы. Отдать команду на снятие хомутов и ввести код кардинала, подтверждающий ее, можно только из какого-нибудь храма. А это, как вам известно, невозможно, поскольку храмы Хепри защищены силовыми полями. Проникнуть туда мы не можем. Я мог бы снять защиту храма, войдя через шунт какого-нибудь высокопоставленного чиновника типа нашего викария, но полагаю, второй раз церковь на подобную тупую уловку не поддастся, и высокопоставленные чиновники будут разговаривать с нами только через активированное силовое поле. Если они вообще станут разговаривать.

Гордиан помолчал.

– Эх, – продолжил он наконец, – вчера была такая возможность! Если бы я не потерял сознание после переориентации силового поля, я смог бы, пожалуй, вырубить и расстегнуть все хомуты в Эшвене. Нужно было только покопаться в их системе контроля. Ведь код кардинала мне известен, а шунт викария тогда еще не отключился от спутниковой связи. Но, увы, мы имеем то, что имеем...

Он вздохнул, открыл рот, чтобы продолжить пояснения, но его перебил Крисс. Бравый

габелар хлопнул ладонями по коленям и решительно встал.

– Ладно, – жестко сказал он, – нельзя так нельзя. Давайте кончать обоих – и Амира, и этого Юсуфа, и будем готовиться к выступлению.

У Гора, однако, возникла иная мысль, и он протестующее поднял руку:

– Полагаю, у нас есть еще одна-единственная возможность отключить ошейники жителей Эшвена... – Гор сделал паузу. – Это его свобода!

Он указал на сжавшегося на стуле викария.

Али Юсуф затравленно поднял глаза на своих пленителей.

– Что вы имеете в виду, сударь? – спросил он тихим голосом, возможно, потому что был сильно подавлен фактом пленения, а возможно, потому, что сломанная Гором челюсть давала о себе знать.

– То, что и говорю, мастер Юсуф, – ответил Гордиан. – Наша сделка, заключенная у дворцовых ворот, не отменена. Напротив, ее исполнение продолжается. Я лишь предлагаю скорректировать условия в силу известных вам обстоятельств, а именно вашего плена и разгрома ваших гвардейцев. Меняем по-прежнему – одно на другое: Его высокопреосвященство и вас на свободу для всех сервов Эшвена. Могу добавить к этому еще всех пленных гвардейцев и вообще всех королевских солдат, которых мы взяли в Бургосе. Соглашайтесь – это неплохие условия, тем более что альтернатива им – ваша смерть.

– Вы сошли с ума, – хрипло и как-то излишне поспешно проговорил викарий, – церковь не примет таких условий. Ни один из моих починенных, а тем более ни один из кардиналов других епархий не поверит вам и не согласится. Ведь вы только что нас обманули, сорвав предыдущее соглашение!

– Возможно, – согласился Гордиан, – мы действительно не были с вами абсолютно честны в смысле соблюдения предыдущей договоренности, однако согласитесь, силовое поле и турели давали вам слишком большое преимущество и... слишком большой соблазн, чтобы обмануть нас. Так что, без обид. Да, я согласен, после подобного обмана ни один церковнослужитель не захочет вступать со мною в переговоры. Но ведь вы сами, Юсуф, вы лично, поверите и согласитесь, не так ли?

Викарий молча проглотил слюну, а Гордиан продолжил:

– Я предлагаю следующее. Мы отпускаем вас на свободу. Я сообщаю вам код кардинала. Вы возвращаетесь в ближайший храм Хепри. Пока нет кардинала, вы старший в иерархии, и, как только вы вернетесь, власть и полномочия снова станут принадлежать вам. После этого вы с помощью кода отключаете всех, вы слышите, всех сервов Эшвена, которых сможете отпустить, имея кардинальский доступ. После этого мы отдаем вам Амира. Допустим, бросаем его перед тем же храмом на недоступном для ваших орудий расстоянии и отъезжаем. Сделка совершена!

– А где гарантии, что вы вернете Его преосвященство после того, как я отключу ошейники?

– Да, таких гарантий у вас нет, но есть логика. Мне незачем убивать Амира, если рабские ошейники будут сняты. Амир не один – в церкви есть еще с десятков кардиналов. Убью одного – останутся другие, и возможность для переговоров с вами будет утрачена. В общем, я даю вам свое слово, но главное не в этом. Подумайте, мастер Юсуф, даже если мы не отдадим вам кардинала, вы-то, Юсуф, вы лично, останетесь живы. Разве это – не предмет для сделки?

Викарий задумался. Он сопел и потирал скованными руками вспотевший лоб.

– Согласен, – сказал он наконец.

– Прекрасно! – И Гор протянул церковнику ладонь для рукопожатия.

* * *

Четыре тысячи мушкетеров залегли почти в километре от храма, затерявшись в траве и кустах. Вместе с бойцами в простом солдатском мундире валялся в кустах и Гор.

Конники Крисса с заводными лошадьми и артиллерией стояли чуть поодаль за небольшой высоткой, готовые поддержать стрелков как лихим кавалерийским налетом, так артиллерийской пальбой навесом.

Бранд вместе с полусотней консидориев, напротив, был впереди, у самой границы выжженного перед храмом черного круга. По черному кругу, быстро-быстро мельтеша ногами, к храму бежал викарий. Бежал неуклюже, если не сказать неумело, смешно подпрыгивая и спотыкаясь, что при его благолепном облике смотрелось довольно комично. Но Гору было не до смеха – он грыз травинку и думал о предстоящем исполнении сделки.

Перед расставанием викарий оставил ему маленький сверток, сказав, что там находится устройство для связи. В надушенном духами платке оказался обычный мобильный телефон, тот самый, который был на Юсуфе перед воротами Пашкот-паласа, когда Гор врезал ему кастетом. Впрочем, «мобильником» в полном смысле слова предмет не являлся. Скорее, это была гарнитура, совмещенная с телефоном. Маленькая пластмассовая штучка с усиками, легко разделяющаяся на две части. Одна из этих частей с помощью тонких усиков телесного цвета закреплялась внутри ушной раковины, а вторая теми же усиками фиксировалась на зубе внутри ротовой полости. Совершенно не видно и практически не ощутимо для носителя, если немного привыкнуть.

Гордиан чуть нажал на защелку, и устройство распалось на два кусочка. Первый – белого, а второй – телесного цвета. Ну, понятно. Белую часть он засунул за правый клык в нижней челюсти. Сжал, надавив на кнопку. Микроусики вылезли из корпуса и оплели его зуб, плотно прижав микрофон к десне и зубной эмали. Вторую часть телефона Гор вставил в ушное отверстие. После нажатия усики так же самостоятельно оплели ухо тонкой линией.

Фехтовальщик поклацал зубами, поковырял пальцем в ухе – вроде ничего: не мешает и почти не чувствуется. Сам телефон издавал слабый, еле слышный зуммер с периодичностью раз в три секунды. Значит, он в зоне приема.

Из прошлого опыта, накопленного за год кровавой войны, Гордиан знал, что шунты шательенов и церковнослужителей, использующие нуль-передачу, поддерживают связь с храмовой системой постоянно и в любом месте планеты, что, собственно, и обеспечивало им возможность гарантированного воскрешения в случае смерти. Однако ни шательены, ни рядовые храмовые служащие не могли использовать шунты для телефонных переговоров. Видимо, поэтому викарий и использовал мобильник перед воротами Пашкот-паласа для связи со своими бойцами, имеющими шунт, но не имеющими возможности общаться через него.

Телефон в отличие от шунтов работал на ином принципе – на радиоволнах, а потому использоваться мог лишь в определенных зонах – обычно в радиусе нескольких километров вокруг храмов или, как в случае викария, в пределах дворцового парка Пашкот-паласа.

Интересно, можно ли через мобильник войти в контакт с храмовой системой? Наверняка нет, иначе викарий просто не отдал бы ему это устройство. Но проверить нужно. Гордиан напрягся и вогнал сознание внутрь аппарата. Порылся тут, порылся там, пробежал по программам.

Функция связи с системой в телефоне присутствовала, но действовала она, по-видимому, только в непосредственной близости от источника сигнала и то, если сигнал не экранировался. Источники сигнала системы находились внутри храмов, а стены этих замечательных заведений надежно защищали их от прослушки.

Гор прекратил свои попытки и аккуратно «вышел» из телефона. Он даже не расстроился: этого и следовало ожидать, Юсуф ведь не идиот. Итак, игрушка годится только для телефонных переговоров, и то не везде. Но как вызывать абонента, как набирать номер? Из прошлой жизни Гордиан помнил, что к таким телефонам-гарнитурам должен прилагаться наручный браслет с клавиатурой для набора номера, а если ее не имелось под рукой, то абонента следовало вызвать голосом, предварительно произнося голосовой пароль.

Гордиан, разумеется, пароля не знал, да и браслета с клавиатурой ему не выдали. Это значит, возможность связи у них односторонняя: ответить на вызов он может, но вызвать сам

– нет. Оставалось ждать.

К счастью, ждать пришлось недолго – уже через полчаса телефон зазвонил. Точнее, запищал внутри уха очень громко для Гора и почти не слышно для окружающих.

– Да? – сказал бывший бог, удивляясь сам себе. Все-таки за два года он в первый раз говорил по телефону.

– Все сделано, – прозвучал в ухе немного искаженный голос викария, – как и договорились. Ошейники отключены, замки раскрыты.

– Странно, я ничего не чувствую.

– А должен? Хомуты – не та аппаратура, чтобы вы чувствовали ее отключение, не напрягаясь специально. Она слишком примитивная.

– И как мне это проверить?

– Бог мой, да как хотите, сударь. Поезжайте в свой Бургос и посмотрите там. Потом оставите Амира возле любого из храмов Хепри, а я его заберу. Твои сервы свободны, Фехтовальщик, можешь плясать от радости.

– Я-то спляшу, а вот ты что-то не слишком о Его высокопреосвященстве беспокоишься. Я ведь уже получил, что хотел, а если я сейчас прирежу твоего кардинала к чертям собачьим?

– Это дело ваше, сударь, ведь я лично жив! Если честно, Амир – страшная сволочь, хотя я и обязан ему карьерой. Так что хочешь резать – режь его, но я буду расстроен.

– И только?

– И только!

– Понятно. Тогда дай мне дня три, я проверю Бургос и окрестности. Если сервы действительно на свободе, Амира привезу сюда же на четвертый день. Идет?

– Конечно.

– Ну бывай, мастер Юсуф. Даст бог, свидимся.

Гор поднялся из травы и оправил мундир. Потом сунул два пальца в рот и свистнул что есть мочи, созывая бойцов.

– В Бургос! – заорал он. – Дело сделано!

* * *

За следующие два дня Гордиан облетел окрестности города и успел воочию убедиться, что многочисленное население Южного Артоша на самом деле лишилось своих «хомутов». По крайней мере, в шато и виллах, которые его отряд успел объехать за это время, проклятые ошейники более не функционировали, и их бывшие владельцы с удивлением встречали Апостола восставших, показывая расстегнувшиеся койны и пораженные тем, что чудовищные электронные изделия перестают работать при одном только приближении их любимого Тринадцатого пророка. Ждать донесений из дальних регионов Эшвена не было смысла: на это ушло бы несколько месяцев, так что последний третий день, оставшийся Гору по уговору с викарием, был потрачен на поездку обратно к храму под Бургосом, где Амир наконец был возвращен в лоно церкви, а договор между восставшими сервами и секретарем кардинала оказался, таким образом, исполнен...

Оставалось воспользоваться последним плодом их «сделки». Сделки, в которой, прямо скажем, сервы не показали себя образцом честности. Но совестью Гор особо не мучался: на войне, говорят, как на войне. Результат заключенного с викарием соглашения, быть может, и не решал всех проблем, стоящих перед восставшими, но все же значительно превышал надежды, питавшие мужество сервов в начале артошской кампании. Миллионы рабов получили свободу, в руках Трэйта оказался весь гигантский Эшвенский континент, а в руках армии восставших – четыре аппарата для производства любых материальных предметов, включая мушкеты и кулеврины. Получить такое сокровище всего лишь за жизнь одного церковного ублюдка являлось, по мнению Гора, больше чем удачей.

Однако кроме него из всего высшего командования восставших проверять аппараты

синтеза было некому. Надлежащими техническими знаниями здесь обладал только сам Тринадцатый пророк.

Поэтому вечером того же дня, даже не сменив с дороги пыльный мундир, создатель Тринадцатимирья, демиург Гордиан Оливиан Рэкс, вошел в просторный и пустующий зал – технический подвал Пашкот-паласа. Именно здесь для сделки с сервами Юсуф демонтировал в день памятного соглашения аппараты для производства промышленной продукции.

Сейчас все четыре агрегата, напоминавшие, скорее, металлические «гробы», чем продвинутые машины будущего, стояли на прежнем месте. Благодаря виртуальному вмешательству Гора в систему Пашкот-паласа, дворец сейчас был отрезан от основной храмовой сети, силовое поле вокруг строения отключено, информационная связь потеряна, а свет в анфиладах погас. Однако аварийный генератор под фундаментом дворца работал исправно. Поэтому в свете неоновых ламп на потолке подвала четыре синтетических аппарата тихо гудели, все своим видом изображая готовность к «труду и обороне» Республики.

В мире Гордиана аппараты синтеза обычно выглядели по-другому – не в смысле дизайна, а по габаритам: для промышленного производства подобный размер не годился. В мире Нуль-Корпорации продукция обычно синтезировалась целыми контейнерами, годными к немедленной транспортировке, погрузке на космические лихтеровозы или на составы монорельсовых дорог.

Вообще, подвал Пашкот-паласа при своих приличных размерах не походил на помещение для промышленного синтеза. Даже те же двери, ведущие сюда, были хоть и широкие, но ни для прохода автопогрузчиков, ни для проезда крупнотоннажных грузовиков не годились. В лучшем случае в них могла проехать телега.

Вдоль стен стояли стеллажи, заваленные полиэтиленовыми упаковками с какими-то непонятными небольшими предметами черного цвета. Гор ковырнул одну из пачек ногтем, посмотрел, что внутри. Аккуратными стопочками под пленкой лежали деревянные рамки для фотографий. Насколько ему было известно, фотосъемка в Эшвене широко не использовалась. Фотографировали только специалисты храмов, услуга эта стоила довольно дорого, а потому заказывалась редко – на свадьбах, на юбилеях, а также для памятников, устанавливаемых на кладбищах во время похорон. Твердый Космос хоть и напоминал собой Корпорацию, но все же местные обитатели не были бессмертными поголовно, и неудачники, не сумевшие заработать себе на Хеб-сед королевской службой или титулом шательена, здесь умирали от старости, так же как и в доисторических «естественных» вселенных.

Гордиан покачал головой. «Синтезаторы в форме гробов, рамочки для фотографий на кладбище... – подумал он. – Мрачно-то как!»

Два таргитария из числа наиболее опытных боссонских специалистов суетились вокруг машин, и Фехтовальщик, подойдя поближе, обратился к техникам:

– Здорово, бойцы. Как дела? – Он кивнул на аппаратуру.

– Да нормально вроде. Вот подключили. Гудят...

«Гудят! – покачал головой демиург. – Кузнецы, вашу мать!»

– А синтезировать что-нибудь пробовали?

– А то! – обиделся таргитарий. – Конечно! У нас, кстати, для вас подарок, сударь. Вчера копались тут в комнатах, весь подвал прошли, пока точку для подключения отыскали. И схрон обнаружили. Показать?

Гордиан кивнул: конечно, показать!

Они прошли через несколько комнат со сводчатыми потолками, одинаковых как близнецы-сестры. Стены были тяжелыми и мрачными, из хорошего бетона и покрыты известкой. В последней комнате, закончившейся тупиком, во фронтальной стене имелась дверь. Массивная, с металлическим «штурвалом» посередине.

Сомнений не оставалось – перед ним был сейф.

«Схрон» уже разворотили: в силу полного отсутствия в арсенале кузнецов-таргитариев автогена дверь примитивно вывернули ломami и кувалдами.

Гор покачал головой. «Это сколько сил надобно, чтоб такую дуру свернуть? – прикинул он, посмотрев на свои тонкие руки, – Звери, а не люди».

Тем временем один из таргитариев услужливо отодвинул срезанную стальную пластину и показал внутрь рукой. Внутри лежала всякая мелочевка, какие-то документы, но вот на верхней полке за скромной и тоже уже вывороченной стальной дверцей покоился чемодан.

А на чемодане – обычный космический шлем из бронепластика. «Обычный» космический шлем от военного скафандра!

Гор с восторгом покачал головой.

– Вы не поверите, сударь, – тут же заявил таргитарий, – но там, в чемодане, священный доспех Господа Хепри. Трэйт, когда увидел, сказал, что именно в нем пятьсот лет назад тот водил свое воинство. Герб на шлеме и нагрудных пластинах вполне узнаваем – «Сгорающий Дракон», представляете? А еще Трэйт сказал, что эта вещь теперь ваша, коль скоро вы, сударь, наш Пророк и Апостол. Чтобы вы побереглись!

Гордиан крикнул и пожал плечами. Находка, конечно, порадовала его, однако личная неуязвимость в данный момент волновала его гораздо меньше кое-чего другого...

Он молча кивнул, вытащил из сейфа чемоданчик, подхватил под мышку шлем, развернулся и быстрым шагом двинулся обратно по коридору. Он посмотрит на это «божественное» добро потом. В принципе, подумал Гор, отлично, что нашли доспех, он, конечно, пригодится в рейде за Лисией, да и вообще... Но сейчас ему нужно было главное – плоды сделки, которая решила судьбу Эшвенского континента: аппараты для синтеза материи!

Ядра, картечь и мушкеты, мука для хлеба – то, в чем нуждалась Республика, а не только он сам.

– Спасибо маршалу, – сказал Гор на ходу, – поблагодарю его потом лично. Спасибо и вам, друзья, однако вернемся к «гудящим» машинам. Значит, пробовали синтезировать?

– Я ж говорю!

– Значит, работает?

– Работает.

– Замечательно, – обрадовался Гордиан и чуть ли не потерял в предвкушении руки, но они были заняты скафандром, – тогда вот первый заказ. На шестифунтовые кулеврины – две тысячи ядер, это обеспечит нужды оборонительной линии Бургоса, и на двенадцатифунтовки – как минимум сотни полторы. До утра сделаем? Я вам своих бойцов пришлю на подмогу, для погрузо-разгрузочных работ и так, на подхват. Крисс, кстати, обещал мне тягловых лошадей. Сейчас отправлю к нему вестового и...

Таргитарий остановился.

– Не-а, сударь, – пробурчал он.

Гор тоже встал и прищурился.

– Что значит «не-а»?

– Не получится.

– В смысле? Аппаратура ведь пашет?

– Пашет.

– Тогда в чем дело?

– Пашет-то она пашет, да вот только делает лишь одно. Вот – поглядите.

Только сейчас Гор обратил внимание на то, что в первой комнате, где разместились аппараты синтеза, лежали только упаковки с похоронными рамками – и более ничего. Если помещение использовалось кардиналом под склад, то складировать изделия, по идее, нужно было во всех комнатах, и изделия самые разные...

Гор проглотил комок. Странное открытие, если оно верно, Армия Свободы перенесет большее, чем даже пленение Трэйта.

Он поставил на пол чемодан с «божественным» космическим шлемом и нервно ткнул пальцем в стеллажи:

– Я правильно понял, мы говорим об этом? Аппараты работают, но делают только черные рамочки?

– Да, сударь.

Гор бросился к машинам синтеза. Пробежался по клавишам управления, вошел в меню. Внутри, в длинном стандартном списке электронных матриц, по которым машина производила требуемые предметы, стояло только одно наименование: «Рамка деревянная траурная / матрица разработана королевским комбинатом бытовых и ритуальных изделий / лицензия № ... / по вопросам приобретения права на синтезирование обращаться / адрес / почтовые реквизиты / авторское право производителя матрицы зарегистрировано».

Вот дерьмо!

Гордиан покачал головой. Остальные матрицы были стерты. Это значило, что ни его способности *Тшеди*, ни самый лучший электронщик или настройщик синтетических машин в мире тут не помогут.

Машины исправны. Они работают. Просто нет файлов, по которым они могли бы синтезировать дубликаты.

Кроме одного...

Ах, какое чувство юмора у господина викария – «черное», в прямом смысле слова.

Храмовник, собака, все же надул его.

Сделка лжецов – совершилась!

Глава 6 Призраки победы

Вот так, неожиданно для большинства жителей королевства, миллионы сервов стали свободны от гнета рабовладельцев. Судьба всех рабов в четырех великих марках – Артоше, Артоне, Аране и Боссонском крае, а значит, почти на всем громадном Эшвенском континенте, оказалась решена за несколько секунд простой электронной командой и коротким разговором по мобильному телефону.

Пятнадцатого дня месяца Мехир, в тот самый момент, когда Гор еще цеплял мобильный телефон на ухо, лежа в траве, викарий кардинала Юсуф вошел в храм, поднялся в центр коммуникаций и ввел переданный ему Фехтовальщиком код.

Двести восемьдесят миллионов человек – а ровно столько сервов плюс минус сто— двести тысяч проживало в Эшвене в этот миг – почувствовали странное жжение на шее в месте, где привычно стискивал горло неснимаемый храмовый ошейник. Сто сорок третий Невон, как известно, был миром-каверной, а потому Медиас Кордис одинаково яростно освещал все уголки его поверхности днем и одинаково не светил здесь ночью. А значит, в миг, когда это случилось, по всем городам и весям царил солнечный полдень и никто из сервов не спал, за редким исключением.

Двести восемьдесят миллионов «хомутов» мигнули цветными огоньками на панели управления, а затем с коротким щелчком раскрыли свои замки и пали на землю. С короткой вспышкой внутри блока питания двести восемьдесят миллионов дьявольских устройств испустили дух, превратившись в куски бесполезного металла.

На следующие несколько мгновений всякое движение на континенте замерло. Люди, которые шли, встали как вкопанные. Сидящие – застыли статуями. Те же, кому довелось в это мгновение бежать или ехать верхом, споткнулись или натянули поводья скакунов. И так же замерли, глядя на невиданное явление – двести восемьдесят миллионов электронных ошейников, упавших на землю.

Двести восемьдесят миллионов пар глаз смотрели на это фантастическое зрелище почти несколько секунд, а затем, когда восприятие достигло уровня осознания, они разразились невиданным в истории планеты криком радости, подпрыгнув вверх и потрясая кулаками.

Двести восемьдесят миллионов сервских глоток, воскликнув одновременно, сотрясли

древние горы Эшвена, пронеслись отголосками по его бескрайним полям, разворошили листья в бесчисленных лесах и дубравах.

Секунды бездействия кончились! Сервы понеслись к своим домам и баракам, к школам, к поместьям, мануфактурам, виллам и торговым домам.

Сервы бежали к лачугам подсобных рабочих и к коттеджам виликов, квартирам наложниц и казармам габеларов.

Сервы брались за оружие, брались за факелы, за вилы, за молотки, за все, что попадалось под руки. Тысячелетняя ненависть вырвалась на свободу! И запылали дворцы шательенов. И дворянские семьи тысячами выставлялись вдоль дорог на деревьях и придорожных столбах.

В петле. На крючьях. На колах. И тем, кто висел, – повезло, ибо большинство шательенов разрывалось на мелкие клочья прямо на месте сотнями ненавидящих рук, затаптывалось ногами, перемалывалось кирками, ломami, ножницами и кухонными тесакami.

Великолепная, блистательная Госпожа Свобода шла по Эшвенскому континенту от марки к марке, пряча свое прекрасное лицо за маской из крови, в одежде из кожи трупов!

А навстречу ей из Бургоса и из Бронвены, из Риона и из Кербуля спешили роты и полки Армии Равных. Ехали эмиссары партии, чтобы нести слово Бронвенского Совета в освобожденные земли Эшвена.

И, как вихрь, впереди солдатских рядов из уст в уста летела легенда о Фехтовальщике, пленившем кардинала и обменявшем его жизнь и свободу на свободу и жизнь для миллионов рабов. Потому бойцов армии под синим знаменем Фехтовальщика везде встречали с ликованием, открывая для них только что отобранные у шательенов погреба и винохранилища.

О сопротивлении властей не могло быть и речи. Во всех землях королевства рабы составляли настолько преобладающую массу населения, что местные сенешали могли выставить едва ли одного солдата против тысячи безоружных, но бешеных сервов. По этому поводу Гор часто задумывался – почему в Кербуле, где они начали собирать свою армию, большинство освобожденных рабов убегали на север, в лучшем случае – оставались дома, а не вступали в ряды бойцов за Свободу? Здесь же все, как один, бросались жечь дома, убивать господ и штурмовать королевские казармы. Ответ был прост: в Кербуле каждый освобожденный им серв решал сам – сражаться или бежать. Здесь же рабов освободили разом – и всё решала толпа. Они разом кинулись убивать, тут нельзя было отказаться.

Ненависть захлестнула несчастный мир! В Босоне сервы также не любили своих виликов, однако именно вилики показали боссонцам путь к свободе и получили право быть лидерами движения. А здесь свобода пришла сама. Рядовой серв ничем в этом смысле не был обязан своему начальнику, и ненависть, копившаяся годами, нашла свой выход. В худшем случае виликов убивали вместе с шательенами, а в лучшем – оставляли в живых, но ни о какой передаче власти бывшим рабским управляющим речь конечно же не шла.

Как бы там ни было, бешеная энергия, с которой освобожденные массы сервов совершенно неорганизованно, но необычайно эффективно принялись крушить и топтать королевские государственные институты, полицию и армию, почту и связь, да и вообще любого, кто не был сервом, сыграла только на руку Армии Свободы. Уже к пятнадцатому дню месяца Фармутин, то есть спустя всего месяц после сделки с викарием, почти все марки Эшвена в той или иной степени перешли под контроль Бронвенского Совета. Продвижение армии ограничивалось только скоростью перемещения пехотных колонн по грунтовым дорогам – и ничем более.

На северо-западе, в Аране, полки дошли до Гандеры. В Тысячеградье – до Ибиса. Артош же был занят полностью, за исключением лишь удаленных южных провинций у самого побережья, где еще вдоль каботажной линии сновали королевские военные суда. Казалось, сама Богиня Победы шествует рука об руку со Свободой по землям рабов, а королевство Бориноса вот-вот рухнет к ногам сервской армии...

Но так лишь казалось.

Черные туши храмов, защищенные силовыми полями, возвышались у дорог, по которым маршировали рабы. Гордиан понимал, что это – порталы в иные миры, а знания, почерпнутые им из местных книг, косвенно свидетельствовали, что Эшвен являлся далеко не единственной вывернутой наизнанку планетой в пространстве Твердого Космоса. Не знал Гор только того, что король Боринос являлся так же и правителем этих иных миров. И повсюду в других мирах, в колониях и протекторатах вселенского королевства собирались полки и дивизии, готовые выступить против сервов по мановению длани своего безумного повелителя.

И за пределами континента, давшего имя целой вселенной, закрывшись в своем дворце, Единый король вынашивал планы мести.

Спустя всего лишь месяц после освобождения сервов Эшвена от соглядатаев с юга пришло сообщение, что Его величество король Боринос, набрав новые армии в Антике, Валькрике, Вете, Хотторе, Карракасе и Хайране, готовится к вторжению в Эшвен.

Сам по себе этот факт не вызывал больших опасений руководства повстанцев, так как все знали, что сколотить серьезную боевую силу, превосходящую численность Армии Свободы, в других землях не получится – там просто не хватит солдат. Но разведчики доложили, будто бы Боринос не начинает вторжение только потому, что ждет подкрепления, которое должно прийти через храмы Хепри – судя по всему, из других миров. И что это за подкрепление, какова его сила и численность, никто даже не догадывался.

Призрак победы, покружив над Армией Свободы, помахал ей ручкой и исчез в облаках, предоставив сервов самим себе.

Война продолжалась, и никто не мог сейчас, как и в самом начале, предсказать ее кровавый итог.

Часть вторая Демократия в действии

Глава 1 Лисия из Лавзеи

Выпав в полный шпагат, Гордиан Рэкс схватился пальцами за стопу правой ноги и с наслаждением застыл на несколько долгих секунд. Затем выпрямился, встал, как можно выше поднялся на носки и потянулся обеими руками вверх. Хрупкие кости его новой юной оболочки с наслаждением хрустнули, растягивая затекшие за ночь сухожилия, а мускулы сладостно застонали. В его старом модифицированном теле искусственного божества такого бы не случилось, отстраненно подумал Гор. Та, старая плоть не затекала ото сна и не болела после утомительных тренировок... Да что там! Раньше Гор мог бы вообще не спать неделями и месяцами, не есть, не пить и чуть ли не растирать ладонями камни в пыль.

Но прошлое ушло безвозвратно... Семнадцатилетняя и совершенно обычная, человеческая и не модифицированная, оболочка тщедушного узкоплечего, а главное – смертного юноши, которую ныне Его божественность изволил занимать по чьей-то подлой прихоти, не походила на его прежнее «божественное» тело. В лучшем случае она годилась на украшение анатомического музея в качестве экспоната для демонстрации слабой подростковой мускулатуры.

Впрочем, в данный момент, худоба беспокоила бывшего создателя кластеров совсем не значительно. Более того, став подростком, экс-господь приобрел то, чего не имел во времена, когда являлся мощным высоким мужчиной, – гибкую подвижность, легкость, стремительность движений и невероятную растяжку юного тела. Как бы демонстрируя ее самому себе, Гор еще раз неспешно выпал в шпагат, затем без рук собрал себя в позу лотоса, перевернулся, встал на руки и несколько раз отжался, разгоняя таким образом кровь и

заставляя работать суставы.

Размявшись, экс-демиург направился в гардероб. По странной иронии судьбы, став аж полковником Армии Свободы, он отхватил не только офицерский патент, но и шикарные апартаменты гвардейского колонеля в старых бургосских казармах, где ныне, согласно эдикту маршала Трэйта, размещался его стрелковый корпус. Ирония состояла в том, что ему – пятнадцатилетнему щенку – долго отказывали в этой должности вследствие «нежного» возраста, притом что истинный возраст бессмертного, узнай они о нем, просто шокировал бы местных вояк.

В апартаментах имелся не только гардероб, но и даже фаянсовый клозет, правда, с ведром вместо системы канализации. Впрочем, после рабских бараков Гордиан был весьма рад и такому проявлению цивилизации.

После неудачного (или, напротив, удачного?) покушения, произошедшего два года назад в родном, собственноручно сотворенном кластере Тринадцатимирья, внутри накопилось много недоброго и злого, играющего бликами тьмы на выжженной ненавистью душе, и потому Гордиан Рэкс старался не раздражаться по пустякам. Любые бытовые мелочи, по мнению павшего демиурга, являлись таковыми по определению. Что же касается тьмы...

Убийство за последние два года стало его ремеслом более чем когда-либо раньше, лица поверженных людей смешались в неистовый головокружительный хоровод – и он уже не запоминал их, просто отщелкивал что-то в своей голове: вот еще один, вот еще... От шизофрении и потери человечности бывшего создателя карманных вселенных спасала только слепая вера – все эти люди являлись врагами сервов, и по-другому поступать было нельзя...

Гордиан торопился. Утро только зарделось нежными красками, однако дел на сегодня у Гора было достаточно много. Он быстро оделся, обулся, нацепил оружие и уже собрался выйти из комнаты, когда увидел свое отражение в начищенном до блеска бронзовом зеркале.

Увидел – и поморщился. Молодой человек, отразившийся в металлическом полотне, не поразил бы воображения дам, а уж тем более – воображение дационов, муштрующих бойцов. Субтильный мелковатый подросток – вот и все слова, которые приходили на ум при взгляде на отражение. Наивное, почти детское выражение на некрасивом лице, мягкий подбородок, неправильные черты, криво обрезанные рыжеватые волосы, спадающие на лоб из-под полковничьей шляпы. Чуть подправляли общее неказистое впечатление лишь глаза, стреляющие из-под тонких юношеских бровей всей тяжестью скрытых за ними столетий, а также военная форма и оружие мушкетера, которым в противовес к своим «смертным» недостаткам бывший Господь увешался по самое горло.

Длинная шпага на перевязи, кинжал на поясе, два пистолета, сверкающие полированными рукоятками, на животе. «Вояка, – самокритично подумал он, – гроза полей!» Еще бы росточка побольше, и цены бы не было герою. Однако с последним моментом имелись некоторые проблемы: рост, как известно, из кобуры не достанешь.

Гор тихо ругнулся. Детская рожа в сочетании с массой вооружения создавали глупейшее впечатление. Он показал своему отражению оскал кривых зубов, развел пошире узкие плечи, вышел на улицу и быстрым шагом направился в сторону центра города, к месту, добраться до которого давно уже мечтал, ибо только там он мог хоть что-то узнать о судьбе своей возлюбленной. Ноги в высоких ботфортах застучали подкованными каблуками по каменной брусчатке, и мысли в голове падшего божества поплыли вместе с длинной лентой мостовой...

Вопреки собственным прагматическим убеждениям, полным как трезвой иронии, так и откровенного цинизма, демиург Корпорации Гордиан Оливиан Рэкс всегда был убежденным бабником и к женщинам относился потребительски. С его возможностями владельца целого мира и биллионами кредо на банковских счетах, он вполне мог себе это позволить. В его гаремах томились не тысячи – десятки тысяч наложниц, по сотне на каждый день. Многих из них он не видел и не познал ни разу за долгие десятилетия своей псевдобожественности. А

многих – ни разу и не увидел бы, настолько велико было их число. Могущество Нуль-Корпорации гарантировало ее акционерам (а именно акционеры «Нулевого Синтеза» становились владельцами собственных кластеров) беспредельную власть в границах своих владений. Он мог не только спать, он мог убить или искалечить любую из своих женщин!

Воспоминания окатили его холодной волной. Гор вздрогнул и прикрыл глаза, как будто бы отгоняя внезапное наваждение.

Лисия... Пред его взором возникло женское лицо, самое прекрасное из всех, которые ему когда-либо доводилось видеть. Когда-то, не имея стеснения ни в средствах, ни в могуществе, Гордиан Рэкс брал в гарем и в постель только самых лучших, точеных женщин. Их тела были безупречны, наряды фантастичны, а лица – невообразимо прекрасны. Им не требовалось пользоваться косметикой: помада, тени, тушь вводились в пигментацию кожи, длина ресниц, фигура и ноги программировались генетически еще до рождения. Да что там говорить, о Иешуа! Наложницы в мирах Нуля даже не полнели от избытка калорий и не старели от прожитых лет. Их волосы вырастали всегда до определенной длины и имели цвет по усмотрению покупателя. То было искусственное совершенство искусственных вселенных!

Под заказ – и в любой комплектации!

Девушка, которую он встретил на просторах этого примитивного мира, оказалась совершенно иной. Такой же, как и сам этот убогий мирок, – обычной женщиной, а не искусственным клоном. Курносый маленький нос, глупые веснушки, веселые, чуть раскосые глаза, непослушные волосы, разбросанные по немного полным плечам. Посторонний ценитель, какой-нибудь евнух агнатской школы, которыми так славится Корпорация, подавился бы смехом, если б ему предложили сравнить достоинства Лисии и одной из его искусственных выпускниц. У Лисии не было ни огромных, специально увеличенных глаз, ни генетически удлинённых ресниц, ни алебастровой кожи. Вне всяких сомнений, идеальные пропорции и божественные лица его бывших наложниц дали бы ей сто очков вперед.

Но зато она была – настоящей!

Два года назад, после нескольких почти случайных встреч, пожалуй, впервые в своей заполненной сначала бесконечной карьерной гонкой, а затем оголтелым бездельем жизни, сверхпресыщенный богатствами и развратом демиург Корпорации Гор почувствовал, что его любят просто как человека, а не как владыку и господина. И что он – это было удивительно – привязался к кому-то сам.

Воистину это была магия! Для столь опытного в любовных утехах мужчины, каким Гор представлялся себе еще совсем недавно, столь всепоглощающая и жгучая страсть к совершенно обычной, по всем меркам, девушке казалась мистическим чудом.

И тем более страшной оказалась для него ее потеря...

На мгновение остановившись, узкоплечий подросток до боли в мозге, до хруста зубов сжал челюсти. Злоба и ненависть распирали его изнутри!

Десять месяцев назад он потерял единственную нить, связывающую его с Лисией. Мия Брегорт, женщина, которой Лисия доверила тайну своего бегства, умерла от автоматной пули у стен храма под Бронвеной или... или была схвачена церковниками. «И черт его знает, – подумал Гордиан сквозь захлестнувшую его волну боли, – что лучше для нее? Первое, пожалуй, даже предпочтительней».

«Мог ли я тогда поступить иначе? – спросил он себя. – Не стрелять?»

Наверное, мог. Однако в этом случае Мия наверняка досталась бы церкви, и кто знает, каким образом Амир с Юсуфом смогли бы использовать привязанность Гора к девушке, которая на сегодняшний день является малоинтересной для других игроков. Во время торга с викарием Гор испытывал сильный соблазн спросить у церковника, почему засада под Бронвеной была подготовлена именно на вилле Брегорта, а не в каком-то ином месте по ходу движения его отряда. Однако он сдержался: спросить – значит напомнить. У церкви наверняка полно лазутчиков в среде сервов как на освобожденных территориях, так и внутри Армии Свободы. А значит, узнать о его страсти к Лисии не так уж и сложно – любой из

лавзейцев знает о том, с чего именно началось это кровавое восстание. Викарию нужно лишь правильно задавать вопросы, и он поймет.

Гордиан не сомневался, если бы Лисия находилась на территориях, подконтрольных Армии Свободы, она бы сама давно вышла на контакт с командованием сервов. Именно поэтому он не бросился на ее поиски в первый же день после взятия Бургоса. Но коль скоро этого не случилось, существовало только два варианта.

Первый – девушка находится на землях, подвластных королю и церкви, а потому недоступна.

Второй – она мертва. Сердце замирало при мысли о ее гибели, однако исключать такую возможность было нельзя. «В любом случае я должен отыскать Лиси живой, – сказал он себе, – а если она умерла, то убедиться в этом доподлинно и... отомстить убийцам!

Куда Мия Брегорт могла направить беглянку из Бронвены? – размышлял Гор. – К своим знакомым, к родственникам, к друзьям? Возможно, к деловым партнерам? Такое дело, как укрывательство беглых сервов, требует лично-доверительных отношений. Бизнесом, насколько Гор понял из расспросов лавзейских старожил, Мия не занималась. Родственников у сервов-клонов не водится по определению. Старых знакомых она могла завести только по месту основной работы, а именно – в обширных поместьях лорда Брегорта, разбросанных по всему Эшвенскому королевству, кочуя вместе со знаменитым литератором из одной провинции в другую.

Получается, что единственными людьми, к которым Мия могла направить Лисию за помощью в Бургосе, были либо вольноотпущенники лорда Брегорта, либо кто-то из старых сервов, проживающих в местном отеле старого писателя, с которыми Мия была знакома в прошлом.

Поскольку никто из вольноотпущенников бывшего хозяина в Бургосе не проживал (по крайней мере, в городском магистрате, ведущем учет подобных лиц, информации о таковых не имелось), Гор решил начать поиски с местного отеля своего бывшего господина.

Неделю назад, сразу после заключения достопамятной «сделки с викарием», Гор уже удосужился заглянуть туда, однако в тот день его ждали в седлах драгуны и мушкетеры для рейда на Катриш, и пришлось ограничиться лишь самыми общими вопросами, а также чисто поверхностно убедиться, что в отеле Лисии «вроде бы нет».

Сейчас время имелось – не было других дел, более важных, «военных», которые смогли бы отвлечь бывшего демиурга от поиска ответа на вопрос, столь неожиданно ставший главным в его столь долгой и столь бессмысленной жизни скучающего божества.

Скучающего? Гор невесело рассмеялся. Назвать свою жизнь сейчас бессмысленной и скучной, он бы уже не посмел. То, чего ему так не хватало в течение всей немыслимой череды годов и столетий, он теперь имел с избытком: пронзительная жажда существования разрывала сейчас каждую клеточку его весьма хилого тела. А древний разум неуязвимого полубога боялся признаться даже самому себе – он любил Лисию, банальную девушку из заштатного дикого мирка, любил так, как не любил никого никогда! Так, как только и может любить ничтожное смертное существо – неистово и безумно, до боли в висках, до конца!

И, во всяком случае, сегодня Гор твердо намеревался выбить из визита хоть каплю информации о своей возлюбленной. Опросить всех, кто там работал, тщательно обследовать сам отель – мало ли что всплывет? Собственно, других вариантов у него и не было, последнее, что оставалось, – рыться в архивах местной габеларской стражи, выполнявшей в городах еще и роль криминальной полиции.

Еще один поворот за угол – и вот перед ним отель Брегорта. Оказалось, за размышлениями Гор уже подошел к искомому строению. Падший бог поднялся по ступенькам и остановился перед крыльцом напротив массивной дубовой двери на тяжелых железных навесах. Внутри слышались приглушенные голоса, а площадка вокруг крыльца была аккуратно подметена – дом явно оставался жилым. Мушкетер снял шляпу, откашлялся, приготовившись давать объяснения по поводу своего нового неожиданного визита, и уже потянулся рукой к свисавшему рядом шнуру звонка, когда заметил, что дверь

банально не заперта. Рука замерла.

«Люди, поставившие на вход такую тяжелую дверь, обязаны запирать ее, не так ли? – подумал он. – Тем более в такое беспокойное время, как война и революция».

Гор осторожно приоткрыл створку и заглянул внутрь. Цепь, протянувшаяся от стены к полотну дверной коробки, была выдрана «с мясом», а металлическая скоба для зацепа валялась на полу в созвездии щепок рядом с искореженным крючком.

Не мешкая далее и почти не загружая себя лишними размышлениями, юноша бесшумно вытащил оба пистолета и решительно шагнул в полумрак перед собой.

Глава 2 Настоящая красота

Инстинкт консидория, отточенный за два года «дуэльных» драк и боевых столкновений, вел его к схватке независимо от желаний разума. А инстинкт самосохранения, привитый прошлой сытенькой жизнью, надо сказать, порядком поистаскался. Уголком сознания Гор понимал, что, возможно, следовало бы крикнуть кого-нибудь из патрульных солдат, которых он видел на соседней улице или, по крайней мере, послать кого-то из них за поддержкой в казармы стрелкового корпуса, но... нет. На это уйдут драгоценные минуты, за которые может случиться что-то слишком важное. В конце концов, он ведь чемпион авеналий позапрошлого года, лучший из лучших! Новых авеналий с тех пор не проводилось, а это значит...

Гордиан прикрыл за собой дверь и, аккуратно переступая с носка на носок, двинулся вперед, осторожно, но быстро.

С каждым шагом голоса в глубине здания становились все отчетливей. Гор вполне различал, по крайней мере, три мужских голоса. Женских голосов, по счастью (или к несчастью?), слышно не было.

– Кто повез? – прорычал в дальней комнате надменный мужской баритон. – Куда именно повез? Кто встретит? Мне нужны имена, точный адрес и подробности, а не это бляение. Отвечай!

– Я же объяснил, сударь... это Харторикс, сударь, я же говорю.

– Вот урод. Ну-ка добавь ему, Мирко, а то братец не понимает. Меня достало его мычание!

Послышались глухие шлепки ударов и резкие полувсхлипы-полувыходы жертвы.

– Господину! Нужен! Адрес! – приговаривал незримый Мирко при каждом ударе. – Адрес! Точный! Сука! Ты понял?

– Ай-xxx, – прохрипел избиваемый, очевидно, выплевывая изо рта скопившуюся кровь и поломанные зубы. Он вдохнул, выдохнул и уже открыл рот, чтобы что-то сказать, как на пороге комнаты внезапно появился Гордиан. С двумя пистолетами наголо и с решительной миной на лице.

В комнате находились пятеро.

Избиваемый, со связанными за спиной руками и голый по пояс, стоял в центре на коленях. Какой-то человек, стоя у него за спиной, держал его одной рукой за волосы, а второй рукой за шею. Еще один (это был, вероятно, Мирко) держался чуть левее «сладкой парочки» со сжатыми кулаками и без оружия. Костяшки его правой руки были обильно смазаны кровью, причем явно не своей.

Еще два действующих лица располагались чуть поодаль. Первый не вызвал у Гора никаких ассоциаций – обычный косоглазый хайранский головорез с лицом верблюда. А вот второй...

На нем красовался черный камзол, чудесная черная шляпа с коротким павлиньим пером, золоченый пояс, а в руках у него были ножны, инкрустированные драгоценными камнями. В ножнах блистала шпага с серебряным эфесом, покрытым изысканной резьбой...

Лицо у человека с серебряной шпагой было совершенно обычным для носителя

золотого пояса – стандартно-горделивое лицо молодого шательена. Тень падала на лоб, скрывая глаза, но вот осанка, взгляд, одежда и оружие...

Неужели?!

– Братец! – выдохнул тут человек со шпагой, явно узнавая Фехтовальщика.

Голос шательена Гор также не узнал, но вот обращение «братец» вызывало у него вполне конкретные ассоциации.

– Хавьер? – то ли спросил, то ли констатировал Гор, и по спине у него пробежал предательский холодок.

– Лорд Хавьер! – поправил шательен и растянул губы в жутковатой улыбке. – Хавьер де Катрюшен. Ты узнал меня, братец!

Гордиан мрачно покачал головой. Действительно, перед ним стоял возрожденный лорд-консидорий. В новом теле, с новым лицом – надо же, снова реинкарнировали ублюдка! Восемь месяцев назад, тогда под Шерном, Гор вроде бы пробил шунт мерзавца мечом. Неужели не помогло?

Вслух же он произнес, как сплюнул:

– Таковую тварь, как ты, трудно не узнать. И я тебе не братец!

– Ну отчего же? Смерть, говорят, сближает людей.

– О-о! Тогда ты не будешь против, надеюсь, если я попробую сблизиться с тобой еще раз. Пристрелить например.

– Не буду. – Голос шательена слегка подрагивал от резкого возбуждения. – А ты самонадеян! Не торопись, а подумай – ведь нас четверо, а ты один, значит, шансов у тебя мало. Предлагаю решить вопрос, как подобает консидориям: брось пистолеты и сразимся честно на шпагах. Ведь за тобой должок за Бронвену – ты напал на меня, когда я не был готов, не честно. Да и за Шерн тоже – должок. Надеюсь, ты помнишь это?

– Бронвену я помню, – ответил сквозь зубы Гор, – и помню, как честно ты поступил тогда со мной, выкрыв Лисию. Помню и Шерн. Поэтому так: скажи своим – не двигаться. Пусть положат оружие на пол. Тогда никто не умрет. Я просто сдам вас коменданту – и все.

Хавьер скривился. Его рот при этом почти не поменял прежнего выражения, но каким-то немыслимым образом превратил дружелюбную улыбку в звериный оскал.

Он быстро глянул на стоящего рядом с ним человека, и тот осторожно приблизил руки к сабле на поясе. Остальные также напряглись. Мирко аккуратно вытер ладони от крови и потянулся к кинжалу. Боец, держащий пленного, отпустил его волосы и также изготовился дернуть оружие из ножен. И только избитый коленопреклоненный незнакомец в центре комнаты продолжал с раскрытым ртом обалдело таращиться на Гору.

– Брось пистолеты, говорю! – повторил де Катрюшен уже зло и серьезно. – Нас четверо. Брось!

– У вас нет огнестрельного оружия, как я вижу, – усмехнулся теперь уже Гор. – Боишься спугнуть кого-нибудь выстрелами, а милорд? Я поясню: в моих пистолетах картечь, и это значит – попаду не глядя. Из четверых – двое сразу в расход. Оружие на пол, я сказал!

Хавьер напряженно дернул усом. Его спутники один за другим осторожно и мельком взглянули на своего предводителя. Умирать никому не хотелось.

В конце концов, два пистолета с картечью – это аргумент против четверых.

Дальнейшее произошло очень быстро.

– Бей его! – резко заорал Хавьер и прыгнул за спину стоящему рядом с ним бойцу, укрываясь от выстрела. Пораженный предательским поведением своего главаря, тот замешкался на долю секунды и кинулся к Гору чуть медленнее, чем следовало. Однако остальные, стоявшие спиной к лорду-консидорию, не видели трусливого маневра предводителя и среагировали как надо. Выхватив оружие, они бросились на врага!

Гор чуть качнул стволами, корректируя направление выстрела, и дал залп. Два тела, наткнувшись в прыжке на заряд картечи, вскинулись в воздух и, пролетев два метра, с размаху шмякнулись о стену.

Ба-бам! Комната заполнилась дымом и пылью.

Гор отбросил ставшие бесполезными пистолеты и схватился за шпагу.

В это мгновение бывший демиург оказался совершенно беззащитен, и если бы третий боец, тот самый «верблюд», за которым спрятался лорд Хавьер, оказался рядом, все было бы кончено. Но трусость врага спасла ему жизнь на этот раз точно так же, как в Бронвене спасла его заносчивость. Пока третий боец переваривал измену предводителя и сумел обежать пленного незнакомца, Гордиан уже выхватил оружие и был готов к встрече.

Шпага в правой руке, дага в левой. Подросток или нет, но с оружием он обращаться умел. Опасное мгновение миновало!

Враг сделал пробный выпад, и Гор легко парировал его одним движением лезвия, а уже другим распорол предплечье. Потом вошел в клинч, блокировав саблю, и резко пнул коленом под ребра. Н-на! Жалобно заныв, «верблюд» отлетел в сторону, выронил свое оружие и распластался на полу.

Гордиан уже занес над ним свою шпагу для последнего пронзающего удара, но краем глаза уловил быстрое движение сбоку и вовремя развернулся.

С расстояния разделявших их четырех метров классическим фехтовальным «притопом» к нему мчался Хавьер со сверкающей серебряной шпагой, вертевшейся в его руке как маленький пропеллер.

Оружие Гора, резко изменив направление, по скошенной дуге отклонилось от «верблюда» и с сухим треском врезалось в расписное лезвие шательена. Шпаги звякнули, и оба клинка от удара спружинили в стороны.

Но Хавьер и не ждал легкой победы. Он знал Гора давно и понимал, что под глупой внешностью тщедушного недоноска скрывается грозный чемпион авеналий и страшный боец! Получив отпор, лорд сделал финт, обведя клинок Гора слева, затем справа и снова слева в течение секунды. Затем распрямился в выпаде, как сжатая пружина.

Удар!

Гордиан благополучно отскочил. Однако левая нога при этом уперлась в стену, и Фехтовальщик понял, что еще один отскок ему не совершить – места в комнате было слишком мало для маневренного боя. Хавьер между тем атаковал снова.

Удар!

Гор снова отбил, отклонив корпус в сторону и назад – спина окончательно уперлась в стену. Драться в таком положении было неудобно, и Гор, спасаясь от очередного нападения, соскользнул по стене вниз в полуприсед и легко вынырнул из комнаты.

Но Хавьер не отставал. Не успел Гордиан выпрямиться за порогом в боевую стойку, как тот уже показался в дверном проеме и с убийственной монотонностью автомата принялся колоть противника в корпус и в голову, в голову и в корпус! Засверкал металл, заскрежетали друг о друга хищные лезвия каленых клинков.

Выпад – защита – контратака – отход.

Однако по сравнению с дракой в комнате ситуация кардинально изменилась. Теперь они сражались в длинном и узком коридоре, а не в замкнутом пространстве сравнительно небольшой комнаты. Стена теперь не упиралась Гордиану в спину, и он имел прекрасные возможности для отступлений и маневра. В то же время сектор атаки у Хавьера существенно сузился. Нападать в коридоре он мог теперь только прямо, и Гор весьма успешно парировал эти сильные, быстрые, но крайне примитивные броски серебряной шпаги.

Лорд Хавьер, казалось, был неутомим, атаки следовали одна за другой, причем в очень быстром темпе и направленные крепкой рукой. Но Гордиан понимал – долго работать в таком режиме шательен не сможет.

Пять, максимум – десять минут. И расплатой за самонадеянность и неэкономный расход сил будет смерть.

Вскоре, однако, это понял и сам гвардейский полковник. Он стал замедлять нападения на своего низкорослого, юркого противника, делать выпады реже и более осторожно. Примитивные наскоки сменились на более сложные комбинации, а резкие сильные уколы – на замысловатые финты. Стремительная и яростная схватка превращалась в затяжной

поединок двух опытных игроков.

Отражая удары, Гордиан механически анализировал ситуацию. Ситуация была так себе. Узкий коридор, одинаково освещенный для обоих противников через боковые окна. Оба одинаково вооружены – узкая шпага для колющей техники фехтования и кинжал-дага для левой руки с зацепом.

Оба противника вступили в схватку свежими, ни у кого нет ранений, никто не измотан. Класс бойцов также примерно одинаков: хотя Гор положил Хавьера в их первую встречу на авеналиях, однако это случилось, скорее, благодаря внезапности его атаки и самоуверенности шательена, а не превосходству Гордиана как фехтовальщика. Значит, шансы бойцов в новой драке можно считать равными, если не учитывать одного – шательен выше Гора почти на голову и имеет более длинные руки и более длинные ноги, что также немаловажно для дальности выпада.

И конечно, атлетически сложенный лорд Хавьер просто физически сильнее бывшего некормленного раба. Зато Гор – моложе, а значит, наверняка быстрее и, возможно, выносливей массивного дворянина.

В общем – рулетка.

В этот момент шательен сделал очередной выпад, а Гор в очередной раз его отразил. Клинок лорда поймался на дагу и влетел в ее зацеп. Гор скользнул зацепом даги по лезвию Хавьера вниз, пытаясь захватить шпагу противника у самого основания, чтобы заблокировать ее. Одновременно, синхронным движением другой руки, он попытался уколоть врага собственной шпагой, но тот был внимателен и поймал шпагу Гордиана на зацеп собственного кинжала. Дага Хавьера также прошла по лезвию Гора вниз и также уперлась в щиток эфеса.

Следующие несколько мгновений два врага стояли один напротив другого и тяжело дышали друг другу в лицо, скрестив свое оружие в паутине из сцепленных клинков.

Мышцы обоих напряглись, пытаясь высвободить свои шпаги из зацепов противника и, наоборот, сохранить шпагу врага в зацепе собственного кинжала.

Но Хавьер был явно мощнее и постепенно выворачивал руки Гора в более неудобное положение. Видя, как рукоять кинжала медленно выскальзывает из его напряженных пальцев, Гор внезапно понял, что всего через мгновение окажется совсем без оружия. Вот же черт!

Слабосильный мушкетер резко выпустил дагу, вцепился в рукав хавьеровского камзола (чтобы заблокировать руку со шпагой) и, подтянув к себе корпус шательена, с силой врезал ему коленом в пах!

Тот что-то сдавленно заорал, явно возмущенный неспортивным поведением оппонента и согнулся от боли. Затем отбросил в сторону дагу, схватил врага свободной рукой за грудки и попытался достать его коленом в ответ.

Мимо, разумеется, поскольку пинать коленками надо тоже уметь.

Страшно ругаясь и рыча, противники юлой закружились по коридору, пиная и шмякая друг друга о стены. Наконец, подловив стоящего на одной ноге Хавьера, Гор сделал подсечку, и тот, потеряв равновесие, мешком повалился на пол, увлекая за собой более легкого Гора. Дуэль фехтовальщиков невероятным образом превратилась в борцовскую схватку, но шпаги при этом противники по-прежнему сжимали в руках.

Впрочем, колоть подобным оружием из положения лежа возможным не представлялось, поэтому шпаги фехтовальщиков стали просто помехой для катающихся по полу людей.

Хавьер сообразил первым – спустя минуту их «лежачего» противостояния он отбросил свой клинок в сторону и, стукаясь о доски, шпага полетела в угол. Озверевший шательен наконец-то высвободил обе конечности и вцепился в горло ненавистному серву.

– Умри! – прохрипел он, задыхаясь и брызгая слюной в лицо врагу.

Тот судорожно глотнул воздух сдавленной глоткой и также выпустил шпагу из ослабевших пальцев. Дернулся, попытался сорвать кисти со своей шеи, но, разумеется, не

смог – враг был сильнее. Тогда он закружился на месте, на собственной спине, отталкиваясь ногами от стен и от пола.

Когда тело повернулось на сто восемьдесят градусов, руки шательена сами собой разжались, а Гор смог вздохнуть, перевернуться и встать на четвереньки. Но Хавьер был неумолим. Приподнявшись на коленях, он настиг своего более техничного, но слабого противника и снова опрокинул на пол, навалившись сверху на плечи. Сжав Гору ногами, шательен захватил его шею локтем и принялся душить, сложив кисти рук в «замок» и перекрывая противнику дыхание железным «локтевым» захватом.

Гор понял, что проигрывает схватку, – он снова начал задыхаться. Хавьер явно доминировал в борцовской позиции, а силы консидория были уже на исходе.

«Ладно, – задыхаясь подумал он, – попробуем по-другому».

Из последних сил он немного отжался от пола, подтянул под себя ноги и чуть повернулся на левый бок. Затем высвободил правую ногу, вывернул ее и принялся долбить пяткой в тяжелом ботинке в «замок» из рук шательена. На ботинке были злые металлические набойки, поэтому уже с четвертого удара хват разжался, а на пальцах шательена остались полосы из содранной кожи и кровавых синяков.

В тот же миг Гордиан рванул в сторону, пытаясь вырваться из смертельного захвата и втягивая воздух в горящие от удушья легкие... Еще рывок, еще...

Проклятье! Хавьер вцепился в Гордиана мертвой хваткой за отвороты камзола и удержал от бегства. Затем подтянул легкое тело юноши к себе и надел сверху, заблокировав тонкие ноги серва своими мощными бедрами, чтобы избежать еще одной серии ударов каблуком. И с наслаждением сжал напряженные руки в новый локтевой «замок». Сила силу ломит.

Сдохни, серв!

Гор дернулся несколько раз, покрутил пунцовым от напряжения лицом и как-то спокойно понял – это все, не вырваться.

Мысли замерли, как вода в болоте... Мыслей не было...

Мышцы задеревенели от непрерывного напряжения...

Легкие разрывались без воздуха...

Ослабевшие пальцы бессильно вонзились в кисти Хавьера, даже не пытаясь их оторвать – без толку.

Глаза покрылись серой, слезливой пеленой, сквозь которую Гор видел только кусок коридорной стены и пола. Неужели это последнее, что он увидит в своей такой насыщенной и богатой на события жизни?

Но нет, на полу среди осколков штукатурки, выбитых им во время драки со стен и потолка, на расстоянии всего полуметра от глаз, поблескивал тусклым светом серебряный эфес шпаги Хавьера, отброшенной им в угол всего несколько мгновений назад.

Шпага была изумительно красива. Покрытый изящными вензелями эфес был настоящим произведением искусства. Рукоять венчала голова льва, сработанная так точно, что морда животного казалась живой. В глазах царя джунглей блистали маленькие зеленые самоцветы, источающие мягкий лучистый свет.

Сама же рукоять, обвитая акульей кожей, переходила в великолепную гарду, состоящую из переплетенных стальных полос, стилизованных неизвестным мастером под виноградные лозы. А из центра серебряного виноградника вдаль устремлялся чудесный идеально отточенный клинок, настолько изящный и хрупкий, что...

Изящный и хрупкий!

Гор медленно протянул руку и схватил длинное оружие за рукоять на манер кинжала – клинком вниз, побелевшие пальцы сжались на шее льва.

Шпага бесполезна в борцовском поединке...

Гор захрипел, собирая последние силы, и что есть мочи вонзил сверкающее лезвие в стену напротив своих глаз.

Шпага бесполезна. Тут нужен более короткий клинок...

Гор согнул полотно клинка на излом, уперев его центральную часть в пол, а кончик – оставив вонзенным в стену.

Нужен короткий клинок....

Чудесное лезвие напряглось и завибрировало как струна на музыкальном инструменте. Казалось, оно застонало от боли и унижения, предвкушая свою оскорбительную для произведения искусства смерть.

«Тресни, сволочь! – прорычал Гордиан. – Ну!»

Но клинок держался.

Гор закричал, в последнем рывке разрывая себе мышцы и сухожилия. Легкие клочкотали без воздуха, а зрение почти исчезло за пеленой из пота и крови. Давай!

И вот металл поддался еще на несколько миллиметров.

Их и не хватало – с легким щелчком, более подходящим повороту замка в дверной скважине, чем гибели благородного оружия, лезвие треснуло почти посередине, оставив в руке Гора богатый эфес с жалким кривым обломком стального полотна длиной сантиметров тридцать.

Хавьер с ненавистью зарычал.

Он понял, но слишком поздно!

Почти без замаха, Гордиан вонзил кривой обломок в живот шательену. Бритвенно острая линия скола вспорола мягкое подбрюшье, как нож масло.

Сталь потекла вовнутрь, вниз и назад. Глубже, до рукояти!

Вот эфес уперся под ребра, в лохмотья разворочав по пути желудок и печень, разрезав на части кишечник.

Здесь Гор провернул клинок, как бы расширяя рану, затем выдернул и вонзил его еще раз.

Опять провернул, поставив шпагу поперек разреза, чтобы кровь, жизнь и дермо вытекали оттуда обильней.

И оставил так, уже не в силах вытащить оружие и вонзить его снова. Все.

Сверху булькнуло. Выпустив кровавый пузырь, Хавьер захрипел и обмяк, как будто внезапно заснул. Железная хватка его «замка» разжалась, и воздух потек в легкие Гора, восполняя силы. Тот жадно задышал.

Между тем что-то теплое потекло по спине, залило бок, замочило одежду, лужей растеклось вокруг переплетенных тел двух противников. Как сказал Хавьер – смерть сближает? Вот уж точно, бульшую близость трудно себе вообразить, даже при очень хорошей фантазии.

Кровь была везде – на лице, на руках, на ногах, на теле, на одежде и на оружии. Гор откинул в сторону руки врага, продолжавшие сжимать его как будто в любовных объятьях, и с невероятным усилием выполз из-под Хавьера.

Через лужу крови – к стене. Откинулся на спину. Посмотрел вокруг.

В дверном проеме стоял старый знакомый – косоглазый головорез с лицом верблюда, чья медлительность спасла Гору жизнь в начале драки.

Ублюдок стоял с мечом-кошкодером наголо, схватив его одной рукой, разумеется за рукоять, а другой – пальцами за самый кончик и вертя таким образом предмет в руках.

Туда-сюда-обратно. Обратно-сюда-туда.

На помощь к командиру он, по всей видимости, не спешил.

Совершенно обалдев, Гор смотрел на «верблюда», надсадно дыша. «Что-то не прет сегодня», – подумал он грустно и мысленно усмехнулся: он совсем забыл про последнего вражеского бойца.

– Спасибо, – неожиданно сказал «верблюд», ослабившись. – Давно хотел посмотреть, как сдохнет эта шательенская сволочь.

С этими словами бандит кивнул на тело лорда и сплюнул.

«Это уже интересно...» – мелькнуло у Гора в голове.

Он тоже кивнул на мертвеца и, чередуя слова со вздохами и выдохами, спросил,

стараясь экономить дыхание:

– Он же... твой... командир... Разве нет?

«Верблюд», взяв наконец кошкодер одной рукой, лениво потянулся.

– Разве да, – передразнил он. – Был командир. А теперь нет, как видишь.

– У вас... я смотрю... сплоченный коллективчик... – Дыхание Гора постепенно восстанавливалось, но он по-прежнему старался дышать тяжело, чтобы не провоцировать врага и еще хоть немного отдохнуть.

– Да уж какой есть! – сказал боец и оттолкнулся плечом от дверного косяка. Теперь он стоял прямо и не расслабленно, как всего мгновение назад, а чуть напряженно. И хотя на кривом уродливом лице по-прежнему светилась улыбка, Гор понял, что враг готов к броску, – беседа закончилась.

– Ты чего? – испуганно выдохнул он. – Командира твоего... ублюдочного... я завалил... Давай... к нам... Представляю тебя... в армии... как своего спасителя... Не пожалеешь.

– Жить хочется, да? – Ублюдок снова осклабился.

– А кому... не хочется? – Гор показал зажатый в руке обломок шпаги, мол, все в твоих руках, куда я против боевого меча с такой железкой.

Но враг на провокацию не поддался.

– Ты ведь Гор-Апостол, верно? – спросил он.

– С чего ты... взял?

– Да не юли, я твою рожу век не забуду. Я под Шерном в кавалерии стоял. Хорошо тебя видел.

– Так ты... шательен, что ли?

– А что не похож?

– Не очень.

«Верблюд» осклабился.

– А это потому, – произнес он сквозь зубы, – что денег у меня нет и воскрешение мое не оплачено. Наша поганая церковь новое тело мне «бесплатно» предоставила. Как бы! Должен служить до конца дней, пока не отработаю!

Глаза его, казалось, метали молнии.

– Вот это, – он ткнул себя в грудь, – ублюдочное тело кривого бездомного бродяги! А мое собственное лежит под Шерном с пулей в черепе. По твоей милости!

Он отодвинулся от дверного проема на шаг и, как будто играя пальцами, удобней перехватил рукоять своего оружия.

– А теперь представь... – продолжал обиженный реинкарнированный шательен. – Твоя голова для церкви бесценна, на новое тело, полагаю, мне хватит. А Хавьер пусть валяется здесь.

– Так вы... за мной охотились... что ли? – спросил Гор с неподдельным интересом, но по-прежнему изображая из себя запыхавшегося кролика. – Странно. Вы ведь... не могли знать... что я приду сюда... сегодня.

В ответ «верблюд» дико, истерически расхохотался.

– Да за бабой твоей мы приехали, серв, – заорал он, – которую ты освободил, а потом сюда отправил местному отребью на потеху. Вон в комнате сидит местный распорядитель, он сдавал ее в аренду как матрас, на ночь. Поди спроси его! А сейчас они ее в Литавру повезли, как будто там своих шлюх не хватает... Кардинал сказал – найдите мне червя для наживки! Чтобы поймать врага, мне нужна его сучка! И ты ведь сглупил, Апостол! Девка весь год сидела у тебя под боком взаперти в этом поганом отеле, а ты не удосужился себе под ноги посмотреть! Ха! Да ее тут весь Бургос оттрахал!

Гор дернул щекой, но сдержался. Он по-прежнему сидел в луже хавьеровской крови, прислонившись к стене с обломком шпаги, изображая испуганного юнца. Он казался маленьким и беспомощным. Ничтожным...

Так было легче задавать вопросы. Слушать, что говорит враг. Сдерживать развязку.

«Верблюд» между тем разошелся, тараторя скороговоркой и постепенно приближаясь к развалившемуся в неудобной позе Гордиану. Кончик кошкодера немного подрагивал от возбуждения бойца.

– Но теперь нет нужды охотиться за ней, – прошипел он, – ты сам к нам пришел. Я принесу кардиналу твою отрезанную башку и сам займу место полковника Хавьера! Он только что сдох, а теперь твоя очередь, хе-хе... – И добавил с издевкой: – Братец!

Гор посмотрел на «верблюда» снизу вверх, спокойными глазами и ровно дыша.

– Я не братец тебе, – сказал он и, оттолкнувшись спиной от стены, одним молниеносным рывком поднялся на ноги.

– Сидеть! – заорал «верблюд» и прыгнул к нему, взмахнув своим оружием.

Но оказавшись на ногах, Гор лишь дернул корпусом, уходя от удара и даже не пытаясь отразить лезвие гардой серебряной шпаги.

Слишком плохой удар, слишком плохой боец. Не чета Хавьеру!

Гор увернулся, не поднимая рук. Затем сблизился с мечником корпус в корпус и аккуратно, как будто на тренировке, вонзил обломок хавьеровского клинка прямо в сердце горе-шательена. Как в мишень, «в яблочко»!

Длина твоего оружия не всегда означает превосходство. Не умеешь обращаться с клинком – не лезь на мастера.

Тощий юнец вытащил кошкодер из ослабевших рук сраженного мужчины и прошел мимо по коридору в направлении комнаты. «Верблюд» остался за его спиной. Он по-прежнему стоял, глядя изумленными глазами на торчащий из груди чудесный серебряный эфес. Качнулся раз, два и упал лицом вниз, вбив обломок шпаги внутрь себя еще глубже.

Кончик обломка вылез из спины с кровавым куском мяса.

Падший бог не смотрел. Он вошел в злополучную комнату и внимательно оглядел стоящего на коленях полуголого пленника, которого несколько минут тому назад Хавьер избивал, пытаясь получить ответы на свои вопросы.

Надо же, пленник не убежал!

– Вы победили! – радостно воскликнул несчастный. – Это невероятно! Вы – мой спаситель. Скорее же развяжите меня, нужно вызвать стражу. Вот ублюдки! Они били меня, представляете. Я...

Гор молча прошел через комнату. Взял табурет, поставил его перед связанным и так же молча сел.

– Вы распорядитель отеля лорда Брегорта, – утвердительно сказал он.

Пленник в недоумении кивнул.

– Здесь, в отеле, в течение всего прошлого года пребывала девушка, Лисия Брегорт, посланная к вам мадам Мией Брегорт, вольноотпущенницей нашего лорда.

Пленник кивнул еще более недоуменно.

– Несмотря на запрет правительства Республики, она использовалась здесь как доходная наложница, а недавно ее увезли, – также утвердительно произнес Фехтовальщик.

Глаза «голого» расширились от ужаса и внезапного понимания ситуации, но он по инерции по-прежнему кивнул. Однако тут же одумался и открыл рот, чтобы что-то добавить.

Но Гор поднял руку, пресекая попытку пленника оправдаться. Гор посмотрел вокруг.

Кроме трупов, в комнате был большой платяной шкаф, зеркало с остатками дешевой косметики, тумба. А также огромная двуспальная кровать. С наручниками, приваренными к прутьям спинки. На дверном полотне, открытом вовнутрь комнаты, был отличный встроенный замок – обитателя комнаты, очевидно, запирали снаружи. Стандартный набор – как в рабском публичном доме.

Гор поднял трофейный кошкодер и взял его одной рукой, разумеется, за рукоять, а другой – пальцами за самый кончик. Повертел предмет в руках перед глазами связанного распорядителя, так же как минуту назад это делал перед его собственным лицом поверженный шательен с верблюжьей рожей.

Туда-сюда-обратно. Обратно-туда-сюда.

По-видимому, кровавая работа на сегодня еще не закончена. Он перехватил оружие правой кистью и прижал клинок к плечу пленника.

– Это кошкодер, – начал он, – а ты сегодня кошка. И у меня есть всего несколько вопросов к тебе: Кто? Куда повез? И кто встретит? Мне нужны имена, точный адрес и подробности.

С этими словами клинок вошел в тело. Отточенное лезвие пронзило кожу, мышцы и сухожилия, застряло в костях! Гор знал, как протыкаются люди – он делал это почти с рождения, ведь демиурги рождаются взрослыми, а не детьми. Он провернул клинок на пол-оборота, зацепив нерв и легким подрагиванием заставил боль вибрировать внутри трупа своего визави. Именно трупа, ибо насильники жить не должны. Труп просто пока дышит, пока.

Следующие тридцать минут вопящий от ужаса сутенер вместе с кровью, слезами и собственной истекающей сквозь открытые раны жизнью исторгал из себя подробности и имена...

А Гор слушал, иногда закрывая глаза, касаясь врага лишь рукой, сжимающей запутавшийся в нервах меч. Какая чудовищная ошибка! Все это время Лиси действительно была прямо здесь, у него под боком, на территории, освобожденной Равными от рабства и шательенов!

Гор рассмеялся. Будучи смертным вот уже два долгих года, падший бог не переставал удивляться величию духа и безграничной подлости смертных! Многие сервы сражались вместе с ним за Свободу, стоя плечом к плечу, но другие – такие, как этот стенающий на коленях паук, – зарабатывали деньги на бывших наложницах своего бывшего господина!

Гор втянул в себя воздух – вместе с миазмами смерти и мести, расползающимися вокруг. Информации было много. Фамилии, звания, имена и прозвища участников, а также красочные детали событий, до отказа заполнивших этот столь стремительно пролетевший, но столь богатый на бурную деятельность год, путались в голове, мешая друг другу... Человеческая боль и человеческая радость... все это варилось в бурном котле новой истории Эшвена, которую писали своими штыками восставшие сервы Трэйта...

Гор слушал визжащего от боли и ужаса сутенера, и перед его глазами проплывали картины столь недавних, но уже столь далеких дней, заставивших его позабыть на страшные месяцы войны о ненаглядной, такой желанной и столь давно утраченной в горниле сражений Лисии из Лавзеи...

Глава 3

Призраки прошлого

Гор прошел в кухню, смыл с рук кровь, заляпавшую его до локтей, вытер их о камзол одного из мертвецов и вышел из здания через парадный вход. Экзекуция, совмещенная с пристрастным допросом, отняла у него всего лишь час личного времени и огромный кусок человечности от его измученной души. Как и у всякого консидория и солдата сражающейся рабской армии, на его совести имелось множество убитых. Но сейчас, похоже, он положил начало новой персональной статистике – счету изуверченных пыткой.

Когда Гор вышел из здания, голый пленник, оказавшийся распорядителем отеля, а по совместительству еще и сутенером Лисии, остался в комнате, повешенный за ремень на люстре. Ремень проходил через тело сквозь дырку сделанную в плече кошкодером. У бедняги не хватало обеих рук до локтя, обеих ног до коленей, ушей и носа. Двадцать пальцев, отрубленных по одному, валялись на полу прямо под подвешенным распорядителем, обмоченные выделениями, обильно вытекавшими из ублюдка в процессе допроса. Кошкодер, а также нож и кухонный топорик, служившие в течение часа инструментами для оживления разговора, валялись тут же, на кровати, измазанные в крови, слюнях и дерьме.

Без отрубленных конечностей жирный распорядитель стал легче почти на десять

килограммов, а Гор, напротив, стал тяжелее на некоторую толику информации.

Оказалось, он опоздал всего на несколько дней. Лисия была здесь не только во время штурма Бургоса, но и после, когда Армия Свободы уже вошла в город. Все восемь месяцев! Вот только прибежать в лагерь к сервам она не могла.

Мия направила ее в Бургос, в единственное место, где могли ее приютить – в отель лорда Брегорта. В этом догадка Гора оказалась верной. Однако остальное...

Лисию здесь ждали отнюдь не друзья. Да, сначала они укрыли беглянку от глаз городских габеларов, но как только в городе начались беспорядки, стали зарабатывать на ней деньги. Девушка сдавалась по цене пять сестерциев за час. В принципе, приличная цена, и в какой-то мере любая наложница-рабыня могла бы гордиться таким достижением, но...

Но не его Лисия!!

Далее, как только сервы вошли в город и Трэйт выпустил эдикт о немедленном освобождении всех рабов, девушек вывезли южнее. По словам изувеченного распорядителя отеля, куда-то в Харторикс, подальше от Армии Свободы и ближе к морскому побережью, где услуги доходных наложниц всегда пользовались неувядающим спросом.

Гор мысленно воспроизвел перед глазами большую географическую карту Эшвена, которую время от времени использовал Трэйт на военных советах. Прикинув, он легко подсчитал, что расстояние отсюда до Харторикса составляло не менее трехсот пятидесяти километров – очень прилично, если учесть полное отсутствие в перечне годных к использованию видов транспорта, межпространственных порталов, самолетов и даже захудалой железной дороги или автомобиля. Для того чтобы преодолеть такое расстояние с небольшим отрядом даже на сменных лошадях, потребуется минимум две недели.

Проклятье, такой прорыв времени – целых двух недель – у него сейчас просто не было!

Гор ускорил шаг.

«Время, время, – думал он, вышагивая по мостовой. – Времени всегда не хватает!»

Относительно местных жителей он мог считать себя очень старым человеком. Триста шестьдесят лет – не шутка, особенно учитывая, что упомянутые годы были прожиты вовсе не в уютном домике на теплом курортном побережье, а в колониальных офисах Корпорации, в ее шахтах и на борту космических крейсеров. Три с половиной сотни лет, заполненных работой и войной, потом, кровью, клонированными агнатами и чужими, выжженными космической бомбардировкой планетами и немыслимыми деньгами!

Таков был Гордиан Рэкс – столько, сколько себя помнил. Не помнил он себя несколько раньше, ибо, так же как и большинство своих сослуживцев, являлся клоном-агнатом, искусственно созданным менеджером Корпорации с фальшивой и, надо признать, весьма ущербной памятью о вымышленном прошлом.

Память подобных существ, выращенных из смешанных наборов ДНК (а значит, не имеющих прямых доноров-родителей), создавалась большей частью в компьютере, наподобие того как создаются игры от первого лица. Причина для создания искусственной памяти была банальна – Корпорация Нулевого Синтеза не желала возиться с детьми, ждать, пока они повзрослеют, и тратить силы на их воспитание и образование. Все ее будущие работники рождались уже взрослыми, со стандартной памятью двадцати—тридцатилетних людей и профессиональными знаниями в той области, в которой им надлежало работать.

В первую же секунду после рождения, как только кабель Сети отсоединяли от головы, клон-агнат становился не только отличным пилотом, воином, официантом, такелажником или управленцем, но и полноценной личностью. Впервые встав на новые ноги и впервые моргнув только что созданными глазами, работник уже умел ходить, говорить, обладал обычными гигиеническими навыками, был знаком с этикой поведения в обществе, носил в голове некий общий набор жизненных установок и даже якобы прочитанной литературы и фильмов.

Но имелось одно «но» – остальные, то есть личные воспоминания, факты и конкретика прошлой вымышленной жизни сохранялись лишь урывками, в виде лиц, картинок, отдельных слов, фраз и сцен.

Гордиан Рэкс не помнил своих вымышленных родителей, но помнил «кусочки» детства, не знал названия собственной родины, но помнил улицы города, по которым гулял с первой девушкой. Имени девушки, разумеется, он не помнил тоже – программа не предусматривала подобных вещей.

Однако тут присутствовал прокол. Город назывался Доростолом – с глинобитными стенами мазанок и выложенной булыжником мостовой. Гор помнил слово точно так же, как знал название места собственной гибели – Каталаун, «каталаунское поле». Кто-то из программистов ошибся, оставив ему эту память. Но Гор, конечно, был не в претензии.

В честь своего главного и, пожалуй, единственного важного воспоминания он назвал две звезды Тринадцатимирья – своей собственной искусственной вселенной, которую создал, когда стал демиургом Нуля. В честь «родного» города была названа главная звезда – Доростол, а в честь матери – вторая звезда, Дара.

Да, кивнул он сам себе, купаясь в волнах воспоминаний, триста шестьдесят лет – это огромный срок. По местным меркам Гордиан был стар, очень стар. Однако во вселенной Нуля большинство тех, кому он был равен, считали его юнцом. После рождения в колбе, благодаря уникальному таланту *Тиеди* и известной жесткости на посту диадоха одного из колониальных владений Корпорации, Гор быстро продвинулся и стал демиургом – акционером Нулевого Синтеза. Однако, если говорить более точно во всех смыслах, Гор продвинулся по карьерной лестнице слишком быстро – аналогов подобным взлетам имелось, быть может, два-три случая за всю историю Корпорации. Его невероятное возвышение казалось резким, даже учитывая его экстрасенсорные способности (ведь *Тиеди* тоже выращивали искусственно, и обычных экстрасенсов, пусть и не таких сильных, как Гор, имелось на службе Корпорации довольно много).

Стать демиургом всего в триста лет?! «Бог мой, – вскрикивали другие акционеры после знакомства, – вот это да!» После этого они обычно с ним не общались, ведь возраст среднего демиурга исчислялся миллионами лет, для них Гор являлся менее чем младенцем. А для «обычного» общения акционерам хватало или таких же старцев, как они сами, или рабов.

Но даже миллион лет не являлся для «бессмертных» эталоном возраста. Тот же Аякс на вопрос Гордиана о возрасте представился «ровесником Корпорации», этой огромной вселенской структуры, создавшей, согласно легендам Нуля, само известное мироздание.

Тогда, услышав подобный ответ, Гордиан просто пожал плечами, сочтя слова Архонта шуткой. Однако сейчас, немного задумавшись об этом, он с удивлением покачал головой, ибо подобное заявление – впечатляло!

Согласно историческим хроникам, запечатленным Глобальной Информационной Сетью и уходящим корнями в некое мистическое начало, Искусственное Мироздание, «Альтернативная реальность» или... «Арт Континуум», как называли его иногда эстетствующие идиоты, было построено невероятно давно.

Некогда, согласно этим легендам, существовало Естественное Мироздание, сотворенное то ли по прихоти истинного Божества, то ли по прихоти Природы, что по сути не слишком отлично одно от другого. Где-то в начале времен прогремел Большой Взрыв и истинная вселенная начала свое движение к смерти в бесчисленном количестве вариаций. Спустя сто миллиардов лет это движение закончилось – «естественная вселенная» умерла. Вместе с ней скончались и бессчетные сестры-близняшки в параллельных пространствах и временах.

Одни умерли, сжавшись в огромную, на весь космос черную дыру, другие были пожраны энтропией, превратившись в бездвижные пустые пространства без единого кванта энергии. В любом случае все естественные вселенные постиг печальный и неизбежный Конец, олицетворяемый многими учеными с Нулем, то есть с пустотой.

Однако в одной из таких вселенных (а может быть, и во многих) появились расы, не готовые скончаться вместе с собственной космической родиной. Они нашли способ «скользить» по континууму, переходить сквозь порталы из одной вселенной в другую. Но, поскольку все вселенные являлись смертными, им пришлось пройти по этому пути еще

далее – стать наследниками Создателя и усовершенствовать его ущербное, хотя и величественное творение.

Открыв секреты Нуля, эти расы оказались способны творить собственные вселенные – не виртуальные, а настоящие, из материи, энергии, из времени и пространства! Так появились первые Искусственные Континуумы, или Множественности – части будущего Искусственного Мироздания, состоящие из миллиардов вселенных каждая.

Поскольку настоящее имя тех рас, что ныряли в Ноль и выныривали с другой его стороны в параллельных или искусственных вселенных, было неизвестно, хроники ГИС называли их Множественниками – по цели, которую те ставили перед собой. Множественники считали, что задачей равнодушной Природы или Абсолютного Бога является создание множественности, то есть реализации максимального количества возможных вселенных.

Не все миры могут возникнуть «естественно» – эта мысль очевидна. Например, для бессмертных и вечных миров требуется «искусственная» подпитка – источники энергии, способные компенсировать энтропию, и источники материи, позволяющие создавать новые галактики, вместо пожранных «дырами».

Игра «божества», создающего новый мир, подобна выбросу кубиков при игре в кости: основные параметры заданы, однако как лягут кости – так и пойдет. И сколько ни выбрасывай из руки горсть костей, они никогда не лягут в форме имени или слова – таков закон вероятности. И значит это лишь одно: не все миры могут быть созданы Природой, но могут быть созданы разумными обитателями уже созданных ей вселенных.

Множественники подняли дело Господа Бога и продолжили его труд – они творили вселенные и миры, непохожие на те, что создавались им, но, конечно, несли в себе печать предыдущих Творений.

Творения эти располагались за гранью естественных вселенных во всех смыслах – они не соединялись с ними пространством и создавались в другом, не связанном с ними времени. И только тоненькая нить какого-нибудь единственного портала могла соединить меж собой одну из умерших вселенных где-нибудь из середины ее истории и альтернативное мироздание, сотворенное Множественником с помощью своих фантастических технологий.

Одним из таких Творений стала Корпорация Нуля.

По своему собственному счету времени Корпорация Нулевого Синтеза была создана легендарным Учредителем, получившим впоследствии имя Аннубиса – Бога Смерти. Какое отношение Аннубис имел к расам Множественников и к мифологии оригинального, а не корпоративного человечества, ГИС умалчивает (судя по многим факторам – не самое прямое), но одно очевидно – он являлся человеком.

Аннубис сотворил первое пространство и запустил в нем первое время. Там он разместил свой первый Индустриальный Центр и выпустил первого Бога-робота. А далее – понеслось!

Каждый нуль-робот раз в секунду создает черную дыру, ныряет в нее и создает параллельное пространство-время за пределами «старого» космоса.

В ту же секунду он заполняет созданное пространство галактиками и скоплениями в количестве, определенном программой, – триллионы огромных объектов мгновенно. Он наполняет свой мир материей и энергией, зажигает звезды, а на планеты высевает кубики льда с аминокислотами – зерна жизни для будущих народов.

В ту же секунду он запускает время и прокручивает его с чудовищным ускорением. На мириадах планет возникает жизнь, на миллионах – появляются цивилизации, человек открывает огонь и берет скребок для обработки шкур и разделки дичи.

Тогда нуль-робот «включает» время своего мира в общее время Корпорации и тут же (секунда закончилась) делится и прыгает вновь!

Таким образом с момента сотворения первого мира Искусственного Мироздания каждую секунду из долгого миллиарда лет Искусственное Мироздание растет. Каждую секунду увеличивается в два раза!

Когда Гордиан Рэкс, впервые выйдя из клонической колбы, осознал свою жизнь в новой удивительной рукотворной вселенной, он был просто шокирован. Воспоминания, оставшиеся в его голове, подсказывали, что родился он в захолустном мирке, не имеющем ни выхода в космос, ни связи с другими мирами. До «рождения» в теле клона Гор был достаточно религиозен, подвержен обычным человеческим суевериям и страхам. Величественность картины, при которой Миры создаются роботами – в огромных количествах каждую секунду, а также масштабность этой титанической «штамповки» поразили его до глубины души.

Воистину Корпорация называлась верно – «Нулевой Синтез», промышленное предприятие для сотворения универсумов из пустоты, огромных вселенных на фабричном потоке. Гигантский станок сотворения новых вселенных, Бог-Машина...

Или – Бог с машиной?

Удивительным было еще кое-что: все вселенные Корпорации, созданные нуль-роботами, отличались друг от друга. Да, общий принцип оставался единым – звезды получали подпитку от энергостанций и никогда не должны были потухнуть, отработанная материя утилизировалась в Нуль, новые ресурсы синтезировались из Нуля, искусственные вселенные оставались вечными! Однако размеры пространства, размещение в нем галактик, конфигурация звездных систем и планет внутри них – все обыгрывалось ГИС – неким объединенным машинным разумом Корпорации – и варьировалось от вселенной к вселенной. Так что, несмотря на скорость «размножения», в Корпорации не имелось ни одной абсолютно похожей планеты!

Тем не менее штамповка есть штамповка. Все вселенные Корпорации, число которых, учитывая скорость и срок, в течение которого она размножалась в бесчисленных пространствах и временах, уже невозможно было даже написать от руки на большом листе бумаги, все же походили одна на другую, если не конфигурацией планет и рисунком рельефа, то, по крайней мере, шарообразной формой.

Гораздо большее разнообразие можно было наблюдать в личных мирах демиургов: частное владение есть частное владение, оно подразумевает большее количество фантазии и инициативы.

Квадратные солнца, плоские планеты, планеты в форме пирамид или колец невозможны с точки зрения естественной физики! Однако с точки зрения высокооплачиваемого инженера из Департамента космической архитектуры – более чем возможны!

Акционеры Корпорации могли позволить себе все. Даже пространство и время творилось для них под заказ Архитектурным департаментом Корпорации. Частные миры демиургов назывались кластерами, то есть ячейками, ибо не являлись частью созданных Корпорацией супергалактик, а размещались в собственных замкнутых пространствах и временах, соединенных с «основными» мирозданиями Корпорации только порталами и транспортными лифтами.

Кластеры демиургов существенно различались один от другого, ведь именно в вычурности планет и изысканности их формы по большей части отражалась теперь индивидуальность бессмертных и скучающих полубогов.

Гор слышал о разных кластерах. Некоторые из них вмещали одну планету, а некоторые – сотни. Планеты имелись и в форме цилиндра, и форме гексаэдра – о многих из них Гор только слышал, но на многих лично бывал. Собственный его мир, Тринадцатимирье, считался относительно небольшим, однако вмещал тринадцать планетарных тел и целых два солнца.

Десять миров из тринадцати Гордиан Рэкс сотворил шарообразными по старой привычке к «естественной форме», а три – в форме огромных колец. Планеты были заполнены парками и дворцами, а проживали в частной вселенной только слуги, рабы и наложницы, приобретаемые им миллионами единиц.

Каждый демиург являлся прежде всего акционером, бизнесменом и богачом. И только

потом творцом звезд, планет и полубогом. Однако божественный статус зажавшихся богатеев был не просто словами или видом лести: «божественность» демиургов являлась бесспорной без всяких преувеличений.

Конечно, по большому счету все это было баловством, но баловством ужасным, жутким в своей надчеловечности. Бессмертные, вечные, неубиваемые, способные творить для себя миры и распоряжаться миллионами жизней своих слуг и рабов, в том числе возрождать их и давать новые тела по своему усмотрению, они многократно покрывали своим могуществом жалкую власть языческих пантеонов древних. Не раз и не два Гор наблюдал, как пресыщенные демиурги устраивают в своих замкнутых кластерах травлю людей собаками или охоту на танках, массовые оргии с наложницами и зверями, побоища гладиаторов и нечеловеческие пытки рабов. Сам он старался избегать подобных развлечений, однако скука, этот ужасный порок божества, медленно разъедала его человеческую сердцевину, толкая... к чему?

К тому, чтобы стать Аяксом или Тэдди Октавианом? О нет! Двухгодичное пребывание в шкуре щуплого мальчика-серва, турнир консидориев и война восставших рабов отрезвили его как поток ледяной воды. Феерическая ущербность знакомой Гору системы внезапно стала для него очевидной. Искусственное Мироздание нуждалось в коренном исправлении, и не было ли карой Истинного Бога то, что проклятый наследник Множественников исчез, а на развалинах его власти разгорелась война между его бывшими жрецами?

Гор вздохнул. Как бы там ни было, он, Гордиан, *Тшеди*, демиург Тринадцатимирья, уже сошел с дистанции. Мундир полковника сервских мушкетеров и самое грозное местное оружие – пороховой гладкоствольный мушкет с дальностью выстрела едва ли двести метров вряд ли помогут ему в войне за Искусственный Космос. Победить бы в нынешней своей войне – местной.

Да просто выжить и... отыскать свою девушку.

Лисия!

При мысли о ней ход размышлений резко пресекся, а сознание вновь захлестнул гнев.

«Проклятые ублюдки!» – подумал Гордиан, вспомнив только что убитого им распорядителя отеля. Люди – такие же сервы, как он, за которых он сражался и проливал свою кровь вместе с другими товарищами по мундиру – вместе с огромным Брандом, могучим Дакером, хитроумным Криссом и преданным Никием, эти вот люди оказались способны воспользоваться подаренной свободой, чтобы сдавать в наем девок, зарабатывать деньги, насилием и страхом подавляя таких же, как они сами, бесправных наложниц!

Что и говорить, с приходом свободы мир Эшвена погрузился в хаос.

Дела у армии восставших, несмотря на блистательные виктории последних месяцев, в этом смысле шли не слишком уж хорошо. Невероятный Парад Свободы, причиной которого стала способность Тора массированно расстегивать койны, охватил своими крыльями уже весь огромный Эшвенский континент, однако хладнокровный и независимый наблюдатель со стороны легко бы заметил, как сквозь вуаль всеобщей радости и буквального опьянения свободой, богатством и безнаказанностью на землях сервов вызревает плесень.

Помимо чрезмерной жестокости по отношению к свободным жителям Эшвена, которую снятие ошейников принесло в освобожденные марки, помимо упадка нравов, повального пьянства и насилия среди освобожденных сервов, сюда пришла бессистемность.

Перебив бывших хозяев, а также большинство виликов – профессиональных управляющих, возглавлявших старую иерархию в сельских поместьях, школах и городских мануфактурах, сервы освобожденных земель лишились организующего стержня, без которого любое общество, и общество рабов в том числе, превращается в толпу.

Никто ничего не делал, никто никого не слушал, все только грабили склады и запасы, пьянствовали, насиловали и убивали. Рихмендер как-то назвал это стадом, но и Сабин и Трэйт, да и сам Гордиан прекрасно видели, что перед ними не стадо, а «стая», точнее тысячи стай по тысяче хищников в каждой.

Марки формально признали власть Бронвенского Совета виликов и важность его

армии, но на деле ему никто не подчинялся. Каждое поместье, каждый город, каждая школа и мануфактура жили сами по себе, занимаясь грабежом и прожирая накопленные годами запасы. Эмиссары Совета проехали по городам, призывая свободных сервов вступать в армию, избирать мэров, бургомистров и судей, прекратить грабежи и начать наконец учитывать запасы.

Эмиссарам дали от ворот поворот, причем не везде вежливо. Повторный призыв окончился тем же. В этих условиях помочь могло лишь одно – расширение армии и введение на новых территориях прямого и жесткого правления Совета. Но власть его должна быть легальной, а потому двадцатого Фармутина Бронвенский Совет собрался в столице Боссона на свое последнее заседание, провозгласил созыв Всеэшвенской учредительной Ассамблеи и, собрав манатки, покатыл в Бургос, чтобы отныне называться не Бронвенским, а Бургосским Советом.

В третий раз промчались его эмиссары по городам и поместьям Артоны, Арана и Артоша, призывая делегатов от рабских общин на сие великое собрание. Делегаты самоизбрались, набрали со складов деньжат и винишка, заседлали лошадей и покатали на Ассамблею.

Гордиан был далек от всего этого. Волна революции и войны и так вознесла его, семнадцатилетнего юношу, на недостижимую для его возраста высоту. Апостол Свободы, расстегивающий «хомуты», полковник мушкетеров, дерущийся в битвах, – Советы и Ассамблеи были не для него. При всех своих заслугах его тело все-таки оставалось телом подростка, и эмоции – эта неотъемлемая часть юношества – раздирали его сверкающими когтями, били в голову дурманящим кипятком. При одной мысли о своей потерянной девушке его сердце сжималось в стальной комок, в кусок льда, застывшего вокруг камня.

Уткнувшись в пустоту невидящим взором, Гор шел домой. От бургосских казарм его отделяла уже всего пара улиц.

Пройдя мимо часовых, он автоматически отдал честь, прошел к себе в комнату и, не раздеваясь, бухнулся на кровать, прямо в сапогах и с оружием. Сейчас, когда он остался один и посторонние взгляды не терзали спину, он больше не мог сдерживаться. К глазам подкатили предательские слезы, горло сжалось в удушливом спазме, а кулаки сжались.

Гор вскочил, подошел к зеркалу и посмотрел своему отражению в глаза. Отвернулся. Перед ним в отражающем полотне стоял юноша-полуподросток, ничем не напоминающий бессмертное божество, которым когда-то являлся. Щуплый, небольшого роста, с мягким, почти детским лицом. С кудряшками, непослушно свисающими на лоб.

Дьявол! Гор вспомнил свое лицо и тело из сравнительно недавнего прошлого: высокий мужчина с крепкими плечами и проседью в волосах. Такой бы не упустил свою женщину!

Но какого черта?! Он таким и остался! Внутри, за хрупкой внешностью скрывается тот, прежний, демиург и диадок, «Седанский палач», Гордиан Фехтовальщик.

«Взять себя в руки, – сказал он себе. – Не рыдать!»

Гор стиснул зубы, несколько раз глубоко вздохнул и прошелся по комнате. Постепенно сердце успокоилось, дыхание стало ровным, руки перестали предательски дрожать.

Да, рассуждал он, Лисия унижена, вновь лишена свободы, но, в конце концов, она жива, и это главное. Сейчас, когда весь континентальный Эшвен находится в руках Армии Свободы, для него, одного из безусловных лидеров восстания, не составит труда собрать специальный отряд, преодолеть эти несчастные триста пятьдесят километров и вернуть ее, чего бы это ни стоило.

С ним весь его стрелковый корпус, вся армия! Пусть это ничтожно мало для космической войны, но для данной его проблемы этого более чем достаточно! Если понадобится, он перевернет весь Харторикс, но отыщет свою девушку.

Все остальное – к черту! И Искусственный Космос и Аякс с Октавианом. Лисия – вот его цель!

В это мгновение в дверь постучали.

Гордиан, уже совершенно успокоившись, подошел к двери, открыл ее и посмотрел на

визитера.

В коридоре стоял запыхавшийся вестовой и протягивал командиру белый квадратик конверта с письмом из штаба.

– Это что? – спросил Гор глухо, хотя прекрасно знал эти квадратные конверты. Просто хотелось поворчать.

– Письмо от Каро Сабина, сударь, – невозмутимо пояснил вестовой. – Сегодня вечером в здании Штаба королевской гвардии собирается Совет виликов по поводу завтрашней Ассамблеи. Совет собирается в полном составе с совещательным присутствием старших командиров армии. Вы – в числе приглашенных. Сбор ровно в пять. Не опоздайте, сударь.

Глава 4

Гордиан Рэкс, советник

Цокая подкованными сапогами, Гор вошел в здание королевского штаба гвардии, где еще не так давно заседал со своими офицерами сенешаль Артоша Доминик Бавен, а еще, извините, «более недавно», генерал Оттон, собственной знаменитой персоной. Более страшной мести врагам королевства воистину было трудно придумать. Офицеры и лидеры восставших сервов заседали в самом сердце королевства рабовладельцев, в самом осином гнезде!

Сейчас королевские флаги, украшавшие главный вход роскошного особняка, были спущены и пустые флагштоки одиноко торчали над газоном, словно ободранные зимней стужей деревья.

С некоторых пор здание приспособили под нужды Совета виликов, переехавшего из далекой Бронвены в столицу бывшего королевства. И поэтому сейчас вместо алых плащей королевских гвардейцев в коридорах штаба мелькали туда и сюда серые мундиры рабских мушкетеров.

Родные мундиры, знакомые лица. Гор лично знал почти каждого, кто проходил мимо него по коридору, и, разумеется, каждый из проходящих знал его. Ему кивали головами в знак приветствия, улыбались и жали руки – искренне, как он надеялся. Вообще, по мнению Гора, простые люди в большей степени готовы к проявлению искренних чувств и реже лукавят, нежели те, кто облечен ответственностью и властью.

Совсем другое ждет его за дверью Совета. Бывшие вилики, управляющие поместьями и усадьбами, вилами и городскими отелями шательенов, управляющие торговых сетей и ремесленных мануфактур, управляющие публичных домов и школ консидориев.

Вилики, дационы, старшины габеларов.

Волчья стая!

Пожалуй, единственным, с кем можно было нормально поговорить в этой клоаке из амбициозных себялюбцев, гордо называвшихся Советом виликов, был мастер Трэйт. Точнее – маршал Трэйт, военный вождь и полководец.

Все остальные – не люди, а так. Балласт, болтуны.

Конечно, на собрании будут присутствовать и офицеры армейских подразделений, такие как Бранд и Сардан Сато, Никий и тот же Крисс. Однако все они не члены Совета, а значит, и права голоса не имеют. Могут только слушать и высказывать мнения. Не могут голосовать. Так же как, впрочем, и он, Гордиан Рэкс.

Отбросив ненужные мысли, Фехтовальщик открыл дверь и вошел в зал.

Внутри собрался весь цвет политической элиты восставших сервов – офицеры практически всех крупных подразделений, а также не вступившие в армию многочисленные гражданские управляющие.

При этом почти все гражданские управляющие входили в Совет, а из военных руководителей в число советников были включены всего три человека. В частности, сам Мишан Трэйт, старик Рихмендер и бывший лавзейский таргитарий Вордрик Аймен, специально на этот случай прибывший из далекого Кербуля.

Формально, по праву старшего на Совете председательствовал Циллий Абант, но на деле протоколом по-прежнему заправлял Сабин, видимо, из-за дряхлости председателя.

Когда Гор вошел, Сабин был явно чем-то озабочен и вещал несколько раздраженным тоном, перечисляя возникшие перед Советом и армией проблемы.

– Прежде всего, – заявил он, видимо, продолжая начатую перед этим речь, – мы не должны делиться полномочиями с новоприбывшими делегатами. Армия Свободы – это детище нашего совета. И вилики, провилики, а тем более разный сброд из Арана и Артоны, не имеют никакого права влиять на назначение руководителей армии и на военную стратегию. Это мы освободили их, а не наоборот! И они должны подчиниться нашим решениям.

– Однако формирование новых полков невозможно без участия новых свободных провинций, – возразил Рихмендер, поднимая руку, изуродованную при штурме Бургоса. – Вы же осознаете это, Сабин? Мобилизационных ресурсов только Боссона и Артоша может не хватить для окончательной победы над королем и церковью. Армия должна расширяться, и, прежде всего, за счет жителей вновь освобожденных территорий, не тронутых войной.

– Это понятно, – скривился Сабин, – но дело тут в принципах формирования новых подразделений, а не в мобилизационных возможностях Артонской и Аранской марок. Безусловно, рекруты должны набираться в новых землях, но под контролем старого командования. Под нашим с вами контролем! И важнейшая задача на предстоящей Ассамблее – закрепить власть Бронвенского, вернее, теперь уже Бургосского Совета виликов над всеми освобожденными землями. А также над всеми землями, которые будут присоединены к нам в будущем!

– Не думаю, что делегаты из соседних марок легко согласятся с этим требованием, – заметил Трэйт. – Мы обещали им свободу, а предлагаем подчинение.

Сабин, обычно держащий себя с достоинством, остался раздосадован этой репликой.

– Вы путаете свободу с хаосом, Мишан, – горячо вскричал он, – а это, поверьте, не одно и то же!

– И тем не менее, – сухо возразил бывший дацион, – все делегаты, прибывшие на Ассамблею, вполне достойные люди. Все – бывшие сервы. Все кипят ненавистью к угнетателям и боготворят нашего Фехтовальщика, – с этими словами маршал показал на Гора и слегка улыбнулся. – Мы, сударь, вполне можем избрать представительный совет, который включал бы в себя делегатов от всех освобожденных земель, а не только боссонцев, как сейчас.

Сказав так, Трэйт посмотрел на Рихмендера, ожидая поддержки, но тот почему-то промолчал, погруженный в какие-то собственные мысли.

Видя бездействие одного из оппонентов, Сабин с воодушевлением продолжил.

– Безумие! – вскричал он громко. – Война не закончена, а вы предлагаете сменить руководство армии, перед решительной схваткой!

– Вовсе нет, сударь, – Трэйт покачал головой. – Командиры подразделений останутся на своих местах. Полки и дивизии сохраняют своих командиров. Руководство армии может остаться прежним. Я предлагаю лишь расширить Совет за счет представителей других земель, сделав власть над свободными землями более представительной, а значит, и более популярной в этих освобожденных землях.

Сабин замолчал, как будто подавился. На его скулах заиграли желваки.

– Хорошо, – сказал он наконец, – мне все равно. Пусть решит голосование.

Он сел и выразительно посмотрел на других присутствующих здесь боссонских виликов. Те переглянулись. Затем все загалдели, активно обсуждая проблему. Наконец, перекрывая своим скрипучим голосом гул дебатов, над сидящими участниками собрания поднялся Циллий Абант – формальный председатель и самый старший из руководителей восстания.

– Тише! – прокричал он. – Тише! Тишина в зале!

Гул стих.

– Пока что для голосования нет предмета, – проскрипел Циллий, с трудом поддерживая себя в стоячем положении и опираясь одновременно на спинку своего стула и трость, – и мастер Трэйт, и уважаемый вилик Сабин высказали только свои мнения, а не конкретные решения, которые может утвердить Совет. Однако у Сабина, насколько мне известно, есть несколько предложений, четко выраженных в письменной форме...

Циллий сделал акцент на последних словах, а Сабин сдержанно усмехнулся.

– Я предлагаю ознакомиться с ними и проголосовать, – продолжал Циллий. – Если у маршала Трэйта или уважаемого полковника Рихмендера есть ответный вариант письменного постановления, мы проголосуем и за него. Есть возражения?.. Нет? Тогда слово опять вам, Сабин.

Тучный лавзейский вилик гордо кивнул и поднялся во второй раз. Он достал из тубуса свернутые трубочкой листы, развернул их и передал сидящим вокруг него виликам.

– Это проект Великого ордонанса, который мы должны утвердить на Ассамблее, – сказал он. – Пусть члены Совета ознакомятся с содержанием.

Листы пошли по рукам от одного вилика к другому.

– Тем, кому не хватило копий ордонанса, – обратился Сабин к офицерам, – я поясню его содержание устно.

Циллий кивнул.

– В начале текста, – продолжил тогда Сабин, – идет обширная преамбула, в которой мы констатируем нашу победу, провозглашаем падение королевства и учреждение на освобожденных землях Эшвена Республики Равных, которая впоследствии, по завершении войны, должна включить в себя все территории нашего мира.

Второе. Единственным высшим органом власти в Республике до конца войны мы провозглашаем Великий Совет Равных в Бургосе, управляющий Армией. Совет включает в себя тридцать человек, то есть ровно столько, сколько есть сейчас. Члены нового Совета будут утверждены завтра на Ассамблее после утверждения ордонанса. Список представлен на последнем листе, и он, разумеется, идентичен существующему составу.

Сабин шумно выдохнул и продолжал:

– Далее! Великому Совету Равных подчиняются и им назначаются командующий действующей армией и командиры других крупных воинских формирований. А также гражданские губернаторы территорий и городов. Те, в свою очередь, назначают управляющих в поместья, торговые дома и ремесленные предприятия. Все назначенные таким образом управляющие составляют на данной территории или в данном городе местные Палаты Равных. Делегаты от местных Палат Равных раз в десять лет собираются на съезде в Бургосе и переизбирают членов Великого Совета.

Сабин вздернул бровь и осмотрел аудиторию, как бы призывая присутствующих оценить предложенный им только что циклический вариант демократии.

Но зал пока не оценил – мысли бегали по извилинам, но в сознание должны были ворваться только через секунду.

Сабин помедлил секунду и напоследок громогласно добавил:

– И последнее! До конца войны состав действующего Совета останется неизменным. Поскольку коней, как вы понимаете, на переправе не меняют! Теперь я хотел бы услышать комментарии от присутствующих по поводу текста ордонанса.

Сабин изысканно (насколько это было возможно с его весом) поклонился, и в зале, до которого наконец дошел смысл его несложного предложения, раздались жидкие, но восторженные аплодисменты. Тут же поднялся Трэйт.

– Простите меня, Сабин, – решительно заявил он, – но это не великий ордонанс, а собачье дерьмо. Великий Совет назначает губернаторов, губернаторы – управляющих поместьями, а управляющие выбирают Великий Совет. Получается замкнутый круг! Неужели вы думаете, что на Ассамблею приехали только идиоты, которые не поймут, что вы им предлагаете? Это же диктатура! Кроме того, члены нового Совета будут избраны завтра голосованием делегатов. С чего вы взяли, Сабин, что делегаты из Арана и Артоны

проголосуют за действующий состав? За меня, за вас, вообще за лиц, им совершенно не известных. Все мы – боссонцы! С какой стати сервам из других марок отдавать нам власть над своими землями? Ведь не из чувства благодарности, в конце концов?

Советники зашумели.

– Тише! – успокоил многоголосый гул Сабин. – Я отвечу. Видите ли, маршал Трэйт, завтра утром на центральной площади соберется свыше двухсот тысяч человек, этих самых делегатов Всеэшвенской Ассамблеи. Однако численность солдат одного только Бургосского гарнизона составляет на сегодняшний день почти триста тысяч бойцов. Так вот: если Ассамблея не утвердит наш состав сама и самостоятельно, мы поможем ей сделать правильный выбор. Завтра на площадь вместе с делегатами выйдут солдаты гарнизона. Они встанут по периметру и пристегнут штыки. И если вы, Трэйт, не предадите нас, то полномочия Совета виликов будут завтра подтверждены!

Тут уж загалдели офицеры. Само предположение о том, что их вождь может кого-то предать, вызвало в их сердцах бурю возмущения, которая пока что не выплескивалась наружу, а бушевала внутри, выражаясь лишь в шепоте и тихих репликах, в гневных взглядах и резких жестах. Из стоящих вокруг офицеров вперед подался Бранд, махнул рукой, как мечом, открыл рот, чтобы что-то сказать, но не решился и торопливо залез обратно. Бесстрашный в бою великан и отпетый болтун, как всегда, оказался не многословен, когда требовалась демонстрация ораторского искусства в политических баталиях.

Гор укоризненно посмотрел на сконфуженного товарища, но тут же одернул себя – ведь сам-то он также не решился возражать Сабину.

Тут Трэйт поднял руку и галдеж прекратился.

Маршал встал, лицо его застыло, как восковая маска, а мускулы не двигались.

– Я не предам Совет, – сказал он глухо, – и если вы изволите завтра продавить свое решение силой, я подчинюсь и брошу армию на наших братьев-сервов, хотя мне это и не по душе. Но вы, Сабин, следите за своими словами! А не то в следующий раз я их затолкаю вам в глотку подошвой сапога. Второй раз предупреждать не буду. – Тут он сделал паузу и попытожил: – Мнение Совета мне понятно. Завтра утром солдаты гарнизона будут на площади!

Держась подчеркнуто прямо, маршал Трэйт резко развернулся на каблуках и вышел из комнаты. На несколько минут вслед за этим в воздухе повисло молчание. Затем один за другим офицеры стали покидать комнату, оставив виликов заседать одних. Вышел Бранд, вышел Крисс, вышел Никий. Гор немного отстал, пропуская прочих, и выходил одним из последних. Но когда он был уже у самой двери, Сабин внезапно подскочил с места, догнал его и подхватил за локоть.

– Останьтесь, Гор, – сказал он. – Эта часть нашего заседания касается и вас.

Гордиан немного поколебался, затем кивнул. Бранд, остановившись в дверном проеме, посмотрел укоризненно, но ничего не сказал и тихо удалился.

В комнате остались только Гордиан Рэкс и вилики восставших поместий.

– Я вижу, вам не понравилось, как я говорил с мастером Трэйтом? – начал Сабин, широким жестом приглашая Гора присесть на освободившийся стул.

– Полагаю, это не понравилось никому из офицеров, – спокойно ответил Гор, присаживаясь. – Трэйт – это душа армии.

– Возможно, и так, – согласился советник, – Трэйт – душа армии, согласен. Но мы, Совет виликов, это ее разум, ее голова. Трэйт не понимает, насколько важно нам не упустить из рук власть над освобожденными землями! Наша сила в единстве, а если в разных марках, да что там, в разных частях королевства возникнут разные сервские правительства с разными армиями, без единого координационного центра, восстание обречено – король раздавит нас поодиночке. Это очевидно для всех присутствующих, но не очевидно для Трэйта и для его офицеров!

– Кто бы возражал, – Гордиан пожал плечами, – я все это понимаю.

– Тогда вы с нами, с Советом, а не с этими армейскими выскочками?

– Ну, – помялся Гор, – во всяком случае, я не против. Все-таки я тоже военный и Трэйт мне не чужой. И потом, разве армия и Совет враги? Мы ведь делаем одно дело.

– Верно, верно, – быстро проговорил Сабин, бегая глазами по лицу Гора так, будто высматривал проявления недовольства. – Однако я хотел показать вам кое-что!

И он развернул перед Фехтовальщиком листы с текстом ордонанса.

– Здесь, в ордонансе, есть еще один пункт, и он касается вас, сударь. Взгляните.

Гор пробежал бумагу глазами и покачал головой:

– Вы делаете меня членом Совета виликов?

– Именно!

– Но я же... я не вилик. И не командующий армией, как Трэйт, Вордрик или Рихмендер. Я всего лишь полковник. Зачем?

Сабин засмеялся.

– Если мы продолжим использовать язык аллегорий, то вы, Гор, это знамя восстания! Как вы только что отметили, Трэйт – душа армии, Совет виликов – ее ум, но кто тогда ты, Гордиан Фехтовальщик? Ничего, если я буду называть тебя все же на «ты»? Отлично! Так вот я скажу тебе. Ты – живое воплощение нашей Свободы. Первый раб, снявший «хомут» со своей шеи! Первый раб, снявший ошейник с шеи другого раба! И разве не ты заключил сделку с викарием, обменяв кардинала на свободу для всех сервов Эшвена? – Сабин поднял голову, набирая в грудь воздух. – В каком-то смысле Трэйт прав! – воскликнул он. – Сервы других марок и провинций не знают ни меня, ни других членов Совета. Наши имена им ничего не говорят. Но твое имя, имя Гора Освободителя, Тринадцатого пророка и Апостола, известно каждому из тех, кто когда-то носил ошейник! И ты должен быть в Совете, мастер Гордиан, и только наша недалекость, – он обвел рукой всех собравшихся, – не позволила тебе стать советником еще полгода назад. Я просил за тебя давно и вот сейчас наконец имею честь предложить тебе эту высокую должность. Что скажешь?

Гор усмехнулся.

– Что я могу сказать? – спросил он. – Не ожидал... Спасибо.

– Достойный ответ! – улыбнулся вилик и панибратски хлопнул бывшего бога по плечу. – Но кроме «спасибо» делу восстания нужно от тебя еще кое-что. Завтра, во время Ассамблеи, я представлю тебя как нового члена Совета Равных и одного из его лидеров. Ты должен призвать собравшихся на Ассамблее сервов голосовать за нас! Трэйт подопрет голосующих своими штыками, однако будет лучше, если нас выберут мирно и добровольно. Голосовать будут не за каждого члена совета, а за наш ордонанс и за всех советников вместе, включая тебя. Не думаю, чтобы кто-нибудь проголосовал против Апостола Свободы. Согласен?

Фехтовальщик пожал плечами. Он в очередной раз убедился, что человеческая сущность не меняется со сменой вселенных, королевств и технологий. Но, собственно, а что делать?..

Гор встал.

– Согласен, – сказал он вслух, – мирно, так мирно. Мирно – это правильно.

Выйдя из здания штаба королевской гвардии, Гор направился на поиски товарищей. Площадь, еще недавно бывшая местом нешуточной перестрелки, теперь стала площадкой для народных гуляний.

Толпы народонаселения шлепались туда-сюда, однако, приглядевшись, можно было без труда догадаться, что это не жители Бургоса, а в основном приезжие сервы – делегаты Ассамблеи, их спутники, а также местные девицы из школ наложниц, совсем распустившиеся в атмосфере царившей вокруг анархии. Тут же в обилии можно было встретить гулявших бойцов Армии Свободы, свободных от дежурств и постов. Трэйт по мере возможностей старался оградить своих солдат от беспутства и пьянства, однако сделать это было тяжело, если вообще в человеческих силах. Все восемь месяцев после победы город был буквально наводнен войсками, а также... снедью и вином.

Делать бойцам было совершенно нечего, кроме как патрулировать улицы и бродить по

полуразрушенным стенам, изображая из себя часовых при полном отсутствии военной опасности. Телесные наказания и аресты уже не помогали, поэтому было не удивительно, что черная армейская меланхолия приняла откровенно массовый характер.

Армия Свободы постепенно погружалась в то сумеречное состояние, когда воинское формирование практически неотличимо от многотысячной толпы пьяных насильников и мародеров. Только авторитет старших офицеров и лично Мишана Трэйта, победителя знаменитого генерала Бавена и самого Оттона Великого, покорителя Бургоса, еще сдерживал стрелков и кавалеристов от срыва в бездну, именуемую «свободой», а точнее – хаосом, насилием и отсутствием элементарного порядка.

Улицы, естественно, никто не убирал. То тут, то там валялись бутылки и отбросы, грозившие скоро полностью укрыть под собой брусчатку мостовой. В отбросах храпели пьяные тела, часто не только мужские, но и женские – в обнимку. Кто-то кого-то бил, кто-то кого-то грабил. Гор шел мимо всех этих безобразий, морща нос. Благо своих солдат он в этом бедлам не наблюдал, равно как и знакомых бойцов из числа консидориев Бранда или криссовских кавалеристов. Остальные гуляки его не интересовали. В конце концов, в городе пьянствуют несколько десятков тысяч солдат. Всех и каждого из них он в карцер не посадит. А, к черту!

Какой-то пьяный прохожий наткнулся на него в суете. Гор отступил на шаг и жестоко опрокинул встречного пьянчугу на землю ударом сапога в пах. Тот с криком рухнул. Гор перешагнул через тело и направился дальше. Хулиганов и грабителей он не боялся. Во-первых, полковничий мундир был достаточно веским аргументом, способным остановить любого из буйствующих солдат, а во-вторых, его шпага и пистолеты представляли собой еще более серьезные аргументы.

«Пусть только сунется кто-нибудь, – раздраженно думал Гор, – лучше несколько человек. Перережу!» И он не преувеличивал. По статистике один вооруженный консидорий в драке на мечах стоит четверых бойцов. Точнее – четверых трезвых. Он же – вообще чемпион. Значит, для его класса пять-шесть человек в открытой схватке – это не предел.

Видимо, чувствуя настроение одиноко шагающего по тротуару узкоплечего юноши в полковничьем мундире, прохожие больше не натыкались на него.

Догадываясь, где, скорее всего, могут быть его друзья, заливая злость на виликов, Гордиан направился к кабаку недалеко от Пашкот-паласа и, дойдя до него без происшествий, пинком распахнул дверь и ввалился внутрь.

Бранд, Никий и Крисс сидели за самым дальним и самым уютным столиком (все же старшие офицеры) и разливали по кружкам пиво из кувшинов. Кувшинов на столе стояло много, и часть из них, как подозревал Гордиан, уже были пусты.

Не снимая шляпы, он подошел к столу, ногой пододвинул стул и сел.

– Не рано начали? – спросил он. – День еще на дворе, а вы уже пивом залиты.

– Да пошел ты, – невнятно ответил Бранд.

Гор покачал головой.

– Ты, я смотрю, уже по самые уши накачался, – заметил он. – Что бойцы твои скажут, если увидят?

Бранд глупо заржал.

– А рядом сядут и будут пить, – ответил он слегка заплетающимся языком. – Чем им еще заниматься? Лизать зад Сабину? Уволь!

– Та-ак, – протянул Гор, – я вижу вы действительно выпили хорошо. Ты на что намекаешь, брат?

– Брат? – переспросил великан. – Мои братья не шушукуются с Советом за спиной у Мишана Трэйта.

Гор помрачнел. И без того плохое настроение превращалось в откровенно дерьмовое. Еще ссоры с друзьями не хватало.

– Я не буду оправдываться, Бранд, но ты ошибаешься, – произнес он ледяным тоном. – Я не имею с Советом никаких дел, которые бы считал бесчестными по отношению к

маршалу. И не имею привычки «шушукаться», как ты говоришь у кого-либо за спиной. Сабин попросил остаться, и я остался.

– И что? – подал голос Никий.

– Ничего! Вилики предложили мне стать членом Совета, и я согласился. А что бы ты сделал на моем месте? – спросил он, обращаясь к Бранду. – Отказался бы и ушел?

– А может, и ушел бы! – заорал Бранд.

– Ладно вам, бретеры хреновы! – встрял Крисс, до этого сидевший тихо и молча. – Успокойтесь.

Крисс положил обе руки на плечи и чуть придержал друзей ладонями. Между прочим, вовремя. И пьяный Бранд, и Гор, которого достали обвинения великана, готовы были в этот миг уже броситься друг на друга.

– Давай-ка по порядку, – сказал Крисс, когда оба задиры откинулись на спинки стульев. – Ты что у нас теперь, советник?!

– Советник.

– Об-бал-деть. Вот это карьера! Особенно для того, кто никогда не был виликом.

– Все не просто так, – мрачно отметил Гор. – Сабин хочет представить меня завтра на Ассамблее как члена Совета Равных и живой символ восстания. Чтобы делегаты добровольно проголосовали за его ордонанс и старый состав. А если не получится, в дело вступит Трэйт и, как ты понимаешь, сталь и свинец.

– То есть ты – как бы запасной вариант, – сделал вывод Никий.

– Не совсем, – Гор покачал головой. – Полагаю, это Трэйт запасной вариант после меня. Я должен выступить перед делегатами и призвать их к единству. Сначала убеждение, потом сила, а не наоборот.

– Понятно.

Все помолчали, поглядывая друг на друга.

Наконец Бранд вздохнул.

– Ты извини меня, – сказал он Гору, прижав свою нечесаную башку к его голове, – я просто злился. Завтра на площадь выйдут не только мушкетеры гарнизона, но и все остальные. Мои панцеры в полном доспехе, драгуны Крисса в конном строю – все. Таков приказ маршала, который он дал, когда мы вышли из зала заседаний. Но ты представляешь, что будет, если нам дадут приказ атаковать Ассамблею? Резня! Сервы против сервов. Мои волки консидории против безоружных горожан. Даже в бреду я не могу представить себе такого!

Гор хлопнул товарища по спине, задумчиво покачал головой.

– Ладно, – сказал он, – проехали. Приказ есть приказ, а назначение есть назначение. Но нам, похоже, действительно ничего не остается, кроме как залить это дело пенным.

– И правда, – подтвердил Крисс, – давайте-ка пить.

Гор кивнул.

– Ник, мне полную!

Глава 5

Пиво как социальный катализатор

Трактирщик принес еще пива, они разлили темный напиток по кружкам и выпили. После третьей пол-литровой порции Гор почувствовал, что напряжение, накопленное за день, постепенно уходит, а по телу разливается вязкое, уютное тепло. Беседа постепенно сходила на нет, все решительнее сводясь к сальным шуточкам и нетрезвым замечаниям. Они выпили еще, а потом еще.

Вскоре Крисс, бывший из них самым трезвым, заявил, что намерен выспаться и, несмотря на упреки Бранда в отсутствии товарищеского духа, откланялся и ушел нетрезвой походкой. Затем их покинул Никий, и только Бранд продолжал, стуча кружкой по дубовому столу, требовать еще пива и жареной говядины, до которой был большой охотник. Однако к

полуночи сморило и его.

Бранд плюхнулся лицом в доски стола и тихо уснул, держа в правой руке кружку с недопитым напитком, а в левой – вилку с наколотым огромным куском мяса.

Гор глядел на это фантастическое зрелище и не переставал удивляться. Бранд был тяжелее его почти на пятьдесят килограммов и, по идее, не мог слечь от алкоголя раньше, чем сублильный Гор. По крайней мере, до этого, ни на одной из попоек, а их было довольно много, такого не случалось. Видимо, сказалось то, что великан успел испить изрядное количество пива еще до того, как Гордиан сел с ними за стол. А также, возможно, то, что он на самом деле сильно расстроился из-за ссоры между Трэйтом и Сабином на Совете виликов.

Как бы там ни было, возвращаться в казарму Гору еще не хотелось и, подозревая трактирщика, он заказал себе еще кружку.

Прихлебывая хмельную влагу мелкими глотками, он огляделся. Несмотря на полночь, пивная все еще оставалась полна народу. Те, кого он видел в самом начале, когда только пришел в заведение, почти все ушли, однако на их места пришли новые гости и столики оказались почти все не только заняты, но и переполнены, поскольку вместо обычных трех-четырех человек за каждым сидели по шесть-восемь гостей. При этом Гора внезапно поразило некое изменение контингента, занимавшего таверну. Если всего часом раньше тут дули пиво в основном солдаты Армии Свободы в серых мундирах мушкетеров или в пикинерских жилетках, то теперь вокруг Гордиана толпились в основном гражданские лица.

Другая особенность поразила его еще больше. На столах у собравшихся не было еды и не было пива – столы были пусты.

«Так, – подумал Гор, – дело дрянь. Если люди собираются в пивной и не пьют, то это, это...» – он так и не смог подобрать слов для описания наблюдаемой им бессмыслицы, поскольку эти размышления прервал звон, раздавшийся из глубины зала. Гор обернулся и увидел стоящего в центре высокого плечистого мужчину в роскошной одежде и с шикарнейшей бородой, свисавшей вниз аккуратным квадратом.

Бородач держал в левой руке перевернутый вниз винный бокал на длинной ножке, а в правой – столовый ножик, которым стучал по бокалу, как по хрустальному колокольчику. Именно этот звук и привлек внимание Гордиана, а также, как выяснилось, всех присутствующих в зале. Разговоры прекратились, возня и споры за столами затихли. Все молча пялились на стоящего в центре зала мужчину.

Тот поставил бокал и ножик на ближайший стол, воздел руки ладонями к зрителям наподобие проповедующего святого с какой-нибудь иконы и начал речь.

– Друзья мои, – вкрадчиво сказал он, – для тех, кто не знает, меня зовут Гор Арбаль, и сегодня мы собрались здесь, чтобы определиться с нашей гражданской позицией на предстоящей Ассамблее. Каждый из вас приглашался сюда отдельно, из разных мест, и большинство незнакомы друг другу. Поэтому прежде чем приступить к обсуждению, я хотел бы, чтобы все присутствующие на нашем историческом собрании представились товарищам. Итак, начнем по часовой стрелке. Первый столик!

По этому призыву обитатели первого столика по очереди встали и назвали свои имена, а также города и территории, откуда прибыли в Бургос. Затем встал второй столик, третий и далее.

Гор смотрел на этот парад имен и полномочий и быстро трезвел.

Почти все, кто был в зале, оказались делегатами из далеких провинций, в основном Аранских и Артонских, причем почти все – вилики поместий и управляющие предприятий. Всего несколько человек прибыли из южных земель Артоша и практически никого не было из Боссона. За двумя или тремя столами оказались такие же, как он, отщепенцы, попавшие на сборище случайно, но они не представлялись, а просто мотали головами в знак того, что делегатами не являются и представляться не будут. Кроме того, Гор Арбаль, по-видимому, знал всех приглашенных лично и тех, кто не был в его списках, представляться не просил. Чтобы не быть узнанным, Гор поглубже нахлобучил на голову мушкетерскую шляпу – благо их с Брандом столик стоял самым дальним в углу, да еще угловым и довольно темным. Затея

удалась, очередь миновала и ни представляться, ни отказываться от представления ему не пришлось.

Шоу между тем продолжалось. Ведущий снова вышел вперед.

– Итак, – сказал он, – как вы видите, здесь присутствуют делегаты от всех крупнейших городов свободных земель Эшвена. Нет только боссонцев, и я поясню, почему. Боссонцы, их Совет, захвативший наш город и всю Артошскую марку, считает себя единственным носителем власти на свободных землях. Но это не так! Власть в Эшвене принадлежит представителям всех земель, а не только этим боссонским выскочкам! И завтра с началом Ассамблеи должна начаться новая эра в борьбе за нашу свободу! Все, как один, мы, уроженцы других марок, земель и провинций, должны выступить за изменения в составе Совета! И прежде всего должны выступить мы – жители городов, вилики мануфактур и торговых домов, ремесленных мастерских и строительных заводов. Во главе своих рабочих мы должны бросить вызов засилью боссонской диктатуры!

Можете мне поверить, завтра борьба будет жестокой и боссонцы не отдадут власть над армией и свободными территориями просто так. Из надежных источников внутри Бронвенского Совета нам стало известно, что боссонец Сабин, этот тиран в мантии демократа, приготовил текст Великого ордонанса, согласно которому власть в Совете будет по-прежнему принадлежать только боссонским виликам. Мы должны отвергнуть его на голосовании и потребовать назначения советников от разных земель! Прежде всего тех виликов, кто в годы королевской власти состоял в Партии Равных и жаждал пробить дорогу Свободе еще до начала восстания.

А если бронвенцы откажутся от наших решений, что ж, мы будем действовать силой! Я знаю, что делегации, прибывшие из других городов немногочисленны, поскольку дорога в Бургос длинна и не безопасна. Однако мы, вилики Бургоса, готовы поддержать вас всей мощью своих предприятий. От имени торгово-промышленной элиты столицы я официально заявляю, что завтра на площадь вместе с делегатами Ассамблеи выйдут сто тысяч человек столичных сервов. От вас я прошу лишь одного – поддержки наших требований! Пусть условия, которые я завтра оглашу на Ассамблее, будут не только условиями столичных рабочих, но и условиями всех сервов Эшвена!

– Вы с нами, господа? – Тут он повысил голос: – Я спрашиваю: вы с нами?!

Зал отозвался в ответ на призыв многоголосым гомоном.

– Верно! Верно! – послышались возгласы с разных концов собрания.

– Действовать нужно вместе!

– Поддержим бургосцев!

– Власть в Совете – всем землям!

– Долой бронвенцев! Боссон – вон! Пусть убираются на свой вонючий север!

– Отлично! – провозгласил тогда Гор Арбаль. – Я знал, что разум и вера в справедливость победят в ваших сердцах, господа. Тогда я оглашу текст наших требований, которые завтра я собираюсь зачитать перед Советом. Это новый, наш великий ордонанс, ордонанс Справедливости, ордонанс Всех Свободных земель, а не только Боссона, узурпировавшего власть!

Он сделал знак стоящим за спиной сервам и показал им на стопки бумаги, лежащие за ним на столе.

– Раздайте тексты, пусть делегаты свободных земель ознакомятся с ордонансом.

Бумаги пошли по рукам, но Арбаль продолжал говорить очень горячо и громко. Поэтому почти никто не смотрел на тексты – чуть не с раскрытым ртом все смотрели на оратора, горячившегося перед слушателями.

«М-да, – подумал Гордиан, – где-то я уже сегодня это видел».

– Во-первых, – вещал между тем столичный вилик, – долой всех старых членов Совета. Долой боссонцев!

– Да! – заорали в зале десятки глоток. – Долой!

– Второе, – продолжил оратор, – новых членов Великого Совета избирать

«поземельно», от каждой делегации по одному представителю!

– Точно! – заорали в зале, но уже тише. – А почему по одному?

– Третье! – Гор Арбаль понял руку в успокаивающем жесте: мол, подождите, прочту все. – Губернаторы земель не назначаются Великим Советом, а избираются местными Советами из числа виликов соответствующей земли или города. В местные же Советы входят вилики всех крупных предприятий с численностью сервов более тысячи человек.

– Да! Да! А почему только крупных?

– И, наконец, четвертое. После избрания новых членов Совета мы должны поменять руководство армии, сместить командующих и назначить новых, включающих не только боссонцев, но и офицеров-сервов из других земель Эшвена.

Зал снова радостно загудел, однако то с одного столика, то с другого раздавались вопросы, отдельные делегаты встали и решительно начали проталкиваться в центр зала, чтобы взять слово и добавить к сказанному Арбалем свои мнения и условия.

Но Арбаль поднял руки, воздев их теперь не как святой с иконы, а как монах, читающий молитву, ладонями к себе.

– Господа! – прокричал он громко, перекрывая шум галдящей толпы. – Спокойствие! Я требую тишины!

Гул стих, движения прекратились.

– Я знаю, – продолжил Арбаль уже тише, – у многих из вас есть предложения, которые бы сильно улучшили текст предлагаемого вам Великого ордонанса, однако для прений пока нет времени. Главное сейчас – выступить единым фронтом, потребовать от боссонцев отречься от власти и избрать новый Совет. Это – цель нашего собрания. А уже в Совете мы сможем оговорить все прочие условия. И поверьте, если мы победим, ни одно слово не будет оставлено без внимания. Все остальное – потом! Вместе мы сможем построить новый мир! Мир справедливости для всех свободных земель. Долой Боссон! Да здравствует Всеземельная Эшвенская Ассамблея!

– Ура! Ура! Ура! – заорали в зале, а бургосский вилик, надрывая голос и перекрикивая рукоплескания, продолжил:

– Друзья мои! Завтра, когда мы выйдем на площадь для проведения Ассамблеи, мои соратники, сервы подчиненных мне и другим столичным виликам предприятий, будут в зеленых повязках. Зеленый – это цвет цветущей травы, цвет земли, освобожденной от гнета рабовладельцев. Все, кто с нами, все, кто поддерживает наш ордонанс и готов требовать от Бронвенского Совета переизбрания, пусть наденут зеленые повязки на руки, на головы и поднимут над собой зеленые полотнища знамен. Наш цвет – зеленый, господа!

Он что-то кричал еще, но уже почти ничего невозможно было разобрать, поскольку сидящие за столами делегаты повскакивали с мест, принялись обниматься, рукоплескать и кидать в потолок шапки и шляпы.

Гор покачал головой. По долгу службы в Корпорации он был хорошо знаком с социологией и не питал иллюзий относительно восстаний, революций и прочих кровавых потрясений, призванных в принципе сделать человеческое общество лучше и чище через обильное кровопускание. Людей угнетают люди, и люди же пытаются сделать их счастливыми. Принцип тут простой: тех, кто был снизу, – наверх, кто был наверху – к ноге. А от перестановки мест слагаемых сумма, как известно, не меняется. Сущность любой власти – скотство. И это скотство, в конце концов, проявляется в любом самом светлом идеалисте.

То, что сейчас Гор видел перед собой, называлось просто и однозначно – формирование организованной оппозиции. У Бронвенского Совета вообще и у Сабина в частности появился серьезный противник, противостояние с которым в контексте сегодняшней размолвки между ним и Трэйтом покажется боссонцам морским ураганом по сравнению с помешиванием сахара в стакане.

Гордиан аккуратно, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, подозревал трактирщика, рассчитался по счету и пнул Бранда. Туша не прореагировала. Тогда Гор

взвалил руку великана себе на плечо и, кряхтя от напряжения, потащил пьянчугу на улицу. Хватит развлечений на сегодня, всяких там собраний и митингов – надо поспать, и плевать он хотел на все партии с оппозициями. Пусть Сабин сам с этим разбирается.

И все же в груди немного щемило. Помимо трэйтовских солдат на завтрашней Ассамблее окажется еще и сто тысяч мастеровых сервов под зелеными знаменами. Все это может превратиться в бойню почище Рионского сражения. Причем бойня будет беспорядочной – и между своим же братом сервом. А лучшего подарка королю и кардиналу, чем братская резня на первой рабской Ассамблее, представить трудно.

Оказавшись на улице, Гордиан остановил бредущий мимо конный патруль, назвал свое звание, должность и попросил помочь довести товарища до казармы. Ребята не возражали, тем более что и сами были не совсем трезвы. Один из бойцов спешился и вместе с Гором взвалил Бранда на свою лошадь. После этого патруль последовал дальше, а вызвавшийся помочь солдат, взяв лошадку под уздцы, побрел рядом с Гордианом до казарм стрелкового корпуса.

Ночной город оказался довольно активен.

По площади и улицам народу шло не меньше, чем днем, а насилия и криков было даже больше – ночь, как известно, скрывает грязь грехов и преступлений. По-прежнему вокруг пили, дрались, ну и развратничали, конечно, как без этого. Кто-то орал песни, кто-то плакал, кто-то мочился на стену, кто-то под этой стеной спал.

Они прошли уже половину пути, как Гор остановился как вкопанный, узрев перед собой то, что никак не ожидал увидеть на улицах «освобожденного» города.

На фонарном столбе, очень низко над землей, всего лишь на расстоянии сантиметров тридцати от брусчатки висел труп дородного мужчины в богатой одежде. Вернее, одежда была богатой когда-то. Сейчас она напоминала тряпье голодранца, с ободранными пуговицами, изодранными рукавами, измызганным воротником и прочими атрибутами откровенного насилия. Труп висел в петле, подвешенный за шею, и ко лбу у него гвоздиком, аккуратно так, была приколочена табличка с надписью:

«Судия судим».

Гор готов был увидеть в неспящем и гуляющем свободном Бургосе все что угодно: труп какого-нибудь прирезанного воришкой прохожего, изнасилованную женщину, солдата, забитого в драке насмерть, но – повешенного? Нет, это невозможно, Трэйт заявил, что во взятом сервами городе репрессии и казни шательенов и королевских чиновников проводиться не будут, за исключением лиц, пойманных на шпионаже и вредительстве.

– Кто это? – спросил Гордиан своего случайного спутника.

– А, это местный королевский прево, – вяло ответил патрульный солдат. – Толпа поймала его сегодня утром и повесила.

– Откуда знаешь?

– Сам видел. Да и не я один. Я утром тоже в патруль ходил, так мы всем взводом мимо проезжали.

– И не остановили?

– Никак нет, сэр. А как остановить-то? Там толпа была почитай человек сорок. Все пьяные... Пришлось бы их всех насмерть гасить. А так – одного только и повесили. Довольно мирные, в общем, граждане.

– Мирные? – глаза у Гора полезли вверх. – Если эти мирные, то каковы тогда немирные граждане?

Солдат хмыкнул.

– Хотите посмотреть? Зайдите как-нибудь на площадь Лимура, посмотрите. Там на деревьях висят шательены из соседних коттеджей. Райончик-то престижный был, почитай одни шательены и проживали. Так вот, их там несколько десятков болтается, трупов то есть. Причем не только мужики, а и женщины – жены там, любимые наложницы, приближенные сервы, даже дети, рожденные от лордов. Даже домашние собаки! А вы говорите – немирные. Эти-то мирные были, да.

Гор в сомнении покачал головой.

– Беспредел какой-то, – пробурчал он.

– И не говорите, сэр, – подтвердил стражник, – беспредел он и есть.

– Неужели нельзя усилить патрули и прекратить эти безобразия?

– Наверное, можно, сэр, но это ведь не я решаю.

– Верно, – Гордиан замедлил шаг. – А ты из какого полка? Кто контролирует этот район? Неужели маршал Трэйт не видит, что происходит в городе?

– Извините, сэр, но маршал Трэйт нам не указ.

Гор еще раз остановился и внимательно посмотрел на солдата.

Лицо бойца было немного уставшим, явно не выпавшимся и каким-то отрешенным. В любом случае патрульный не походил на человека, способного катить бочку на главнокомандующего в присутствии вышестоящего офицера.

– Не понял, – сказал Гор, – а ну-ка поясни.

Боец пояснил.

– Я же не армеец, – развел он руками, – я из дивизии гадгедларов, Гвардии Свободы. Это четыре полка, созданных Советом специально для контроля над городом. Сабин сказал, что мы, как же это... «внутренние войска»! Что мы – сила, поддерживающая порядок внутри Республики, пока другие части освобождают новые земли.

– Ты, брат, как будто гордишься этим.

– Конечно, – обиделся боец.

– А сам-то откуда? Боссонец?

– Никак нет, сэр. Артошец. Я из столичных предместий. Да почитай все другие – из артошских усадеб, что недалеко от Бургоса.

– А кто командир дивизии?

– Полковник Критий, сэр.

– Понятно. В общем, дивизия подчиняется лично Сабину.

– Ну, в общем, так, сэр. Советник Сабин – наш кумир. Говорят, это он освободил Святого Фехтовальщика и направил его на освобождение других сервов.

Гор чуть не споткнулся – интересная версия. И ведь, в принципе, правдивая, не придерешься.

– Ясно, – вздохнул он, – ладно идем.

И они пошли дальше по серым кварталам, мимо высоких, в пять и шесть этажей, домов, мимо сквериков, башенок звонниц, изысканных базилик и арок, скульптурных фонтанов и прочих архитектурных изысков, которыми всегда гордился старинный Бургос. Все эти изыщества ныне, в военную годину, годились лишь на одно – терзать душу ностальгией о сладостной и тихой мирной жизни. Гор же погрузился в размышления, думая о завтрашнем дне, и шел, почти не глядя по сторонам. Да и возможно ли думать о городских красотах, когда вокруг, под этими самыми красотоми вешают людей?

Однако перед самыми казармами внимание Гора привлекло странное сборище. Толпа стояла в небольшом сквере, шевеля плотными рядами, как спрут щупальцами, свернутыми в клубок в расщелине морского грота. Люди что-то кричали, махали руками, но ни на драку, ни на пьянку это не походило. Экс-демиург остановился, поднял бровь, а затем решительно повернул лошадь с Брандом в сторону подозрительного сборища.

– Пойдем-ка туда, – махнул он рукой патрульному, – глянем.

И действительно, поглядеть тут было на что. Гор быстро прикинул и решил, что в сквере собралось примерно душ восемьсот. Люди заняли все пространство, многие стояли на скамейках, даже сидели на деревьях, а пара смельчаков – на перекладинах фонарных столбов, свесив ноги вниз и болтая ими, как малыши на высоких стульях.

Над толпой возвышался небольшой помост, до этого, по всей видимости, служивший театральной сценой или местом для выступлений танцоров и певцов, так как сквер был местом отдыха горожан. Сейчас эта импровизированная трибуна, разумеется, не пустовала.

Люди вокруг трибуны стояли один к другому, плечом к плечу, и почти у каждого на

шее красовалась черная повязка. После двух предыдущих политических собраний, в которых Гору довелось сегодня участвовать, он уже не сомневался в назначении аксессуара. Версия была одна – предмет явно свидетельствовал о политической приверженности носителя.

Заинтересованный подобным поворотом, Гор решил задержаться в сквере еще немного. Тем более что человек, вещавший с трибуны под черными знаменами, выглядел весьма колоритно.

Оратор был высок и сух, как мертвый богомол. Седой пучок волос на полысевшей голове, длинные узловатые пальцы на руках, неприятный оскал гнилых желтых зубов и прочие прелести «натурального», а не клонированного тела.

Одежда очередного народного лидера также не отличалась притягательностью. С одной стороны, она была вполне приличной – простой рабочий камзол темно-коричневого цвета, широкие брюки, косоворотка, какую носят мастеровые, крепкие рабочие башмаки. Такая одежда красовалась более чем на половине собравшихся здесь людей. Однако неопрятность, мягкость, какая-то несвежесть этой одежды делали выступающего крайне непривлекательным и выделяющимся даже в общем однообразном людском море.

Кроме того, в облике выступающего поражала некая демоничность. Она присутствовала во всем – во взгляде, манере речи, в дерганных эпилептических движениях, свойственных только очень неуравновешенным натурам. На этом фоне некрасивое лицо, худое тело и грязная одежда даже терялись, затмеваемые энергией, потоком рвавшейся из «богомолы».

Человек не говорил, а завывал как порывистый ветер, то усиливаясь, то стихая.

– Уби-и-ицы!!! – заорал «богомол» так внезапно и так громко, что Гор вздрогнул от неожиданности. – Тва-а-ари! Подо-о-онки! Во-о-от как я назову тех, кто бросает вы-ы-ызов народной воле! Они – вилики ваших поместий, прихвостни ваших шательенов – они настоящие враги Свободы, а не только король Боринос и стоящие за ним храмовники! Кто-о-о из шательенов наказывал вас кнутом или жег раскаленным железом за опоздание к фабричному станку или украденную со склада вещь? Шательены?! Нет, братья, это были вилики, проклятые ублюдки, рожденные, как и мы, в чреве рабыни или в клонической колбе храма! Так же, как и мы, рожденные рабами, эти изменники общей участи стали псами на службе у наших господ! И теперь, когда лорды сметены огнем священной войны за свободу, эти самые вилики пытаются захватить власть над нами! Они пытаются снова надеть на нас ярмо!

Богомол потряс кулаками.

– Не электронные хомуты, – заорал он, – не-е-ет, не-е-ет, но кое-что другое, не хуже этого, заставит нас подчиниться их воле, потакать их желаниям, выполнять их приказы! Эти оковы просты и надежны – это ложь и лицемерие! Они-и-и называют себя нашими освободителями, но что мы видим на деле? Армией управляет Великий Совет, состоящий только из виликов! Провинциями и городами на свободных землях правят новые сенешали, но откуда они? Посмотрите! Да это же вилики из этих же городов и земель! Только раньше они управляли поместьями и мануфактурами, подчиняясь своим шательенам, а сейчас они правят уже целыми городами и провинциями, но уже сами, без койна на своей шее! Так для кого затеяна эта война? Получается – для виликов?!?

И богомол взорвался криком!

– Да! – вскричал он, надрываясь. – Мы сражаемся за Свободу! Но свободу-то получили только вилики!! Неужели только ради их власти и сытого брюха простые сервы проливают кровь на полях сражений?! Получается так! Но так ли должно быть? Нет, нет и нет!!!

Он обвел площадь безумным пылающим взглядом.

– Я прибыл к вам из далекого Катриша и со мной – почти тысяча сторонников со всей Артоны – мастеровых, ремесленников, простых работяг, несущих на себе бремя каждодневного тяжелого труда. Мы пришли сюда без оружия, но мы взяли с собой свои инструменты – молотки, топоры, вилы, заточенные штыковые лопаты, серпы и косы. Завтра мы все, все, как один, выйдем на площадь Ассамблеи и скажем – а что мы скажем, братья

мои? Что мы скажем?!

– Долой виликов!!! – заорала толпа.

– Смерть угнетателям!

– На кол подонков!

– Виликам – вилы в пузо!

– Пустить им кровь!

– Так и есть! Товарищи, братья мои! – простенал в ответ «богомол». – Всех виликов выбросить на хрен! Власть простым сервам! Даешь равенство для всех!

– Даешь! Даешь!! Даешь!!!

Гор снял шляпу и почесал затылок.

– Это кто? – спросил он у своего спутника.

– Это Честер Керминос, сэр, – ответил тот, испуганно озираясь. – Нехорошая личность, доложу я вам. Злобная очень. Нам бы уйти отсюда, он совсем не любит солдат, а уж гадгедларов – так вообще ненавидит.

– С чего это вдруг?

– У нас с ним, как бы это сказать, э-э... конфликт. Брали мы его пару раз, били. Вы ведь сами слышите – человек призывает мочить виликов, а наш Совет, сами понимаете. Того...

– Чего «того»? – усмехнулся Гор. – Ладно пойдем, достали меня уже сегодня эти митинги.

Но он опоздал с решением.

Внезапно оратор на трибуне замолчал и замер. Люди, до этого скандировавшие «Даешь! Даешь!», также смолкли, глядя на застывшего, как в анабиозе лидера.

Над сквером повисла тягостная тишина. Гордиан обернулся и посмотрел на «богомол». Честер Керминос, рабочий вождь из Катриша, не отрываясь, смотрел на них, точнее – на военные мундиры его, Бранда и застывшего с широко раскрытыми от ужаса глазами патрульного гадгедлара.

Указательный палец Честера поднялся и в полной тишине ткнул кривым ногтем в направлении их троицы.

– Уби-и-и-йцы!!! – взвыл Керминос срывающимся на писк голосом. – Они шпионят за нами! Смерть виликам!!! Смерть!!!

Как огромная амеба, толпа дрогнула, развернулась и бросилась в направлении, в котором указывал скрюченный палец.

Все началось настолько неожиданно, что Гор в первую секунду просто опешил. В оккупированном их армией городе огромная масса народу ни с того ни с сего решила его убить! Происходящее просто не укладывалось в голову. Однако уже во вторую секунду Гор пришел в себя, поскольку в голову уложилось нечто другое: булыжник с мостовой со свистом пересек отделяющее его от толпы пространство и с силой врезался ему прямо в лоб.

В глазах помутнело, Гор пошатнулся и почувствовал, как по лбу стекает что-то обжигающе горячее. «Кровь!» – отчетливо понял он. Еще он понял, что убивать его сейчас будут конкретно и по-настоящему. И никакая божественность в прошлом ему не поможет.

Не думая более о прочем, Гор дернул из-за пояса пистолеты.

Два залпа в самую гущу атакующей толпы прошли просто незамеченными. Действительно, что для сотен человек смерть всего двух-трех? Меньше чем укус. А уже в следующий миг людской поток захлестнул экс-демиурга, сбил на землю и принялся остервенело топтать и рвать голыми руками.

Гор схватился за шпагу, но достать ее конечно же не смог – слишком тесно, да и на руки навалилось по несколько человек сразу. Краем глаза он увидел, как тело Бранда слетело с лошади, а несчастного патрульного гадгедлара, пытавшегося убежать, толпа настигла и также повалила на землю.

Дальнейшее он уже не мог ни описать, ни вспомнить, поскольку со всех сторон на него сыпались бесчисленные и жестокие удары. Кулаком в лицо, ногой в зад и в спину, коленом под дых. Задыхаясь от кулачного града, Гор почувствовал, как теряет сознание и начинает

тихо соскальзывать в глухой обморок, но тут чья-то сильная рука дернула его за ворот. Ноги Гордиана немного приподнялись над землей, и он увидел перед лицом вздутый бицепс обхватом со ствол дерева: Бранд, старина, это он!

Тут еще раздалась выстрелы. Дергаясь и давясь хлынувшей из разбитого носа кровью, Гор приподнял голову и увидел, как с разных концов улицы к месту митинга привлеченные залпами его пистолетов спешат вооруженные патрули, на ходу вскидывая мушкеты и стреляя по митингующим. Пораженная с разных сторон не столько картечью, сколько видом многочисленных спешащих на расправу стражей порядка, толпа медленно спала и откатилась, исчезая в темных подворотнях и узких переулках ночного Бургоса.

Держащая Гордиана могучая рука снова его встряхнула.

– Ну что, – сказал Бранд весело, – ты живой, братишка?

– Угу, – пробормотал Гор, глотая кровавые сопли, – благодарю за спасение. Ты бы поставил меня, а?

Бранд разжал пальцы, и Гор с размаху хлопнулся на землю, ушибив колено и чуть не свалившись на бок. Вот дерьмо!

Бранд между тем огляделся.

– Ты домой меня тащил, что ли? – спросил он.

– Не, на живодерню. – Гор со злостью потер ушибленное колено.

– Поня-атно. А что не разбудил?

– Да тебя добудишься, алкоголик хренов.

Бранд вздохнул.

– Это ты зря, брат, – сказал он серьезно, – я не алкоголик. Я спортсмен. Чемпион авеналий между прочим! Просто пиво тут поганое... если выпить много.

Экс-демиург молча подивился странной логике могучего боссонца, потом, пошатываясь, встал и хлопнул здоровяка по плечу.

– Ладно, – сказал он примирительно, – правда, спасибо тебе, а то запинали бы меня, ей-богу. Кстати, уже почти три часа ночи. Пора бы и в казарму, надо выспаться. Завтра, чую, денек тот еще будет.

– Ассамблея, будь она неладна, – проворчал Бранд.

– Точно, – подтвердил Гор, – а знаешь, Бранд, что я еще чую, кроме того, что нам надо спать?

– И что же?

– Что завтра на Ассамблее будет много интересных лиц. В том числе и тех, кого мы сегодня видели впервые.

– Ты гадгедларов имеешь в виду?

– Если бы только их, брат, если бы только их!

Так, разговаривая, мятые, но протрезвевшие, они медленно побрели к казармам. И хотя война кончилась два месяца назад, в этот день оба четко осознали одно: самая страшная битва – с собственным освобожденным народом – еще ожидает их впереди.

Гордиан усмехнулся. Свобода, этот величайший из всех призов, отвоеванный ими для сервов планеты мечом консидория и штыком мушкетера, внезапно и неожиданно стала тяжким грузом, обременяющим армию, названную в ее честь, более, нежели тяготы походов и потери в сражениях. Свобода для жителей огромной страны принесла с собой и огромную ответственность – всем, кто за нее сражался и умирал, начиная с виликов Совета и кончая последним солдатом, ночующим в окопе. Свобода давила на плечи достигших ее людей всей своей немыслимой ношей.

«Да, идея всеобщего освобождения благородна и необъятна, – подумал вдруг Гор, – она прекрасна, священна, велика и... И слишком сложна, чтобы народ – не армия, не вилики, а именно все население – смогло ей разумно распорядиться».

Что ждет их завтра на площади?

Вспоминая многочисленные трофеи, что доставались армии после кровавых сражений этой ужасной войны, он стиснул зубы и помотал головой.

«Свобода – это добыча безумцев! – бились в нем мысли. – Сокровище, оплаченное телами убитых и доставшееся убийцам».

Глава 6 Господин Уитанагемот

Трэйт смотрел на бушующую огромную площадь, по слухам – самую большую площадь этого мира, с крыши ратуши, где разместился его оперативный штаб. Несмотря на мрачные мысли и сведенные в линию густые, тяжелые брови, сердце его трепетало. Если не от восторга, то от величия и символичности того зрелища, что сейчас разворачивалось перед ним.

Огромная площадь перед великолепным зданием дворянского собрания, где король в былые годы собирал Генеральные Штаты, теперь наполнилось контингентом, от которого у порядочного шательена волосы вставали дыбом.

Сервы.

Сервы – враги короля!

Их было много. Обширные Эшвенские марки насчитывали сотни городов и сотни тысяч поместий. От каждого пришел представитель с несколькими десятками спутников, чтобы добраться в столицу через весь кипящий грабежами и насилием континент. Здесь собрались люди из пышного Солимбриона и далекой Утрики, Северной Бронвены и цветущей Литавры. Люди из Тысячеградья и из Приморской марки, люди из Карабана и люди из Катриша. Почти двести тысяч человек, включая жителей Бургоса, явились на Ассамблею, чтобы выразить свое мнение по поводу будущего устройства государства освобожденных рабов.

Разумеется, такое количество делегатов, по определению, не могло втиснуться ни в одно из стоящих на площади зданий. А посему внутрь Дворянского собрания впускали только представителей крупных городов с верительными грамотами для регистрации, а все остальные (то есть уже зарегистрированные или не имевшие верительных грамот делегаты) толпились бескрайней аморфной массой на каменной брусчатке перед зданием собрания и на десятках соседних улиц. Наверное, даже если бы все оставшиеся после весенней кампании жители многолюдных городских кварталов в этот день вышли на улицы, их вряд ли оказалось больше, чем прибывших в город делегатов со всей страны.

В отличие от маршала Трэйта, рассматривавшего площадь, пожалуй, с самой лучшей из возможных точек, Апостол Свободы, падший бог, а по совместительству мушкетерский полковник Гордиан Рэкс протиснулся на площадь с трудом и далее сквозь толпу – к главному зданию.

Он шел с Никием и почти взводом своих мушкетеров и, только благодаря такому «силовому» сопровождению, усиленно работающему локтями и прикладами, смог пробиться сквозь спрессованные человеческие ряды. Хотя народ вокруг собрался сплошь незнакомый, многие в толпе уже узнавали его. Еще бы – знаменитость, почти легенда! Замечая Гордиана, люди радостно приветствовали его, но не расступались, а, напротив, лезли знакомиться. Гор улыбался, кивал, отвечал что-то невпопад и упорно двигался вперед.

Познакомимся после, есть дела.

Возле здания собраний давка в толпе достигла такой степени, что было просто не продохнуть, но люди все лезли и лезли, протискиваясь вперед, поближе к основному месту событий. Тем не менее Гор смог продвинуться к фасаду, где за ночь сколотили импровизированный помост для главных чинов Армии Свободы и высокую деревянную трибуну – для выступающих.

Тут уже сидели лидеры восстания.

Ближе всех к трибуне на помосте находились сам Циллий Абант – председатель действующего Совета виликов, новый префект Бронвены Астоний Фотий, назначенный комендантом Бургоса вместо королевского сенешаля, генерал Либер Рихмендер, а также

специально прибывший из Кербуля наместник Боссона Вордрик Аймен.

Здесь же присутствовали победоносный маршал Мишан Трэйт и постоянный представитель Совета при штабе Армии Свободы Каро Сабин, величавый и внушительный как никогда.

Рядом с Сабиним прямо за спинкой кресла стоял его бессменный и неразлучный заместитель – Дэн Критий, тот самый, что возглавлял теперь дивизию гадгедларов, Гвардию Свободы, одного из солдат которой Гор встретил вчера поздно ночью.

Вместе с неразлучным Никием Фехтовальщик взобрался на помост, раскланялся со всеми по очереди, затем сел и с волнением окинул взором раскинувшееся перед ним людское море.

Громадная масса народу колыхалась и бушевала – пока спокойно, даже как-то умиротворенно, как похлестываемый несильным ветром дремлющий океан, но Гордиан понимал: сейчас перед ним дремлет чудовищная сила.

Монстр. Масса. Толпа.

Если подумать, людей здесь, конечно, раза в два поменьше, чем было солдат на поле под Шерном. Но там столкнулись армии, разделенные на организованные единицы подразделений, а здесь «бродила» неуправляемая никем и ничем «человеческая гуща», океан Хаоса.

Пока Гор здоровался со всеми, Сабин взошел на трибуну, венчавшую центр обширного помоста, и с ее высоты обратился к собранию.

– Братья мои! – провозгласил вилик громовым голосом. – Я приветствую делегатов свободного Эшвена на его первой священной Ассамблее!

Сабин конечно же был великолепен. Свою реплику он выкрикнул внушительно, красиво и при этом настолько громко, что услышали ее даже в самых дальних рядах, несмотря на шорохи и разговоры. Да, подумал Гордиан, глотка у Сабина луженая. При таких талантах и микрофон не нужен – прирожденный глашатай или певец.

Между тем человеческая масса, пронзенная этим титаническим возгласом, пролетевшим от первого до последнего ряда, притихла и успокоилась. Гудевшие, как развороченный пчелиный улей, люди замолкли и вперились взглядами в оратора. С нетерпением предвкушая начало судьбоносного собрания, они смотрели на Сабина и вслушивались в его речь, растекающуюся над ассамблей, как небо, разворачивается над океаном.

Посмотреть стоило: огромного роста, с широченными плечами и громадной, тучной фигурой, Сабин выглядел умопомрачительно. Даже необъемное брюхо, висевшее на Сабине, не портило общего впечатления. Наоборот, более внушительной фигуры на ораторской трибуне представить себе было трудно. Хорошо поставленный, громовой, но в то же время какой-то бархатный голос лавзейского вилика пленял и завораживал, заставляя внимать изящным оборотам и горячим, эмоциональным призывам.

– Победа, – звенел его голос колокольным набатом, – даровавшая Свободу сервам Эшвена, досталась нам дорого! И, видит Бог, каждый из стоящих здесь знает об этом, ибо победа наша оплачена кровью наших же товарищей, павших на полях сражений и под стенами городов. Их жизни требуют отмщения! Их жизни требуют возмездия для своих убийц! Их жизни требуют свободы для своих братьев-рабов, кто еще мучается под пятой Бориноса в заморских провинциях! Их жизни требуют окончательной победы над изгнанным из Эшвена, но сильным и жестоким врагом, зализывающим раны за океаном!

Но главное – они требуют от нас сплоченности. Единства, братья мои, без которого победа эта невозможна! Сейчас, когда король Боринос и церковные псы повержены нашей доблестной армией – героями, что принесли освобождение миллионам рабов на кончиках своих алебард и пик, на штыках своих мушкетов, худшее, что мы можем сделать, – это допустить разногласия в наших рядах! Лишь стоя плечом к плечу, прикрывшись одним щитом и взяв в руки единый меч, мы сможем защитить завоевания нашей армии! И нашей Республики!

Да, друзья, я не оговорился, именно Республики, ибо, если кто-то из вас не заметил, прямо сегодня и прямо сейчас, прямо на наших глазах и внутри наших сердец происходит величайшее событие, что впишут во все летописи Твердого Космоса. Сейчас, по вашей воле и с вашими поднятыми руками, голосующими за новый земной порядок, умрет ненавистное королевство Бориноса, королевство рабовладельцев. И на священных землях Эшвена восстанет по зову истории новая, свежая, спелая и светлая сила – Республика Рабов! Нет, не рабов, друзья мои, то будет РЕСПУБЛИКА СВОБОДНЫХ!!! Вы слышите меня? Свободных людей!

Так говорил Сабин.

Он рокотал. Он пел. Он рыдал на трибуне!

Сабин рыдал и пел это еще, по крайней мере, полчаса, и за это время все присутствующие, казалось, были загипнотизированы стройностью его доводов и безупречностью решений. Наконец, когда делегаты, вместившиеся в зал, были окончательно подавлены силой слога и завораживающим тембром голоса оратора, он внезапно закончил:

– Только могучее и хорошо организованное государство, друзья мои, сможет защитить нашу Республику от любых посягательств Бориноса или всякого другого подонка, рискнувшего бросить ей вызов. Защитить свинцом и сталью. Защитить высокими стенами городов и насыпями полевых редутов. Но главное – защитить своей грудью, своим мужеством и пламенем сердец! Все вместе! Ведь каждый в отдельности – слаб, но вместе – нас миллионы, нам подвластны огромные земли и тысячи городов! Так давайте же сегодня все, как один, поднимем руки за новый ордонанс, который станет для будущих поколений священным храмом и знаменем Свободы!

Тут он хлопнул в ладоши, и по этому знаку на трибуну взбежал Дэн Критий, с показным трепетом сжимая обеими руками Великий ордонанс, свернутый трубкой и связанный зачем-то яркой голубой лентой, скрепленной замысловатой сургучной печатью.

Величественным жестом Сабин сорвал печать, отбросил в сторону ленту и развернул документ.

Гордиан тихо усмехнулся – выглядело все до ужаса театрально.

Но народ купился: люди застыли в молчании, слушая с плохо сдержанным восторгом и живым трепетом в душах и глазах.

Сабин прочитал ордонанс восторженным речитативом, делая ударения на повсеместно встречающихся в тексте словах «Свобода» и «Республика», «Единство» и «Победа», потом очень быстро пробежал короткие предложения об утверждении Великого Совета в прежнем составе, свернул манускрипт и вопрошающим взором взглянул на пораженную аудиторию.

Слова Сабина прозвенели над площадью как набат колокола, как мелодия гимна, как сигнал к началу атаки. Площадь зашумела. Напряжение последних минут спало – на лицах людей заиграли улыбки, в глазах заискрились радость и неподдельное счастье. Сабин обернулся к Гордиану и, победно улыбнувшись, мотнул ему головой, приглашая на трибуну. Весь вид его как бы говорил: «Ну, каково? И ты сравнивал меня с Трэйтом? Давай, осталось только добить!»

И Гор вбежал на трибуну по зову вилика так же, как за минуту до этого туда забрался шавкой адъютант Сабина.

Вилик чуть приобнял его за плечо и громогласно объявил:

– А сейчас, друзья, настал торжественный момент. Я приглашаю вас к голосованию! И огласит вопросы для голосования не просто человек, не просто воин нашей славной армии и даже не просто герой. Друзья мои, с невероятной гордостью и замираньем сердца своего представляю вам... Гора Фехтовальщика!!!

Не известно, замерло ли в этот момент сердце у самого Сабина, но лично у Гора оно дрогнуло, застыло на мгновение и застучало, чуть не выпрыгивая из груди, а на глазах снова, как вчерашним утром, навернулись слезы. Но если вчерашние являли собой следствие горя и отчаяния, то сегодняшние были явно другими. Это были слезы опьянения счастьем и гордостью.

За себя. За дело, которым он дышал и жил весь последний год. За сервов Эшвена и за их такую невиданную, неожиданную, обильно политую кровью, но такую сладкую Свободу!

Площадь ахнула – вдохнула и выдохнула так, словно имела одни легкие на все стоящие строем тысячи душ, и взорвалась криком восторга.

Гор Фехтовальщик! Освободитель! Кумир миллионов!

Каро Сабин между тем спокойно, но по-прежнему громогласно продолжал:

– Чемпион авеналий, мастер клинкового боя, славный предводитель стрелкового корпуса, герой Ташского сражения, Рионской битвы и взятия Бургоса. Человек, пленивший самого кардинала и выкупивший ценой его жизни свободу для всех нас. Святой Апостол, разрывающий проклятые хомуты, как горла червям-шательенам. Да что там говорить, вы все знаете его. Встречайте – Гор Фехтовальщик!!!

Зал зашумел снова, флюиды радости и какой-то наркотической эйфории окатили всех присутствующих и зацепили самого Гора, пошатнувшегося на непослушных ногах и почти захлебывавшегося от исходящей от толпы волны восторга.

Но Сабин не медлил. Он ткнул Гордиана в плечо, выводя из сладкого ступора, и сунул в руки листок, где красовались всего два абзаца, четко отделенные друг от друга.

– Читай, – тихо, но очень жестко приказал Сабин, хотя лицо его по-прежнему улыбалось. – Пусть голосуют, время дорого.

Гор развернул листок перед глазами.

– Итак, – произнес он громко, стараясь придать словам как можно больший вес и силу, – свободные сервы Эшвена! Я обращаюсь к вам! Голосуете ли вы за Великий ордонанс, поддерживаете ли вы его всей душой, признаете ли вы Великий Совет единственным и высшим органом власти над свободными землями? Любите ли вы нашу Свободу и Республику всем своим сердцем, как люблю ее я, клянетесь ли защищать Свободу, Республику и Великий Совет ценой своей жизни, до последней капли крови и до последнего вздоха? Кто «за» – пусть поднимет руку вверх!

Площадь заворочалась и взметнула ладони к бездонному небосводу. Вестовые и адъютанты, стоящие по краю площади, бросились судорожно считать, что-то записывая в маленькие блокноты, но, в общем, без толку, ибо и так было ясно, что все голосуют «за».

– А теперь тот, – продолжал Гордиан, читая второй абзац по врученной ему бумаге, – кто желает раскола нашей славной армии, гибели Республики и роспуска Великого Совета, пусть поднимет руку и выйдет вперед, чтобы каждый из нас, свободных сервов Эшвена мог увидеть такого человека в лицо.

Толпа замерла. Никто не шевелился. «Раскол армии и гибель Республики» – сами слова эти казались страшными, они просто не помещались в сознание, за мгновение до этого до отказа заполненное радостью и восторгом. И ни одна рука не поднялась вверх...

«Демократия, черт побери! – подумал Гордиан. – С такой постановкой вопроса можно утвердить хоть смертный приговор для всех собравшихся. И ведь проголосуют».

Сабин между тем аккуратно отеснил Фехтовальщика с трибуны и, встав на его место, поднял руки вверх, привлекая к себе внимание.

– Голосование закончено! – торжественно объявил он. – Ордонанс принят единогласно. Благодарю всех собравшихся за проявленное мужество и мудрость. А сейчас... – Тут он снова улыбнулся, набрал в легкие побольше воздуха и заорал: – Мы будем праздновать, друзья! Да здравствует наша Республика! Да здравствует Великий ордонанс! Да здравствует Победа!

Все закричали. Вверх, как водится, полетели головные уборы. Кто-то из делегатов-офицеров затянул даже бравую маршевую песню, сочиненную сервами во время походов. Кто-то подхватил эту мелодию, и поющие ряды заколыхались чуть ли не в ритуальном экстазе.

Да здравствует победа – Сабин победил!

Но в это мгновение перед стенами Дворца грянул сухой выстрел. Ряды делегатов раздвинулись, расталкиваемые крепкими руками, а к помосту и трибуне, быстро семена

упитанными ногами, выбежал крупный мужчина в роскошной одежде и с шикарной, широкой бородой, свисавшей вниз аккуратным квадратом.

Гор моргнул и вспомнил – то был Гор Арбаль, собственной персоной, первый вилик столицы, не включенный Сабинем в Великий Совет.

В руке бородач держал дымящийся пистоль.

– Не пугайтесь, господа! – прокричал он низким хриловатым голосом. – Выстрелом я лишь привлék внимание, никто не пострадал.

С этими словами он отбросил свое разряженное оружие и в сопровождении нескольких человек протолкался к трибуне. Здесь спутники оставили его, и на трибуну он взобрался в гордом одиночестве, нагло втиснувшись между Гором и Сабинем.

– Что вы позволяет себе, Арбаль? – вполголоса прошипел Сабин так, чтобы его не слышали стоящие на площади. – Ума лишились?

– Никак нет, господин советник, – заявил артощ, нимало не смущаясь, и очень громко, так чтобы его слышали все, – а вот вы похоже, тронулись, да?

– Да что это значит?! Вы не уважаете Совет и почтенных делегатов Ассамблеи! Это оскорбление! – Сабин вскипел и развернулся к стоящему рядом вестовому: – Капрал, немедленно арестуйте негодяя!

Капрал, вооруженный одной лишь шпагой, немедленно попытался вытащить ее из портупеи, однако спутники Арбаля, стоявшие у трибуны, выхватили пистолеты и направили стволы прямо ему в голову. По ближайшим рядам пробежал ропот, но Арбаль, не обращая на него внимания и уже окончательно обнаглев, грубо толкнул Сабина с трибуны, затем встал на его место и поднял руки в успокаивающем жесте.

– Спокойно, господа! – возвестил он торжественно и громко. – Наше оружие – лишь средство для борьбы с произволом. Мы пришли не драться, а говорить. Говорить и открыть вам глаза на происходящее здесь! Посмотрите вокруг, – он обвел рукой замершую площадь, – что вы видите, а вернее кого? А я вам отвечу! Здесь, на площади, стоит двести тысяч человек, делегатов свободного Эшвена. А сколько их прибыло в Бургос с верительными грамотами от своих городов и поместий? Я отвечу еще раз. Только пять тысяч. Пять тысяч, вы слышите?! Но кто же остальные, те, кто стоит сейчас рядом с нами? И я отвечу в третий раз – это сервы-солдаты из Боссона, снявшие на сегодня свои мундиры. А также праздные зеваки, зашедшие на площадь поглазеть. Это не делегаты, не делегаты!

По толпе пошел глухой шепоток, словно ветер зашелестел степной травой. Арбаль откашлялся и продолжил:

– Как представитель Бургосского отделения Партии Равных, я требую, чтобы в голосовании приняли участие только те лица, которые зарегистрированы и имеют соответствующие верительные грамоты от своих городов и земель. Все остальные могут поддерживать их как угодно, но голосовать не должны. Иначе подлог получается! Я предлагаю тем из присутствующих, кто имеет на руках верительные грамоты, подойти ближе к трибуне и проголосовать еще раз, но зафиксировать свое мнение письменно, на отдельном листе, с указанием города, который они представляют, и указанием лица, подписывающего документ. После этого все подсчитаем и посмотрим результат. Далее! Уважаемый советник Сабин очень много говорил, но совершенно не о том, что написано в документе. Было много слов о свободе и борьбе с королем и церковью, однако на деле после простой декларации всей этой словесной галиматии ордонанс Сабина просто закрепляет действующий состав Совета, управляющего армией. Совета, который на девяносто процентов состоит из боссонских виликов! В нем нет ни одного представителя от Артоша и Арана, а разве это справедливо?! – Он повернулся к Сабину. – Вы слышите меня, сударь? Не будете ли так любезны еще раз разборчиво зачитать нам имена советников?

Сабин выпрямился так, как будто в зад ему вставили кол. Он не торопясь потянул мышцы своей чудовищно мощной шеи направо, затем налево. Потом волчьим взглядом посмотрел на низкорослого Арбаля.

– Голосование закончено, Арбаль. Ты опоздал. Ордонанс принят, а состав Совета

утвержден.

– Черта с два! – заорал артощец, брызгая слюной. – Вы слышите, господа! Это же произвол! Не было никакого голосования. Советник Сабин лишь спросил, кто тут за Свободу, а кто предатель! Разумеется, все за Свободу, а предателей нет.

– Закрой рот! – Сабин широко шагнул к Арбалью и, толкнув того плечом, свалил с трибуны. – Право на голос имеют не только те, кто явился в Бургос с верительной грамотой, но и всякий свободный серв! Каждый, кто стоит сейчас на площади, каждый, кто пришел на Ассамблею, имеет право голоса. Это древний закон!

«Верно! Верно!» – закричала разношерстная масса.

«Неправильно! Неправильно!» – замахали руками делегаты из дальних городов, тряся своими грамотами.

Сабин усмехнулся. Зевак и солдат-боссонцев явно присутствовало больше. К тому же мушкетеры Крития, называемые им «гадгедларами», с одним из которых Гордиан столкнулся в прошлую ночь, сумели наконец-то протолкаться к помосту сквозь плотные ряды и сейчас наставили мушкеты на людей Арбаля.

– Еще вопросы есть? – победным голосом спросил Сабин поднимающегося с земли артошца.

Но, к удивлению Гора, тот встал совершенно спокойно.

– Вопросов нет, – сказал он, пожимая плечами, – но если это «древний закон» и каждый, кто пришел на Ассамблею, может голосовать, то ты не будешь против, чтобы к нам присоединились еще люди? – И с этими словами он ткнул рукой в сторону противоположного конца площади.

Сабин обернулся. Гор поднял глаза и обомлел.

В сверкающих лучах солнца сверху вниз по бегущей к площади главной улице города двигалась огромная толпа. На головах людей были зеленые платки, а на руках – зеленые повязки. Впереди колонны шел знаменосец с огромным зеленым полотнищем на древке алебарды – полотнище колыхалось на ветру, как поле извивающихся змей.

Зеленознаменный питон вонзился в стоящую на площади толпу народа и, расталкивая ее, устремился к центральной трибуне.

– Это измена, – зашипел Сабин.

– Нисколько! – заверил Арбаль, обернувшись к делегатам. – Они лишь хотят проголосовать согласно древнему закону. Это жители Бургоса, городские сервы со своими виликами. Освобожденные рабы, как и все мы здесь!

Сабин с побелевшим лицом смотрел, как зеленоплатковые заполняют и без того забитую народом площадь. По всему выходило, что они составляют едва ли не половину из прибывших на Ассамблею.

– Не соизволите ли еще раз зачитать ваш ордонанс? – поинтересовался Арбаль медовым голосом. – Нет?.. Тогда я прочту свой!

С этими словами он снова забрался на трибуну так, чтобы его видели как площадь, так и прибывшие товарищи, и достал из куртки еще одну свернутую трубочкой бумагу. Новый манускрипт на сей раз не имел сургучной печати, но его тоже обвивала красивая ленточка, правда, зеленая.

– Итак, это не «другой» ордонанс, – тут Арбаль сделал акцент на слове «другой», – ибо мы полагаем, что не следует употреблять для первого свободного установления Республики названия устаревших и преступных монархических законов. Мы назвали этот документ Хартией Свободы! Подобно тем старинным декларациям, что древние жители Артоша требовали у своих королей в подтверждение вольностей и иммунитетов. Здесь нет ни слова о Великом Совете, ни слова о назначаемых Великим Советом губернаторах провинций и марок. Ибо мы полагаем, что высшей ценностью для Республики является не только свобода для всех рабов, но и справедливость!

Далее Арбаль очень коротко изложил основные принципы предлагаемых реформ. Согласно документу «зеленых», власть в Эшвене должна принадлежать не Боссону, а всем

маркам их великого континента. Должен быть избран не Великий Совет, а Всеэшвенский Собор, составленный из делегатов всех земель Эшвена, избранных городами и префектурами. Более того, «зеленые» даже не протестовали против предложенного Сабином состава Великого Совета. Все названные им лица войдут в Собор без исключений. Но в Собор должны были войти также и представители других марок в количестве, пропорциональном населению соответствующей территории. Не более того! От Боссона, таким образом, в Ассамблею войдет тридцать человек, а Боссон – лишь десятая часть населения Эшвена. Это значит – общая численность всех делегатов должна составить около трехсот человек, от каждой префектуры – по двое! Таким образом, к управлению государством будут допущены не только северяне, но и избранные вилики от всех свободных марок Эшвена.

– Разве это не справедливо, судари мои? – провозгласил Арбаль. – Ответьте же мне! Это – справедливо?! Ответьте же мне!

– Да! Да! Да! – заскандировали не только зеленоплатковые, но и многие из тех, кто стоял между ними без зелени на головах и предплечьях. Даже боссонцы из числа солдат Армии Свободы только пожимали плечами и мрачно глядели на веселящихся «собратьев». Им, разумеется, было обидно за Боссон, но справедливость есть справедливость: действительно, кровь придется проливать сервам из всех провинций, а значит, и власть следует делить всем провинциям.

Сабин смотрел по сторонам, как затравленный волк. Он молчал. Несколько раз тучный советник открыл и закрыл рот, чтобы что-то возразить, однако так и не решился, а только залился краской от бешенства – сказать ему было нечего. Его замысел провалился.

Веселящийся Арбаль между тем уже приготовился зачитать сам предлагаемый документ, когда внезапно положение изменилось...

Гор почувствовал это каким-то странным образом, как кот, которого ветер тронул за усы. Толпа по-прежнему бушевала, Сабин молчал, Арбаль веселился. Гадгедлары и пистолетчики «зеленых» опустили свое оружие, одни – в растерянности, другие – в восторге. Все оставалось таким же, как секунду назад, и все же...

Отделившись от толпы, из наваливающих на помост рядов вперед вышел невзрачный на первый взгляд старикашка в окружении таких же невзрачных, как он, спутников. Пожилой человек был высок и сух, словно сушеный богомол. Седой пучок волос на полысевшей голове, длинные узловатые пальцы на руках, неприятный оскал гнилых желтых зубов и прочие прелести «натурального», а не клонированного тела. Честер Керминос – пробежал по спине Гордиана леденящий душу холодок: он его узнал!

Честер меж тем улыбнулся гнилым ртом и взошел на трибуну. Он был не просто уродлив – Честер был страшен. От него будто веяло мерзостью, сумасшествием и... какой-то потусторонней мистической силой. Сабин и Арбаль, пораженные внезапным появлением на трибуне неизвестного конкурента, отпрянули, боясь коснуться грязной одежды и тощего тела катришца. Но тот лишь окинул обоих невидящим взором, как будто смотрел на мертвецов, а затем неожиданно как-то криво развернулся к толпе и надтреснуто захохотал.

– Вилики! – пугающе резко заорал он, надрываясь и тыкая пальцем в живот Арбаля. – Вот они, перед вами! Они топчут вашу веру в Свободу у вас на глазах, а вы даже не видите этого изуверства. Узрите же яд, что капает из уст предателей! К управлению государством будут допущены «ви-ли-ки» всех марок Эшвена! Так он сказал?! Не сервы свободных земель, а только ви-ли-ки! Ужели не видит глаз и не слышит ухо? Ужели сеть зла и обмана опутала ваши сердца так, что те стали глухи к голосу рассудка? «Свобода», «справедливость» – говорят эти псы с лицами добродетельных мужей, но только кнут и розгу имеют они в виду!..

Керминос, казалось, задышался от гнева.

– Вилики, – надрывался он, – те, кто презирал и унижал вас вместе с шательенами, а часто и вместо них. Те, кто бил вас, калечил и предавал пыткам! Неужели им, этим червям, столько лет лизавшим сапоги наших врагов-шательенов, мы отдадим власть над новым

свободным миром? Нет, говорю я вам, нет, нет и нет!

– Да что он там лопочет, – вполголоса возмутился Арбаль и дал знак пистолетчикам: – Остановите глупца!

– Это безумец! – вскричал почти одновременно с ним Сабин и посмотрел на Крития: – Арестовать недоноска!

И «зеленые», и гадгедлары двинулись было к «богомолу», но тут невзрачные спутники показали зубы. Откинув полы своих плащей и курток, они оцетинились лесом пистолетных стволов, обрезов, шпаг, сабель и топоров.

Все замерли, и «богомол» захохотал снова.

– Собратья! – возвестил он. – Нищие и прислуга, мастеровые и конюхи, чернорабочие и грузчики с портовых доков. Все, кто со мной, ко мне!

И тут из окон окружающих площадь домов, из бесчисленных мелких улиц и переулков, из дворов и подъездов на площадь выбежали отряды в коричневых камзолах – то были простые сервы из работных домов. Гор бегло оглядел самые крупные группы,двигающиеся из боковых улиц, и покачал головой: две, три, пять тысяч человек, по меньшей мере. И они все прибывают. Да откуда столько?

Площадь, сдавленная с разных концов домами, а изнутри раздираемая страшной давкой и теснотой, оказалась сжата еще раз стальными тисками нового человеческого прилива. Чернорабочие длинными толстыми нитями устремились в центр, выталкивая соответственно менее организованных делегатов первой волны в свободные улочки и проулки, примыкающие к площади.

Дождавшись, пока к помосту прорвутся первые ряды «коричневых курток», Честер довольно потер руки.

– Вот бумага, – сказал он, поднимая над головой третий за сегодняшний день свиток, – это не «ордонанс» и не «хартия». Я назвал его «Словом Эшвена», ибо это последнее и единственное слово, которое несет вам правду, а не ложь, рожденную виликами в их мерзости и злобе. Правду о том, каким будет наш новый счастливый мир, мои братья!

Гор искося посмотрел на манускрипт. Глазам предстала вообще дерьмовая бумага без всяких украшательств. Он вообще умеет читать, этот уродец?

Уродец же вещал:

– Не только свобода для тех, кто был рабом, не только справедливость для земель Эшвена, но и равенство для каждого из нас – вот что сказано здесь. Вот, во что мы верим и чего мы требуем! Нет вилика! Да здравствует равенство между сервами! Пусть каждый свободный, в каждом городе и в каждом поместье будет равен своему вилику в правах свободного гражданина. Пусть судьбы городов и префектур решаются не в кабинетах управляющих торговыми домами, а так, как сегодня, – на площадях всеми сервами! Пусть каждый, кто получил свободу, вилик он или нет, сможет быть избранным в качестве делегата на Всеэшвенский Собор! И не триста человек будет в нем, а три тысячи! А понадобится – то и тридцать тысяч!

– Но позвольте, милейший, – встрял Арбаль, видя, что пистолетами делу не поможешь, – что же за Собор числом в тридцать тысяч человек?! Да они не поместятся ни в одно нормальное здание для собраний. Что же, будут заседать под открытым небом, в поле?

– На площадях! – заорал Керминос. – На площадях городов и во дворах поместий! На площадках заводов и на плацах школ! Да! В древности жители Эшвена собирались именно так – на полях. Теперь это будут каменные поля! Долой Великий Совет, долой Собор и Ассамблею виликов! Даешь «Каменные поля» для всех сервов!

– Каменные поля! Каменные поля! – подхватили тысячи глоток в неистовом крике. – Долой Ассамблею! Власть – всем сервам!

Теперь уже не только Сабин, но и Арбаль растерянно взирал на беснующееся человеческое море. Чернорабочих было слишком много, к тому же многие из «зеленых» и боссонцев, захваченные горячей речью Керминоса, вторили «коричневокурточной» толпе.

– Это бред! – заорал Сабин, перекрывая своим потрясающим голосом рев огромной

толпы. – Кто будет командовать армией, кто будет управлять предприятиями и городами – ваши «каменные поля» по тридцать тысяч человек в каждом? Так не пройдет ни одно решение, ни один человек не будет назначен и ни один закон не будет принят!

– Заткнись! Пошел ты! – В Сабина полетели мелкие камни и какой-то мусор. – Проклятые вилики! Вон! Вон отсюда!

Но Сабин лишь отмахнулся от летящего в него града и вновь обратился к Керминосу:

– Это вопрос к вам, любезный! Кто поведет армию на сражение с королем? Вы лично или какой-то другой каменотес? Или вы всем составом делегатов пойдете прямо с «Каменных полей» на «травяные» поля сражений?

Его ехидству не было предела.

Керминос собрался что-то крикнуть в ответ на вопрос или просто плюнуть в лицо Сабину – было не понятно, но в это время из дальних рядов закричали:

– Трэйта, Трэйта командующим!

– Нет, Фехтовальщика! Гора Фехтовальщика!

– Керминос! Керминос!

– Арбаль!

– Гор!

– Трэйт! Трэйт! Трэйт!

Толпа заскандировала, задвигалась на месте, выкрикивая имена то одного, то другого лидера, но в конце концов сторонники одних, менее популярных утихли, подавленные более многоголосым хором сторонников самой известной личности. Через минуту площадь уже скандировала, повторяя на разные голоса имя самого грозного из сервских полководцев:

– Трэйт! Трэйт! Трэйт!

Гор не был удивлен, да и становиться военным лидером Армии Свободы ему почему-то совсем не хотелось. Он отбросил сомнения и, выйдя вперед, крикнул что есть мочи:

– Трэйт – командующий! Все за – Трэйта! ЗА!! ТРЭЙТА!!!

Это, похоже, решило дело. Сторонники Гора, второго по популярности кандидата в полководцы, немедленно или замолкли, или присоединились к скандирующим «Трэйт! Трэйт! Трэйт!».

В это время Керминос, окончательно лишившийся рассудка из-за срывающегося плана, с ненавистью кинулся на Сабина. Его сухой кулак врезался в безразмерный живот огромного вилика и утонул в складках жира. Сабин в растерянности оттолкнул его. Подбежавшие гадгедлары тут же попытались разнять дерущихся лидеров и схватить Честера Керминоса, но не смогли. Многочисленные спутники голодранца снесли их с трибуны, разрядив свои пистолы прямо в лица «гвардейцам свободы», а затем бросились на оставшихся с дубинками и ножами.

Завязалась драка. Гор Арбаль с ужасом взирал на это несколько мгновений, но затем один из мастеровых, тот самый, что стоял с двумя тесаками, заехал ему своим оружием по лицу. Удар пришелся вскользь, поскольку бил люмпен неумело, однако кусок кожи и волосяного покрова, как по волшебному мановению, исчез с головы предпринимателя, и тот жалобно заверещал, расплескивая кровь по трибуне. Спутники Арбаля немедленно разрядили свои пистолы в дерущихся и прыгнули в гущу хаотической бойни с длинными кинжалами, спрятанными под полами одежды. Брызнули фонтаны крови.

Вот тебе и все демократические выборы!

В мгновение ока вся огромная площадь превратилась в арену хаотической бойни!

Черт! Где же Трэйт? Рука Гора медленно потянулась к оружию – судьба Ассамблеи висела на волоске. Мечта о свободе, за которую они сражались столь долго, засыпая трупами поля незатухающей сервской войны, была готова рухнуть в бездну братоубийственной бойни. Не из-за козней кардинала, не из-за доблести солдат короля, а из-за глупости людей, делящих власть в едва освобожденной стране.

Гордиан стиснул зубы и отдернул руку от собственного клинка: даже его меч, великолепный меч чемпиона боссонских авеналий, тут ничего не решит!

Резко повернувшись, он спрыгнул с помоста, чтобы избежать случайной пули, и схватил за отвороты стоящего сразу за трибуной вестового офицера гадгедларов.

– Сигнал! – прокричал он ему в лицо. – Должен быть сигнал на ввод войск на площадь! Тебе известно, что это за сигнал?

– Никак нет, сэр! – отвечивал тот. – Сигнал должен был подать лично советник Сабин. Возможно, он просто пошлет к войскам курьера, возможно, что-то еще.

Гор покачал головой, мысли лихорадочно скакали.

– Ерунда! – крикнул он. – Единственный сигнал, который может начать движение такой массы, это сигнал армейского горна. Где ваши трубачи, офицер? Здесь?.. Отлично! Ребята, играть «К атаке!». Даже если условный сигнал другой, Трэйт поймет! Ну же, шевелись!

И горны взревели!

И забила барабанная дробь!

Сабин, Арбаль и Керминос замерли с открытыми ртами. Их спутники в нерешительности опустили оружие, убитые валялись на трибуне и на земле, и только раненые своими криками чуть оттеняли этот грохот.

Оттрубив, горны замерли.

Гор нагнулся к ошеломленному офицеру гадгедларов и спросил его шепотом:

– Послушай-ка, дружище, как называли в Эшвене древний сход воинов, который собирали вожди перед походом?

– Уитанагемот. Но зачем?..

– Спокойно! – Гор удовлетворенно кивнул и выпрямился.

Вся площадь смотрела сейчас на него.

Не мешкая далее, Фехтовальщик вскочил на трибуну и поднял руку, привлекая к себе внимание многотысячной массы.

– Братья! – воскликнул он что есть мочи. – У нас есть три проекта для будущей Республики. Каждый из них представлен одним из валяющихся прямо передо мной, прямо в пыли и крови дерущихся людей. Это великий Гор Арбаль, неподражаемый Честер Керминос и божественный Каро Сабин...

В толпе послышались смешки.

– Но есть и четвертый! – продолжал Гор. – По старинному обычаю, более древнему, чем Закон Ассамблеи, более старому, чем все королевства и республики этого мира, в грозную годину войны все решения в Эшвене утверждались уитанагемотом, простым «сходом воинов». Имеющий оружие имеет право голосовать! Не имеющий – не имеет! Есть ли среди вас воины, друзья? Есть! Тогда именно вас я призываю к голосованию. Отныне Ассамблея закрыта. Но открыт уитанагемот! И кроме стоящих на площади, есть еще желающие сделать свой выбор! Смотрите.

Он выхватил меч и острием сияющего клинка ткнул за спины взирающих на него людей.

– Встречайте! Знакомьтесь: господин Уитанагемот!

Толпа повернулась, как огромное неуклюжее чудовище, – на площадь двигалась новая неохватная людская масса.

Эти не шли змеей под самодельным знаменем на древке алебарды. И не выпрыгивали из окон первых этажей, не выскакивали из проулков. По улицам Бургоса к заполненной народом площади шли не люди – то были солдаты. Четкий строй, плечом к плечу. Чеканя шаг под стук барабанов.

С проспекта правее трибуны выдвинулась, ошестинившись копьями, бригада пикинеров. За ней виднелась вторая.

Из аллеи слева показались консидории Бранда в полном вооружении. Их было значительно меньше, чем пикинеров, так мало, что в узкой аллее через сто или двести метров угадывался даже конец колонны. Но каждый из консидориев шел в железном доспехе, со щитом, в глухом шлеме и с тяжелым мечом в руке, владеть которым каждый из них

приучался с первого дня в этом мире.

– Колонна, стой! Мечи из ножен! Сомкнуть щиты! – прорычал Бранд, и бравые консидории синхронно, как огромная многорукая машина, выполнили скупую команду своего грозного предводителя.

А по центральной улице, более широкой и вливающейся в площадь, как могучая река вливается в океан, двигался самый широкий поток – кавалерия Крисса с заряженными карабинами и кривыми саблями в седельных ножнах.

– Первый ряд – в карабины! – скомандовал Крисс, красующийся верхом во главе своих всадников. – Остальным – сабли наголо!

И по этой команде тысячи лезвий, прошипев внутри деревянных полозьев ножен, вылетели на воздух, а Медиас Кордис ослепительно блеснул, пройдясь лучами по холодным раструбам грозных кавалерийских обреза, что устались дульными пятаками прямо в обомлевшую на площади толпу.

– Стой! В первую позицию! Пики к бою! – прорычал Сардан Сато, полковник первой пикинерской бригады.

Бригада замерла, опустив оружие параллельно земле, и только первый ряд выдвинулся чуть вперед, выставив левые ноги, а правыми наступив на древки своих пик, устремленных вверх под углом. Смертоносный двухрядный частокол копий смотрел на собрание народа, а собрание – на частокол.

– А вот теперь голосуем, – проорал Гор и звонко рассмеялся: – За Трэйта!!!

Когда его смех замолк, в звенящей, почти гробовой тишине, царившей над площадью всего секунду назад, прозвучал громогласный рев сотен тысяч солдатских глоток, и в воздух взметнулись все сто тысяч пик и двести тысяч мушкетов, тридцать тысяч драгунских сабель и десять тысяч мечей консидориев.

Уитанагемот сделал свой выбор!

Гордиан удовлетворенно кивнул.

– Голосование окончено! – торжественно провозгласил он. – Я, Гор Фехтовальщик, Тринадцатый пророк, Освободитель, Ракир Жало, снявший с вас койны, я призываю вас всех к присяге! Пусть настоящее собрание, сделавшее свой выбор по древнему обычаю уитанагемота, «схода всех воинов», присягнет сейчас Республике и нашему кандидату!

Трэйт – командующий и диктатор!

Трэйт – законодатель и судия!

Трэйт назначает людей в Великий Совет и Великий Собор Эшвена.

Трэйт назначает Ассамблеи.

Кто «против» – путь выйдет сюда!

Кто «за» – пусть поднимет вверх свое оружие.

А кто его не имеет, тот пусть просто умолкнет! Навсегда.

Он обежал глазами огромную, заполненную народом площадь. Под хмурым взглядом копейных наверхий и хищным прищуром мушкетных дул никто не двигался. Даже солнце. Ни единое слово не покинуло уст. Ни единый возглас.

Да и что тут сказать? Республика восставших рабов – это Республика их сражающейся армии. Иначе и быть не может. Ни в этом мире, ни в любом другом. Все остальное – просто болтовня.

– Я принимаю ваш выбор! – провозгласил Фехтовальщик. – Да здравствует первый Верховный маршал! Да здравствует Республика! Да здравствует Мишан Трэйт!

Глава 7 Имя Бога

Тем временем в западном крыле великолепного мраморного дворца, раскинувшегося в десяти километрах от столицы Антийского континента города Митополя, Его величество Единого Короля Бориноса ожидал старый знакомый, успевший, правда, порядком

поднадоесть за несколько недель их совместного пребывания в вынужденной южной ссылке.

Амир, кардинал Бургосской епархии.

Ничтожество, из-за которого был потерян священный Эшвенский континент и захвачено ядро сколоченной за тысячелетие империи. Отвратительная в своей беспомощности, мерзкая клерикальная тварь.

Однако Боринос вошел в кабинет и лучезарно улыбнулся. Как бы там ни было, до возвращения Господа Хепри Амир не в его власти. В противном случае Его высокопреосвященство уже давно украшал бы собой кол. Но... всему свое время.

Король вежливо поклонился:

– Ваше преосвященство!

– Ваше величество!

– Как самочувствие? Этот южный климат не изнурил вас?

– О, сир, я терплю.

Боринос пожал плечами, прошел в глубину комнаты, где завалился в роскошное кресло красного ясеня с меховым пледом и позолотой, и не удержался от шпильки.

– Даже если так, сударь, – сказал он, – я полагаю, что климат здесь все-таки тяжеловат для здоровья. Вы не склонны думать, что нам пора отправляться несколько... м-м, несколько севернее?

Лицо Амира вытянулось, как от пощечины. Все эти долгие недели богообразный лик клерикального владыки Эшвена и так был омрачен печатью скорби от пережитого в Бургосе унижения, когда он, властелин миллионов душ и неисчислимого церковного состояния, стал жертвой грязного, презренного серва.

– Неужели вы попрекаете меня, сударь? – вспыхнул он. – Я с превеликим удовольствием прямо сейчас оказался бы в центре Бургоса, как вы изволили выразиться, «несколько севернее», чтобы вместе с дознавателями церковной инквизиции перевешать лидеров рабской швали, захватившей вашу столицу! Но, как это ни прискорбно, в столице нет ваших солдат, без которых моя инквизиция бессильна. И на что вы намекаете? Военное поражение – это целиком и полностью ваша проблема, сир, и ни в коем случае не моя!

Король снова пожал плечами. В последнее время ему доставляло удовольствие бесить своего вынужденного визави. В конце концов, если бы не этот урод с посредственными умственными способностями, большая часть Эшвена оставалась бы под властью короля.

– Вы так полагаете, сударь? – Его величество скривился. – Тогда извольте подумать вот о чем. Зима на исходе, храмы Хепри в Эшвене закрыты и не поставляют в многомиллионные города континента ни промышленной продукции, ни грамма продовольствия, что намного важнее. Конечно, запасы континентальных складов велики, но весной-летом следующего года армии голодранцев, чтобы не сдохнуть с голоду в ободранных ими провинциях, придется куда-то двигаться. А теперь представьте мысленно карту: весь центральный Эшвен, а именно Артош, Аран и Артона ими уже заняты. Переправить сотни дивизий через море к нам, в Антику, они не в состоянии в связи с банальным отсутствием кораблей. Тысячеградье у них под каблуком, и что остается? Остается единственное направление для экспансии – Эльбиника, собственность церкви! Думаю, вам понятна моя мысль! Как только спадут снега, полчища сервов двинутся на восток. И тогда проблема военного противостояния станет, безусловно, в большей степени вашей проблемой, нежели моей!

Амир вскочил, нервно прошелся по комнате и снова сел.

– Ваша мысль мне понятна, сир, – сказал он наконец, – но она не верна. Вы забываете, что Эльбиника – это не просто провинция, это священная земля Господа! И посему главная гавань Эльбиники охраняется не только силой клерикальных полков, но и прежде всего божественной мощью церкви.

При этих словах почти в экстазе Амир воздел руки над головой и бешено потряс руками.

Король усмехнулся.

– Вы говорите о древних огненных башнях, не так ли, сударь? – Он поднял бровь. – Но

это всего лишь замшелые легенды! Неужели ваши архаические дольмены еще способны на что-то?

– О, вне всяких сомнений, сир. Огненные башни построены Господом более трех тысяч лет назад, в самые первые годы правления церкви на этой земле. И именно в ту далекую эпоху они использовались в первый и последний раз. То была Хоттская война, если не ошибаюсь. Башни испепелили армию хоттов в двести тысяч копий на расстоянии почти пять километров от стен города. Те даже не увидели очертаний Стеллополя! Вы можете себе представить?

– Ну, представить вряд ли, однако в любом случае цифры впечатляют. Вот только правда ли это? Я первый и единственный король Эшвена вот уже более десяти столетий, но про хоттскую кампанию слышу впервые.

– О, сударь, – Амир покачал головой, – в этом нет ничего удивительного. По местному времени война закончилась более двух с половиной тысяч лет назад. В то время, насколько я помню, вы жили в другом мире и королевских регалий не носили. Вы ведь сын Хепри, не так ли? В те далекие годы Его Божественность правил сам, совмещая власть духовного наставника и государя нашего мира. И этот период длился почти две тысячи лет. Тогда я был наместником обоих Марли и принимал участие в хоттской войне именно как наместник соединенных западных марок во главе Солимбрийского ополчения.

Король посмотрел на Амира с плохо скрываемым сомнением.

– Забавно, – сказал он, – получается, что вы тоже солдат? Удивительно, но, имея за плечами столь обширный военный опыт, сударь, вы должны водить полки более искусно, чем мой Оттон, упокой, Господи, его душу. Ну, ладно, ладно, не напрягайтесь, – махнул он рукой, заметив, что Амир побелел от гнева. – Так вы, значит, видели башни в действии?

– Видел. – Амир отвернулся. – И смею вас заверить, что это зрелище трудно забыть! Башни не убивают молниеносно. Мгновенная смерть наступает только для тех счастливых, кто оказался в центре одного из лучей. Этот центр занимает, как я понял, не более десяти метров в окружности. Еще где-то километр от этой точки сила луча действует по убывающей, нагревая поверхность предметов, а не просто сжигая их. У хоттов, оказавшихся в сфере такого остаточного воздействия, плавилась доспехи, кожа и плоть опалились, но при этом все они оставались живы в течение еще какого-то времени. Представляете, какие они испытывали мучения?!

– И вы могли наблюдать столь пикантные подробности с расстояния в пять километров, стоя на городских стенах? – Король фыркнул.

– Отнюдь, – обиделся церковник, – и это не предмет для шуток, сир. Проектировщик башен, кто бы он ни был, по всей видимости, являлся существом с весьма специфической, я бы даже сказал извращенной психикой. Не знаю, с какой целью, но башни сочетают в себе не только функции оружия, но и функции переноса изображения. Все, что происходило с хоттами, пока Господь Хепри жарил их на марше, в великолепном качестве отображалось на ночных небесах, как на гигантском экране от горизонта до горизонта, так что превращение сотен тысяч здоровых мужчин в жаркое могли наблюдать все, кто был тогда на юге провинции.

– Должно быть, впечатляющее зрелище! – Боринос даже облизнулся.

– Могу вас уверить, сир, более чем.

– Тогда, мой любезный друг, быть может, вы сможете применить ваше умопомрачительное оружие не только в обороне, но и в нападении? Давайте просто испепелим полчища сервов прямо в лагерях под Бургосом – и дело с концом!

Амир снова фыркнул:

– Вам прекрасно известно, сир, что ни огненные башни, ни иное оборудование храмов я не могу использовать без личного распоряжения Господа Хепри. Причем речь не идет о простом формальном разрешении сделать это. У меня просто нет технической возможности, ибо для активации башен нужен его личный код, который, как вы понимаете, мне не известен. Боже! Да я не могу даже воскресить своих автоматчиков! Сколько еще можно об

этом спрашивать? Если ваш Генеральный Штаб не в состоянии вести войну на равных с этим проклятым «маршалом рабов», то не стоит обвинять в этом церковь! Вините своих солдат, сударь, а не меня!

Почему-то именно последняя реплика вконец взбесила Бориноса.

– Не трогать мой штаб! – рявкнул он. – Если бы храмы помогли мне, восстание подавили бы еще в зародыше! В вашем распоряжении уникальная техника, оружие, силы, которые даже невозможно вообразить вонючим рабам, захватившим мою страну! И мне надоело выслушивать нелепые обвинения по поводу причин нашего разгрома. Хватит винить моих солдат! Да, мы проигрывали сражения, но Эшвен рабам сдала церковь, разве нет? Это ваша жизнь выкуплена в Бургосе ценой миллионов сервских ошейников, а не моя. Вместо того чтобы давить сервов с помощью сверхоружия, вы сдаете им целые континенты!

Король грязно и витиевато выругался.

– Когда-то давно, – произнес он, немного успокоившись, – когда я не был королем и жил в другом мире, Господь Хепри призвал меня сюда и вручил мне эти земли. И я отстою их, сударь, с вами или без вас!

Он подошел к окну и отдернул штору:

– Взгляните сюда!

Окна комнаты выходили на гавань, и вся акватория была заполнена сотнями кораблей.

– Это десантный флот, – пояснил Боринос, – я собирал его, как вам известно, все эти месяцы для перевозки своих дивизий через океан. Но сегодня из миров-каверн Варданея и Кира подошли последние полки и сборы закончены. Не позднее трех дней от сегодняшнего утра моя армия поднимется на корабли и отойдет на север, чтобы вырвать сердца у озверевшей рабской швали, захватившей мою столицу. С вами или без вас, сударь, я выступаю.

– Вы высадитесь прямо под Бургосом, сир?

– Полагаю, нет. В устье Кобурна топи, дорог там нет, идти можно только водным путем на кораблях по великой реке. Добрая батарея картаун, поставленная на речных берегах, превратит мой флот в щепы. Поэтому мы высадимся немного южнее, где к океанскому побережью подходят дороги, годные для передвижения армии, и на столицу зайдем с запада. К тому же там обширные луга, где мы сможем развернуться для битвы.

Тут он снова выругался:

– И все же, сударь, в походе мне понадобится ваша помощь. Если наша хваленая церковь не в состоянии использовать сверхоружие, то помогите хоть в малом. Моим командирам понадобятся ваши спутники, чтобы следить за передвижением сервов, ваши радиотелефоны, чтобы поддерживать связь, и, наконец, им понадобятся ваши храмы! Да-да, я хочу, чтобы по мере продвижения моей армии, вы снимали с храмов силовые поля и включали машины для синтеза. Солдатам нужна будет еда и вода, сменное белье и одежда, пули для мушкетов и ядра для кулеврин. И спаси вас Хепри, если сейчас вы откажете мне в этом!

Амир, несколько опешивший после этой отповеди, моргнул и пожал плечами.

– Ну что вы, сир, – сказал он, – радиопередатчиков я вам, конечно, не дам, по уже известным причинам. Но в остальном, все что угодно – любая информация со спутников, любая продукция из храмов. Более того, я готов предоставить вам солдат церкви, чтобы пополнить ряды десантной армии.

– У вас есть бойцы?! – король был удивлен. – Если не ошибаюсь, церковные автоматчики погибли под Бронвеной и Бургосом до последнего человека, равно как и ваши гвардейцы-красноплащники.

Амир кивнул.

– Это так, сир, – подтвердил он, – но среди воинов церкви есть и другие. Я говорю о Священном легионе и двух клерикальных полках.

Король усмехнулся.

– Ну, сударь, – протянул он, – я видел действия Священного легиона и клерикалов в

кампании Господа Хепри против валькинггов в Истрии. Ни те, ни другие, признаться, не произвели на меня впечатления. Одни – жутко мутированные гиганты, закованные в пуленепробиваемую броню. Другие – обычные мушкетеры, притом плохо обученные. Скажу вам откровенно, сударь, среди моих телохранителей найдутся экземпляры, не уступающие в объемах мускулатуры вашим гигантам-легионерам. А что же касается клерикалов, то... то более дерьмовой пехоты я не видел в жизни! С оружием они обращаются настолько плохо, что любой новобранец даст им фору. Единственное, чем они меня тогда поразили, – это маниакальная смелость, с которой церковные роты бросаются в атаку. С полным презрением к смерти, отчаянно, удало! Однако, если быть предельно честным, пустая бравада в бою – меньше, чем ничто. Это глупость, сударь! В бой ваши ввязались лихо, но тут же почти все и полегли из-за косолапости в рукопашной.

Теперь уже усмехался Амир.

– Вы старый солдат, сир, – заметил он, – но надо бы вам знать, что умение обращаться с оружием не всегда гарантирует победу. Дело в том, что смелость наших солдат вполне объяснима. Они бессмертны, сир! И для их хебседирования, в отличие от спецназовцев и гвардейцев, нам не требуется кодов Господа, я могу утверждать такие воскрешения сам. Повсюду в храмах – в Артоше, Артоне, Аране, Эльбинике, Антике и Тысячеградье – установлены уловители душ, настроенные на шунты клерикалов. За их смертью последует возрождение. Каждый павший на поле брани уже в следующую секунду поднимается в храме, надевает новый мундир и берет в руки новый мушкет. Они – идеальные воины при всех своих недостатках! Кстати, я прибыл к вам в сопровождении эскорта из клерикалов. Если позволите, я приглашу одного.

Король скептически согласился и кивнул своему телохранителю, стоящему у входа с алебардой на плече. Солдат скрылся за дверью и спустя минуту в коридоре, соединявшем зал с приемным покоем Амира, в четком строевом ритме застучали по паркету подкованные кавалерийские сапоги.

«Кавалерийские? – удивился Боринос. – У клерикального пехотинца?»

Дверь распахнулась, и в зал вошел человек, от вида которого в первое мгновение Бориноса бросило в дрожь, как от вида собственного трупа. Меж золоченых створок двери перед королем и приором в сером церковном камзоле с золотым поясом шательена стоял человек, погибший восемь месяцев назад последней смертью на поле под Шерном. Играя желваками, король воззрился на своего племянника.

Хавьер де Катрюшен, знаменитый и безжалостный шательен-консидорий, шаркнул ножкой и изысканно поклонился.

* * *

Спустя полчаса лорд Хавьер сидел напротив Его величества на золоченом стуле, закинув одну ногу на другую.

Никто в присутствии короля сидеть так не смел. Даже Амир. Но Хавьер не смущался, он пил кофе и хрустел вафлей в сахарной пудре. Амир сидел тут же на диване перед высоким столом. Чашка его была пуста – никто не наливал.

Официально знаменитый лорд-консидорий считался племянником самодержца, однако и сам Боринос, и Хавьер, и Амир прекрасно знали, что это ложь. Три тысячи лет назад, когда Апостол Хепри, еще не провозгласивший себя Господом, шлялся по мирам-кавернам в сопровождении победоносных армий, покоряющих страны и континенты, Боринос служил кадровым менеджером в одном из отелей в кластере Сота Корпорации Нулевого Синтеза. То есть в другом Мироздании.

Три тысячи лет назад владелец сети отелей, а по совместительству Господь Твердого Космоса, призвал его сюда, соблазнившись исполнительностью, послушанием и несомненным талантом Бориноса к урегулированию конфликтов с подчиненными. Конфликты урегулировались в основном массовыми увольнениями и жесточайшей системой

штрафов, которые, будучи перенесены на почву средневекового Эшвена, выродились в систему нечеловеческих пыток и медленных убийств.

Боринос с удовольствием применял не только заточенный кол для протыкания задниц, но и большие сковороды для поджаривания подданных в масле, а также вертела для их пропекания над открытым огнем. В общем, кадровая работа в Эшвене велась на славу – понятиям Бориноса о дисциплине оказались недоступны только церковные служащие, опека над которыми вверялась кардиналу. Из мирян же во всей огромной «твердой» вселенной королю был неподвластен только один человек...

Этим человеком был Хавьер.

Давно, очень давно, в стародавние времена, когда лорд-консидорий еще не сделался шательеном Эшвена и бравым кавалеристом, его приемный отец Боринос рассказывал ему странные сказки. Лорд Хавьер родился в Эшвене, где наряду с клонированием практиковали и примитивное живорождение – тут не только клонические фабрики, но и обычные женщины могли стать вестниками новой жизни, зажигая в новорожденных телах новые искры разума, что зовутся в храмах Хепри душой.

Но Хавьер, сколько себя помнил, всегда был взрослым. Большим. Два метра роста, саженные плечи, крупные руки, нос коршуна, орлиный взор, напор!

А вот детства у него никогда не было. В то же время, он не являлся и программным клоном, ибо, насколько подсказывала ему память, он всегда жил в Эшвене.

В общем, все это выглядело странно. Множество раз за свою долгую, насыщенную смертями жизнь, а умирал он, если ему не изменяла память, уже раз пятнадцать, Хавьер задумывался над этим странным феноменом – ведь, по сути, он был единственным, кто не помнил своего детства вообще.

Программные клоны стандартно помнили выдуманную жизнь в виртуальном мире. Живорожденные эшвены – обычное детство, проведенное в красивых городках и живописных усадьбах этой огромной средневековой страны. Но Хавьер был не таков.

Рожденный в клонической колбе взрослым, он не имел памяти. Старые обитатели дворца, да и сам Его величество король Боринос неоднократно рассказывали, как его – огромного слюнтявого мужика обучали сначала ползать, затем – ходить. Есть с ложки, самостоятельно одеваться. Пользоваться клозетом и не гонять собак.

Он не был дебилом. Просто мозг в этом огромном теле был девственно пуст. Потому, наверное, его обучение шло быстрее, чем у найденных в лесу «маугли» и чем у настоящих маленьких детей.

Уже через полгода после рождения Хавьер осознал себя. Еще через год – свободно пользовался членораздельной речью и бегал. Через два – уже ездил на лошади и играл с палашом.

В три года врачи признали его вполне полноценным совершеннолетним человеком. В следующие пять лет он стал владетельным шательеном Эшвена, получил титул, земельный аллод и звание гвардейского полковника. А следующие триста лет славно гулял на просторах Невона, рубя в капусту гладиаторов-консидориев или выезжая впереди строя королевской жандармерии в многочисленных битвах, что вел Боринос, завоевывая не покоренные еще континенты и города родной планеты.

А еще Боринос рассказывал ему на ночь сказки – по крайней мере, в первый год жизни. Тогда они казались Хавьеру страшными и темными. Но сейчас, разглядывая себя и рассказчика с высоты прожитых лет и опыта, он понимал, что «дядя», который ни разу за все время царствования не назвал его «племянником», не просто развлекал своего подросткового воспитанника. Он программировал его – на будущее.

– Наш мир – это отражение другого, большего, – говорил Боринос. – Вселенная Эшвена лишь стеклышко в огромном калейдоскопе. Ты должен это понимать! Однажды, когда случится то, чего мы все ожидаем, ты должен быть готов. Есть формула, она проста, как лезвие палаша. В любом мире, где властвует Смерть, ты – на особом счету. Ты не можешь умереть никогда! Пока существует последний храм, последний замок, последний

Индустриальный Центр последнего кластера последней вселенной нашего Искусственного Мироздания, ты будешь жить, Хавьер!

И Хавьер жил – насыщенно и разнообразно. Мироздание Твердого Космоса, которое Амир иногда называл Мирозданием Приключений, как будто было сотворено специально для него. Бесконечные драки, дуэли, обеспеченные бессмертием; безумные богатство и власть, обеспеченные покровительством короля; войны, в которых его убивали, женщины, которые делили с ним шелковые постели в роскошных спальнях или в пылающих переулках взятого штурмом города, все это доставляло ему бесконечное наслаждение. Почему? Он не имел понятия.

Однако то, что происходило в Эшвене в последний год, заставило его пробудиться...

Хавьер знал многое из того, что смертным Твердого Космоса не следовало знать. Несмотря на провалы в памяти, видения чуждого прошлого будоражили его покой. Не раз и не два за многие годы он приходил к Бориносу и к Амиру, задавая вопросы и не получая ответов. Кроме своей судьбы и своего прошлого, Хавьера интересовали науки, техника и боевые искусства. Он заставил Амира обучить его стрельбе из автомата и бластера, а также вождению гравикаров, хранившихся в ангарах провинции Эльбиника. Он заставил Бориноса возить себе наложниц и рабов из других Мирозданий и, прежде всего, из загадочной Корпорации.

Так завозились на Эшвен лучшие красотки из Нулевого Синтеза, и лучшие повара, и лучшие массажисты, и лучшие художники, и блистательнейшие из трюкачей. Однако самым загадочным приобретением лорда Хавьера за эти три тысячи лет стал вилик Гартаг.

Гартаг был ужасен хищным взглядом тигриных глаз и неукротим в сражении. Он не выделялся силой – не сильнее местных бойцов, – но владел уникальной техникой мечного поединка, с которой и блистал на ристалищах. Эта техника звалась «фехтованием».

Ровно год назад Гартаг пал, сраженный тщедушным ублюдком, рожденным в храмах в обычной клонической колбе. А спустя сутки от руки того же молокососа погиб и Хавьер, пронзенный первым же – и смертельным – ударом низкорослого палача. Уже трижды Хавьер умирал от руки недоноска, и с каждым разом ненависть его разгоралась все сильнее и сильнее. Но вместе с ненавистью росло и удивление лорда: ведь звали его врага «Фех-то-валь-щик!»

Связь этого человека с другим Мирозданием присутствовала, таким образом, налицо. Лорд спрашивал о ней короля, но тот лишь отмахивался. С каждым годом из последних столетий виделись они с царственным «дядей» все реже и реже. И каждый раз вид Хавьера вызывал у монарха все большее раздражение. Быть может, «то, чего мы все ожидаем», должно было лишить его трона? И снова сделать менеджером при отелях?

Наконец чашка Хавьера опустела. Знаменитый бретер и бабник отставил посуду и посмотрел на своих «дядек», воспитывавших его почти с самого клонического рождения. Амир, как обычно, в присутствии короля старался сдерживать эмоции, король, как обычно, комплексовал в присутствии бессмертного шательена-консидория.

– Ну-с, – сказал лорд Хавьер, глядя в глаза своему первому наставнику, – я вижу, сир, вы не ждали моего визита.

– Не ждал – это мягко сказано! – фыркнул король. – Амир, какого черта вы меня не предупредили? Я бы хоть... подготовился!

– Подготовились? Ну что вы, – улыбнулся Хавьер, – кофе был вполне достойным, вафли отличные, а иной встречи мне и не надобно. Излишества тут ни к чему.

– Я не кофе имею в виду! – махнул рукой Боринос. – Вы, сударь в последнее время меня раздражаете. У меня целый список обвинений, и если бы я знал, что вы придете, я бы приготовил его и повозил вас по нему вашим длинным орлиным носом! Насколько мне известно, именно вы виновны в похищении девицы нашего юного Апостола Свободы, которая и стала, по большому счету, причиной этого идиотского бунта. А что за кровавую баню вы устроили недавно в Бургосе? Сменили тело и в другом обличье проникли с группой головорезов на оккупированную сервами территорию. Нет, я не против диверсионных

операций, но вы даже не удосужились поставить меня в известность! Меня, короля! Ваше происхождение многое вам прощает, но не все! Клянусь Хепри, не все!

– Вот на счет происхождения, – заметил Хавьер, – я бы хотел узнать подробнее. Вы с Амиром водите меня, простите, за мой «длинный орлиный нос» уже уйму времени, ничего не рассказывая о моем прошлом. Сегодня я прибыл, чтобы положить этому конец! Это ведь не просто бунт сервов, не так ли? Я не идиот и вижу, что с каждым днем ситуация ухудшается. Стремительно ухудшается! Этот Гор Фехтовальщик, кто он такой? Что связывает его с Корпорацией?! И, в конце концов, что связывает с ней меня?!

Амир и Боринос переглянулись.

Хавьер при всей своей наглости никогда ранее не позволял подобного тона и подобных прямых вопросов. Господь Твердого Космоса не отвечал на электронные письма кардинала, а следующий плановый сеанс связи предстоял еще только через три месяца. Решение им предстояло сейчас принять самим. Причем быстро. Несмотря на кажущуюся незыблемость государственного и церковного строя вселенского королевства, ситуация с сервским бунтом со всей очевидностью приближалась к своей критической точке. Ибо важнейшей картой в раскладе, как ни крути, были не только армии и эскадры, но и мощь богов, играющих смертными, как пешками на доске!

И Боринос решил.

Он не спеша поднялся, прошел через комнату, сел за рабочий стол, включил компьютер и отправил файл на распечатку. После того как из принтера вынырнул белый листок с коротким списком имен, Его величество протянул его кардиналу. Тот ловко подхватил и передал шателю.

Пока Хавьер вчитывался в распечатку, Боринос начал вещать.

– На листке несколько имен с краткими описаниями их носителей, – пояснил он. – Список я взял из сетевой Библии, так называемой «Библии Нуля» или «Библии Смерти», что в Континиуме Корпорации почитается собранием сакральных файлов, Священным писанием вселенной. В наших храмах известны только ее отрывки, отдельные главы и выдержки. Каждое из имен списка – это имя Бога, Творца Сущего! Искусственное Мироздание включает в себя огромное количество Континиумов, каждый из которых состоит из почти бесконечного числа вселенных, каждая из которых включает в себя множество миров. И, разумеется, в Искусственном Мироздании обитает большое количество богов. Но Единый Бог – лишь один. Учитывая что Нуль-Синтез был создан и ныне существует после гибели всех «естественных» вселенных, общее имя нашего ужасающего Творца вполне логично. Это Бог Смерти, Нуль! А наш Хепри – всего лишь его наследник. Но, как и любое абсолютное божество, Смерть имеет множество инкарнаций. Пройдитесь по списку!

Палец Хавьера послушно соскользнул вниз. Буквы складывались в слова, слова скользили по его разуму, как по залитому льдом склону.

Аннубис. Ам-Мон. Ат-Тум. Первые имена шли на «а» и далее – по алфавиту. Но ближе к концу списка палец Хавьера дрогнул.

Там было написано:

«Гор. Он же – Хор, Хорнатор, Гармахис.

Бог мести, палач, боевая реинкарнация Смерти».

А еще ниже:

«Хефу. Он же – Хавьер.

Бог вечности и бессмертия.

Запасная телесная оболочка на случай гибели Абсолютного Божества».

Медленно лорд поднял округлившиеся глаза на своего короля.

Глава 8

Дуй на юг!

Глаза Гора слезились, он часто моргал и периодически тер их ладонью. Из-за

бессонной ночи и нервного утра настроение было ни к черту. Однако вызов на офицерский совет даже для таких относительно самостоятельных руководителей армии, как колонели отдельных корпусов и полков, являлся серьезной штукой, так что Гор, несмотря на настроение и самочувствие, быстрым шагом притопал в назначенное место ровно в десять пятнадцать, как и условился с Трэйтом.

После памятного уитанагемота здание Штаба королевской гвардии в одночасье превратилось из обители Совета виликов в Ставку Командующего Армией Равных. Внешне на здании это никак не отразилось – над крышей по-прежнему весело струились по ветру сине-золотые знамена, однако вот внутри некоторые изменения все же произошли. Канцелярия Совета виликов естественным образом сделалась аппаратом Ставки Верховного Командующего, а огромный, раздутый до невозможности штат адъютантов и секретарей членов Совета виликов, так же как и самих советников, пришлось подсократить.

Боссонские, а также некоторые артошские вилики, успевшие к этому моменту войти в Совет, вежливо, но без излишних церемоний выселялись из казенных кабинетов, из недавно оформленных государственных квартир, из лучших казарменных комнат и направлялись в свои поместья, что называется, «по домам».

Их места занимали штабные офицеры, а также впервые сформированные по совету Гордиана отделения и управления Ставки – разведка, кадры, собственная безопасность, административно-хозяйственная служба, управление военных имуществ, финансовый и даже аналитический отдел.

И все же уехали не все вилики. Когда Гордиан, а также подтянувшиеся к зданию одновременно с ним Бранд, Крисс и Сардан вошли в кабинет Трэйта, в кресле напротив новоиспеченного Верховного маршала и диктатора сидели двое – Циллий Абант и, разумеется, Каро Сабин.

Бывший председатель Совета, вилик таргетских усадеб, Циллий Абант, при своем росте, худобе и выпученных глазах, выглядел как высушенная, обиженная отловом вобла и в основном молчал. Однако Сабин, чья огромная туша залила своими складками все кресло, говорил не переставая, порой переходя на высокие ноты, и активно жестикулировал руками. Разговор шел горячий.

– Вы просто невозможны, Мишан! – всплескивал руками Сабин. – Управлять Республикой без Совета?! Да как вам в голову такое пришло?

– Не мне, сударь, – спокойно возразил маршал, – это пришло в голову солдатам армии, которых, кстати, вы сами пригласили на уитанагемот.

– На Ассамблею, сударь!

– А есть разница? Думаю, никакой. Признаться, я и сам не ожидал, что так выйдет. А потому, для вашего вящего успокоения, заявляю, что государственная власть мной принята только на время войны. По ее окончании я, безусловно, сложу с себя все диктаторские полномочия, и дальнейшее государственное устройство определит Учредительное Собрание всех марок Эшвена. Хотите – называйте это новой Ассамблеей. Вы удовлетворены?

Сабин вспыхнул.

– Ни в коей степени! Я требую признать, что ваше избрание на Ассамблею было просто формальностью. Вы – командующий армией, и это не подлежит сомнению. Но вы должны сохранить Совет виликов и все его старые полномочия. Я и все члены совета настаиваем на этом! В противном случае...

Тут Трэйт не выдержал и посмотрел на Сабина в упор. Лицо его было спокойным, глаза внимательными, но в их глубине Гор уже заметил маленькие сверкающие молнии ярости, готовые вырваться наружу.

– И что же в противном случае? – холодно поинтересовался маршал.

Сабин открыл рот, чтобы что-то сказать, застыл на мгновение, потом сомкнул губы и опустил глаза. Действительно, крыть ему было нечем. Не заговором же угрожать? От унижения Сабин покраснел еще больше, его полное лицо стало почти пунцовым.

– Ну что же, сударь, – сказал Трэйт, – на сей печальной ноте, я полагаю, мы закончим

беседу, ибо у меня и моих офицеров еще много дел. Вы свободны.

Сабин резко встал, откинул стул в сторону и выбежал из комнаты, колыхая складками тела. Циллий поднялся медленнее, с достоинством старого управленца. Несколько секунд он смотрел на Трэйта печальными подслеповатыми глазами, затем сказал:

– Мишан, Мишан... Я помню вас совсем еще ребенком. Когда вы в первый раз вышли на арену Лавзейской школы обычным кадетом. Зачем вы так с нами? Разве мы враги?

Мишан также поднялся с кресла. Было видно, что ему неловко выслушивать упреки старого друга и наставника.

– Мы не враги, Циллий, – вздохнул он, – но идет война. Я не могу вести бойцов на смерть, постоянно оглядываясь на Совет виликов. Поймите меня правильно, я уважаю членов Совета и всегда прислушивался к их мнению, но в последнюю кампанию мнение гражданских руководителей только мешало армии. Я никогда бы не посмел выступить против Совета виликов, нарушив свою клятву верности. Но раз уж армия сама постановила, что именно я решаю, быть Совету или не быть, то вот мое мнение: Совет виликов не нужен. По крайней мере, на время войны.

Циллий кивнул:

– Я прекрасно понимаю вас, Мишан, однако должен заметить, что каждый из членов Совета – это яростный борец, не менее ваших офицеров мечтающий о свободе для сервов. Каждый из них мог бы внести свой вклад в общую борьбу, если не на посту советника, то в любом другом месте. Было бы неразумно отталкивать этих людей от дела восстания вообще. Дайте нам хоть что-то.

– Что именно? – спросил Трэйт.

– Посты в армии, губернаторство над марками, магистратуры в городах. Каждый вилик – это опытный администратор, мы не будем лишними, поверьте.

Трэйт вышел из-за стола и прошелся по комнате.

– Вы просите о ком-то конкретно?

– О многих. Но прежде всего о Каро Сабине и Дэне Критии, Мишан. О ваших лавзейских товарищах. Критий – полковник гадгедларов, гвардии Свободы, командующий внутренним корпусом, созданным нами для борьбы с контрреволюцией. Пусть он останется его командиром.

Маршал помолчал, недовольно покрутил ус.

– Хорошо, – сказал он наконец, – пусть останется. Я не стану его смещать, пока нет серьезных нарушений. А что с Сабиним?

Циллий пожал плечами.

– Бургос, столица Эшвена, – сказал он. – Я думаю, для этого города нет более достойной кандидатуры на пост префекта, чем наш друг Каро.

– Сомневаюсь, – пробурчал себе под нос Трэйт, но тут же развернулся и сказал: – Однако, если это ваша личная просьба, то она будет удовлетворена.

– О, да. Это личная просьба, Мишан.

– Пусть будет так, сударь. С завтрашнего утра Сабин назначается префектом Бургоса и префектуры Бургоса и Литавра. Что-то еще?..

Когда Циллий вышел, Трэйт коротким жестом пригласил стоящих на входе офицеров присаживаться.

Они расселись вокруг его стола полукругом, в роскошных обтянутых шелком креслах. Все несколько пораженные теми уступками, которые новоиспеченный маршал только что сделал для партии виликов. Почти полностью должности префектов и губернаторов провинций были заняты бывшими советниками и приближенными к ним людьми. Согревало только то, что собственно в армии единственным командиром «от виликов» остался Критий. На всех остальных должностях находились не вилики и провилики, а рядовые сервы, выдвинувшиеся в ходе войны.

Как всегда, паузу неопределенности в лоб и с ходу нарушил Бранд.

– Меня, конечно, никто не спрашивает, сэр, – сказал он, смущаясь, – однако, по-моему,

зря мы с ними цацкаемся. Надо бы за шкварник – и вон из города! А то, значит, Сабин теперь станет столичным префектом, а этот его прихвостень Критий по-прежнему останется заправлять целым полком! Зря, зря: чую я, намучаемся еще и с тем, и с другим.

Трэйт поморщился:

– Знаешь, Бранд, дружище, я вот не пойму одного – вы выбрали меня командующим или проституткой? С каких пор я должен отчитываться перед своими офицерами?

Бранд заткнулся и опустил глаза, но Трэйт не собирался устраивать выволочку. Он хлопнул великана по плечу и примирительным тоном продолжил:

– Что касается свежих назначений, то тут я могу сказать одно. Что бы ни решила армия в Бургосе, вилики пользуются большим влиянием во многих провинциях. Если вы заметили, большая часть вчерашних депутатов Ассамблеи была представлена именно управляющими поместий, а не кем-то другим. Так что прямая ссора со вчерашней властью чревата расколом. Это один момент. А другой таков: Циллий прав, не все вилики такие говорливые политиканы, как Сабин. Многие из них преданы нашему общему делу и могут быть реально полезны. К тому же все они – профессиональные управляющие, хозяйственники, администраторы, бизнесмены. Именно они нужны сейчас нам на местах. По крайней мере, на гражданских должностях.

Трэйт вздохнул.

– Да, – продолжил он, – в Бургосе и Рионе, в Силломарисе и Утрике нами захвачены десятки тысяч орудий и сотни тысяч единиц ручного оружия. Тонны боеприпасов, сотни армейских продовольственных складов, огромное количество амуниции, казна марок и провинций. Свыше ста тысяч пленных королевских солдат и даже несколько военных кораблей. Да, мы на вершине славы! Да, миллионы освобожденных сервов по всей стране боготворят нашу армию, а прочие жители, бывшие свободные подданные короля, готовы лизать нам сапоги. Однако каждый из вас должен прекрасно осознавать, что без поддержки твердынь храмов Хепри нашему новорожденному государству не устоять перед монархией Бориноса, сколько бы побед мы ни одержали, сколько бы земель нами ни было захвачено!

Сначала людям нужны свобода и победы, но затем им банально хочется есть.

Продовольственные запасы пока велики и непосредственной угрозы голода нет. Однако сколько так может продолжаться? Уже сейчас даже поверхностный анализ отчетных документов, которые поступают в Ставку от фуражиров, показывает, что хлеба нам хватит от силы на год. И только вилики могут помочь нам справиться с этой проблемой. Республика будет сдавать захваченные промышленные предприятия и усадьбы в аренду бывшим управляющим с требованием выплатить стоимость аренды через год зерном или промышленными изделиями. И если война не завершится в ближайшее время – а я не вижу для этого серьезных предпосылок, – вилики должны организовать на территории Эшвена новую экономику, чтобы обеспечить нас пищей и товарами, без которых Республика умрет. Гор, уж ты-то должен понимать, что нищета и голод разят любую власть, любую армию, надежней, чем пика и пуля. Наверняка и смертельно. Именно поэтому сегодня я сделал первый шаг к этой сделке. И через неделю, когда я призову виликов взяться за организацию хозяйства, они мне не откажут. Иного выхода нет, вы поймите!

Бранд покачал головой:

– По мне так простые сервы вполне могли бы и сами организовать работу в усадьбах и мануфактурах. Зачем нам вилики?

Но тут уже подал голос Крисс:

– Нет, Бранд, маршал прав. Для производства и торговли нужна организация. Ни один рабочий сам по себе не встанет к станку и не выйдет в поле. Нужен контроль, нужна ответственность, а иначе все замрет. Да и, собственно, мы явились сюда не для дебатов. – Он развернулся к Трэйту: – Вы нас звали для чего-то конкретного, сэр?

Трэйт кивнул:

– О да, друзья мои. Прежде всего я хотел бы поблагодарить вас, старших офицеров армии, за прошедшее избрание. Признаться, я не ожидал такого исхода Ассамблеи. Спасибо

за доверие. Спасибо за оказанную честь. В то же время я заявляю перед вами, как перед братьями по оружию и предводителями крупнейших военных отрядов, что государственная власть принимается мной только на время войны, как я уже говорил. А по ее окончании диктаторские полномочия будут сложены и будущее устройство Республики определит новая Ассамблея. Уитанагемот, «сход воинов», конечно, хорош, однако в мирное время судьбу вселенной должна решать мирная Ассамблея.

– Принимается, – сказал Гор и встал. – Мой стрелковый корпус в полном распоряжении командующего.

– И мои консидории, – подхватил Бранд.

– И мои драгуны, – заявил Крисс.

– И пикинеры! – Сардан Сато прищелкнул каблуками.

Трэйт посмотрел на каждого из них по очереди, потом крепко обнял одного за другим. Потом отвернулся, отошел к окну, помолчал. Было видно, что могучего старика переполняют чувства, но он справился с собой и вернулся к столу уже совершенно спокойный.

– Ну что ж, – произнес он прежним невозмутимым и строгим голосом, – тогда по делу. Из Антийского Каскада поступают известия, что Боринос серьезно готовится к войне. В Митополе собирается огромная армия и флот для перевозки десанта. Наши лазутчики по линии Партии Равных докладывают, что вдоль северного побережья континента собраны все суденышки, способные перевезти людей через внутреннее море. Воинские контингенты отозваны из колоний и по предварительным данным придут в Митополь не позднее шестого дня месяца Хойак. Усиленно воскрешаются шательены, истребленные нами под Шерном и Рионом, так что по истечении весны, судари мои, нас ждут очень бурные летние месяцы... Теперь далее. Линия побережья, которую надлежит охранять, очень велика. Перекрыть все места возможной высадки вражеского десанта мы, разумеется, не сможем, поскольку это просто распылит наши силы вдоль огромной линии и в любом случае обеспечит противнику численное превосходство в месте, где он непосредственно вступит на берег... Я предлагаю следующее. На самом побережье оставить минимум войск – только габелары местных префектов, небольшие гарнизоны в портовых городах, не более того.

Саму армию разделить на две крупные части и каждую из них расположить вдали от берега, но в пределах оперативного маневра. Первую часть – под Бургосом. Вторую, я думаю, вот здесь (Трэйт подошел к висящей на стене карте), в районе Стиллы, в Тысячеградье. Первая армия призвана контролировать устье Кобурна. Вторая – побережье Тысячеградья. Таким образом, в каком бы месте не высадился десант из Митополя, мы успеем спокойно отмотилизовать одну из армий и выйти к нему навстречу.

Таким образом, – закончил изложение плана Трэйт, – мы не сможем воспрепятствовать самому десанту, но сможем своевременно среагировать на его попытку продвинуться в глубь континента после высадки. Мы сдадим противнику один или два прибрежных города без боя, но сохраним свои силы нераспыленными, в двух мощных, крепко сжатых кулаках. И при этом в той или иной степени сможем контролировать все побережье. Ваше мнение, господа?

Офицеры переглянулись.

– Придется сдать прибрежные городки, сэр, – сказал Бранд, – это десятки тысяч мирных граждан, это роты и батальоны габеларов, это солдаты гарнизонов, которым придется умереть ни за грош. Боринос ведь псих, и после стольких поражений от нашей армии он просто вырежет всех жителей и спалит их дома!

– Точно, – сказал Крисс, – это, кстати, здравое замечание, нужно вывезти с побережья все, что может оказаться ценным. Продовольственные и оружейные склады, промышленные предприятия и мастерские переместить в Бургос, а также в иные пункты подальше от моря. Лучшие части с побережья также стоит убрать. Нужных людей и специалистов тоже. Пусть останутся только ополченцы и габелары.

Бранд вскипел:

– Да ты же, Крисс, сам бывший габелар, вертухайская рожа! – возмутился он. – Они что, не люди? А ополченцы? Там, куда придется первый удар Бориноса, сдохнут все поголовно! Вы что не понимаете?!

– Другого выхода нет, Бранд, – сказал Гордиан, взглянув великану в глаза, – а если ты его знаешь, то предложи.

Бранд помолчал, помотал головой:

– И все же это не по-человечески как-то.

– Это по-военному, сударь. Победы, как известно, оплачиваются кровью.

С этими словами Трэйт поднялся, и за ним встали все остальные.

– Если принципиальных возражений нет, господа, будем считать предварительный план обороны утвержденным. Завтра мой Штаб оформит детали с указанием подразделений в каждом из воинских контингентов. Жду вас здесь же в шестнадцать часов. А пока все свободны.

Крисс и Сардан Сато встали и, отдав честь, вышли из комнаты. Но Бранд и Гордиан остались.

Трэйт немного порылся в бумагах на столе, затем посмотрел на оставшихся друзей-подчиненных.

– Ну что еще? – спросил он. – Есть просьбы, я так понимаю?

– Есть, – сказал Гордиан, чувствуя себя до ужаса неловко. – Я, сэр, обнаружил в Бургосе следы Лисии. Они ведут на юг, в Харторикс. Мне нужно туда. Девушка, по всей видимости, стала жертвой содержателей доходного дома. Мы с Брандом хотим смотаться туда с небольшим отрядом. Через пару недель вернемся.

Трэйт молча перевел взгляд с одного на другого, как будто не узнавая своих преданных соратников.

– Да вы что? – возмутился он. – Сейчас вы оба нужны мне здесь как никогда! На карте судьба Республики, всего нашего дела, до вторжения Бориноса от силы месяц, а вы хотите бросить армию из-за личных обстоятельств?!

– Простите, мастер Трэйт, но эти личные обстоятельства имеют конкретное человеческое имя – Лисия! В отличие от слова «Свобода», это не просто набор звуков, а конкретный, живой человек. И он страдает каждый час, пока я живу здесь и думаю о глобальных проблемах рабов Эшвена! В конце концов, это моя женщина и, если уж на то пошло, именно с нее все и началось.

Гор с этими словами неопределенно обвел рукой воздух, поясняя, что под «всем» он подразумевает снятие ошейников, их бунт в Боссоне, войну за Эшвен и сделку с викарием. «Все» – это все. Из-за нее!

Трэйт молча посмотрел на него – глаза в глаза. Очи полководца и диктатора были сумрачны и серьезны, но обиды на бросившего его в решающий момент товарища или начальственного недовольства в них не наблюдалось. Только грусть очень уставшего человека.

– Я понял, – сказал он, наконец, – и знаешь, Гор, ты прав. «Свобода» и «Республика» – это только слова, набор пустых звуков, которыми Сабин сотрясал аудитории. Мы сражаемся за конкретных живых людей. И если не драться за них, то вообще за что драться?..

И он отвернулся, вернувшись к бумагам на столе.

– Валяйте, – сказал он, не глядя, – дуйте на юг. Но не позднее двух недель я жду вас обратно. И пусть ваши сердца будут с женщинами, которые дарят вам любовь, но руки, сжимающие мечи, пусть будут моими!

Часть третья Право на ярость

Глава 1

Выбор консидория

Власть – как много в этом звуке!

Сабин, униженный поведением Трэйта и оскорбленный непризнанием армии, теперь редко сидел в своем кабинете, выделенном ему в чудесном особняке аж одного из принцев королевской крови. Еще реже он заходил в ратушу, где вел дела бывший королевский префект. Дел в республиканском Бургосе, конечно, было невпроворот, однако Каро, опытный администратор и бизнесмен, без труда распихал их по многочисленным заместителям и вице-префектам.

В понедельник он приезжал на контроль. В среду – на подписание отчетов Трэйту. Подчиненные боялись его, опасаясь гнева бывшего лидера Великого Совета, а вышестоящие, коих было собственно всего два – диктатор Трэйт и председатель Правительства Рихмендер, старались не трогать – кое-что тронь, как известно, руку не отмоешь – и влиять на городские дела старались либо непосредственно, либо через заместителей Сабина. В результате бывший лавзейский вилик работал совершенно бесконтрольно, получив вместо реальной власти почетную синекуру без особой ответственности и привилегий.

Сабин грустил. Каждое утро он прогуливался по красивым набережным Бургоса, поглубже надвинув широкополую шляпу, чтоб меньше узнавали, и постукивая тростью по мощеной мостовой. Ближе к обеду он возвращался домой, но вот сегодня все вышло не так...

– Господин советник? – вкрадчивый мужской голос обратился к нему со спины.

Сабин обернулся:

– О чем вы, сударь, я давно уже не...

Внезапно он узнал – перед ним стоял сам лорд Брегорт! В одеянии из старого лакейского камзола, с наклеенными усами и бородой. Да, узнать было трудно, но плох тот вилик, который не узнает господина даже после пластической операции.

– Мой лорд! – автоматически сорвалось с его губ. – Что вы здесь...

– Тише! Я хочу всего лишь поговорить.

Знаменитый литератор, подхватив экс-советника под локоток, увлек его в переулок.

– О Боже, – вздохнул лорд Брегорт, – наконец-то я встретил вас, сударь. Я так боялся, пока ждал вас на набережной. Удивительно, но мимо меня за час прошло уже четыре лавзейца! Я думал, меня узнают и схватят. Но – пронесло.

Сабин пожал плечами. Хорошо, что «пронесло» в переносном смысле, а не в прямом, подумал он. А может, действительно «сдать» старого хозяина новой власти, крикнуть сейчас гадгедларов? Ведь шпионит господин писатель, явно шпионит, ведь не просто так усищи нацепил. Хотя... Сабин, конечно, не очень уважал лорда Брегорта как личность, но в общем, относился к нему хорошо. При всех обычных для шательена «закидонах», Брегорт был нормальным мужиком и совсем не злым хозяином – в целом справедливым и разумным. И если бы не эта писательская блажь... Впрочем, может быть, в ней-то все и дело?

– Сударь, – сказал бывший раб бывшему господину, обращаясь на равных и немного преувозмогая себя, ибо привычку унижаться перед этим лицом, впитанную с детства, сломать было не просто, – вам не о чем беспокоиться. Лавзейцы всегда любили вас и, поверьте, не оставят сейчас, когда рабство отменено. Не могу сказать, что я предан вам, как и раньше, но на дружбу и помощь вы, сударь, можете рассчитывать.

Брегорт кивнул.

– Чудесно, – еле слышно пробормотал он. – Его величество рассчитывал именно на это.

– Его величество? – Щеки Сабина вспыхнули пунцовым. – Так вы, сударь, шпион...

– Нет-нет, – Брегорт воздел руку в предостерегающем жесте, – я лишь прибыл, чтобы спросить...

Спустя час они сидели в темном кабинете экс-влика, освещенном тусклым мерцанием единственной свечи. Город давно жил без света, храмы Хепри по-прежнему отказывались поставлять электричество в освобожденные Равными провинции и марки, и Эшвен опустил в совершенно варварские времена: в домах зажгли свечи, заработали каминь,

задымили печные трубы.

В кабинете царил полумрак – тяжелые шторы на окнах были плотно задернуты, надежно отгораживая говоривших от ярких лучей Медиас Кордис.

– Герцогский титул, – повторил Брегорт свое предложение, – наследственное шато, в том числе и моя Лавзея. Бессмертие, власть. Все это предлагает вам мой король. Пока – только устно. У меня была идея взять на встречу с собой письмо с его подписью и печатью Лейб-Канцелярии, но этот документ, увы, полностью скомпрометировал бы вас в случае моего ареста, а потому... Но, клянусь честью, сей документ существует, он подписан королем и, если это необходимо, я могу предоставить его вам при следующей встрече, как гарантию вашего будущего благополучия.

– Не стоит, – задумчиво пробормотал Сабин, – я, разумеется, верю Бориносу. Но более того, я верю вам, сударь. Действительно, Его величество все верно рассчитал. Если бы вместо вас прибыл с таким предложением любой другой посланник, пусть даже наследный принц, я бы тут же вздернул его, не отходя от набережной и пары метров. А так... Но это же измена!

– Нет! – всплеснул руками литератор. – Это шанс, сударь! Возможность добиться всего – бессмертия, богатства. Неужели вы думаете, что ваш бунт, ваша, безусловно, великолепная и могучая попытка, способна окончиться победой? Да никогда! Менее чем через год на «свободных» землях начнется голод. Сначала закончится хлеб, а затем – картечь, пули, ядра. Чем станете воевать? Мечами консидориев?

Сабин лишь покачал головой.

– Я не могу, сударь, – сказал он, запинаясь, – Много, много лет я мечтал, что Партия Равных, в которую мы с таким упоением «играли», я не побоюсь этого слова, в Боссоне и в Лавзее, когда-нибудь сможет подняться на борьбу против угнетателей. И никогда не думал...

– Так разве мы спорим не об одном? – Брегорт всплеснул руками. – Король обещает, что как только восстание будет подавлено, вы не только приобретете титул, аллод и свободу. Он обещает вам префектуру над всем огромным Боссонским краем! Если хотите, эта должность в пределах северной марки может стать и наследственной. Получите эту власть, сударь, и используйте ее по своему усмотрению. Партия Равных в Боссоне выйдет из подполья и сможет открыто бороться за права сервов. Вы сможете защищать рабов в Боссоне легально!

Сабин не ответил и молчал очень долго. Брегорт, внутренне дрожащий от страха и напряжения, уже стал приходить к выводу о полном провале своего шпионского предприятия, когда бывший вилик открыл наконец рот.

– Я должен сохранить лицо перед соратниками, – произнес он сильно изменившимся голосом, таким глухим и подавленным, словно никогда не неистовствовал на площадях перед многотысячными аудиториями. – Мои условия таковы: Боссон становится не наследственным доменом, не префектурой, а автономией, маленьким подобием Республики Равных, но входящей в состав Эшвенского королевства. Своего рода коллективным вассалом с наследственной властью дожа, каковым, естественно, должен стать я. Остальные территории я вам сдам. И, да, сударь, рабство в Боссоне должно быть отменено.

Брегорт кивнул.

– Трэйт? Гор? Бранд? Рихмендер? – спросил он.

– Пусть все умрут – мне нет до них дела.

– Армия Свободы?

– Пусть останется лишь костяк. Несколько полков. И мои гадгедлары. В Боссоне мне понадобятся войска. Все остальное – на усмотрение короля.

Брегорт поспешно встал – у него гора свалилась с плеч.

– Отлично! – почти воскликнул он. – Тогда по рукам, сударь?

Сабин медленно поднял голову и кивнул:

– Да, по рукам.

Двенадцатого дня месяца Хойак Бранд, Гор и верный Никий впервые со времени выезда из столицы, срезав путь по удалявшемуся от Кобурна мощеному тракту, вновь оказались перед водами Великой Реки.

Здесь, в низине, на относительно ровном пространстве, открывался роскошный вид на море, которое Гордиан видел впервые со времени своего неудачного Хеб-седа. Еще через несколько километров, ближе к накатывающимся на берег волнам, на болотистых, поросших камышом топях, стояло некое подобие города, сплошь состоящего из недостроенных зданий, брошенных фундаментов и неомощенных дорог.

– Это что такое? – спросил Гор подъехавшего к нему Бранда.

– Это КароБерг, город короля, если ты не знал, – с непонятной гордостью пояснил великан. – Об этом уже лет пять судачат по всему Эшвену, а ты не в курсе. Если выразиться точнее, то перед нами – ГрейтБориБерг, город Великого короля Бориноса. А ты: «Чего? Чего?» Серость!

Гор лишь пожал плечами.

– Ты меня прости, Бранд, – усмехнулся он, – но на город короля не похоже. Тем более «великого». Тут вон пара болотец, камыш, речки мелкие да здоровая плотина. И зачем сразу столько фундаментов, если даже дороги нормальной нет? Нельзя было дома по одному строить?

Бранд саркастически ухмыльнулся:

– Я же говорю, Гордиан, ты – серость, хоть и пророк! Замыслов королевских не разумеешь. Это город, но только будущий! Он станет столицей, когда достроят. Черт его знает, зачем Боринос решил строить ее именно здесь. А то, что сразу столько фундаментов заложили, так это как бы «план», понимаешь? Только не на бумаге, а прямо на земле чтобы лишний раз потом не перемеривать. Климат тут – гадкий. Дождь пройдет, какая-нибудь речка пойменная русло изменит, – придется перемерять. А так каменный фундамент стоит – сразу видно, где и что было.

– Понятно, – хмыкнул Фехтовальщик. – Я, по несчастью, с Бориносом не знаком, но слышал, что он псих, каких надо поискать. И вижу теперь, что люди не врут. Проект этот – бред, а не столица. Вон, на том берегу Литавра стоит – город как город. Хоть и порт, а везде сухо и красиво. Потому что на восточном берегу пляжи, а не болота. А здесь, на западном, вонь одна, камыш да топи.

– Да я разве спорю? – криво усмехнулся Бранд. – Топи, они топи и есть. А про Бориноса ты зря не болтай. Король он, может, и со странностями, но после Шерна и Бургоса возьмется он за нас круто, так что мало не покажется. Безумец, не безумец, однако в свое время Вету он к ногтю быстро приставил. И Антику тоже, и прочих. И не знаком ты с ним не к несчастью, а к счастью. Думаю, если бы мы с тобой с ним случайно зазнакомились, он бы первым делом живо нас на колы либо на виселицы пристроил.

– Ну это смотря при каких обстоятельствах знакомиться, – в свою очередь рассмеялся Гордиан. – Когда мы сервами в Школе были – тогда конечно. А если как с кардиналом в Бургосе после разгрома Оттона... Как бы не он нас, а мы его задом на кол, а?

– И то верно, дружище, – кивнул боссонец. – Но у тебя и фантазия, однако Его величество – и на кол!

– А что, думаешь, если он король, так его и на кол нельзя? Нет, уж что-что, а свой кол этот ублюдок заслужил по полной!

Так, болтая, они двигались вперед и через несколько дней, примерно к двадцать седьмому дню того же месяца, после долгого перехода через горные перевалы и скачек по лесным тропам Северного Карабана они оказались уже на солнечном южном побережье.

С момента выхода их отряда из Бургоса прошло ровно четырнадцать дней. Постепенно с приближением к побережью природный пейзаж менялся. Гордиан, которому наскучила езда по узким горным тропкам между крутыми обрывами и почти отвесно взмывающими

вверх скалами, с радостью смотрел на раскинувшиеся вокруг цветущие луга и милые взгляду березовые рощи. В горах такого не было – только камень да чахлый кустарник, да снег на самых вершинах.

Здесь вдоль дороги их стали встречать сначала одинокие дома, затем небольшие деревеньки. Спустя еще три перехода и две ночевки, они вошли в шумный портовый Харторикс.

Да, не зря старый развратник Брегорт выбрал его для очередной своей резиденции, не зря – даже на первый, довольно поверхностный, взгляд город представлялся Гордиану более чем интересным местом. Определенно, у старика имелся вкус на красивые пейзажи... Растянувшийся вдоль узкой береговой полосы, контур которой обрисовывали отвесные скальные кручи буквально нависавших над городом гор, Харторикс представлял собой тесное переплетение узких извилистых улочек со старинными игрушечными домами, многочисленными шумными базарами, причалами и верфями. В целом городишко создавал благоприятное впечатление – цветущий юг, пляжи, виноградники вокруг, харчевни и летние кафе, чистые гостиницы, аккуратная брусчатка на мостовых и прочие атрибуты вечной сиесты теплого побережья.

Пожалуй, единственным тяжелым пятном, несколько омрачавшим вид Харторикса, оставалась его морская цитадель, так называемая «Крепость Порты», нависавшая над гаванью и, таким образом, обеспечивавшая артиллерийский контроль над большей частью ее акватории. Крепость была, на взгляд Гордиана, мрачновата. Где-нибудь в холодном Северном Боссоне она была бы самое то, однако здесь... «Как фингал на лице смазливой шлюхи, ей-богу! – подумал он. – Ни к месту, братцы, ни к месту».

С другой стороны, а именно с точки зрения оборонопригодности города, это была единственная практичная деталь пейзажа. А все остальное – так ерунда, никуда не годилось. Стены города могли называться таковыми чисто номинально и не представляли серьезного препятствия, вздумай их кто-то брать приступом. Кроме того, как было известно Гордиану, гарнизон в Харториксе держался ничтожный, орудия в морской цитадели стояли старые, наместник военными талантами не блистал, ну и прочее, и прочее, и прочее.

Впрочем, в городе проживало от силы сто тысяч человек, и хотя по меркам Эшвена это была приличная численность, стратегическим объектом Харторикс никто никогда не считал. Топать отсюда до Бургоса было далеко и долго, а значит, ни один здравомыслящий полководец не выбрал бы это место достойным для высадки десанта из Антики. Хотя кто его знает этого Бориноса – безумный ведь умному не товарищ? Как бы там ни было, Гор рассчитывал завершить операцию спасения за день и незамедлительно отправиться обратно в столицу.

Формальности на въезде в Харторикс оказались недолгими. В воротах габелары городской стражи ознакомились с путевыми грамотами, уважительно покивали, глядя на регалии и печати, и даже предложили разместиться в казармах гарнизона, под которые, как водится, в военное время были выделены лучшие прибрежные гостиницы и доходные дома.

Но Гордиан отказался. Он выяснил, где расположен отель Брегорта, и после получения короткой, но четкой географической справки направил отряд прямо к искомой цели.

Курортный отель лорда Брегорта находился всего в двух кварталах от центральных ворот и являл собой милый двухэтажный домишко в новоготическом стиле, чистенький, с декоративным зеленым заборчиком и ухоженным сквером.

«Ну-ну, – подумал Гордиан, – вертеп сутенеров».

Экс-демиург спрыгнул с лошади, шагнул к двери и решительно постучал.

Дверь чуть-чуть приоткрылась, и чей-то глаз глянул на него поверх накинутаго цепочки.

– Кто там?

– Мое имя – Гордиан Рэкс. Я полковник Равных и бывший серв лорда Брегорта. Могу войти?

– И чего надо?

– Я же говорю, я бывший серв нашего бывшего лорда. Ищу человека из Лавзейского

поместья. Хочу задать несколько вопросов, за помощь заплачу. Открывай.

– Нам денег не надобно. Шел бы ты, служивый.

Гор глубоко вздохнул и выдохнул. После тяжелого перехода, когда нельзя было ни помыться толком, ни поесть, этот разговор с неизвестным служкой через приоткрытую дверь начинал его раздражать.

– Ты меня послал, что ли? – Он достал из-за пазухи монету и просунул через щель. – На держи!

Монетка исчезла в темноте.

– А сколько вас?

Тут уж не выдержал Бранд.

– Да все, что есть, твои!

Он шандарахнул гигантской ладонью по дверному полотну с такой силой, что дверь откинулась, сорвав цепочку, а служка полетел на пол.

– Ну вот, – сказал Бранд, входя и легко подхватывая за шкурку бывшего партнера по переговорам, – и всего делов. Ты, мастер Гор, много болтаешь, ей-богу. Проще надо быть, проще... А золотишко-то ты отдай, милоч. Монета-то казенная!

* * *

Спустя двенадцать часов после того, как они ворвались в отель, Гор вышел в обширный пустующий вестибюль «захваченного» здания и взгромоздил на журнальный столик небольшой чемодан с оборудованием. Чемодан был тот самый, добытый из тайного сейфа в подвале под Пашкот-паласом. Гордиан достал широкий сверток, лежавший сверху, и дернул за замок-молнию.

Перед ним лежал аккуратно сложенный «конвертиком» доспех Господа Хепри.

С легким перезвоном в руках падшего бога развернулся обычный боевой скафандр из числа тех, в которых выходят на боевое дежурство космические рейнджеры, причем скафандр был явно очень старый. Пластины старинного боевого облачения покрывал лишь тонкий энергоотражающий слой из обычного бронепластика без стандартного для современных костюмов напыления системного металла. Гордиан вздохнул. «Этот антиквариат, – подумал он, – не выдержит серьезного боя с применением плазменного оружия и в течение нескольких минут». Пара прямых попаданий из лучевика – и все.

Впрочем, именно плазменного оружия сегодня и не ожидалось. А против пороховых мушкетов броня должна устоять – свинцовые пули будут отскакивать как горох!

Гор аккуратно и внимательно облачился в доспех, не пожалев времени и потратив на это без малого минут десять—пятнадцать, тщательно подгоняя все бронепластины под свой рост и размер. Затем нацепил глухой шлем-каска с опускающимся тонированным экраном забрала. Попрыгал, подвигался, выполняя нехитрые упражнения. Удивительно, но скафандр был настолько удобен, что в нем, казалось, он смог бы исполнить большинство фехтовальных движений от простого выпада до максимально сложных бросков с финтами.

Конструкция шлема обеспечивала отличный обзор. Гор удовлетворенно кивнул и, сняв шлем, вернулся к чемодану, откуда достал следующий трофей, доставшийся ему после Бургосской кампании – два тупоносых пистолета-пулемета кардинальского спецназа.

Хищные звери с пузатыми цилиндрами многопульных магазинов и короткими откидными пластиковыми прикладами. Эффективные орудия убийства, продукт технологии, неизмеримо более совершенный, чем все, созданное в этом примитивном мире. Гор по очереди достал оба смертоносных творения, сложил приклады (они прижимались к корпусу специальной защелкой), проверил дисковые магазины, перещелкнул затворы, поставил оба орудия на предохранитель и повесил на шею: правый автомат – ремнем через левое плечо, а левый – крест-накрест через правое плечо, чтобы стрелять с обеих рук, стоя во весь рост, благо в скафандре прятаться за укрытиями или лежать в окопе ему не придется. Вместо окопа и бруствера – броня космического скафандра.

Сверху Гор накинул широкий плащ, скрывший от посторонних глаз и броню и оружие. Шлем спрятал в сумку и также закинул ее на плечо.

Пленные, взятые им в отеле вчера вечером, сначала отмалчивались, но когда Бранд демонстративно и голыми руками выломал одному из них ногу вместе с суставом, они стали более чем разговорчивы. Оказалось, рабынь-проституток здесь не держали. Рабство в Республике было повсеместно запрещено, однако, по мнению обитателей отеля, на женщин этот принцип не распространялся. Тем не менее доходное предприятие, которым они промышляли в бытность тут королевской власти, оказалось под официальным запретом. Дело пришлось вести тайно, а всех девушек переместить за город в большой частный дом – и весь бизнес перевести туда.

Как понял Гордиан в ходе допросов, которые отняли у него большую часть прошедшей ночи, в доме содержалось до сотни несчастных рабынь-наложниц, одну из которых, жемчужину коллекции, маленькую блондинку, любимицу самого Лорда Брегорта, привезли туда совсем недавно.

При этом сообщении Гордиан и Бранд переглянулись: все совпадало – Лисия, в этом не было сомнений.

Гор посмотрел в окно на занимающийся день, мысленно проверяя, все ли сделал. Потом, стараясь не шуметь, очень тихо прошел мимо спящих товарищей к двери. Там его ждали только Бранд и Никий, самые близкие ему в этом мире люди.

Ник был в полном доспехе консидория, но без щита и так же, как Гордиан, прикрыт длинным плащом. Вот только доспех на нем был местный, а не космический, из железных пластин, сохраняющих от удара меча, но пробиваемых мушкетной пулей навывлет. Бранд же стоял по-простому в одной холщовой рубашке и в сапогах.

– Может, все же проводить вас? – с упреком в голосе спросил великан.

Гор мотнул головой.

– Мы же обсуждали это, брат, – мы идем вдвоем. Я врываюсь в дом, Никий ждет с лошадьми. Не дрейфь, старик, у меня скафандр и автоматы, так что я разнесу там все в клочья. Даже Никий – и тот лишь для прикрытия, а не для атаки. От участия в деле еще одного меча результат налета не станет лучше. Жди нас!

Бранд нехотя кивнул, посторонился, и его товарищи скрылись в сумерках.

* * *

Уже светало, и до дома с Лисией оставалась всего пара километров, когда долетевший с моря грохот заставил Гора осадить коня и обернуться. Позади за уступом скалистой площадки открывался вид на гавань, где вздымались в воздух потрясающе красивые, но оттого не менее смертоносные огненные и водяные столбы.

У повстанцев не имелось флота, а потому, хотя Гордиан и не видел с такого расстояния вымпелов, развевающихся на мачтах линкоров, очевидное было очевидным – порт находился под обстрелом королевских эскадр.

Боринос сделал свой ход – и город погибал под ударами его артиллерии. Пока восставшие сервы грызлись за Эшвен и делили плоды победы, король зализывал раны за океаном и успел подготовиться к реваншу.

«Но как это возможно?» – подумал Гор. Ведь Трэйт ожидал королевский десант не раньше второй декады Табиса и, как очевидно теперь, ошибся ровно на три недели.

Впрочем нет, именно Трэйт не ошибся. С момента выезда из Бургоса прошло уже восемнадцать дней, за это время подготовительные мероприятия в столице должны были завершиться. Новые полки, собранные в Боссоне и в Аране, дошли до Артоша, запасы вывезены с юга, с севера подтянута оставшаяся там артиллерия. Произошло бы нападение сейчас или позже на три недели – не важно, Армия Свободы была готова к новой войне. Не готовы оказались они с Брандом.

Ошибся не Трэйт, а Гор!

Фехтовальщик выругался. Затем достал из сумки трофейный бинокль и всмотрелся в развернувшийся перед его взором военно-морской «парад» с салютом и фейерверком.

Прикрываясь огненными отрывками с бортов, медленно-медленно, как маленькие муравьи в кукольном мультфильме, от туш парусных гигантов, казавшихся игрушечными на фоне бескрайней полосы моря, отделились десантные боты. Гор видел такие в Бургосе и Рионе, в Литавре и в самом порту Харторикса, а потому знал, что боты достаточно велики и вмещают по двадцать—тридцать человек морских пехотинцев.

Напрягая зрение, он попытался сосчитать количество лодок, заполняющих гавань, но вскоре сбился – количество явно превышало его возможности к счету и время, которое он мог позволить себе потратить на это. К городу устремилось, усердно шевеля веслами, не меньше тысячи плавсредств – а значит, по крайней мере, десятки тысяч стрелков. Вполне достаточно для небольшого Харторикса, чтобы сжечь его до головешек и перерезать всех жителей как собак.

Гордиан знал, что гарнизоны небольших провинциальных городов состоят от силы из пары батальонов регулярных войск. Остальное войско – потенциальное ополчение, которое можно собрать в случае планомерной мобилизации, но при подобном внезапном нападении это не солдаты, а просто толпа безоружных обывателей. В Харториксе солдат должно быть чуть больше, чем в других городах, все-таки самый крупный порт Карабана, однако против такой силищи – все равно ничто. Что же делать?

Он передал бинокль Никию, сидящему рядом в седле своего гнедого.

– Что скажешь? – спросил Гор у неразлучного друга и помощника, когда тот оторвался от окуляров. – Судя по всему, это Боринос?

– А есть варианты? – ответил юноша вопросом на вопрос, усмехнувшись. – Конечно, это он, больше некому.

Оба помолчали, обдумывая ситуацию. Наконец Гор сказал, не отрывая взгляда от корабельного дефиле, вошедшего в гавань, и не глядя на товарища:

– Ты вот что, друг ситный, бери свою лошадку и дуй на север в ближайший военный лагерь. Маршал Трэйт должен знать, что у нас здесь десант. И знать скоро.

– Да ты что, брат-командир, а как же Лиси? – возмутился Ник. – Да и Бранд, он там, в городе, надо выручать его! И потом...

– Я справлюсь! – резко перебил его Гор. И несколько мягче добавил: – Поезжай! У меня ведь чудо-доспех (с этими словами демиург стукнул себя бронированным кулаком в закрытую скафандром грудь) и чудо-оружие (он щелкнул затвором). С такой техникой мы с Брандом перещелкаем королевских ублюдков, как семечки. Ты, главное, маршала предупреди. Пусть приходит, авось и добить поможет. Все ясно?

– Так точно, сударь. Вот только ты сам-то, что станешь делать?

– Пока не знаю, – пожал плечами Гор. – Но будь уверен, я справлюсь.

Никий поджал губы, «как же, справится он, чемпион хренов» – было написано на его лице, развернул коня и вспомнил про зажатую в руке оптику.

– Бинокль? – спросил он, протягивая руку.

– Нет, себе оставь. Вдруг еще чего углядишь. А мне – вроде как и ни к чему при вновь открывшихся обстоятельствах.

Никий покачал головой, догадываясь примерно, о чем думает командир. Дальнейший разговор, насколько он знал Фехтовальщика, смысла не имеет. Упертый его босс, упертый. Потому юный офицер кивнул, еще раз посмотрел на пылающую гавань Харторикса и без дальнейших разговоров умчался вперед по дороге.

Гор проводил его взглядом, размышляя о чем-то своем. Решение еще не было принято, но оно уже почти лежало на поверхности, и если не для сознания, то уж для подсознания и «сумрачной души» наверняка вполне созрело.

Возможно, в этот момент кто-то из поганных бестий-работорговцев насилует его Лисию, убивая в ней остатки человеческого достоинства. Возможно, в этот момент в Харториксе погибает под осколками ядер Бранд и еще двадцать отличных парней, убиваясь по-

настоящему, а не только в смысле унижения чести. В смысле разрушений тела, несовместимых с жизнью на этом свете. И нет у них нейрошунтов, чтобы скопировать личность и возродить на оборудовании для Хеб-седа!

Но доспех подогнан и автоматы заряжены.

Твой выбор, господин консидорий?

Гор посмотрел на дом, где его ждала та, к которой он рвался все эти долгие месяцы. Затем – на пылающие здания в гавани незнакомого еще вчера города, где пороховой дым и брызги картечи накрывали его верных товарищей.

Выбор был недолгим.

Он развернулся и стремительным галопом помчался обратно к гавани. Пусть Лисия подождет – еще немного, совсем немного.

Глава 2

Десант Его Величества Короля

Пятьдесят линейных кораблей, две сотни фрегатов, почти пятьсот барж и транспортных судов медленно вползали в гавань, выплывая из утреннего тумана.

В белесой влажной густоте морского муара зачастую не было видно даже очертания собственных бортов, но королевские штурманы сегодня смотрели не глазами, ориентируясь не по блеску звезд и не по положению солнца. Рядом с каждым из них стоял храмовник, сжимающий в руках мобильный телефон. А на другом конце линии сидел клерик-оператор, следящий за экранами спутникового наблюдения.

– Полрумба вправо! – прозвучала команда, и многотонная туша «Пронзителя океанов», а по-простому «Пронзителя» (так, кстати, Бориносу больше нравилось, то был намек на его любимый вид казни) чуть развернулась, корректируя курс.

И вот туман спал. Первые лучи солнца и легкий бриз, парящий над волнами, сдули эти мутные одежды в первые же минуты рассвета. Гордые силуэты кораблей открылись городу, а город – силуэтам флота, пришедшего, чтобы испить его кровь.

Медленно раскрылись тяжкие веки бойниц-портов. Медленно полезли из них рыла бортовых батарей.

Его величество стоял на мостике рядом с капитаном своего флагмана. В обычном морском бою лишь очень отчаянный флотоводец рискнул бы взойти на палубу, когда ядра пронзают воздух, дерево бортов и человеческие тела. Но сейчас ему предстоял не обычный бой, а... обычная бойня!

– А-агонь, – томно произнес Боринос, и тысяча орудий дали дружный могучий залп.

Сжав огненную смерть в своих чугунных рубашках, трехфунтовые ядра устремились к едва проснувшемуся городу, еще нежившемуся в сладкой утренней дреме.

Просыпайтесь, господа!

Кто пришел?

Это Смерть!

* * *

По словам встреченных Брандом бойцов припортовой стражи, Манзаний, комендант крепости и порта Харторикса, пребывал в перманентном шоке с того момента, как первое ядро от первого залпа коснулось подконтрольного ему прибрежного отрезка земли. Поэтому когда Бранд сотоварищи ворвались к нему в здание Центральной магистратуры, комендант был уже на грани истерики, поскольку с момента начала атаки на город ситуация только ухудшалась, стремительно скатываясь от просто неожиданной к тотально катастрофической.

Ранее расквартированные в городе регулярные войска были выведены приказом верховного командования, а оставшихся гарнизонных войск едва хватало для патрулирования и охраны городских стен, так что рассуждать об организованной и

действенной обороне против превосходящих десантных сил даже не стоило.

Внезапное появление Бранда с парой десятков головорезов из числа лучших солдат Армии Свободы нисколько не обнадежило Манзания. Действительно, что могли сделать эти двадцать человек против многотысячного десанта?

Но Бранд его сомнений не разделял. Согласно приказу маршала Трэйта, отданному неделю назад в его, Бранда, присутствии, на стенах портовых крепостей должны были оставаться противодесантные батареи, огромные картауны, значительно превосходящие по дальности установленные на деревянных палубах орудия кораблей. При великолепной диспозиции, которую занимала могучая Крепость Порты над гаванью и над городом, имелась хорошая возможность оказать врагу более чем достойное сопротивление.

«О да, – думал Бранд, – имея несколько картаун на стенах, шанс будет более чем хорош!»

Манзаний, бывший ранее провиликом из числа портовых администраторов, имел увесистое брюшко, короткие ноги и круглую голову. Нависнув над низкорослым чиновником во весь свой нешуточный рост, Бранд представился, а затем немедленно высказал свои соображения по поводу портовой крепости.

Манзаний крикнул.

Как командир спецподразделения консидориев, Бранд уже давно имел на мундире нашивки армейского полковника – в армейской иерархии чин не потрясюще великий, однако в провинциальных округах он должен был производить на местных неизгладимое впечатление. Ведь командиры провинциальных гарнизонов, губернаторы целых областей и огромных городов имели от силы звание от лейтенанта до майора и командовали контингентом, наспех набранным из габеларов и желторотых сервов-добровольцев в количестве до нескольких рот. Посему Бранд с уверенностью полагал, что Манзаний окажется просто сражен внезапным появлением в его захолустном городке «большого начальства» из Бургоса и тут же изъявит готовность к сотрудничеству.

Однако ничего подобного не произошло. Манзаний, конечно, несколько удивился, однако воспринял появление Бранда явно негативно.

– Вы не понимаете, – срывая голос, завывал он, – город и Крепость Порты по большому счету уже пали! Защищать нечего! У меня всего тысяча бойцов на весь порт, из которых больше половины впервые увидели мушкет месяц назад. О чем вы говорите?! У нас никакого боевого опыта, нет подготовленных офицеров. Но главное, у нас нет орудий! Все пушки из морской цитадели забрали в Бургос!

– Не понял, – удивился Бранд, – когда забрали?

– Да еще и недели не прошло, – взвизгнул вилик. – Последний артиллерийский обоз отбыл на север всего пару дней назад. Город пал, мы разгромлены!

Бранд зарычал и, перегнувшись через стол, схватил пухлого коменданта за шею, сжимая неохватные жирные складки. Затем, совсем чуть-чуть напрягшись, он оторвал толстяка от пола, подняв над стулом и над столом одной рукой. Тот в ужасе засучил ногами, но стоявшие в углах комнаты местные габелары – его непосредственная охрана – только в страхе переглянулись и с места не сдвинулись: молва о «железнобоком» лавзейском батальоне и его могучем командире давно пролетела по всему Эшвену.

– Кто отдал такой приказ? – тихо прорычал Бранд. – И как ты посмел его выполнить? Мне точно известно, что маршал Трэйт такого распоряжения не давал! Кто?! У тебя же портовый город! Морская граница! Ты не знал, с-сука, что у короля есть флот и морпехи? Отвечай, не то шею сломаю! Ну?!

Вилик захрипел, тыча рукой на кучу бумаги, валявшуюся на столе. Бранд разжал пальцы, и тело коменданта с размаху бухнулось на столешницу. Манзаний перевел дыхание, пошарил рукой в бумагах и протянул великану развернутый свиток с текстом и печатью.

– Это рескрипт префекта Бургоса, сударь, – прохрипел полупридушенный комендант. – В связи с необходимостью укрепления обороны столичного округа вывести размещенные в городе и порте тяжелые орудия до начала месяца Табис. Срочно...

Бранд пробежал глазами текстовку и поднял удивленное лицо на товарищей.

– Сегодня какое число, братцы? – спросил он сдавленно.

– Первое Табиса, сэр. Месяц Хойак закончился вчера аккурат в полночь.

Бранд вернулся к бумаге и пробежал короткую текстовку рескрипта еще раз. Волосы на его голове, казалось, зашевелились. На гербовой бумаге чуть ниже резной печати Республики стояла подпись: «Каро Сабин, префект».

Однако Бранд мог читать и между строк. Замысловатые завитки и росчерки красивого почерка складывались только в одно слово: «Измена».

Без тяжелых орудий шансы на оборону города, действительно, становились призрачными, как тени усопших на распаханном кладбище. Проходящие прямо в гавань через узкую горловину пролива корабли Бориноса были великолепной мишенью, но когда не из чего стрелять, любая мишень становится недостижимой.

Если бы на стенах крепости стояло всего несколько серьезных стволов, объяснял Бранду старый канонир цитадели, эскадра десантных кораблей вообще не вошла бы в гавань и бомбардировки городских кварталов можно было бы избежать. А так...

По словам пожилого артиллериста, на стенах крепости еще с «королевских времен» постоянно находились восемь тяжелых картаун специально для обороны гавани со стороны моря, пристрелянных на узкую горловину харторийской акватории. То, как нагло королевская эскадра входила в гавань, и то, когда именно были вывезены могучие морские орудия, снова и снова наводило на мысль о предательстве.

Да и что тут думать? Согласно вредительскому рескрипту Сабина, все восемь титанических стволов были сняты с каменных лафетов и вывезены в Бургос якобы для защиты столицы. Не четыре, не шесть, а все восемь! Город ободрали, как изнасилованную девку, и бросили совершенно беззащитным. Легкие кулеврины, оставшиеся в распоряжении оборонявшихся, были в принципе не способны состязаться в корабельными пушками в дальности выстрела – они просто не добивали до кораблей.

Но Бранд не сдавался. Быстро расспросив Манзаниа о расположении и численности оставшихся в городе частей, о характере укреплений и имевшихся в распоряжении коменданта готовых к бою легких орудий, командир консидориев встал перед простым выбором.

Гарнизон города действительно составлял всего тысячу двести человек, включая и габеларские роты, и охрану порта – это против, как минимум, тридцати тысяч мушкетеров-десантников. При таком соотношении сил город не удержишь, это очевидно.

Далее, крепость порта, размещенная на прибрежной скале напротив входа в гавань, даже без артиллерии по-прежнему оставалась единственной серьезной фортификацией Харторикса. При этом стояла она достаточно высоко и имела настолько сильное укрепление, что могла с презрением взирать на орудия корабельных батарей. Остальные фортификации, в частности архаичная круговая стена, опоясывающая город со стороны суши и немного прикрывающая по молам пирсы гавани, серьезной защитой не служили. Флотские канониры легко расстреливали их со своих линкоров, превращая древние оборонительные сооружения в руины, лишённые какой-либо архитектурной ценности.

«Что у нас остается?» – подумал Бранд.

Оставалось всего два варианта.

Первый – сдать город и сваливать в хорошем темпе на север к Литавре и Бургосу. А второй – запереться в мощной крепости и ждать подмоги от Трэйта. Здравомыслящий человек, Крисс, например, или даже Гор, разумеется, выбрал бы первое. Но Бранд был, в первую очередь, чемпионом-консидорием, и только во вторую – командиром, а значит... здравомыслие к числу его достоинств относилось не в полной мере.

Зато сюда относились беспримерная личная отвага, беспредельное упрямство и способность быстро принимать решения. Так что, оперативно сориентировавшись, Бранд соскреб со всего города не разбежавшихся к этому моменту бойцов габеларских рот и заперся в крепости вместе с Манзанием и несколькими десятками тех немногочисленных

добровольцев, кто выразил желание присоединиться к защитникам. Но главное, он успел это сделать всего за один час. Остальные жители были оповещены о сдаче родного города и призваны к срочной эвакуации.

К несчастью, именно к этому моменту линкоры закончили обстрел и сквозь дым пожарищ и развалины пирсовых построек на песок и доски гавани прыгнули первые десантники короля.

В коротких мундирах-бушлатах, вооруженные кто карабинами типа кавалерийских, кто обнаженными кривыми морскими кошкодерами, морпехи-мушкетеры в несколько минут затопили гавань сплошным живым морем синих, под цвет волны, треуголок. Они растекались по улочкам гавани тягучим маслянистым пятном, вулканической лавой, волнами накатывая на портовые склады и комплексы торговых домов, не снесенных огненным шквалом залпов корабельной артиллерии. Спустя несколько минут первые крики, и выстрелы, и удары коротких сабель, разрывающих кости и плоть «проклятых сервов», зазвучали на улочках Харторикса.

Первыми жертвами морпехов стали жители города, не успевшие бросить дома и убраться за стены. Некоторым просто не хватило времени сделать это, но многие элементарно проигнорировали призывы Бранда к эвакуации и остались в домах и подвалах, надеясь, что возвращение короля не принесет им несчастий, кроме очередной смены власти и некоторых беспорядков. Какая горькая ошибка!

Морпехи шли по городу убийственной саранчой, оставляя за собой мохнатый ковер из трупов. Об ужасах, якобы творимых сервами на захваченных землях, в Антике ходили легенды, поэтому «морские мушкетеры» считали вполне справедливым жестокое убийство каждого, кого застали на улицах этого первого города, встреченного ими в королевском походе возмездия!

Кровь за кровь и око за око! Вот непреложное правило всякой затянувшейся войны, когда нет места справедливости и доводам разума, а царят только всеобщее ожесточение и кровавое состязание в умении убивать.

Да и, собственно, в какой-то мере морпехи не так уж и ошибались. После двух месяцев безраздельного господства сервов ни в городе, ни в провинции не осталось так называемых «бывших свободных граждан». Не только шательенов, но и простых обывателей без разбора развешали на деревьях и вдоль живописных южных дорог. А труп королевского префекта, уже прогнивший чуть не до костей, до сих пор болтался на центральных воротах порта, дрожа на ветру, разносящем смрадный запах разлагающегося тела и сопряженный с ним ужас едва ли не до центра относительно небольшого городка.

Смерть за смерть!

Бранд стоял на передовом бастионе крепости порта, откуда открывался вид на город и единственную улицу, соединяющую Харторикс с занимаемой им цитаделью. Отсюда его взору открывались игры Хаоса в визжащем от боли, сгорающем в огне старинном портовом городе.

Бранд перевел взгляд внутрь крепости на суетящихся товарищей. Тысяча двести человек его маленького гарнизона спешно освобождали проходы внутри казематов и каменных коридоров, заколачивали одни окна, а у других раскладывали мушкеты. Кто-то спешил отлить или умыться, кто-то проверял оружие и снаряжение. Командиры, уже получившие от Бранда короткие и простые инструкции по диспозиции, расставляли бойцов по границам контрольных участков.

Кто-то заряжал чудом оставшиеся в крепости длинноствольные легкие полукулеврины, подтаскивал к стенам добытые в недрах оружейных хранилищ бронзовые мортиры с боезапасом.

Небольшой городок при полном отсутствии сопротивления можно было захватить очень быстро, но морпехи чересчур увлеклись вырезанием населения под корень, и это сильно замедлило их движение. При такой скорости движения к стенам крепости первые королевские мушкетеры должны подойти не ранее чем через полчаса. Этого с лихвой

хватало Бранду для подготовки обороны на том уровне, который вообще возможно обеспечить с гарнизоном из габеларов и в крепости без тяжелых орудий.

Основную ставку Бранд делал на мушкеты. Стены крепости крепки и хороши. Тяжелые корабельные пушки сюда не достают. А те, что достают, бьют на излете, так что стены Бориносу не сокрушить.

Расположить орудия со стороны города тоже вряд ли возможно: крепость имеет преимущество по высоте, а значит, дальность обычных мортир и кулеврин у Бранда на уровень выше, чем у осаждающих. Да и попробуй дотащи серьезные орудия по кривой улочке, соединяющей ближайший городской квартал с крепостными стенами и петляющей по горному склону, как лента в руках танцовщицы.

Еды в крепости полно – здесь располагался городской продуктовый склад, пуль и пороха не меряно, так как испокон веков подвалы цитадели служили арсеналом гарнизона. Вода поступала не из городских источников, а из собственной скважины. Так что в любом случае пару дней они продержаться смогут. А там – посмотрим.

Но помимо вопросов обороны Бранда волновало еще несколько вещей.

Прежде всего его беспокоило, где сейчас Гордиан и Никий.

Парочка отбыла за Лисией еще до рассвета и должна была уже давно добраться до поместья работорговцев. В успех акции по освобождению девушки Бранд верил безоговорочно и ни секунды не сомневался, уж если Ракир Жало чего решил, да еще и рассчитал все пошагово – так добьется наверняка. Но его волновало другое. Поместье работорговцев располагалось в предгорьях, а значит, вид на гавань и порт оттуда отличный. Гор, безусловно, увидит, как сотни королевских кораблей входят в гавань Харторикса. Увидит он и залпы орудий, и дым от пожарищ. Как тогда поступит Фехтовальщик? Вернется – или пойдет на север без них?

Второе, разумеется, было предпочтительней во всех отношениях и для всех участников их маленькой экспедиции. Если Гор уйдет, это гарантирует скорейшее прибытие помощи и снятие осады, если же останется – это гарантирует, вероятно, только общую смерть. Его чудесный доспех и многозарядный мушкет – серьезная техника, но для налета, не для войны, тем более при таком численном вражеском превосходстве.

У Гора только один бронированный доспех и только два автомата. В каждом – цилиндрический диск-магазин на сотню патронов. Плюс в сумке запас – еще два диска-магазина. Итого: четыре сотни свинцовых подарков для желающих вскрыть скафандр вручную. Но даже если каждый выстрел найдет свою жертву, он, Ракир Жало, обойдется Бориносу всего в четыре сотни морпехов – ничто для многотысячного десанта!

Бранд напряженно всмотрелся вдаль и вверх, где в туманной дымке высились скалистые горы. Там, около их подножия, где-то в оливковых рощах и виноградниках, укутанных туманной дымкой, пребывали сейчас его верные товарищи. Куда пойдут они – на север или на юг?

Бранд вглядывался так, как будто на самом деле надеялся увидеть их за блеклым утренним туманом. Но, разумеется, глаза упирались только в размытые очертания далеких домиков и игрушечной растительности.

Снизу раздался свист, и консидорий окончательно пришел в себя. На противоположном краю пустоши, отделявшей фасад крепости порта от закончившейся здесь же последней городской улицы, вышли с десятков морпехов. Праздной походкой, без строя и слегка пьяные. Если не от алкоголя, то от некой дикой эйфории, в которую приходит человек, в течение часа усердно резавший собратьев по генотипу.

Свистел один из морпехов, по всей видимости, призывая товарищей по оружию к обнаруженному им укрытию недобитого врага. С улицы из-за домов, углы которых скрывал ближайший поворот, на этот свист поспешили новые королевские бойцы. Гордые морские мушкетеры, прошедшие весь город, заливая его человеческой болью и кровью, были уже слишком расхлябаны успехом и не воспринимали ничего всерьез.

Отсутствие потерь среди своих и горы трупов чужих, которыми они считали каждого

попавшегося навстречу жителя Харторикса, включая детей, женщин, стариков и не успевших убраться из города инвалидов, придали им силу и уверенность в себе. Походкой победителей они выходили на пустошь с мушкетами наперевес и с обнаженными саблями, лезвия которых уже не сверкали на солнце из-за запекшейся на них крови.

Бранд быстро прикинул – человек двести, значит, полная рота. Больше на пустошь в ближайшие минуты вряд ли кто выйдет, поскольку морпехи наверняка рыщут по городу только полными подразделениями – где ротой, а где и взводами. Он повернулся к своим и, в нарушение устава, дал отмашку молча, без команды голосом. Только рука и горящий взгляд!

О, этот взгляд был красноречив! Поймав этот взгляд, капралы консидориев, вооружившихся сегодня не мечами, а мушкетами, взмахнули в свою очередь, давая сигналы стрелковым расчетам. Тысяча указательных пальцев коснулись спусковых крючков и тысяча кремневых бойков стукнули о запал. Порох на полках вспыхнул, придавая огненный импульс свинцовым чушкам в стволах. Те с визгом дернулись и вместе с потоком газов и пламени вырвались на свободу!

И грянул залп, и крепостная стена окуталась облаками дыма.

Когда дым рассеялся, на пустоши лежало ровно двести трупов. Где-то в городе без малого тридцать тысяч голов других морских мушкетеров вскинулись и посмотрели туда, где стояла крепость порта Харторикс.

«Город не взят!» – услышали они в грохоте тысячи мушкетов и, пинками отшвыривая истерзанные трупы жителей города, бросая награбленное добро, морпехи кинулись к цитадели Бранда.

«Выбор сделан, – подумал чемпион, – итак, господа, началось!»

* * *

За три часа с момента первого залпа Бранд со своими людьми выдержали три штурма. Пустырь перед основным фасадом крепости усеяли горы тел. Виной тому было, конечно, самодурство морпеховских командиров и опьянение победой у рядовых, которое, как наркотик, вскружило королевским солдатам головы после их победоносного шествия по изуродованному и окровавленному штурмом Харториксу.

Первые два раза мушкетеры валили толпами, пытаясь взять крепость с лету, задавив защитников массой. Оттого и накрошили их без счету. «Тысячи, пожалуй, две, как минимум, а может, и больше», – прикинул Бранд. На самом деле он толком не считал даже навскидку и полагался в деле подсчета вражеских потерь на чутье и размеры заваленного телами поля перед стеной.

Но уже третий штурм оказался серьезнее. Во-первых, атаку поддержали дружные залпы с кораблей, не принешие, впрочем, никакого вреда защитникам – скала была высоковата, и крупные ядра, способные разрушать бастионы, до нее не долетали. Во-вторых, мушкетеры полезли не только напролом через хорошо простреливаемую пустошь, но и по крутым скалистым склонам на фланги маленькой цитадели. Особых успехов этот маневр не принес, и сервы-консидории в доспехах легко скинули фланговый отряд со скалы.

Ни убитых, ни серьезно раненных у Бранда пока не случилось, не считая нескольких человек, зацепленных случайными пулями. В общем, до поры до времени все складывалось неплохо, однако последняя передышка между штурмами была длиннее прочих, и Бранд понимал – это не результат усталости или страха королевских солдат, а свидетельство тщательной подготовки или неких решительных мер, которые проявят себя в скором будущем.

И он оказался прав – будущее себя ждать не заставило.

Еще через час дополнительного ожидания из-за дома, скрывавшего поворот улочки, упиравшейся в пустошь перед крепостью порта, на тяжелом лафете, а точнее, огромном уродливом деревянном бруссе, размерами чуть ли не три нормальные телеги, на место действия была вытянута суперкартауна. Выглядело орудие словно некое чудовище:

огромное рыло, толстый торс, короткие мощные лапы лафетных упоров. Десяток каменных ядер – подвезли каждое на отдельной повозке.

Бранд почесал затылок: да, вот тебе и передышка!

Стоящие рядом с ним мушкетеры вскинули было свое оружие, но Бранд только раздраженно махнул рукой, чтобы не дергались. И действительно, мушкетная пуля на таком расстоянии никого не достанет – слишком далеко.

Между тем вокруг чудовищного орудия засуетились канониры и подсобные рабочие. Гигантское ядро подтащили с помощью лебедки и примитивным краном с противовесом подняли его жерла титанического ствола.

Удивляло, как только морпехи умудрились затащить такую махину на скалу, но удивление ничего не меняло: огромная пушка стояла перед крепостью.

Спустя еще минут двадцать несуразной возни вокруг картауны орудие наконец изготовили к стрельбе. Старший канонир осторожно поднес фитиль к винграду, и чудовище громоподобно ухнуло, исторгнув из себя облако пепла и яростный столб пламени. Огромное ядро диаметром около метра раскаленной каменной болванкой в мгновение ока пронеслось над пустошью и с силой вонзилось в стену чуть выше фундамента.

Крепость и земля вокруг вздрогнули, серую тучей взметнулась пыль. Каменные блоки брызнули в стороны, словно песок от удара сапога. Бранд и все защитники цитадели, кто в этот момент стоял на ногах, рухнули наземь. В месте, куда вонзилось ядро, часть стены держалась еще мгновение, а затем мягко, как водопад в замедленной съемке, в осколках камня и каменной крошки слоями сползла вниз.

Образовавшийся проем имел в ширину, по меньшей мере, пять метров – более чем достаточно для прорыва. Сотни морпеховских глоток прорычали громогласное «Ур-ра!» и рванули в крепость, перескакивая через обломки и ликуя в предвкушении возмездия.

Встав на ноги, Бранд еще секунду смотрел на разрушенную стену. Не хотелось себе признаваться, но он и его ребята, стоящие сейчас вокруг пролома, смотрели не просто на кучу кирпичных осколков и рухнувших каменных балок. Они смотрели в лицо собственной судьбе. Пятиметровый пролом в стене в их случае означал почти стопроцентную смерть.

Плавным движением Бранд Овальд вытащил меч и, стукнув эфесом по шлему, опустил забрало.

– Габелары – первая линия! Консидории – вторая! – услышал он собственные слова.

По команде, как часовой механизм, тонкая линия габеларов, вооруженных мушкетами без штыков, выдвинулась в пролом.

Как всегда, первый ряд упал на колено, второй, пригнулся, третий – стол во весь рост. Прогредел единственный залп, выкосивший несколько стремительно приближающихся вражеских рядов, а затем волна нападавших накрыла обороняющихся.

Не приученные к рукопашному бою, габелары слегли все как один, в первые же мгновения ожесточенной драки. Морпехи, сверкая кривыми кошкодерами, резали их, как поросят, сминали массой, втоптывая в покрытую слоем каменных осколков землю.

В каком-то яростном ожесточении и веселье они кромсали тела городских стражников, даже когда те уже были мертвы и держались на ногах исключительно благодаря тесноте, в которой велась драка в относительно узком проеме. «Победа! Победа!» – стучало в головах королевских солдат, пульсировало в сердце, ударяя кровью в виски. Презрение к сервам, не способным сражаться на равных с профессиональными бойцами, но поднявшихся на борьбу, упоение местью за павших от мушкетных пуль товарищей и жар горячего боя – вот что вело их вперед. Казалось, еще несколько шагов и последний стрелок падет под ударом сабли с раскроенной головой.

И тут в дело вступили консидории. Ситуация повторилась с точностью до наоборот! Морпехи со своими короткими саблями, защищенные только ловкостью и привычкой к хаотической рубке, оказались просто детьми против закованных в латы панцеров с полуторными мечами. Бранд выстроил своих бойцов клином, сам встав впереди, словно острие тарана, и прошел этим клином из глубины крепости до самого пролома, выталкивая

накативших внутрь морских мушкетеров, как газы выталкивают пробку из бутылки с игристым вином.

Дойдя до пролома, панцеры встали. Сверкая латами, они перегородили все его отверстие несокрушимой, железной стеной, о которую разбивалась одна атака морпехов за другой. Эйфория, охватившая врага в первые минуты после выстрела чудовищной картауны, теперь играла на руку лавзейцам. Морпехи поперли все сразу, без линий и эшелонов, одной сплошной массой, надеясь раздавить упорного противника числом и сабельным мастерством, но не тут-то было!

В давке королевские солдаты практически лишались возможности целиться и стрелять. Бой шел в рукопашную – сабля против меча, шелковая рубашка и мундир моряка против стального доспеха и глухого шлема консидория.

Следующие несколько минут Бранд просто поднимал и опускал меч. В латном доспехе, с хауберковой подстежкой он даже не сильно уклонялся, отводя лишь наиболее опасные удары, и с каждым взмахом своего чудовищного меча сносил голову очередному мушкетеру или раскраивал его от плеча до пояса.

Хек! Хек! – скрипел меч о позвонки.

Первый, второй, десятый, двадцатый. Считать дальше не имело смысла, поскольку свою «обычную» для удачного боя норму он уже выполнил. Теперь оставалось только достойно умереть. Поэтому вместо того, чтобы распороть пузо очередному вражескому бойцу, он просто толкнул его ногой, отбросив в сторону и освободив себе место, а затем широко шагнул вперед, вонзаясь в плотные ряды морских пехотинцев.

Бранд откинул забрало – было тяжело дышать – и, не сбавляя темпа ударов, запел старинную боссонскую песню, которую его предки, возможно, пели, умирая на полях древних сражений под знаменами древних своих королей.

«Сражайся, если хочешь жить вечно!» – говорилось в ней.

И Бранд – хотел, потому он и бился, и пел песню смерти, и меч его вертелся, словно крылья смертоносной мельницы, создавая своему хозяину странный аккомпанемент хлюпанья плоти от вонзившейся в нее стали и взвизгивания лезвия о вражеские клинки.

Удар! Удар! Удар!

Бранд оторвался от своих почти на три метра, глубоко проникнув во вражеские ряды и очистив вокруг себя настоящую площадку, заваленную горой трупов. Никто не дерзал приблизиться к великану в кровавом железе, возвышавшемуся над толпой почти на две головы. На мгновение опустив свой меч, он поднял мокрое лицо кверху, прокричал боевой клич и широко раскинул руки в стороны, приглашая подавленных мистическим ужасом морпехов к продолжению зверской резни.

Никто не дерзнул. Но из дальнего ряда, пользуясь передышкой и свободным пространством вокруг несокрушимого серва, поднялась рука неизвестного с зажатой в ладони пистолью. Щелкнул курок, и пуля с ревом покинула ствол!

Бранд покачнулся, опустил глаза вниз, взглянув на небольшое отверстие в левой части груди, слишком ничтожное на фоне его огромного тела, откуда тонкой струйкой стекала по железу кровь.

Качнувшись еще раз, как подкошенная крепостная башня, непобедимый чемпион авеналий с грохотом рухнул на землю.

«Сражайся, если хочешь жить вечно! Или умри!» – таков был припев.

В следующее мгновение очищенное Брандом пространство заполнилось морпехами, и тело великана скрылось под подошвами вражеских сапог. Консидории сдвинули ряды и дружно взмахнули мечами.

Резня, несмотря ни на что, продолжалась.

Глава 3

Один в поле воин

Спустя час торопливого спуска Гордиан Рэкс добрался до центральных городских ворот. В течение всего времени, пока Фехтовальщик ехал по предгорьям, торопясь вернуться в Харторикс, он мимоходом с идущей поверху дороги видел, как из этих ворот выбегали и выезжали толпы обезумевшего народа – беженцы, не успевшие покинуть город до начала резни, или беженцы слишком поздно осознавшие последствия вступления в город королевской армии. Причем поток прорывающихся сквозь ворота людей был значительным, хоть и каким-то рваным, неровным. К моменту, например, когда Гор в последний раз бросал быстрый взгляд на врата с очередного скалистого плато, по которому петляла тропа, через откинутые створки стремились пройти еще сотни людей, и еще сотни спешили от врат в спасительные виноградники и рощи, стремясь умчаться от ужасов родного города как можно дальше. Тем более удивительно, что сейчас, когда Гор наконец-то спрыгнул с лошади и стоял одиноким столбом прямо напротив вратной башни, вокруг не было ни души. Его окружали только трупы, которые, как известно, душ начисто лишены, а полны только быстро разлагающегося дерьма.

Гор прошел в пустующие ворота, где никто его не остановил. Посмотрел на длинную улицу, протянувшуюся от крепостной стены и башен вперед до некоего предела, обозначенного очередным поворотом. Вся улица была завалена трупами. Он даже не стал считать. Одежда на всех была сугубо гражданской – ни габеларов, ни стражников порта, ни тем более консидориев тут не валялось. Только жители. Бывшие сервы. Бывшие освобожденные им граждане Республики. А ныне – просто куски гниющей органической массы. Бездыханные, с холодными пальцами и остановленными сердцами. Так уж нужна была им эта свобода? Гордиан покачал головой. Плохие мысли. Как там говорил ему Крисс? Нужно не думать, а действовать.

Чуть дальше в глубине портовых строений, ближе к гавани грохотали выстрелы, преимущественно мушкетные, но с редкими вкраплениями одиноко ухающих полукулеврин и мортир – за время войны Гор научился их различать. Ну что ж, похоже, действительно настало время для действия.

Фехтовальщик раскрыл сумку, достал шлем, нахлобучил на голову, прикрепил к стальному воротнику нательной части скафандра, нажал на кнопку герметизации на рукаве возле запястья. Гулко хлопнув, скафандр втянул сквозь фильтры воздух из спинных запасников и превратился в абсолютно изолированную систему. Тогда Гор опустил на лицо светоотражающий бронированный щиток, полностью скрывший его лицо, и бодрым шагом потрусил в направлении выстрелов.

Тридцать минут спустя Гор шел по кривой улочке вертлявым спортивным шагом, дрыгая задом и смешно размахивая локтями. Он старался беречь дыхание и при этом двигаться с максимальной скоростью. Оставалось еще немного. Только сейчас, после почти часового подъема, он по-настоящему оценил все преимущества скафандра.

Солнце пекло беспощадно, но внутри космического доспеха поддерживались стабильная температура и необходимый уровень влажности воздуха. От долгой и быстрой ходьбы, преимущественно в гору, тело покрылось только легкой испариной, а не ручьями горького пота, поскольку абсорбирующий материал подкладки костюма тут же впитывал все выделения. Дыхательная смесь внутри системы жизнеобеспечения насыщалась кислородом, а значит – дышалось значительно легче, чем на открытом воздухе.

И все же он устал – сам по себе доспех был достаточно тяжел, два автомата оттягивали плечи, а идти пришлось долго. Улица же петляла между домами, как змея, поднимаясь все выше и выше.

Примерно еще через полчаса после очередного поворота Гор добрался до места, откуда был хорошо виден весь подъем до вершины, где стояла крепость порта. Улочка, ведущая к ней, была очень узкая и извилистая, поэтому оперативный лагерь осаждающих растянулся вдоль нее почти на километр.

Атакующая партия на самой вершине числом около пяти–шести тысяч человек штурмовала крепость – там гремели мушкеты, воздух заволакивал пороховой дым, и

долетали истошные крики людей.

Силы поддержки примерно таким же числом растянулись ниже вдоль улицы. Еще ниже и ближе к месту, где остановился Гордиан, расположился импровизированный госпиталь – раненые лежали в тени прямо на уличной брусчатке, – а также оперативный армейский обоз с боеприпасами и продовольствием.

Тут же вдоль домов сидели отдыхающие канониры в форме морской артиллерии и скучал небольшой арьергард прикрытия, призванный охранять тылы атакующих колонн.

Штаб всей этой змееподобно вытянутой армии располагался, судя по всему, почти на передовой – флаги короля и кардинала развевались где-то между атакующей колонной и колонной поддержки.

Увидев Гордиана, бойцы арьергарда дружно встrepенулись, а те, кто сидел на земле, повскакивали с мест. Впрочем, лицо Фехтовальщика было скрыто тонированным забралом шлема, и при виде незнакомца в странном доспехе стрелки растерялись.

Человек «в белом и серебраном» мог оказаться как врагом, так и очередным чудесным бойцом церкви, специально присланным храмами Хепри им на помощь. Тем не менее сказалась военная выучка: морпехи дружно подняли заряженные мушкеты и окружили Гордиана плотным полукольцом, полагая, что столь открыто и явно вышедший к ним одинокий боец вряд ли представляет серьезную опасность сразу для полусотни солдат.

Гор постоял в расслабленной позе, не отвечая на вопросы и дожидаясь, пока почти все стрелки арьергарда подтянутся почти вплотную. Затем он вскинул оба автомата и аккуратно прошил полукруг длинными параллельными очередями.

Пули разрезали воздух и плоть, пробивая навывлет по несколько тел сразу. Люди в ужасе отпрянули. Кто-то из наиболее храбрых вскинул мушкет и даже успел выстрелить, кто-то из самых решительных бросился вперед, чтобы достать Гордиана своей саблей, но все оказалось напрасно.

Пули отлетали от белого нагрудника и тонированного шлема словно горошины от бетонной стены, не оставляя никаких следов, а ноги не успевали доносить своих хозяев на расстояние сабельного удара – бешеный свинец из стволов автоматов был слишком быстр для неспешной пехоты этого мира.

За несколько секунд полусотня рухнула к ногам павшего полубога. Пара человек, из тех, кто стоял дальше остальных и каким-то чудом умудрился уклониться от смертоносных автоматных трасс, спрятались за ближайшими домами. Впрочем, мушкеты их были уже разряжены бесполезными выстрелами, и больше эти люди Гора не интересовали.

Пинком откинув оказавшийся на его пути труп, демиург Корпорации Гордиан Оливиан Рэкс неспешным шагом двинулся дальше.

«Вперед и вверх, а там...»

А там его ждала кровавая свистопляска покруче всех, что он видел в жизни.

* * *

Услышав странные звуки, кардинал Амир оторвался от созерцания штурма крепости и посмотрел вниз на тыловые части и арьергард.

Там происходило нечто странное – по королевской армии, вытянутой в одну длинную ленту, прошла волна непонятных перемещений, как судорога, сбивающая колонны по всей линии протяженности в плотную массу, сдвигающуюся к вершине горы. Такой эффект, вероятно, могла бы вызвать внезапная кавалерийская атака, направленная вдоль дороги снизу вверх, однако ни один из спутников-наблюдателей не сообщал о приближении сколько-нибудь существенных сил, которые могли бы настолько решительно поразить его десантный корпус. Он поднял бинокль – за толпами собственных бойцов не было видно ничего кроме столба пыли, поднимаемой тысячами ног.

«Непонятно», – подумал кардинал. Если бы атакowali серьезные вражеские силы, он бы в любом случае увидел хвост атакующей колонны за одним из поворотов. Тут подбежал

вестовой.

– Что за дерьмо? – набросился на него Амир, хмуря брови и всем своим видом выражая недовольство. – Почему колонны сбиваются в кучи? Команды никто не давал, пусть стоят на месте!

Вестовой глядел ошалело, округлившимися, словно в шоке, глазами.

– Это Господь Хепри, сир! – сдавленно выкрикнул он. – На нем Священный доспех из Бургоса и священное оружие. Он убивает нас сотнями, сир. Войска отступают!

Кардинал злобно выругался и отпихнул офицера в сторону, а затем взобрался на один из ближайших валунов. Увидеть он все равно ничего не увидел, но сквозь крики людей и шум бегущих солдатских рядов услышал то, к чему уже был готов: на фоне криков и мушкетной пальбы четко выделялся вполне знакомый ему клекот «трещоток» – короткоствольных автоматов клерикального спецназа.

* * *

Королевские войска отхлынули от крепости. Оставшиеся в живых консидории и немногочисленные габелары из гарнизона Харторикса втянулись внутрь пролома и залегли. Они смотрели вперед, на спины врагов. Там, за пустошью, сбившись необычайно плотной кучей, толпились тысячи морских пехотинцев, а за ними, на улице, усыпанной трупами, возвышалась одинокая фигура в белом.

Гор прошел сюда, на вершину горы, как «сквозь тернии к звездам». Он прогрыз себе путь не через сотни, а через тысячи вражеских бойцов. Он сделал это один. Его четыре дисковых магазина были на исходе. Три первых – совершенно пусты, а в последнем – лишь несколько пуль. Вообще было чудом, что, имея четыре сотни патронов, он прошел сквозь пятитысячную колонну и продолжает сжимать в когтях ужаса еще почти десять тысяч человек, столпившихся сейчас на вершине.

Технология чуда была проста. Горная улочка слишком узка, чтобы атакованные Гором морпехи могли рассеяться и избежать автоматных пуль, а ужас, пробуждаемый в их душах неуязвимым бойцом, – слишком велик, чтобы они решились броситься на него скопом.

Не прикрытые латами пехотинцы короля стояли слишком плотно, и каждая пуля, выпущенная Гордианом, пронзала иной раз по десятку человек. Четыреста, помноженные на десять, – серьезное число, если подумать.

Сейчас Гор стоял чуть согнувшись, под тяжестью амуниции, которую не снимал уже слишком давно, и пытался передохнуть. Как бы ни была совершенна система жизнеобеспечения космического скафандра, снять тяжесть с позвоночника и усталость с натруженных ног она не могла. Столпившиеся на вершине люди, зажатые между ним и обороняющимися бойцами Бранда и Манзания, так же замерли в напряженном молчании, взирая на него с нескрываемым ужасом.

Гор не стал испытывать терпение вражеских командиров дальше. Он выпустил один автомат, который повис на ремне, и поднял пустую правую руку вверх, приглашая к переговорам. Через несколько минут по плотным рядам морпехов прошла волна и из-за спин рядовых показался старший офицер с нашивками полковника и золоченым мечом на боку. Он протолкался вперед и размеренным, осторожным шагом, придерживая свое оружие, направился к бывшему демиургу.

Когда расстояние между ними составило метров пять, Гор снова поднял руку раскрытой ладонью вперед.

«Стоп, – говорил его жест, – поговорим так, ближе не надо». Вражеский переговорщик подчинился и застыл на месте, приставив одну ногу к другой, как на параде.

– Как зовут? – спросил Гордиан, стараясь говорить как можно более властно и вместе с тем небрежно.

Звук его голоса передавался изнутри скафандра нашлемным динамиком.

– Полковник Ратан мое имя. Генеральный штаб Его величества, – последовал ответ. –

Представитель королевской армии при дворе Его высокопреосвященства кардинала Амира.

– Отлично, – кивнул Гордиан. – Я желал бы увидеть обоих – и короля, и кардинала. Они здесь?

– Его величество находится на борту своего флагмана «Пронзитель» в гавани порта. Здесь только Его высокопреосвященство, но он желает вести беседу через меня. Во избежание м-м... во избежание осложнений.

Гор захохотал, а полковник Ратан нервно дернул усом, но в целом виду не подал и стоял, почти не шелохнувшись.

– Его высокопреосвященство боится получить пулю в лоб, не так ли?

– Его высокопреосвященство бессмертен. В случае убийства он будет возрожден внутри храма. Он переживает, что насильственная смерть кардинала на глазах у тысяч солдат королевской армии может негативно сказаться на боевом духе солдат. Особенно, если убийство совершит некто, в доспехе Его Божественности Господа Хепри. «Сгорающий Дракон» у вас на груди, сударь, «Сгорающий Дракон»!

Гор хмыкнул:

– Разумно.

– Разумеется. Но я послан не обсуждать с вами, сударь, разумность решений Его высокопреосвященства, а услышать требования относительно вашего неожиданного визита. Мне также велено увидеть ваше лицо. Во-первых, в этом случае переговоры будут честнее, вы-то мое видите, а во-вторых – я должен убедиться, что вы действительно Гордиан Фехтовальщик.

– А у вас есть сомнения?

– В общем нет, но приказ кардинала – это приказ кардинала.

Гордиан пожал плечами и спокойно поднял тонированный экран забрала, так как светлое пуленепробиваемое стекло в любом случае защищало его от выстрелов.

Полковник кивнул, узнавая эшвенскую знаменитость.

После процедуры опознания Гор демонстративно отстегнул пустой магазин от левого автомата и с видом скучающего снайпера на стрельбище пристегнул к нему другой, сохранившийся в сумке такой же пустой магазин. Правый и единственной автомат, где оставалось немного патронов, он оставил нетронутым.

– Теперь так, – сказал он, – коль скоро вы меня опознали и имеете представление о том, с кем ведете беседу, я оглашу свои условия.

Гор секунду смотрел на полковника, выжидая, не скажет ли тот что-нибудь, но офицер молчал – и тогда он продолжил:

– Первое! Вы немедленно предоставите возможность бойцам гарнизона и моим консидориям, что заперты в крепости порта, спокойно покинуть город. Второе! Вы сдадите нам свое оружие и останетесь ждать, пока мы не отойдем от Харторикса, по крайней мере, до горного перевала. Это все. Кровавых жертвоприношений и выдачи головы Его преосвященства мне пока не надобно.

Ратан сдержанно, хотя и несколько нервно, улыбнулся. Поправил волосы на виске, как бы невзначай демонстрируя Гору шунт.

– А, вы тоже бессмертны, как я погляжу! – воскликнул тот.

– Бессмертен, но вы понимаете, умирать пока не приходилось и пробовать как-то не хочется.

– Тогда к чему этот жест непричесанного педика, я не пойму? – вскипел Гор. – И эта улыбка? Вы находите мои требования смешными, сударь?

– В некотором смысле, да, сударь. А шунт я вам показал, чтобы вы также имели представление, с кем ведете дело, и не пытались оказывать на меня давление, угрожая физической расправой. Сколько у вас патронов?

Гор внутренне сжался.

– Достаточно, как вы видите, – твердо сказал он, показывая на левый, только что пристегнутый пустой магазин. Блефовать так блефовать!

Ратан снова улыбнулся.

– Достаточно для чего, сударь? Я служу уже много лет, и мне приходилось сталкиваться с оружием клерикального спецназа, в отличие от большинства моих подчиненных. Это магазин на сто патронов. Допускаю, что в сумке у вас, судя по ее объемам, имеется еще штук пять-шесть от силы. Вы только что прошли почти пятьсот метров, непрерывно поливая огнем все, что движется и складывая в сумку пустые диски. На склонах лежит почти три тысячи трупов, так что я сомневаюсь, что у вас остался боезапас достаточный, чтобы угрожать еще десяти тысячам солдат.

Гор поднял оба автомата и упер тупоносые рыла прямо в грудь Ратану.

– А хотите узнать точно, сколько у меня патронов? – зло спросил он. – Есть простой способ выяснить это. Попробуем?

– Ну-ну, сударь, не стоит так горячиться, – забеспокоился парламентар. – Его величество, а значит, и Его высокопреосвященство дорожат мушкетерами морской пехоты. Никто не хочет бессмысленных смертей. Однако вы должны понимать, что требование полной капитуляции в ваших условиях – это бред и чрезмерные амбиции! Предлагаю обмен. Мы выпускаем ваших бойцов из Крепости Порты, а вы – то есть вы лично, мастер Гордиан, – складываете оружие и сдаетесь. Его высокопреосвященство гарантирует вам при сдаче достойное содержание и полную физическую безопасность. Он поражен вашими талантами и желает обсудить с вами варианты сотрудничества, не более того. Если согласитесь – отлично. А нет, так мы просто запрем вас в удаленном поместье до конца войны и только-то. В любом случае сервом вам уже не быть!

Гор поджал губы. В каком-то смысле, если допустить, что кардинал с королем его не обманут, это был, конечно, шанс. Открыто войти в храм, найти общий язык с иерархами местной церкви. Возможно – получить доступ в ГИС, связаться с Корпорацией...

Да, в некотором смысле это был шанс. А еще это было – предательством.

– Вы сошли с ума, – процедил он сквозь зубы, – это не условия. Я не изменю делу сервов Эшвена никогда. Будет или по-моему, или вообще никак. Единственное, что могу предложить – сохраните свое оружие, когда выпустите моих людей из крепости. Подумайте хорошо – в конце концов, зачем вам сдались эти несколько рот, запертые там? Если мы не договоримся, вы потеряете в живой силе значительно больше этих жалких сотен. Давайте просто разойдемся – и все.

– Помилуйте, сударь, но если эти «несколько жалких сотен» так не важны, то зачем, вы, советник Равных, Апостол и полковник Армии Свободы рискуете ради них своей жизнью, выйдя один против тысяч?

Гордиан скривился:

– Вам, возможно, этого не понять, сударь, но среди этих нескольких сотен есть мои друзья! Друзья – это такое слово. Я удовлетворил ваше любопытство?

Ратан покачал головой.

– О молодость, романтика, вера, – задумчиво произнес он. – Но любопытство мое удовлетворено не вполне. Насколько много среди осажденных ваших друзей, и готовы ли вы ради одних жертвовать больше, чем ради других?

Ответа полковник Ратан дожидаться не стал. Развернувшись, он резко махнул рукой, и из плотных рядов морпехов, еле помещающихся на узком отрезке улицы, четверо бойцов волоком вытащили огромную тушу. Сначала Гор даже не понял, что это. Но уже через несколько мгновений осознание коснулось его разума – под слоем пыли и запекшейся на солнце крови просматривалось лицо великана Бранда, искаженное мукой и болью. Грудь Бранда покрывала грубая тряпичная повязка, хоть немного, но сдерживающая кровотечение, а руки скованы за спиной. Четыре человека поддерживали массивное тело за локти, а пятый, отделившись от толпы, приставил к горлу консидория острие сабли.

Ратан вновь повернулся к Фехтовальщику.

– Этот раб ведь знаком вам, не так ли? Его сразили пистолетной пулей, которая прошла сквозь доспех навывлет чуть выше сердца на несколько сантиметров. Кстати, именно

стальной панцирь спас ему жизнь: тяжело раненный, этот медведь был не в силах пошевелиться, и, если бы не доспехи и шлем, его затоптали бы в горячке боя. Он ведь знаком вам, не так ли?

Гор тихо вздохнул под шлемом – ломаться далее не имело смысла. Бранд должен жить и двадцать консидориев, которых он привел сюда на смерть, должны вернуться домой. Что же до сдачи в плен...

– Я согласен, – произнес он, глядя на коленопреклоненного Бранда, в беспамятстве опустившего голову и глухо мычащего от боли.

Да уж, уникальное зрелище, Бранд – на коленях. Даже в этом положении великан был немногим ниже вцепившихся в него стражников.

– Нам нужны гарантии, – сказал Ратан, – поэтому снимите доспехи. Пусть останутся только автоматы. Мы должны иметь возможность быстро убить вас, если вы измените своему слову и откроете автоматный огонь по войскам.

Гордиан мотнул головой.

– Я сниму шлем, – сказал он, – тогда вы сможете убить меня, если постараетесь. А в качестве гарантии я сдам вам сумку и один автомат с полным барабаном. – С этими словами он откинул в сторону левый, пустой. – Выпускайте осажденных!

* * *

Когда молчаливая колонна из пятисот оставшихся в живых габеларов и консидориев прошла мимо, Гор настоял, чтобы королевские морпехи прождали еще пять часов, дабы измотанные боем и имеющие большое количество раненых защитники города смогли убраться на безопасное расстояние.

Все это время Гордиан сидел на камне рядом с дорогой и не давал никому из морпехов спуститься вниз. Со своим «священным» автоматом он запер их на вершине, надежней, чем на засов, перекрыв единственную дорогу в город. Руководил отступлением Манзаний, комендант Харторикса, чудом оставшийся в живых, но имеющий, как и почти все отступающие, ранение.

Именно неуклюжий, сам истекающий кровью, пухлый вилик Манзаний распорядился соорудить из пик и алебард скороспелые носилки, на которые погрузили великанскую тушу Бранда и вынесли из рядов злобно зыркающих на сервов морпехов. Кроме того, Манзаний лично сменил на Бранде повязку и обработал рану, остановив кровотечение, и тем самым, как думалось Гору, практически спас великану жизнь.

Колонна сервов удалась, а время шло. Кровавый день подходил к концу, в свои права вступал поздний вечер. Полковник Ратан снова отделился от плотных рядов подчиненных и подошел к Фехтовальщику.

– Ваше время настало, сударь, – сказал он, – пять часов истекли.

– Еще десять минут, – кивнул Гор, – хочу полюбоваться закатом.

– Но это нарушает нашу договоренность.

– И что вы сделаете? – Гор покачал автоматом. – Оштрафуете меня за нечестность?

Ратан заткнулся и отошел.

Гордиан посмотрел на великолепный Медиас Кордис, медленно гаснущий в центре небосвода. То было удивительное зрелище! Конечно, его не сравнить с обычными закатами на планетах, которые вращались вокруг звезд, а не имели таковые внутри себя, и все же, все же...

Не каждый день приходится видеть, как гаснет солнце – неописуемо и прекрасно. Не так ли вспыхивает жизнь человеческая, возгораясь поутру, ярко сверкая в полдень и угасая, когда наступает ночь?

Да, именно так. Различие только в длительности «дня». У некоторых – это семьдесят лет, у некоторых – тысяча, у некоторых – неделя. А у других вот ровно триста шестьдесят два года. Хороший возраст. Его!

Вновь подошел Ратан.

– Это бесчестно, сударь, – возмущенно заявил он, – уже темнеет. У наших людей затекли ноги. Напомню, если вы не выполните договор, то, скорее всего, Его высокопреосвященство не сможет гарантировать вашу безопасность после сдачи в плен. Бросайте же оружие!

Гор выплюнул травинку, которую жевал, и тяжело вздохнул. Вставать с камня, к которому он уже привык за пять часов, ужасно не хотелось.

– Извините, сударь, но вам, пожалуй, придется считать меня бесчестным человеком, – нехотя выговорил он.

– Да что вы говорите, сударь? – опешил полковник.

– Да то, что вы, сударь, слышите. Я считаю вашего кардинала подлецом, не стоящим даже дерьма тех людей, которые пять часов назад прошли мимо. И я лучше сдохну, чем сдамся ему на милость.

Ратан молчал ровно секунду, затем открыл рот, чтобы закричать.

При свете почти погаснувшего светила суть их беседы, мимику и жесты было уже трудно уловить, поэтому Гордиан, прикрывшись Ратаном как естественным щитом, молча нацепил на голову шлем, опуская забрало. Ноктовизор, вмонтированный в стекло, сработал автоматически, ночь раскрасилась оттенками зеленого, и он смог отчетливо видеть стоящие на расстоянии сотни метров молчаливые ряды морских мушкетеров.

– Измена-аааа! – закричал Ратан, надрывая глотку.

– Отнюдь, сударь, – молвил Гор и разрядил оставшиеся в магазине патроны прямо в голову королевскому полковнику.

Выстрелов оказалось ровно четыре, и они ровненько вошли в затылок развернувшегося офицера, разорвав его лицо на тысячи осколков. Так, с половиной головы, «без лица», тот и повалился на землю.

– Счастливого Хеб-седа, мастер Ратан, – сказал Фехтовальщик и вырвал меч из ножен на поясе мертвеца.

Недоступный ни пулям, ни саблям доспех, ноктовизор, позволяющий ему видеть в темноте, и мастерство консидория – не плохой зачин для ночной драки с бездоспешными морпехами. Гордиан прокрутил клинком пару восьмерок, разминая тело и привыкая к весу незнакомого оружия.

Десять тысяч бойцов бежали к нему!

* * *

Король и герцог смотрели на пылающий город и на схватку, пылающую в нем. Перед ними танцевал Господь Гор, с обнаженным мечом, отрубающий руки и рассекающий черепа. Король и герцог смотрели через небольшой экран монитора, который держал перед их лицами склонившийся в полупоклоне викарий.

За прошедшие два месяца викарий осунулся и побледнел, спина его покрылась множеством глубоких рубцов. Амир, раздраженный результатами сделки, спасшей его бессмертную кардинальскую жизнь, собственноручно забил бедолагу кнутом почти до смерти, а затем согнал с должности и отправил к Его величеству в качестве обычного техника-связиста.

Решение было взвешенным. С одной стороны, викарий отлично разбирался в оборудовании церкви, а с другой – Амиру требовалось приглядывать за королем. Его величество прекрасно осознавал двойной смысл назначения, однако не слишком беспокоился по этому поводу, ведь средств наблюдения за тем же Амиром хватало и у него. Что же касалось кнута и ободранной спины бывшего клерикального чиновника, то эшвенский монарх, безусловно, считал подобное наказание слишком мягкой мерой, но вмешиваться опять же пока не стал. В конце концов, рабы церкви – это ее рабы, а посадить бывшего викария на кол за мелкие погрешности, неизбежные при работе с таким сумасбродным

правителем, как он, всегда успеется.

Его величество при этой мысли ухмыльнулся, хотя в данный момент его более занимал совсем другой человек. Неизмеримо более важный для мирового расклада, нежели несчастный церковный раб, пусть совсем недавно пребывавший на должности кардинальского секретаря. Мысль о коле, любимом хобби в дни покоя и скуки, просто слегка позабавила его усталые нервы.

Однако в следующую секунду улыбка сошла с лица короля. Сдвинув брови, Его величество отвернулся от экрана с пляшущим на нем Гором и обратил напряженное лицо к лорду Хавьеру. Ему нужно было сказать кое-что, и он начал издали.

– Пламя! – воскликнул он, указывая рукой на панораму пожарищ, что раскинулась за спинами умирающих под мечом Гордиана морпехов; маленький экран был потрясающе четок и передавал картинку во всем многоцветии мельчайших деталей. – Во вселенной, сударь, нет почти ничего, что могло бы сравниться с пламенем по силе гипнотического эффекта. Рядом с огнем пожарищ я смог бы поставить лишь ужимки изувеченного под пыткой или крики истребительной битвы, когда армии сходятся в рукопашной. Очень скоро, надеюсь, я смогу насладиться всем этим!

– Вы о битвах или о боли? – переспросил Хавьер, также глядя сквозь морпехов и Гора на пылающий на заднем плане портовый город. – Рабов для превращения в инвалидов вам хватает и сейчас, разве нет?

С этими словами Хавьер ослепительно сверкнул белозубым оскалом и пнул викария, склонившегося перед ними.

– Взять хоть этого, например! Какая серьезная морда для рабского отродья! – Он вытащил нож и легонько ткнул лезвием в щеку викарию. – Я бы сделал ему раскрой от уха до уха, чтобы всегда улыбался. Впрочем, сейчас ночь, порез может выйти криво, пожалуй, сделаю это утром... Ты как насчет вечной улыбки, а, братец?

Из маленькой ранки, образовавшейся в месте укола, тонкой струйкой потекла кровь, но викарий даже не шевельнулся. Молча и неподвижно он стоял в полусогнутой позе, словно статуя, удерживая перед господами цветной экран. Бледные щеки, казалось, стали еще блей.

Боринос прищурился. Смысл сказанного Хавьером нравился королю, однако не нравился сам говорящий. Кроме того, Юсуф был приставлен лично к Его величеству, и какому-то герцогу не пристало тыкать в него ножом.

Впрочем, герцог как раз был не «какой-то».

– Я имел в виду все три предмета, – уточнил король, возвращаясь к прерванному выходкой разговору, – и боль, и битву, и горящие города. Как только город будет зачищен, наш флот отплывет на север, в направлении моей недостроенной столицы. В Харториксе я не оставляю даже гарнизона, здесь мы просто вырежем все население. Никаких пыток, ни одной минуты лишнего времени. И лишь там, в КароБерге и Бургосе, я утолю свою жажду. Вверх взметнутся миллионы колов, тысячи виселиц и сотни плах с топорами. Там разольются океаны из крови!

Герцог протяжно моргнул.

– Ого! – восхитился он. – Вы, Ваше величество, всегда казались мне увлеченной натурой. Но миллионы колов – не слишком ли вычурно? До встречи с Его Божественностью осталось всего два месяца. Шестдесят дней по нашему времени и примерно четыре часа – по Его. Как утверждает Амир, так живо наш Бог еще ни разу не реагировал на сообщения. Видимо, ситуация с апостолом-экстрасенсом возбудила его обычно вялый интерес к нашему миру. Так не проще ли дожидаться Хепри и сжечь бунтовщиков бластерами? Отчего нет?

Боринос фыркнул.

– Оттого, сударь, – пояснил он, – что я монарх и судьбы этого мира доверены мне! Я хочу покончить с бунтом доступными мне средствами до того, как явится наш Господь. Иначе какой я король, черт возьми, его наместник? Пусть дело решат мушкетеры и пушки, а не небесный огонь!

– Вы так уверены в своих силах?

– А вы не уверены? Посмотрите – тут миллион человек и тысячи кораблей! И кроме того, у меня есть и иные козыри. Этот придурок Амир наконец-то согласился предоставить мне необходимые техсредства, а это значит, я буду видеть рабского маршала, а он меня нет, буду координировать действия своих полков с помощью радиосвязи, а он – гонять вестовых. Кроме того, клерикалам доступны порталы, а он... Впрочем, вы ведь сами слышали все, к чему эти бессмысленные повторы? Вне всяких сомнений, спустя четырнадцать дней Господа Хепри будет ждать освобожденная от сервов столица, а меня, как вы выразились, особо вычурное развлечение – миллионы колов в телах рыдающих от боли бунтовщиков. Но вопрос в другом. Собственно, я начал весь разговор только к этому: вы, сударь, со мной это наслаждение уже не разделите!

Хавьер нахмурился. Реплика Бориноса была похожа на выпад, однако в том, как развивалась их беседа до сего мгновения, не чувствовалось опасности, а это значило...

– Что вы имеете в виду, сир? – вежливо уточнил он. – Я не иду с вами в Бургос?

– Нет! – отрезал король.

– И кто же сможет мне запретить? Уж не вы ли, мой дорогой «дядя»?

Боринос весело рассмеялся. Добродушно, как смеются чистые совестью люди, и потому как-то дико, ведь Хавьер знал эту злобную тварь уже тысячи лет.

– О нет! – воскликнул монарх, сдерживая рвущийся из груди хохот. – Сегодня ночью, как вам известно, была дата плановой связи с Господом. Я и Амир почти пять минут разговаривали по видеофону непосредственно с Богом Света! И вот, мой милый племянник, вас вызывает к себе сам Хепри! Портал между Мирозданиями откроется через час. Вы покидаете мое королевство и короля вместе с ним. Навсегда!

При словах «навсегда» и «портал» Хавьер вздрогнул. Рожденный в Эшвене, он прожил тут тысячи лет, ни разу не покидая миров-каверн Твердого Космоса. Он пользовался порталами бесчисленное число раз, бродя между странами и континентами, но ни разу не проникал в другие вселенные.

– Он зовет меня в Корпорацию?! – одним духом выпалил лорд.

Но Его величество лишь качнул головой.

– Искусственное Мироздание, – сказал он, – чудовищно велико. Возможно, вам известно, что оно состоит из ста сорока четырех независимых пространственно-временных Континуумов. Корпорация лишь самая последняя в этом списке, «Невон—сто сорок четыре»! Так чего вы заикнулись на нем? Во время сеанса связи Бог Света указал мне адрес, куда откроются врата. Там серьезная кодировка, однако «имя» мира читается вполне однозначно. Это «Невон—ноль-один» Самое первое из всех частей Искусственного Мироздания! Старше, чем Эшвен, больше, чем Корпорация, и вы, сударь, отправляетесь туда!

Потрясенный новостью, Хавьер замолчал, словно проглотил язык. Затем, забыв про гордость и пафос самого бессмертного из бессмертных жителей королевства, впервые за тысячи лет склонился в глубоком поклоне перед сюзереном.

Уже через час?! В неизвестность?! В самый первый мир из всех искусственных вселенных?! Разгадка обрывочного прошлого пугающе приближалась к его сжавшемуся в комок разуму потерявшим управление бешеным локомотивом.

Он хотел уже повернуться, чтобы уйти, как картинка на мониторе в руках склонившегося викария вновь привлекла повышенное внимание обоих титулованных собеседников.

Кровавый бенефис Фехтовальщика там, похоже, приближался к своему логическому концу.

Глава 4

Завершение бенефиса

Крепкий морской башмак взлетел на поднебесную высоту и опустился вниз прямо ему

в переносицу. Мир дернулся, несколько раз подпрыгнул и перевернулся, как медный таз, накрыв его с головой. Сознание превратилось в пульсар, то вспыхивая обрывками смутных картин, то угасая, как память наркомана. С него снимали доспехи, царапая и защемляя кожу, его грузили на лошадь, тряско везли, так что тело болталось, задевая связанными руками камни вдоль пыльных дорог, тащили по коридорам, стучая головой об пол, что-то кололи в плечо и в шею, и, наконец, бросили куда-то в холодный и мрачный склеп с влажным полом и потолком.

Но и до того, как его размашисто пнули в лицо, воспоминания были смутными. Он помнил начало боя и отрывочно помнил его конец, а середину не помнил вообще. Десять тысяч морпехов с кошкодерами и мушкетами против космического скафандра, ночной темноты и шлема с ноктовизором. Узкая дорога, по которой вряд ли пройдет более десяти человек в ряд. Отличная позиция и... глупая затея.

Накрошил он их, конечно, без счета. Десятки, возможно сотни. Трудно даже представить сколько. Но все же один меч и десять тысяч – слишком разновеликие цифры, независимо от условий. Его задавили массой, свалили, когда он уже не мог поднять руку для удара, не упираясь клинком в свежеповрежденный труп. Скрутили, вырвали меч и – все.

Иллюзий Гор не испытывал. Если и до этого его существование было костью в горле у кардинала и короля, то уж теперь, когда он обесчестил их перед лицом своих лучших солдат, и подавно. Выжмут все, что можно выжать в смысле информации, если нужна она им, эта информация, и удовольствия от пыток, а затем убьют. Хорошо, если убьют скоро.

Гор медленно разжал сухие, рваные губы. Втянул затхлый воздух меж выбитых зубов. Вместе с воздухом в легкие попала кровь, застоявшаяся во рту. Он поперхнулся. Попробовал кашлянуть и скрутился от острой боли в груди. Несколько ребер было сломано. Попробовал коснуться груди рукой, но правая не шевелилась, отбитая ударом приклада, а левая – что с ней? Гор попробовал разлепить глаза и сделал это с огромным трудом, вырывая движением век собственные ресницы, склеенные запекшейся кровью.

Посмотрел – и откинулся назад. Лучше бы не видеть: вместо руки красовалась культя, с торчащим огрызком кости, слегка прикрытая санитарным герметиком. Гор вспомнил, как, пытаясь остановить его бешеные попытки к сопротивлению, когда уже сорван был шлем и сняты доспехи, кто-то из морпехов саданул его саблей по руке.

Теперь он инвалид...

Хорошо хоть левая – фехтовать на шпагах можно и одной правой, и все же было страшно обидно. Ни постоянная боль во всех частях тела, ни острая жажда, ни сломанные кости не причиняли ему таких страданий, как простое сознание того, что он теперь – калека.

Как посмотрит на него Лисия? Да и посмотрит ли вообще, после того как он оставил ее в руках работоторговцев в Харториксе. И жива ли она?

Вопросы, много вопросов, но на самом деле главный один: сможет ли он вообще выйти из этого места – живым? Он подумал и ответил сам себе – вероятно, нет. Логика – жесткая штука, и следует признать, что и он сам в подобной ситуации не выпустил бы врага живым из подземелья.

За ошибки следовало платить.

Гордиан откинулся на спину поудобней, насколько это слово вообще уместно в его отношении, и медленно, ритмично задышал. Дыхательная практика всегда успокаивала его. Она смирляла рефлексы, снижала уровень адреналина в крови, отрезвляла мысли, отвлекала от боли. Главное в такой ситуации – отдых. Когда ничего нельзя сделать, нужно не делать вообще ничего, нужно спать.

Осторожно поднимая и опуская сломанные ребра, Гор заснул, убаюканный собственным болезненным дыханием.

* * *

Когда он проснулся, то обнаружил, что лежит на широком столе, а воздух вокруг чист и

свеж, без постоянной примеси человеческой вони, характерной для местных узилищ. Лежать было на удивление удобно, а глаза смотрели на белый потолок с квадратным галогеновым светильником, освещавшим пространство мягким электрическим светом.

Стоило осмотреться вокруг, но странное равнодушное оцепенение охватило Гордиана – и поворачивать голову не хотелось. Обрубок левой руки он вообще не чувствовал, но правая, по-видимому, чуть-чуть ожила, а потому он пошевелил пальцами, пощупав незнакомый материал под собой. Материал был мягкий, немного напоминающий кожу и ткань одновременно.

– Это пластиглас! – сказал откуда-то из-за головы довольно приятный мужской голос, как будто угадавший его немой вопрос.

Голос звучал по-доброму, приветливо и все же носил какой-то непонятный оттенок испорченности, с ноткой женственности в глубине интонаций. Голос дружелюбно продолжил:

– Пластиглас применяется в хирургии, акушерстве, да много где еще. Он мягкий, впитывает влагу, «дышит», так сказать, но при этом гладкий, как пластик, и легко моющийся – чудо, а не материал.

– Плас-ти-глас-с, – повторил Гор по слогам, медленно раздвигая распухшие губы; язык и губы не слушались его, он почти не мог говорить.

– Точно, – весело подтвердили сверху, – а вы начинаете оживать!

Гордиан чуть-чуть – а иначе он и не мог – кивнул. Неужели рядом настоящий врач?!

– Вы врач... сударь? – спросил он, едва выговаривая слова.

– Байрон Эскудо, королевский хирург, – последовал ответ, – к вашим услугам. Для пациентов – просто док Барни.

«Значит, врач... – с облегчением подумал Гордиан. – Видимо, Боринос с Амиром решили подлечить меня немного перед пытками. И то радость».

Он снова разлепил губы и, в свою очередь, тихо назвал себя:

– Гордиан Рэкс, полковник Республики, к вашим...

– О, сударь, я знаю, кто вы, – перебил его голос. – Главная эшвенская знаменитость, не считая самого короля, кардинала и великого рабского полководца, этого удивительного Мишана Трэйта. В каком-то смысле для меня честь работать с вами, сударь. Какая личность, ах, какой клиент!

Гор еще раз попытался кивнуть, решив на этот раз промолчать, но затем через силу снова раскрыл свой разбитый спекшийся рот – контакт с доктором был ему жизненно необходим.

– Для меня это тоже честь, док, – выдавил он из себя. – Вы уж подлечите меня, насколько возможно... – Тут он вспомнил про отрубленную руку: – Хоть я и калека, а хотелось бы еще пожить.

После этих безобидных слов совершенно неожиданно для Гордиана в воздухе повисла неловкая пауза.

Барни обошел вокруг стола и впервые показал Гору свое лицо. Лицо выглядело добрым, ухоженным и даже немного детским. Лицо улыбалось, но вот глаза при этом оставались равнодушными, как у рыбы.

На левом виске у обладателя рыбьих глаз и женственного голоса поблескивал тусклыми переливами металлический нейроразъем. Значит, перед Гором стоял бессмертный.

– А вот это вы зря, сударь, – спокойно сказал доктор по-прежнему тихим и милым голосом. – Такие слова – для меня почти профессиональное оскорбление, ибо людей я не лечу, да и с продлением жизни могут возникнуть проблемы. Вы, видимо, не расслышали, я – королевский хирург. Лейб-врач Бориноса-Пронзителя, это вам что-нибудь говорит?

Казалось, в словах не крылось угрозы, однако сам не зная почему, Гор судорожно сглотнул. Он опустил глаза ниже, впервые за время разговора широко раскрыв их и посмотрев на себя. Ноги, которые он почти не чувствовал, как и единственная оставшаяся рука, были прикручены мягкими резиновыми шлангами с замками-защелками к

специальным ручкам на пластигласовой кровати, а поперек туловища, скрепляя торс с кроватью, пролегали широкие полосы прорезиненной ткани, похожие на автомобильные ремни безопасности, но только используемые здесь, совершенно очевидно, для других целей.

Барни между тем поднял руку и показал предмет, зажатый в его красивой ладони с длинными пальцами и коротко стриженными ногтями. Предмет имел зеленую ручку и тонкое выдвигающееся лезвие длиной всего около двух сантиметров и скошенным, почти на сорок пять градусов острием.

– Это макетный нож, – сказал он, помахав предметом, – им я помечаю места будущих разрезов.

С этими словами он воткнул острейшее лезвие Гору в правое предплечье, прошел им по косой линии от вершины плеча до подмышки. Действительно мастер – сталь прошла по сухожилиям, старательно и аккуратно огибая кости, точно по тем местам, где эти самые кости скреплялись между собой.

Гордиан в панике заорал.

– Да вы что, док! Моя рука! – Он дернулся, дугой изогнувшись на кровати, несмотря на сломанные ребра.

Леденящая судорога страха, вызванного нестерпимой болью и резкой переменой в поведении «доктора», пробежала по его позвоночнику, а сердце забилось, как напуганная птица в крошечной клетке.

Барни округлил глаза в поддельном ужасе, а затем криво улыбнулся.

– О! – театрально пискнул он. – Ваша единственная рука, сударь!

И, наклонившись, сочувственно добавил:

– Обидно потерять, да?

Издавается, тварь! Гор в бешенстве зарычал.

– Не с-с-смей, – выдавил он из себя почти не картавя, – убью, с-сука!

Но Барни лишь покачал головой и сделал такой же разрез на обрубке левой руки.

Из обеих резаных ран обильно бежала кровь. Гор дернулся и вправо и влево, бешено крутя головой, которая еще минуту назад казалась ему совершенно неподъемной, но проклятые ремни держали слишком крепко. Боль в суставах и поврежденных внутренних органах была забыта. От бессилия он застонал, а новый ужас заслонил все. Адреналин буквально кипел в его жилах!

Королевский хирург тем временем продолжал:

– Его высокопреосвященство, кардинал Амир, – спокойный, дружелюбный голос «дока» звучал теперь как издевка, – не желает видеть вас мертвым, но и не находит возможным терпеть ваши выходки в будущем. Его величество король Боринос предложил ему простой выход. Элементарный, как и все гениальное. Я отрежу вам обе ноги до паха и обе руки до плеч, тем более что от одной у вас и так, – он коротко хохотнул, – осталась лишь половинка. Останутся только член и голова. Да, да, Его величество так и сказал – только член и голова!

С этими словами «хирург» снова воткнул макетный нож в тело Гора, но уже рядом с пахом в непосредственной близости от половых органов. Кровь хлестнула фонтаном, но Барни вел своим инструментом совершенно спокойно, как будто кроил ткань.

Фехтовальщик сжал челюсти, стараясь сдержать рвущийся наружу крик. От резкой боли, унижения и злости кружило голову и жгло в горле.

Только сейчас он осознал, что полностью обнажен, хотя и видел прикрученные к кровати ноги. Просто понимание пришло лишь сейчас. Он гол, связан и беззащитен!

Барни между тем закончил соответствующие предварительные надрезы вокруг бедер, затем взял с соседнего столика дисковую электропилу и тубус с герметиком.

– Это, – объяснил он тоном лектора, демонстрируя Гору тубус, – санитарный герметик. Я уже обрабатывал вас таким, сударь, – Барни кивнул на левую руку Гора, заканчивающуюся культей. – Герметик не только дезинфицирует открытые раны любой протяженности, но и останавливает кровотечение, мгновенно спаивает стенки разорванных

сосудов, а главное – замораживает нервные окончания. Так что операцию мы проведем на самом лучшем техническом уровне. Прямо скажем – по-королевски.

Он отложил тубус в сторону и поднял электропилу. Ее диск завизжал.

Гор тоже.

* * *

Боринос и Амир вошли в комнату и посмотрели на изувеченное тело своего пленника. Лорд Хавьер отбыл только что, и теперь король и кардинал коротали время вдвоем. То, куда именно отправился порядком надоевший за тысячелетия лорд-консидорий, Бориноса не слишком интересовало. В гораздо большей степени в ожидании Господа Хепри его заботила предстоящая военная кампания и схватка с рабской армией Трэйта.

Амир тоже не обременял себя излишними думами о бессмертном лорде, ибо в последние часы оказался необычайно сильно увлечен поимкой своего главного и самого страшного за долгую жизнь врага. Врага, которого им с Бориносом наконец-то удалось заполучить ценой унижения перед собственным победоносным войском.

Фехтовальщик висел в центре комнатенки, повешенный за ребра на два металлических крюка. Глазам предстали страшная голова, со спутанными волосами, мертвенно-бледным лицом и окровавленное туловище с болтающимся членом. Плечи и таз переходили в трудноописуемые ошметки плоти вокруг страшных ран, напоминающие края грубо оборванной ткани.

В центре всех четырех обрубков торчали концы серовато-желтых, ровно спиленных диском пилы костей.

Ухоженный «королевский» доктор стоял рядом в противоположном углу комнаты, буквально источая всем своим видом чувство удовлетворения от хорошо сделанной работы, но в то же время стараясь не мешать высокопоставленным особам любоваться ее результатами.

– Вот так тушка, – весело усмехнулся Боринос и лукаво посмотрел на кардинала, – забавно. Ну-с, разлюбезный мой Амир, как вы находите это зрелище?

Амир поморщился и зажал нос надушенным платочком. Он, конечно, был массовым убийцей и жестоким рабовладельцем, но откровенным садистом – нет.

– Я бы сказал, Ваше величество, что зрелище не для слабонервных, – нейтрально ответил он, стараясь не раздражать лишним раз безумного монарха. – Однако не слишком ли радикальное решение? Руки-ноги могли бы ему пригодиться, а сам он – хорошо послужить...

– Послужить чему, Ваша Святость? – король всплеснул руками. – Вы забыли, как он разбивал вам молотком пальцы? Неужели вы не поняли еще после всего того, что этот негодяй сотворил в Харториксе, что разговаривать с ним совершенно бесполезно. Насладитесь победой – и отправьте недоноска в расход, пусть помучается и сдохнет. Я бы даже... даже посоветовал вам использовать при этом стимуляторы, чтобы пытка длилась дольше, а парень не терял сознание. Сдерите кожу полосами с живота и спины, отрежьте по кусочкам член и мошонку, потом скормите все это собакам у него же на глазах, а потом – выжгите ему глаза. В общем – наслаждайтесь!

Король махнул рукой, решительно развернулся и направился к выходу из «лаборатории».

– Вы покидаете меня? – воскликнул Амир.

– О, да, Ваше преосвященство, – ответил Боринос, подходя к двери. – Мы и так потеряли с этим молодцем почти сутки. А между тем Апостол рабов – это добыча церкви, моя же добыча – это вся армия сервов. К тому же не забывайте, нам нужно уложиться в срок до прибытия Его Божественности, а времени совсем мало. Так что я отправляюсь в поход, а вы оставайтесь с вашим пленником. Меня же ждет Бургос!

Амир немного постоял, поглядывая на покачивающуюся на крюках «тушку» своего главного врага. Первой мыслью было достать пистоль и пристрелить серва, не сходя, как

говорится, с места. Все равно использовать пси-талант Фехтовальщика, учитывая специфику их личных взаимоотношений, уже не удастся, а как источник информации о восставших пленник кардинала тоже не интересовал – на то имелись спутники, вращающиеся вокруг местного светила.

Убить его – и дело с концом. Убить – и не думать.

Пси-матрица, о которой просил Господь Хепри, уже снята, и для изготовления клона и соответственно удовлетворения интереса божества к необычному медиуму из Твердого Космоса ее вполне хватит.

С другой стороны, Боринос прав: ничто не приносит такого удовлетворения, как расправа над поверженным противником. С Армией сервов король справится сам, к нему приставлены тысячи клерикалов с техникой, в его распоряжении все храмы. Личное участие кардинала в военной операции сейчас не обязательно. Следовательно, время есть.

Решившись, коротким жестом Амир подозвал к себе дока Барни и кивнул на «тушку».

– Можешь привести его в сознание? – спросил он.

– Конечно, сэр.

– Валяй!

Барни отбежал к лабораторному столу, стоящему в конце комнаты, и тут же вернулся со шприцем.

– Просто привести в сознание, сэр, – уточнил он, – или ввести стимулятор, чтобы усилить боль?

– А это возможно?

– О, разумеется! У Его величества в этом смысле лучшая лаборатория на планете. Есть все! Вот это, – он показал маленькую стеклянную капсулу с прозрачной жидкостью, – обычный стимулятор. Он не дает пациенту потерять сознание даже при самых страшных болевых ощущениях. Клиент будет жить, пока не разорвется сердце или пока не лопнут сосуды в мозге. А это, – он продемонстрировал другую капсулу с мутноватой жидкостью, – еще и усилит восприятие. Даже прикосновение пальца он будет чувствовать так, как будто с него в этом месте сняли кожу и вы дотрагиваетесь до обнаженной плоти. Я уже не говорю о раскаленном железе и клещах. Орать будет, вы даже не представляете как!

– Он консидорий, – засомневался Амир, – и вряд ли будет орать.

Барни посмотрел на Амира с легкой хитринкой, как смотрят умные прорабы на глупых заказчиков.

– Такого не выдержит никто, – заявил он уверенно, – поверьте моему опыту. Сила воли и болевой порог, тренированность и стальной характер здесь ни при чем. Это просто химия. Что герой, что ребенок – все едино. Препарат стимулирует нервную систему настолько, что в сотни раз обостряются все органы чувств. Осязание, обоняние, вкус. Впрочем, вкус тут как раз ни при чем. Обостряется слух, изменяется зрение. Немного мутнеет в глазах, предметы становятся расплывчатыми, человек ничего не видит, но солнечные лучи и тени просто режут зрачки. Кошмарно! Эту дрянь я из интереса даже как-то пробовал на себе. – Барни скривился и покачал головой: – Я вколол тогда ничтожную дозу, но чуть не сошел с ума от простого валяния на постели. Так что ваш хваленый Фехтовальщик будет плакать даже от легкого щелчка по носу. Ну как, попробуем?

Амир медленно кивнул – химия так химия!

Он отошел от «тушки» подальше, чтобы не забрызгало кровью и слюнями, подтянул туда кресло и сел, приготовившись к долгому живодерскому шоу.

Боринос, насколько кардинал знал, часто развлекался подобным образом здесь, в особой лаборатории Центрального храма, еще в доисторические годы предоставленной в его распоряжение Господом Хепри.

«Ну что ж, – подумал Амир, – побуду немного в шкуре Его величества».

Барни в это время вколол Фехтовальщику дозу стимулятора. Затем и палач, и кардинал, один сидя, другой – стоя, застыли, ожидая эффекта, который и не заставил себя ждать.

Веки искалеченного бойца несколько раз дернулись, словно крылья пойманной

бабочки, и, наконец, раскрылись, явив свету расширенные зрачки и раздраженный глазной белок, подернутый красными разводами.

– Хххешшш, – выдохнуло то, что некогда было Гордианом Рэксом, демиургом Корпорации и диадохом Седана.

Раскрылась трещина рта. Слюна сбегала вниз по бледным, дрожащим щекам, Фехтовальщик плакал.

Надо сказать, что пыточная комната имела одну особенность. Помимо того, что она была довольно просторной, чистой и в ней царил воистину клинический порядок, палата королевского хирурга имела огромное зеркало, протянувшееся во всю стену, противоположную той, вдоль которой расположились столики и шкафчики с различным пыточным инструментом «дока» Барни.

Гор висел не просто на крючьях, торчащих из потолка. Гор висел лицом к зеркалу, и первое, что он увидел, приведенный в сознание стимулирующим препаратом, был он сам – туша без рук и ног, отпиленных по самый край изувеченного тела. Только вялый, болтающийся член и страшная бледная голова с безумными глазами выделялись из бесформенной груды туловища.

Такое зрелище само по себе могло свести кого угодно с ума. И если бы у Гора еще оставались силы на крик отчаяния и ужаса, он без сомнения закричал бы. Закричал до надрыва, до порванной глотки. Но сил не осталось, и только жалкий выдох, исторгнутый уставшими дышать легкими, служил свидетельством той адской муки и отвращения, которые он испытал, взглянув на собственное отражение в зеркальной стене.

– Анх-уджа-сенеб! – сказал Амир, поднимаясь из кресла. – Приветствую вас, сударь.

Гордиан хрипел.

– Он так не слышит, – пояснил Барни, – ваши слова для него как удар в барабан над самым ухом.

– Так я не смогу ему ничего сказать?

– Ну почему же. Подойдите ближе и говорите четко. И медленней.

– А он узнает меня?

– Разумеется. – Барни пожал плечами. – Все время до самой смерти он будет вполне вменяем. Иначе в чем же смысл?

Амир кивнул и наклонился к Гордиану, лицо которого плавало в воздухе как раз чуть ниже его собственного, и заговорил:

– Я вижу, сударь, вы наконец-то пришли в себя. Надеюсь, вы узнаете меня, я – Амир, кардинал Бургосской курии. Ну, вспомнили?

Темный провал на месте, где раньше у Гора был рот, медленно расплзся вширь.

– Помню вас, сударь, – прохрипел истерзанный серв, и голова его при этом подрагивала, как у фарфорового болванчика.

– Отлично! Тогда вы должны помнить и то, как поступили со мной, тогда под Бургосом. Помните молоточек, которым вы отбивали мне пальцы? А позже, возле Пашкот-паласа, и еще позже, под стенами храма, где вы изволили обменять меня на снятые ошейники сервов. Ну?! Вы должны понимать, милейший, что подобные выходы не забываются и не прощаются никогда. Мой викарий уже оплатился за то, что решил сделать своего сюзерена предметом для торга. А сейчас настал день и вашей расплаты!

С этими словами кардинал выпрямился и даже как-то торжественно вздохнул.

– Видит Бог, – заявил он, – не тот Бог, что Хепри, а тот, что воистину правит всеми вселенными: в Харториксе я хотел предложить вам честную сделку, забыв про все унижения, которым я подвергался по вашей, сударь, милости! Ибо ваш дар, дар истинного *Тшеди*, по идее, гарантирует вам высокое положение в любом обществе. Но, увы, вы проигнорировали мои добрые предложения. Вспоминайте же об этом сейчас.

Он сделал знак Барни:

– Приступайте!

Работая четко, без суеты, доктор-изувер подошел к своему рабочему столу, набрал в

шприц еще одну порцию стимулятора, затем вернулся к «туше» и ввел препарат. Потом аккуратно натянул термоперчатки, взял в руки ацетиленовую горелку и щелкнул тумблером питания.

Мягкое, голубое пламя ровной струей выплеснулось из раструба. Барни нагнулся и прошел краем огненной струи по отвисшей мошонке Гора. Казавшееся почти мертвым тело калеки изогнулось во внезапной и страшной судороге, от которой, казалось, должен был сломаться позвоночник. Гор закричал так, что глаза чуть не выпали из орбит.

Стимулятор усилил ощущения до невероятных пределов! Каждый нерв стал металлической нитью, гитарной струной, бешено вибрирующей от малейшего импульса, от ничтожного касания. Что уж говорить о химическом пламени?

Разум обрушился как карточный домик. Гор дергался на воздухе, почти позабыв о том, что железные крючья раздирают ему ребра на спине. По сравнению с новой болью, старое, ставшее уже привычным истязание было просто ничем.

Барни работал не спеша, с расстановкой, выписывая горелкой на теле Гордиана геометрические фигуры.

Запах горелого мяса, паленых волос, жирная копоть и гарь заполнили комнату. Тело Гордиана постепенно покрывалась обугленной корочкой, он «пропекался», словно кусок свинины на вертеле.

Где-то в середине процесса, аккуратным прикосновением, Барни выжег ему правый глаз и срезал ноздри, оставив на кошмарном подобии лица лишь искаженные криком губы и левое око, чтобы оставшийся от павшего бога человеческий обрубок мог видеть в зеркале весь ужас продолжавшейся с ним бесконечной садистской процедуры.

Разум Гора давно бы «поплыл», рухнув в глубокий обморок, однако химия, бурлящая в крови, вновь и вновь возвращала его к реальности. Единственный глаз смотрел в зеркало на то, что некогда было человеком. На спину Барни, работавшего с горелкой. На кардинала, застывшего в кресле и с трудом сдерживающего естественный для непривычного человека рвотный рефлекс.

Кричать Гор больше не мог – легкие спеклись, горло слиплось.

Не будет и смотреть. Он и так чувствовал каждое прикосновение пламени, не глядя. Еще и видеть все это – больше не было сил. Веко упало, закрывая расширенный зрачок и кровавое око. Вокруг на мгновение застыла темнота, озаренная только отблеском пламени горелки, которое он видел в отражении на зеркальной стене, а затем...

Стимулятор действовал!

Гор чувствовал каждую клеточку своего тела, каждый нерв. В мозгу всплыло поле перед Рионом и карабанский абсент, пробудивший в нем могущество *Тшеди* ! Химия растеклась по крови, заливая вены и артерии. Еле заметное для нормального человека шевеление воздуха в комнате, в которой чуть слышно работал кондиционер, обжигало кожу. Дыхание Амира, мерное гудение горелки отдавалось в обугленных остатках ушей, как оглушительный рев турбины и удары штормовых волн в береговые скалы.

Чувства обострились до сумасшедшего предела. Он сам стал чувством, ибо двигаться, говорить, дышать, сражаться и даже думать ему уже было нечем. Обостренное восприятие, привнесенное в обрубок изуродованного тела химическим препаратом, усиливалось тысячекратно от того острейшего ощущения полной безысходности, горя, ненависти и нечеловеческих страданий, которое он испытывал в ходе более чем двухчасовой непрекращающейся пытки.

У него больше не осталось тела в нормальном понимании этого слова, но сохранилось восприятие. Нервная система, обнаженная для всех ощущений, была напряжена и сконцентрирована, как никогда. Натянута, как готовая сорваться арбалетная тетива, и вот, когда последний канал, связывавший его с окружающим миром, – зрение – погас с опускающимся опухшим веком единственного глаза, Гор почувствовал то, что давно уже считал для себя потерянным...

Глава 5

Сквозь огонь

Свет цвета крови окружал его всюду. Волны боли плескались над головой. Ветер смерти шевелил его волосы. Шепот ужаса топтался в оплавленной голове.

Движение... Блики...

Скомканные красные пятна за закрытым веком зашевелились, обрастая плотью видимости, приобретая черты настоящих предметов.

Вот странная бесформенная фигура – плечо Барни, поднимающего пламенеющий белым факелом ацетилен.

Вот силуэт кардинала, слепленный из ярко-красной глины, далекий, как силуэт корабля на горизонте.

Обе фигуры ужасны, лишены четкости, раздуты, как наполненные водой бурдюки, страшные, страшные призраки в призрачном мире зрения без глаз.

Их лиц не видно, носы, скулы, искривленные рты перетекают друг в друга, словно виды в дешевом пластилиновом мультфильме, но Гор знает, кто из них кто!

Этюд в багровых тонах. Голова кардинала поворачивается то в одну, то в другую сторону, видимо, стараясь не смотреть на изувеченное тело пленника. Его рвет. Под виском горит точка. Яркая, как маленькое солнце, и повороты головы не скрывают ее. Она видна сквозь череп, сквозь мозг, сквозь все – настолько ярко ее дьявольский блеск. Эта точка жива, она шепчет ему...

Шепчет ему?!

Боже, да это же шунт!..

Как в гипнотическом трансе сознание Гора двигается вперед.

Все ближе, ближе, ближе.

Точка-звезда расширяется, обрастая красными лучами. Лучи цвета крови тянутся вдаль, и это линии, связывающие шунт с окружающим миром. С сетью!

Гордиан прикасается к одной из напряженных нитей и отшатывается, будто от электрического разряда. Внутри, за тонкими стенками энергетического канала, он чувствует движение информационных потоков в окружающей вселенной, размеренное перешептывание сотен интеллектуальных машин, спрятанных за стенами храмов, плавный шелест их электронных мыслей.

К нему возвращался прежний дар *Тишеди* во всей своей мощи и божественной красоте. Теперь уже не только ошейники сервов, казалось, всю машинную вселенную Корпорации он может бросить к своим ногам одним усилием воли.

Силы небесные, Бог Смерти, Создатель Нуля, если ты существуешь, дай мне шанс!

Краем сознания Гордиан тронул шунт. Мягкими круговыми движениями нащупал входное отверстие и рухнул внутрь, за грань металлической шапки ретранслятора. Алая сеть, опутывавшая бесчисленными переплетениями электронных капилляров все тело ненавистного кардинала и воспринимаемая Гором до этого как «чужая», окрасилась льдисто-голубым.

Теперь «своя»!

Разум Гордиана чуть поерзал, привыкая к новым ощущениям и прогоняя волны нейронов по нитям новой системы. Система была знакомой, ведь всего несколько месяцев назад, во время сделки с викарием Гор уже хозяйничал здесь, под черепом своего врага. Разница состояла лишь в том, что раньше для проникновения ему требовался физический контакт и время на перекачку сознания из одной головы в другую, теперь же Гор оказался внутри чуждого мозга, прорвавшись сквозь разделявшее их пространство, не касаясь шунта руками и почти мгновенно!

Даже в лучшие времена его способности не простирались настолько. Сейчас же, усиленное болью и наркотиком, его сознание перебирало части чужого мозга легко, как картонную колоду.

Вот область контроля, здесь область памяти, а это – сектор рефлексов. Силиконовые волокна нейроразъема опутывали незримыми щупальцами все тело кардинала, его внутренние органы, мышцы, дублируя нервную систему, ускоряя рефлексy, гарантируя бессмертие – и делая более доступным его разум для проникновения таких, как Гор...

Наркоманов!

Он был внутри. Боль пропала. Бывший демиург и бывший калека замер на краткое мгновение и широко распахнул оба глаза.

Комната оставалась той же. Огромное зеркало все так же закрывало большую стену. Барни хлопотал с горелкой, а дурно обжаренный кусок мяса, бывший когда-то человеком, размеренно покачивался на крючках.

Но вид теперь стал иным: Гор сидел, развалившись в кресле, напротив прежнего собственного изуродованного тела.

Медленно, до конца еще не веря произошедшей метаморфозе, он повернул голову и увидел собственное отражение – холеное лицо Амира с красной шапочкой на голове и красными же от бликующего света глазами.

Ни в руках, ни на поясе кардинала оружия не было – как духовное лицо Амир носил колюще-режущие предметы только на полях сражений, а не в Центральном храме. Однако всего в нескольких шагах от него на столе с инструментом лежал знакомый до боли предмет, от одного вида которого Гора слегка передернуло.

Превозмогая шок от ставшего для него слегка подзабытым ощущения ног, Гор встал, выпрямился во весь рост и подошел к столу.

В этот самый момент заплечных дел мастер в очередной раз тронул «пациента» за низ живота тонкой струей химического пламени, но тот даже не дернулся. Не дрогнул на лице ни один мускул, ни одна жилка не изогнулась от боли. Способность воспринимать страдания покинула брэнное вместилище, вместе с сознанием *Тишеди*, смотревшим сейчас в спину черного «доктора» глазами красного кардинала.

От удивления Барни даже крикнул. Весь его опыт противоречил тому, с чем он столкнулся сейчас. Накачанный наркотиком «пациент» должен метаться от боли при малейшем прикосновении.

«Док» отстранил горелку от тела и с сомнением посмотрел на бело-голубую струю. Что не так?

Гор взял со стола «предмет» и шагнул вперед. Тело, только что занятое им, пока слушалось не во всем, руки и ноги двигались слегка не впопад: рост, вес, длина конечностей – все это обуславливает иную биомеханику и, как следствие, иные навыки координации движений и управления мускулатурой.

Барни все еще переводил непонимающий взгляд с бликующего ацетиленового пламени на изуродованное тело и обратно.

Еще шаг.

Барни развернулся. Невероятная интуиция, присущая почти каждому человеку за мгновение до смерти, пробежала по его спине ледящим разрядом. Он поднял глаза.

За спиной стоял кардинал с поднятой правой рукой и сжатым в ней знакомым предметом.

– Это макетный нож, – сказал Гор и воткнул острейшее лезвие прямо в основание шеи.

Дуговым движением справа, прямо под череп. Затем резко провел своим импровизированным, таким ничтожным и в то же время таким страшным оружием по спине, вдоль линии симметрии тела. Сверху вниз и обратно – раз, два, и вынул лезвие.

Только сейчас в глазах Барни мелькнула искорка понимания. Он открыл рот в немом и непонятном вопросе и выпустил из рук горелку. Порванный спинной мозг мгновенно превратил здорового мужчину в парализованную, неподвижную куклу. Тело бухнулось на пол, с размаху ударившись головой о доски.

Слегка наклонив голову, Гор посмотрел на грубый разрез. В момент удара чужие руки еще слушались плохо, но, тем не менее, кончик лезвия проник внутрь вражеского тела точно

на нужную глубину, так что боль раненого была велика, но смерть от кровопотери ему пока не грозила. Конечности обездвижены, максимум что может, шевелить ртом да глазами вращать. Если повезет, а точнее, не повезет, убудок проживет еще, по крайней мере, несколько часов.

Фехтовальщик ногой перевернул своего палача на спину, присел на корточки и поглядел ему в лицо.

– Ваш единственный позвоночник, сударь, – процедил он сквозь зубы, – обидно потерять, да?

Тот что-то сдавленно промычал, но Гор лишь злобно оскалился.

– Я тебя понимаю, – сказал он, – шунт, бессмертие, все такое. А меня все равно поймают – ты это хочешь сказать?

Он поднял с пола горелку и старательно, но очень осторожно, чтобы причинить как можно меньше повреждений, обработал «хирургу» висок, оплавляя металлический шунт прямо внутри человеческой плоти, затем отрезал у него кусок штанины и засунул подонку в рот в качестве кляпа. Качественно засунул. Кусок ткани был здоровый настолько, что у подонка даже немного порвался рот.

– Ну вот, – сказал Гор, – шунта у тебя теперь нет и бессмертие ты свое просрал, сволочь. А теперь отдыхай – сколько выдержишь.

Напрягая все еще немного непослушные спину и руки, он подтащил тело палача к шкафу для одежды, стоявшему в углу перед входом в пыточную комнату.

– Жечь я тебя больше не буду, – объяснял он хлопающему глазами Барни, – я ведь не садист, как ты. Но и оставлять тебя вот так мне не с руки. Вдруг кто-нибудь найдет тебя и окажет первую помощь, а? Нехорошо получится – такие твари, как ты, жить не должны.

Он распахнул дверь платяного шкафа, где «доктор» хранил разное тряпье, и поставил туда тело своего палача вверх ногами. Тщательно привалил разными пакетами и присел перед потенциальным трупом в последний раз.

Парализованный Барни не шевелился и даже не мычал.

– Когда кровь прильет к голове, ты умрешь, – сказал Гор, – но это будет не скоро, так что шансы есть. Растопырь пошире ноздри и глаза, чтобы через них кровь вытекала на пол. Лужа выльется из шкафа и, может быть, кто-нибудь из проходящих мимо заметит тебя и спасет. Все в твоих руках, мразь. Дерзай!

Он хлопнул Барни по спине, встал и закрыл дверь шкафа. Хотя его уже никто не жег ацетиленовой горелкой, красный цвет все еще застилал ему глаза.

Месть сладка!

* * *

Гор вышел из пыточной и запер дверь. Собственное изуродованное тело он снял с крючьев и аккуратно «сложил» – иначе и не назовешь! – вместе с отрезанными руками и ногами на больничную кровать в глубине комнаты, накрыв на всякий случай простыней и обработав раны герметиком и мазью от ожогов. Если все будет хорошо, то за ним он еще вернется. А если нет...

Перед ним открылся длинный коридор, упирившийся в лестницу. Зрительные образы, обнаруженные в голове кардинала, говорили, что лестница ведет вверх к лифтовой шахте, а лифт, в свою очередь, поднимается непосредственно до личных покоев короля (минус двадцать второй этаж) и кардинала (минус двадцать первый), где имеются пульта управления и доступ в Сеть.

Виртуальный «силь», кнопка, нарисованная воображением на расстоянии вытянутой правой руки, висела перед ним, мигая красным огоньком с тех пор, как он оказался внутри чужого тела. На нее можно нажать и вызвать, таким образом, изображение интерфейса – большого, круглого невидимого для других экрана с информационными папками, виртуальной клавиатурой и иконками специальных программ, главной из которых,

безусловно, была иконка высокочастотной связи с Глобальной информационной сетью Корпорации Нулевого Синтеза.

Однако из короткого эксперимента, проведенного им еще в пыточной, Гор знал, что шунт и «силь» кардинала обеспечивают связь только с компьютерной системой Эшвенской церкви – электронными сетями храмов Хепри, и доступа к ГИС Корпорации все равно не имеют.

И дьявол с этим! В принципе ему и так невероятно повезло. Тогда, в Бургосе, во время сделки с викарием, когда он уже занимал это тело и этот мозг, кардинал находился вне храма и зоны действия его передатчиков. Это означало, что Гор не мог тогда добраться до Системы. Сейчас же из памяти кардинала и проведенного опыта по входу в сеть через «силь» он знал, что пыточная дока Барни располагается внутри Центрального храма, стоявшего недалеко от Стеллополя, и связь с Системой здесь просто наилучшая из возможных.

Гордиан уже сейчас смог бы снять ошейники с миллионов, нет – с миллиардов рабов не только в оставшихся под властью короля землях Эшвена, но вообще во всем Твердом Космосе. Он мог отключить все электронные приборы внутри храмов, убить болевым разрядом всех священнослужителей, имеющих шунты (а они имели их почти все), и всех шательенов, оплативших себе бессмертие. От невероятного могущества, обладателем которого он внезапно стал, почти кружилась голова, и сознание захлебывалось от открывавшихся перед ним возможностей и перспектив. Но...

Реально оценивая происходящее, Гор заставил себя сдержаться.

Любая система должна иметь гарантии безопасности. Она не может зависеть от воли одного, даже самого высокопоставленного, оператора, каким являлся кардинал Бургосской курии. Кроме того, над кардиналом теоретически находится создатель храмовой системы – все тот же пресловутый Господь Хепри, который, разумеется, должен иметь запасные варианты на подобные случаи. Такая сложная система, как Эшвенская церковь, просто обязана иметь страховку!

Раскрыть «хомуты», уничтожить шательенов и церковнослужителей означало выдать себя раньше времени. Значит, шаг номер один, прежде чем освободить рабов, – попытаться выйти в ГИС, связаться с должностными лицами Корпорации, сообщить о наличии в мироздании Твердого Космоса глобального конкурента, использующего клонические и синтетические технологии без ее ведома.

Гор подошел к лифту и положил на световую панель раскрытую ладонь. Лифт служил для «индивидуального» пользования и кататься на нем могли только лично король Боринос, являвшийся собственником местной высокотехнологичной тюрьмы и пыточной, конечно же Амир, имеющий доступ вообще к любым техническим устройствам, применяемым местной церковью, ну и палач Барни.

Световая панель мигнула, принимая считанный с пальцев папиллярный узор, и двери лифта плавно раскрылись.

– В мой кабинет, – произнес Гордиан голосом кардинала, и лифт рванул вниз, пронзая подземные этажи храма со скоростью курьерского поезда. Впрочем, никаким другим голосом Гор говорить и не мог, ведь он был в теле кардинала, смотрел его глазами, ходил его ногами и говорил, естественно, его голосовым аппаратом.

Он еще раз мысленно коснулся собственного изуродованного тела, оставшегося в пыточной под простыней. Несмотря на всю проявленную им «заботу», оно было мертво. Не выдержав ужасающей пытки, «физический» Гордиан Рэкс скончался почти сразу, как только его сознание перешло в иной носитель. Поэтому сейчас Фехтовальщик мысленно поклонился, отдавая таким образом дань уважения хорошо послужившей ему «боевой» оболочке, и отбросил ностальгию в сторону. Отступать некуда!

Двери лифта раскрылись, и уже через пять минут он стоял перед экраном центрального пульта управления. Память кардинала услужливо подсказывала, что отсюда и только отсюда во всем Эшвене система храмов Невона имела выход в ГИС Корпорации. Гор потер виски и взялся за шарообразные рукояти контактов, торчащих из пульта. Такие устройства

являлись стандартными для любого пульта связи «Нулевого Синтеза», однако в мире Невона, насколько Гор понял из воспоминаний Амира, они существовали в единственном экземпляре.

Контакты предназначались исключительно для *Тшеди*, никто иной не мог пользоваться этим устройством прямого входа в Систему.

Падший бог закрыл глаза и активировал программу вызова.

И ответ пришел!

– Назовите себя, – произнес приятный женский голос.

– Гордиан Оливиан Рэкс, демиург Нуля. Место регистрации – сектор Седан. Личный номер два-пять, шестнадцать, двадцать девять. Диадок Нуля в отставке, действующий демарх Нулевого Синтеза демархии «Дема-Инфо». Вот код доступа, – несколько напрягаясь с непривычки, Гор мысленно передал компьютеру двадцатимиллионнозначный электронный код, удерживаемый в памяти.

– Код принят. Желаете просмотреть почту, сделать запрос, ознакомиться с новостями, написать письмо?

– Письмо! Пожалуй, даже несколько. Гриф «Срочно. Обязательно для прочтения».

– Назовите адресатов, – прошептала машина.

Тут Гордиан заколебался. Два года он мечтал об этой ситуации, о возможности доступа в ГИС, откладывая принятие непростого решения. Так к кому ему бежать? Октавиан или Аякс? Аякс или Октавиан?

Времени было мало, и Гордиан, отринув сомнения, назвал оба имени. Будь что будет, подумал он.

– Верховный стратег Нуля Тэдди Октавиан, – произнес он четко. – Верховный архонт Нуля Питер Тициан Аякс, а также... – Тут он запнулся еще на мгновение: – Учредитель Нуль-Корпорации.

Казалось, даже машина была обескуражена этим впечатляющим списком адресатов. Она сообщила:

– Простите, сэр, но код доступа не позволяет вам отсылать Учредителю Корпорации письма с грифом «Срочно. Обязательно для прочтения». Изменить гриф для этого абонента?

– Конечно. Я могу диктовать?

Машина пожужжала, ничего не отвечая, затем сказала:

– Простите, сэр, но мне неизвестен адрес абонента «Учредитель». По неизвестной причине он стерт из базы. Боюсь, у вас не пройдет даже простое письмо без грифа. Будете диктовать сообщения для первых двух адресатов?

– Но мне нужен и третий!

– Ничем не могу помочь, сэр. Адрес третьего стерт.

– Когда?

– Информация закрыта, сэр. Вашего доступа недостаточно.

«Вот так», – усмехнулся Гор. Оказывается, даже доступ в ГИС не решает всех его проблем. Информация закрыта, как же! Интересно, кем из первых двоих?

Гордиан задумался.

– Могу я послать письмо со срочным грифом абоненту с неизвестным адресом, но с указанием имени? – спросил он наконец.

– Если таковое найдется в базе, сэр, и если нет ограничений. Предупреждаю, что адресатов с одинаковым именем может быть несколько.

– Устраивает!

– Назовите имя, сэр.

Гор решил. В ситуации, когда все паршиво, нужно использовать любую, даже безумную возможность.

– Бог Смерти, – сказал он, и голос почему-то дрогнул.

– Обнаружено три миллиарда девятьсот восемьдесят семь тысяч пятьсот пятнадцать абонентов с указанным именем, – деловито ответила машина. – Подготовить бланки

сообщений для всех, сэр?

– Да. Но тогда, пожалуй, меня интересует еще одно имя.

– Я слушаю вас, сэр.

– Аннубис!

– Как, сэр?

– Я сказал «Аннубис»! Две буквы «н». Сколько абонентов обнаружено?

На этот раз машина молчала почти несколько секунд. Затем ответила, но в нежном псевдоженском голосе явно звучала нотка удивления:

– Обнаружен единственный абонент с указанным именем, сэр.

– Тогда третье письмо – для него.

– Понятно, сэр. Вы диктуете?

– О да...

Гор отпустил рукояти контактора, тем самым вызывая изображение машины-собеседника в виде хрупкой виртуальной девушки на экране монитора. Больше общаться «мозг-в-мозг» почему-то не хотелось.

Он произнес:

– Текст такой: «Анх-уджа-сенеб!

Лорду Аннубису, Учредителю Корпорации, Богу Смерти, от Гордиана Рэкса, демиурга Нуля – Хайре!

Уведомляю вас об измене. Обстоятельства дела таковы...»

И невидимые электронные клавиши сами собой застучали по экрану, набирая текст для страшного абонента.

Глава 6

Господь в ярости

Дверь отворилась.

Темная личность в длинном плаще с капюшоном проплыла в комнату. Сабин сидел в высоком кресле перед камином и грел руки. Сейчас, в месяце Фаменот, когда лето было в самом разгаре, солнце палило немилосердно, однако Сабина бил озноб. Медленно-медленно, как будто сдавленный страшной тяжестью, он повернул голову.

Охрану Сабин отпустил, вход в здание был свободен. В огромном особняке придворного вельможи, чудом пережившего войну и посаженного им на кол в прошлом месяце, не было ни души.

– Каро Сабин? – спросил вошедший.

– Это я, сударь.

– Полковник Ратан к вашим услугам.

– Я также – к вашим.

Оба сдержанно откланялись.

– Что с Брегортом?

– Все хорошо, но он труслив и не рискнул отправиться к вам посреди войны.

Сабин кивнул. Что ж, весьма похоже на его лорда. Человек, который пишет о чужой доблести. Поэт. Писатель. Трус. В чем отличие в этих трех словах?

– Я весь во внимании, – сказал он.

– Со мной послание от известного вам человека.

Сабин вздохнул: итак, свершилось!

Зачем все это? Вежливость... Как будто лижем друг другу зад. Один пришел, чтобы склонить к предательству. Другой – чтобы предать. Шательен, унижающий себя любезностью к серву, и раб, презирающий рабов. Оба убили бы друг друга, если б могли, но...

Он протянул руку:

– Давайте, сударь.

Пришедший ядовитой змеей проскользнул к камину и вложил в протянутую ладонь свернутый трубочкой листок. Вилик развернул бумагу.

Так-так, все согласно уговору. Этот Боринос не такой уж и безумец.

– Ваша индульгенция, сударь, – шепнул Ратан. – Жизнь и свобода для сервов Боссона.

– Увы, сударь. – Глубокий, бархатистый голос Сабина дрогнул. – Это их смерть...

* * *

Сателлит выскочил из-за огненного горнила Медиас Кордис и впился электронным глазом в освещенную новым днем планету. Точнее, в ту ее часть, где решалась сейчас ее судьба.

Северный Карабан, бескрайние темно-зеленые просторы огромной южной провинции великого Эшвенского королевства, зажатые между горами и морем. Обширные луга, горные кручи, возвышающиеся над ними с запада, и тысячекилометровые пляжи Антийского моря, раскинувшиеся от них на востоке.

Именно здесь, от изнасилованного Харторикса к бурному многоводью Кобурна, по длинному Южному тракту, по берегу океана, по предгорьям Скалистых гор маршируют бесчисленные армейские корпуса. Их много. Их видно за тысячу километров из поднебесной высоты космического шпиона.

Слава королю!

Боринос I Победоносный, Повелитель Твердого Космоса, Единый король Артоша, Артоны и Арана, а также сопредельных территорий, Великий герцог Боссона, Бургоса и Литавры, Первый патриций «Тысячи городов», маркграф Солимбрионский, регент Карабана, царь Веты, князь Валькрики, каган Хайранский и прочая, и прочая, и прочая, выступил сегодня во главе своих полчищ в направлении Бургоса и Литавры.

Его дивизии движутся медленно, тремя громадными пехотными колоннами, выслав в авангард и во фланги комариные облака неисчислимых кавалерийских эскадронов. Впервые в истории войн на планете Невон армиями противников образован фронт, поскольку ударные подразделения, размещены и движутся вдоль всей линии соприкосновения подконтрольных территорий.

Слава королю!

За долгие шесть месяцев заокеанского «сидения» Его величество король Эшвена, в прошлом году позорно бежавший из собственной столицы, превзошел сам себя. Он собрал в Митополе колоссальную армию почти в два миллиона человек. За всю историю Невона-0143 ни одна регулярная армия ни одного государства ни в одну из эпох не могла даже приблизиться к подобной численности.

Колониальные гарнизоны вселенского королевства почти опустели. Ряд недавно захваченных территорий за океаном оставлен войсками короля. Подобная численность армии была достигнута Его величеством путем невероятной концентрации всех мобилизационных возможностей планетарного государства, которые были не так уж и велики, учитывая, что призывали только свободных граждан, то есть едва ли два процента от общей численности годного к службе мужского населения.

Армия повстанцев по-прежнему оставалась почти вдвое больше, не хуже вооружена и все также полна решимости сокрушить государство рабовладельцев.

Но было одно «но»: стараясь перекрыть все побережье континента и не зная точного направления главного удара своего врага, Трэйт разделил свою армию. Пятьсот тысяч бойцов он оставил на зимних квартирах между Карабаном и Тысячеградьем, где-то под портом Стилли. Еще миллион – стояли под Бургосом, севернее великой столицы. А еще почти восемьсот тысяч штыков оказались размазаны по многочисленным гарнизонам от базальтовых мысов Рамаки до снежных вершин Карнадены.

Расчет маршала Трэйта строился на оборонительных линиях. Диктатор Республики и «Король рабов» прекрасно знал о зимних приготовлениях своего венценосного соперника. За

месяц после отхода от побережья граница между центральными графствами Артоша, занятыми главными силами Армии Равных и провинцией Карабан, где высадился король, была превращена Трэйтом в сплошную укрепленную линию. Линия «Северный Карабан—Кобурн» – так назвал ее Трэйт. Свыше десяти тысяч орудий, взятых в захваченных арсеналах Арана и Артоны, размещенные в редутах укрепленной линии обороны, позволяли достигнуть потрясающей концентрации огня. А к десятому Фаменота за первой линией была выстроена вторая и начато строительство третьей.

Великий день десятого Фаменота начался с невиданной в истории планеты канонады. Сорок тысяч орудий короля против десяти тысяч стволов Верховного маршала. Оглушительный рев орудий звучал, не переставая, двенадцать часов, а затем смолк.

Редуты устояли, и в звенящей от ужаса тишине, поскрипывая новыми синтезированными в храмах сапогами, бесконечные цепи королевских мушкетеров, гренадеров, пикинеров и егерей, растянувшиеся на десятки километров, драгунские и уланские полки, эскадроны летучих гусар и тяжеловооруженной жандармерии двинулись на штурм укреплений «Короля рабов».

Битва закипела!

В крови и пороховом угаре, в свисте картечи и глухих ударах штыков, вонзающихся в плоть, минул первый день. За ним прошел и второй, сгинул третий.

В полдень четвертого дня Трэйт осадил своего огромного гнедого жеребца за третьей линией редутов. На этом участке, где всего двадцать минут назад окончилась ожесточенная атака королевских мушкетеров, теперь стало тихо. Трупы, живописно раскидав потроха и конечности по земляным насыпям, рвам и песчаным россыпям, покрывавшим контрэскарпы, устилали все вокруг почти сплошным ковром.

«Наши, королевские, снова наши, опять их», – считал Трэйт. Двадцать минут назад враг откатился назад.

За четыре дня кровопролитных боев Эшвен потерял больше солдат, чем за всю свою многовековую историю. Первая линия укреплений была смята и снесена генералами Бориноса, однако устояла вторая и была достроена третья. За клочок территории, разделяющий оборонительные укрепления Равных, Победоносный король заплатил жизнями почти трети своей армии.

Семьсот тысяч трупов. Тонны свинца. Тонны крови.

Между тем, пользуясь почти неограниченными мобилизационными возможностями «рабской» Республики, сам Мишан Трэйт все это время готовил в глубоком тылу своих позиций армию возмездия – почти двухсоттысячный ударный корпус, свежий и не измотанный боями.

Трэйт еще раз осмотрел бесконечную линию истерзанных сражением укреплений. Рвы, земляные валы и цветастый палас из покрывших эти валы тел уходили вдаль настолько, насколько мог видеть глаз.

– Час настал, господа, – обернулся он к своим офицерам. – Трубите резерв!

Привыкшие за последние дни к определенному режиму боя, измотанные нечеловеческим напряжением собственных атак и слишком полным расслаблением после отката, королевские полки готовы не были!

Резервные колонны Трэйта врезались в них, как ударившая с плеча кувалда. Передовые королевские батальоны, сидевшие прямо на земле, опираясь на мушкеты, были настолько измотаны только что закончившейся собственной атакой, что, увидев приближающихся к ним цепи «равных», некоторое время просто тупо смотрели на них, не веря своим глазам.

Сервы? Атакуют?!

Многие из этих солдат только-только отмолились Господу Хепри за то, что он сохранил их жизнь в законченном кровавом штурме. Эти многие побежали просто от неожиданности, не сделав даже выстрела по наступающему врагу.

Внезапная и мощная атака мобильных многотысячных мушкетерских корпусов резервной армии прихлалась на левый фланг. Ураганом она пронеслась по позициям,

направленная не против, а вдоль всей вражеской линии, сметая с поля солдат Бориноса, не подготовившего за дни наступления ни укреплений, ни резервов. Подавляя сопротивление измотанного противника, свежие, численно превосходящие силы повстанцев перли на юг неудержимой миллионноной лавиной!

Казалось, что еще несколько часов – Армия Свободы войдет в королевский лагерь на плечах сломленного врага.

* * *

Пятью километрами южнее Трэйта на линию укреплений смотрел Боринос.

Уже вчера стало ясно, что его полчища окончательно увязли в позициях маршала рабов. Множество сервских редутов пали, но ударная сила королевских дивизий иссохла на подступах к третьей линии обороны. Моральный дух упал, и издыхающая тень наступления обратилась для большинства в предчувствие страшного поражения, которое, судя по всему, не заставит себя долго ждать.

Вдали слева, на грани видимости его многократно клонированных глаз, из-за порохового тумана сомкнутыми колоннами с рабских укреплений сползали темные движущиеся массы.

Контрудар!

Впервые за дни кровопролитного сражения Боринос видел, как наступают сервы. И также впервые за это время он видел, как бегут с поля боя его ударные полки.

Подбежал адъютант:

– Ваше величество...

– Ну?

– Враг наступает!

Боринос медленно повернул голову и просверлил подчиненного долгим прищуренным взглядом, сулившим мало хорошего. По кому-то, подумал король, плачет грубо отесанный кол.

– Я вижу! – гаркнул он. – Выводите легион!

* * *

Никий двигался в первых рядах резервных полков, обрушившихся на противника. Стрелковый корпус, которым когда-то командовал Гордиан Фехтовальщик, теперь был в его распоряжении, чему, собственно, молодой офицер не слишком радовался: его кумир погиб, дело восстания висело на волоске. И Никий шел впереди, защищенный от пуль лишь собственным куражом и бесстрашием консидория.

Опрокинутые королевские солдаты драпали со всех ног, и после очередного броска в штыки Никий и его мушкетеры совершали скорый марш до следующей высоты, где пикинеры Сардана Сато сейчас ожесточенно резались со спешенными рейтарами.

Никий первым взлетел на низкий убогий холм и приготовился с ходу врезаться в гущу уже завершающегося боя, как вдруг застыл пораженный. За плотными рядами пикинеров Сардана, за отступающими и пестрыми брызгами удирающих королевских солдат, на поле выходили знакомые ему несокрушимые чудовища – закованные в сталь и молибден модифицированные гиганты Священного легиона.

Строй легиона был не велик – как и прежде, десять на сорок, но уже не единичных бойцов, а десятков! Сорок по фронту и сотня в глубину. В отличие от Никия, сражавшегося вместе с Гором против кардинала в знаменитой схватке в «поместье и виноградниках», Мишан Трэйт никогда не видел мутантов-легионеров, но зато, в отличие от того же Никия, был прекрасно осведомлен об их чуть приукрашенной, но все же жуткой славе.

Да, сорок тысяч бойцов против полуторамиллионной армии, это капля в море, пипеточная инъекция в бак с питьевой водой. Но если говорить о легионерах, это может

стать инъекцией ртути.

Трэйт это понимал. Закованные в броню боевых защитных доспехов чудовищные киборги приближались к его шеренгам, и наступление сервов замедлилось. Еще нигде мушкетерские роты и пикинерские батальоны не вошли в соприкосновение со странным, невиданным врагом, однако необычный вид противника и вызванное этим замешательство сервов уже сделали свое дело. Королевские солдаты перестали драпать, а повстанцы, напротив, начали топтаться на месте, в нерешительности не делая ничего, разрушая боевые порядки и постепенно превращаясь из боеспособных единиц в удивленную чудом толпу.

Трэйт жестом подозвал к себе вестового.

– Трубить отход! – скомандовал он. – Отходим за линии!

– Но их всего сорок тысяч, сэр!

– Выполнять, сударь! И меньше разговоров.

Повинуясь, горнисты выдули медь.

В это время идеальная линия «священных» легионеров достигла своего врага. Как когда-то на Большом Артошском тракте, на правом бедре каждого великана раздвинулись металлические листы. Из бронированных недр доспеха прямо в руку каждого киборга вынырнул страшно знакомый Никию длинный металлический цилиндр. Зажужжали сервоприводы, и цилиндры превратились в рукояти мечей, выдвинув с торцов двухметровые лезвия, а горизонтально в стороны – стальные перекладыны гард.

Как всегда при маневрировании такой значительной человеческой массы, откат сервов к редутам прошел не гладко. Часть подразделений отступила успешно, но часть замешкалась, ряды и отряды то там, то здесь смешались. Команды спутались, офицеры рывкали, а некоторые солдаты, возбужденные атакой, разворачивались слишком запоздало.

Арьергард наступавших, ставший внезапно авангардом отступления, двигался более лениво, поскольку не видел приближающегося врага, к тому же редуты требовали замедления движения при преодолении рвов и брустверов. В результате часть полков отступающих оказалась зажата между собственными впереди бредущими товарищами и ужасным противником.

Все это время легион приближался с грохотом от подкованных железных сапог и в полном гнетущем безголосии батального поля.

Наконец Священный легион ударил!

Взмыли вверх неподъемные выдвижные мечи и упали разом на головы отступающих. Кровь и Боль взметнулись над армией сервов!

Четыре тысячи киборгов стояли в первом ряду легиона и четыре тысячи разрубленных от темени до паха тел упало к их ногам.

Трэйт снял головной убор, вытер лоб, ставший внезапно мокрым, несмотря на прохладу, и развернулся к своему штабу. Офицеры ждали распоряжений.

– Картауны к бою! – приказал маршал. – Долой картечь, только ядра!

Грянул гром, в раскаленном от жара воздухе прозвучало завывание тысячи задыхающихся от напряжения орудийных стволов. Пушки выплюнули свинец и железо.

Залп сверхтяжелых картаун смел ряды легиона, словно кегли. Тяжелые доспехи не пробивались, но скоростью и массой вертящихся со свистом ядер киборгам сминало панцири, а многих просто разрывало на части.

От первого же залпа рухнуло больше половины чудовищ. Еще почти треть – от второго. Третья и четвертая огненные отрывки добили легион, обрушив его на землю до последнего биоробота. И все же после каждого огненного удара в пороховом дыму и собственной убудочной крови часть страшных латников поднималась снова и снова, в полном молчании выстраивалась в ряды и перла дальше несокрушимой машиной.

Картауны палили уже на перелет, а перенаправлять тяжеленные орудия просто не оставалось времени. Ручные бомбарды против легионеров бесполезны – бьют слишком неточно и годятся только чтобы палить залпами по плотной толпе. А что если...

По знаку маршала консидории выбежали вперед. Очень давно луки боссонцев не

участвовали в полевых сражениях. В диких ночных налетах, лихих захватах усадеб и складов они потешили себя вдоволь, однако в сражении, когда сошлись две могучие армии, они применялись, пожалуй, впервые со взятия Руция.

Бранд был впереди. Всего сутками ранее он вернулся из Харторикса, опережая войнство короля лишь на часы. Несмотря на рану, богатырь принял командование «железными» батальонами консидориев, и сейчас, не медля, он вывел их в поле. Бранд поднял огромную руку, удерживая несимметричную дугу своего оружия

Речь идет о знаменитом луке-юми, т. н. «большом боссонском луке». Для компенсации нагрузки, которую испытывает «дуга» при натяжении тетивы, оружие делается очень длинным. Соответственно натягивается тетива – коротко и мощно. Рукоять лука-юми (то есть центральная часть древка, за которую держит лук стрелок и на которую накладывается стрела) при этом расположена не по середине. Почти две трети длины лука находятся выше его рукояти! Основа лука укреплена металлическими пластинами – также для увеличения силы натяжения. Особенности: прицел из лука сильно затруднен, поскольку при натяжении тетивы стрела находится выше уровня глаз. Однако мощь этого оружия неоспорима. Стрела-юми способна пробить закованного в доспехи «жандарма» навывлет. С панцирем и щитом. Недостатки – лук-юми в использовании доступен только физически очень сильным «арчерам» и требует долгих тренировок для приобретения навыка к точной стрельбе.

высоко над собственной головой. Оперение стрелы оказалось на высоте темени и в любом случае значительно выше уровня его глаз.

– Целить в щели в доспехах! – проорал он. – Стрелять по готовности! Понеслась!

Толстенная тетива знаменитого боссонского лука-юми щелкнула по пластине наручника, и метровое древко стрелы сорвалось в небеса. На расстоянии в полусотню метров медленно приближающиеся ровной походкой киборги представляли идеальную мишень. Сам Бранд выстрелил четырежды, трижды спустили луки его brave товарищи. Пять тысяч стрел прошили воздух, и половина из них нашла свои цели в телах мутированных гигантов, вонзившись в прорези для глаз, в места стыков доспеха, в отверстия для дыхания..

Но расстояние сокращалось. Еще мгновение – и оставшиеся в живых легионеры метнутся в атаку и разнесут засевших в редутах сервов.

– Вот и все, – прокомментировал Боринос, потирая руки, – это конец!

– Начинаем, – скомандовал Трэйт. – Крисс, выдвигайся!

Крисс поднял пику и потряс ею над головой.

– Атакуем волнами! – крикнул он. – Первый эшелон со мной, второй с Лестатом, третий за Кабером. В рубку не лезть! Бей пикой. Бей на скорости, всем весом, закрепив конец на опоре седла. Каждый всадник, плюс конь, плюс скорость – это почти тонна. Мы стопчем этих уродов, господ, как секач сминает грибочки. Вперед!!!

И конница ринулась в атаку.

Боринос не сомневался в исходе боя. Каждый легионер-киборг в полтора раза выше и в два раза сильнее обычного человека. Легион раздавит сервов, даже если легионеров останется несколько десятков.

Но что это? Драгуны повстанцев, сроду не носившие в бой пик, вонзились в сильно поредевшие порядки легиона классическим ударом копейщиков, кавалерийской трехэшелонной лавой!

Многотысячная многоглавая коса прошла сквозь бессмертных воинов как сквозь масло, не потеряв в сшибке ни единого бойца. Этому имелось объяснение. Конечно, каждый киборг в два раза сильнее и в полтора раза выше обычного человека, но конь с всадником в два раза массивней легионера, а с пикой он имеет преимущество в дальнобойности более чем на метр. За прошедшей по головам врагов кавалерией остались лишь мятые мешки тел, копошащиеся сейчас по земле, как скопище раздавленных навозных жуков!

Осталось только добить.

Трэйт снова нахлобучил на голову свою треуголку – пожалуй, на поле не так уж и жарко, как казалось. Недолго и простудиться, черт побери! Он подозвал вестового.

– Не стойте столбом, офицер, – приказал он грозно. – Пусть на поле выдвигаются мушкетеры. Добьем тварей! В штыки!

Одним эшелонам без волн и шеренг мушкетеры кинулись на поле. По десять на одного, окружая сбитого с ног и оглушенного ударом пики врага со всех сторон. Прижать к земле, ударом приклада сбить с головы киборга шлем и пустить в ход штык...

* * *

Боринос прикрыл лицо. Было немного стыдно наблюдать за избиванием самой смертоносной и страшной военной легенды королевства – и кем? Кучкой сервов под предводительством бывшего тренера «призовых» потешных бойцов! Позор.

Плохо скрывая раздражение, он посмотрел на жмущихся друг к другу в страхе офицеров штаба. Идиоты! Вместо того чтобы думать о сражении, они думают о своих шкурах. Кол по вам плачет, кол.

– Что у нас с построением? – нервно спросил Боринос.

– Полки, отступившие во время атаки сервов, остановлены и собраны, сир. Они готовы к бою. – Старший офицер подобострастно поклонился; его била мелкая дрожь.

– Отлично. – Король достал из кармана мобильный телефон и начал набирать номер. В принципе на ухе висела гарнитура, над ухом – шунт и можно было воспользоваться ими, но ему почему-то не хотелось, и он решил попробовать по старинке.

Дьявол! Амир не отвечал. С еще большим раздражением король швырнул мобильник в карман и резким жестом подозвал к себе вестового.

– Мне нужна связь, – с деланным спокойствием, негромко произнес он. – С Селеной, оператором церковного храма в Эльбинике. Мне нужны порталы. И передай клерикальным полкам – пусть готовятся. Ну, живей!

* * *

Трэйт зализывал раны. После блистательного уничтожения Священного легиона, а еще более после поспешной атаки и последовавшего за ней еще более спешного отступления, армия была немного растрепана. Теперь на первой, полуразрушенной линии обороны, на редутах и, особенно, на освобожденном перед ними пространстве его по-прежнему гигантская воинская масса готовилась к новой схватке.

Командующий размышлял. Место, на которое выдвинулись его полки и дивизии, располагалось южнее и было более широким, нежели перепаханный брустверами и рвами перешеек, который они обороняли последние несколько дней. Подготовить здесь новые укрепления не получится, отступать снова к Бургосу не хотелось – еще один хаотический маневр вместо решительного боя подорвет моральный дух, который сейчас, к счастью, необычайно высок.

Значит – бой? Значит – бой. На ровном месте, лицом к лицу, без укреплений и преимуществ рельефа, без тяжелой артиллерии, почти на равных. Воистину в данном случае шансы были хороши, ибо у сервов имелось превосходство в численности почти на двадцать процентов, да плюс отличный настрой после уничтожения прославленных «бессмертных» легионеров.

Пользуясь передышкой, Трэйт быстро произвел перестроение.

Центр фронта, опасный близостью к трактам, близостью к вожделенному королем Бургосу и наименьшим уклоном местности, что удобно для королевских атак, маршал отдал Сардану и его пикинерам. Их задача была проста: держаться, сколько возможно, и не пустить врага к переправам на столицу и за свои спины.

На наиболее укрепленный и оставленный практически на линии старых редутов левый фланг Трэйт поставил бургосских ополченцев. Формально во главе с Сабином, как официальным префектом города, но на деле с Дэном Критием и дивизией гадгедларов.

Наконец, правый фланг, прикрытый западнее лесами Катриша и упирающимися в него в этой точке обрывистыми кручами горных пиков, составил стрелковый корпус. Здесь стоял Никий и сам Трэйт. Особенностью участка было то, что благодаря близости к горам, местность здесь имела максимальный уклон, а значит, затрудняла атаку со стороны короля. Чтобы ударить по правому флангу в лоб, королевским войскам пришлось бы долго и нудно идти под обстрелом вверх по склону, что, по мысли Трэйта, исключало их удар в этой части великого противостояния.

С другой стороны, если атаковать из этой точки самым и не прямо, а в центр, то уклон окажется в самый раз. Бросать конницу или пехоту сверху вниз на обороняющегося противника намного сподручнее.

По сути, Трэйт хотел повторить утренний маневр с правофланговой контратакой, но только в более резкой, хотя и менее масштабной манере. Поэтому за спинами стрелков Никия, чуть скрываясь в тени катришских деревьев, разместился, гарцуя и рисуясь, ударный корпус рабского маршала – криссовские драгуны в полном вооружении с карабинами и нагайками, в роскошных шляпах с пышными плюмажами, двумя пистолетами, саблей, гранатами и полудюжиной перевязей для всего этого снаряжения.

Так встали сервы.

Что касалось короля, то в эти последние решающие часы перед схваткой Его величество не слишком задумывался над тактическими построениями. План у «непобедимого» монарха был несколько иной.

* * *

Время неумолимо приближало день тринадцатого Фаменота к удлинившимся теням вечера. К шестнадцати ноль-ноль этой памятной пятницы, всего через два часа после гибели Священного легиона, обе армии наконец изготавились к эпилогу затянувшейся совместной драмы.

«Достоинство полководца состоит в том, чтобы подготовиться к битве и сделать безвыходным положение врага, а вовсе не в том, чтобы выигрывать сражения в безвыходном положении», – так читал Трэйт в одном из старинных полуфилософских наставлений по военному искусству. Он еще раз осмотрел свои позиции и сам себе удовлетворенно кивнул. Ну что ж, похоже он действительно достойный полководец.

Впервые за все время этой проклятой войны, во многом благодаря его хлопотам, сервы имели на поле битвы численное превосходство над противником, при этом не уступая ему ни в вооружении, ни в качестве подготовки бойцов. Дело оставалось лишь за доблестью, все остальное – работало на маршала рабов.

Немного красуясь перед самим собой, старый дацион смахнул несуществующую пылинку с отглаженного рукава. «Да и с доблестью у нас тоже все хорошо!» – подумал он. В конце концов – ведь с ним консидории, и тот дух, которым питались его бойцы в стенах Лавзейской школы, выходя на ринг в одной холщовой рубашке со смертельным клинком в руке, этот дух каким-то незримым образом передался за годы войны всей Армии Свободы.

И пусть собственно консидории составляли ничтожную часть его воинства, философия дуэльных поединков была тут философией каждого солдата!

«Пусть на деле они не консидории, – думал он, – пусть многим не хватает мастерства, многим опыта, но сердца их – сердца консидориев, души их – это души консидориев».

А если так, то за его спиной стояла, по сути, целая армия бретеров!

«Так что не говори мне о доблести, сударь, – сказал он себе, – эта штука есть часть призового бойца. Неотделимая как печень!»

По сигналу маршала его огромная армия вздрогнула и зашевелилась как единый живой организм. Тысячи тысяч ног, рук, клинков и мушкетов мгновенно пришли в движение.

– Двинулись! – взревел Крисс.

Его ударный корпус, аккуратно просачиваясь через мушкетерские батальоны Никия,

неспешным шагом начал выдвижение для атаки.

– Стоя-ать, стоя-ать. – Сардан Сато сдерживал своих рвущихся вслед за драгунами пикинеров. В центре рабской линии цель пехотных полков заключалась в обороне, и значит, бригадам не нужно дергаться, нужно сплотить ряды, ровнять шеренги, держать позицию. Битву выигрывать будут другие. Наш хлеб, знал Сардан, стоять здесь и перемалывать наступающего врага так много и часто, как выдержат верная пика и добрый кошкодер.

Трэйт дал отмашку. Драгуны Крисса бросили скакунов в галоп и сшиблись с вражеской линией!

Кавалерия врезалась в строй королевских стрелков могучей океанской волной и принялась истреблять мушкетеров с холодным бешенством.

Странно, но именно бездоспешные мушкетеры составляли теперь львиную долю «новой» королевской армии. Как видно, уроки прошлых кампаний не прошли для стратегов Бориноса зря. В новой армии не было пехотных эшвенских бригад, почти не было жандармерии, но были стрелки из мушкетов со штыками и артиллеристы с орудиями на конях. Главный принцип, привнесенный в эшвенское военное искусство Тринадцатым пророком Гордианом Рэксом, восторжествовал: не нужно долгие годы готовить панцера-профессионала, нужно взять зеленого рекрута без доспеха, вручить ему ружье со штыком и научить стрелять – через месяц боец новой армии готов!

И тем не менее стратеги Бориноса упустили главное: боевой опыт такому бойцу все же нужен, иначе накат кавалерии безусый пехотинец не выдержит с непривычки.

Крисс просто снес левый фланг!

Королевские стрелки и рейтары смешались в ужасе и бросились бежать. На плечах сломленного врага драгуны сервов вломились в королевский центр.

Последняя схватка этой войны началась.

* * *

Селена нажала на кнопку. Фиолетовые рамки в каменных порталах эльбинийской базы сверкнули бледным светом.

– Готово, – сказала она в трубку. На другом конце провода заскрипел голос короля.

– Место десантирования?

– Открыто пять грузовых порталов, сир, в храме Хепри севернее батального поля. Координаты пять-семь, двенадцать-четырнадцать. Ориентир – точка между Западным берегом Кобурна и Большим Артошским трактом. Но на выход из храма всем полкам потребуется, как минимум, час. Шестьдесят тысяч человек, сир, это очень много. Прикажете полкам атаковать с ходу и каждому в отдельности или сначала построиться на поле единым отрядом?

– Сначала построиться.

– Мы потеряем время, сир.

– О нет, сударыня, – ответил Король ухмыляясь, – мы произведем эффект!

С его словами фиолетовое поле мигнуло над башнями храма и исчезло, растворившись в душном воздухе. Огромные стальные ворота медленно поднялись.

Клерикалы выливались из чудовищного портала бесконечной рекой.

И все же шестьдесят тысяч человек – большая цифра. На выход из храма всем полкам такой численности требовалось очень много времени. Слишком много, для того чтобы удар получился внезапным. Но, на удивление, им некуда было спешить.

Медленно растекаясь по полю серым шинельным морем, полки клерикальных мушкетеров неспешно строились ровными колоннами в тылу Армии Свободы. Но одновременно с серыми массами клерикалов, за спинами атакующих «рабских» драгун пришла в движение еще одна организованная сила – их собственный левый фланг.

Как бы там ни было, в одном Боринос был прав – эффект его воинство произвело. Как только вестовые доложили о появлении «серомундирных» прямо за спинами бургосского

ополчения, Сабин прикрыл руками свое лицо. Кровь застучала в его висках, огромное тело бывшего лавзейского вилика задрожало. «Вот оно, вот!» – прошептал он себе. Боссон – цветущий край, и чтобы купить над ним власть, нужно внести огромную предоплату.

– Кажется, нас окружают, сэр! – прокричал ему вестовой. – Примерно в двух километрах к северу строятся клерикалы!

Сабин вытер пот.

– Они вышли из храма Хепри?

– Полагаю, да, сэр, больше неоткуда. Разъезды не сообщали нам об обходе.

– Такого раньше не случалось, а?

– Не случалось, сэр. Храмы закрыты для мирян, в том числе и для армии короля. Но иных вариантов нет, королевские мушкетеры становятся линейными колоннами в пределах Черного Круга.

– Действительно окружение... – прошептал Сабин, пытаясь изобразить удивление. – Тогда поднимайте столичные батальоны, мы снимаемся с позиции.

– Не понял, сэр?

– Все ты понял. Мы отходим к Бургосу!

– Но левый фланг Бориноса опрокинут, еще немного и Трэйт прорвет его центр.

Но Сабин лишь гневно помотал головой.

– Ты мне указывать вздумал, щенок?! Да плевать я хотел на Трэйта! Сражение проиграно и как префект столицы Республики я обязан ее защитить. Отходим в Бургос. Живее!!

Драгуны Крисса рвались вперед. Левый фланг армии Бориноса был опрокинут навзничь, казалось, вот-вот будет прорван и центр обороны – это отчетливо просматривалось из ставки Трэйта.

Маршал удовлетворенно кивал головой, щурясь и всматриваясь старыми, но зоркими глазами в пыльные столбы над атакующими клиньями своей победоносной кавалерии, когда Рихмендер тронул его за локоть:

– Как странно, сударь. Мне только кажется, или Сабин на самом деле снимается с редутов?!

Трэйт обернулся.

Серые точки бургосских ополченцев, как волна муравьев, сбегали с земляных насыпей, а чуть дальше за ними, на хорошо просматриваемом пространстве за линией укреплений наплывали на поле ровные пятна неизвестно откуда взявшихся свежих полков короля.

* * *

Манипулируя ручками пульта спутников, Гордиан всматривался вниз сквозь облачную завесу. С орбиты вокруг светила огромное батальное поле просматривалось как на ладони.

Гор не был профессиональным полководцем, однако для понимания ситуации быть специалистом генерального штаба не было необходимости. Ситуация была прозрачна даже для младенца. Дивизии Сабина, построенные на левом фланге Армии Свободы, оставляли свои позиции в почти выигранном сражении! Несколько клерикальных полков в тылу Армии Свободы были серьезной помехой, но не тогда, когда фронт короля почти прорван их конницей!

Опустив камеру слежения ниже, Гордиан отчетливо видел, что именно происходило внизу. Бургосские ополченцы, возмущенные приказом своего префекта, отказались покидать позиции. Однако их командующий был непреклонен, а дисциплина в армии – суровой. Сто сорок тысяч человек, обнажив огромную дыру в единой линии войска повстанцев, начали переправляться на восточный берег реки – в Бургос.

Это было предательством!

Десятью минутами позже завершения маневра Сабином, видя крах своих построений, к которым огромным спрутом двинулись пехотные дивизии короля, Трэйт прекратил

контратаку. Его победоносная кавалерия, откатившись назад для сохранения линии фронта, оказалась зажатой между позициями Бориноса и собственными редутами, уже занятыми к тому моменту клерикальными полками – как будто в капкане.

Минуты спустя клерикалы развернули брошенные Сабином мортиры и начали убийственный обстрел «рабских» флангов и драгунов Трэйта, попытавшихся выбить их, возвращаясь с такой удачной и так неожиданно прерванной атаки. Оказавшись в чистом поле, открытая, как обнаженная девка, кавалерия Трэйта была выкошена картечью!

Но армия не сдавалась. Уже через час, нечеловеческими усилиями сдерживая натиск Бориноса по всему фронту, Трэйт атаковал бывшие собственные позиции и окровавленными штыками вышиб оттуда церковных мушкетеров!

Наблюдая через спутник, Гордиан удовлетворенно кивнул: линию фронта удалось сохранить. Боринос не смял строй повстанцев, однако...

Люди были измотаны, а дальнейшее сражение просто невозможно.

И Трэйт отдал приказ об отходе. Организованно и четко, окруженные с трех сторон, истерзанные дивизии Верховного маршала двинулись в направлении Бургоса, откуда явились сюда для битвы ровно пять дней назад.

* * *

Сабин наблюдал за приближением остатков Армии Свободы и наседающим ей на плечи неприятелем. Оба воинства были измотаны и избиты почти до крайнего предела, однако никто не отступал от задуманного – противники демонстрировали фантастическое упорство.

Сабин обернулся к Критию:

– Этот идиот Трэйт пытается на своих плечах ввести Бориноса в Бургос!

– Он всего лишь спасает армию, сударь. Тех, кто сегодня сражался за наш город, тех, кто за него умирал.

– Ерунда! Тех, кто «умирал», спасти не надобно, а вот Бургос мы обязаны защитить. Сжечь мосты! Король не ступит на восточный берег! Живее!

Даже Критий, лично преданный Сабину, опешил:

– Что, сударь? Но это же... Что?!

Лицо Сабина налилось кровью. Критий подумал – от гнева, но сам префект знал, что это от ужаса перед собственными словами. Он только что произнес приговор сотням тысяч собратьев.

– Мы должны сохранить город, – солгал он себе. – Сжечь мосты! Сжечь!

Мишан Трэйт оторвал глаза от подозрительной трубы, его челюсти сжались как стальной капкан. Когда вестовой сообщил ему, что Сабин жжет мосты, он в первое мгновение не поверил, бросился вперед и... увидел все сам. Но почему?!! Вопрос был хорош, а вот времени на ответы, похоже, не совсем осталось. Времени, если честно, не осталось уже ни на что!

– Вот и все, – сказал он, обращаясь, скорее, к себе, чем к стоящим за спиной офицерам. Но затем – обратился и к ним. Спокойно, как будто перед тренировочным боем:

– Полкам развернуться. Дивизии ближе к Кобурну пусть отходят на север к Катришу и Риону. Никий, ты с ними. Крисс, кавалерию в арьергард.

А потом громче:

– Сардан Сато! Лавзейцы – ко мне! Полки в линию! Прикроем отход!

И развернувшись лицом к истерзанным солдатским шеренгам, он выхватил свой клинок.

– К смерти и победе готов! – могучим голосом, сотрясая вершины копейных наверхий и воздетых в воздух блистающих кошкодеров, взревел старый дацион.

– Кхарра! Кхарра! – ответили ему сто тысяч пикинерских глоток. И с этим криком каждый из них, вчерашних огородников и столяров, в то же мгновение стал консидорием!

Король Боринос кивнул. Похоже, так неудачно начатое и не менее неудачно разворачивавшееся сражение все же направлено в нужное русло. Пикинеры сервов оказывали его воинству отчаянное сопротивление, ложась в землю один к двум, а может, и к трем атакующим бойцам. И все же он знал – все кончено. Сейчас подтянется королевская артиллерия и начнет лупить по прижатым к Кобурну пикинерам Свободы картечью прямой наводкой.

Это будет не битва – бойня.

И все же мужество маршала рабов, чей алый плащ – епанчу призового бойца – видели в самой гуще кровавой резни, вызывало невольное уважение у Единого короля.

«Каков человечище! – подумал он, – Если возьму в плен, даже не буду сажать на кол. Голову рубану. Как монарху. Хотя в плен, конечно, вряд ли получится. Ведь он консидорий, дьявол, и чемпион авеналий каких-то годов! Такой скорее сдохнет, чем сдастся».

Боринос вздохнул и повернулся к своему адъютанту.

– А он достойно бьется, этот рабский маршал, вы не находите?

– О, сир, конечно! Достойный противник таланту Вашего величества. И все же пред Вашим гением – ничто!

Боринос пожал плечами. Подлиза! Ну что за люди у него на службе? С каким таким гением?

В это время подкатила его артиллерия. Тяжелые картауны и кулеврины-двенадцатифунтовки. Настоящие монстры войны.

«Вот и эпилог, господа», – усмехнулся Единый король.

Для сервов настало... время умирать!

* * *

На равнине под Бургосом сервы умирали. Клик. Клик.

А где-то в поднебесной высоте, немыслимо высоко над далекой равниной, космический спутник раскрыл свои прозрачные крылья. Он впился красноточковым глазом в кровавый пейзаж под собой и выдал сигнал. Клик. Клик.

Последние, ускользающие меж пальцев часы Гор старался разобраться в общей системе контроля, и главное, что его интересовало, была не ее структура и пароли, а оружие Хепри. Секунды стучали в висках подковами лошадей. Еще немного, и может быть уже поздно.

Наконец он обнаружил то, что искал. Повинуясь беззвучному электронному приказу, в такой далекой от западного берега Кобурна провинции Эльбиника ожили легендарные огненные башни, и Гор замер перед экраном в комнате соединений на вершине храма.

– Активировать башни, сэр? – задала вопрос автоматика.

– О, да, – устало выдохнул Гор и вжал тумблер.

Его величество поднял голову. В голубом небе из некой точки за горизонтом ослепительно яркая линия разрезала небо, уходя куда-то за облака. Линия была очень тонкой и если бы не ее яркость, то, возможно, вытянутый в нитку свет вообще трудно было бы различить. Но уже из-за облаков этот же «свет» изливался совсем другим. Под немыслимым наклоном, обхватом почти в километр, в его войско бил настоящий сияющий столб. Бил, разбрызгивая многотонные капли расплавленного грунта на сотни и сотни метров от своего отмеченного кошмарной смертью пути.

– Ваше величество? – спросил дрожащим голосом стоящий рядом лейб-адъютант.

Но Его величество промолчал. Что именно произошло, думал он, Амир сошел с ума? Или у Тринадцатого пророка, этого проклятого Фехтовальщика, все же проснулись божественные способности, как когда-то у Хепри? Ведь, судя по всему, он видит перед собой действие знаменитых огненных башен. Впрочем, в данную конкретную секунду разница казалась несущественной. За несколько мгновений, пока в голове неслась эта мысль, королевская армия уменьшилась на половину. А еще через несколько стуков сердца она исчезнет совсем.

Боринос потер подбородок.

«Интересно, – подумал он, – что чувствовали хотты под Стеллополем две тысячи лет назад? Удивление? Ужас?.. Да бросьте, сударь! Вероятно, они чувствовали боль».

Столб пламени нырнул к его Ставке, пройдя почти километр за время, в которое он лишь моргнул.

«С другой стороны, – думал Боринос, – огненные башни убивают слишком быстро, чтобы что-то почувствовать. Будет забавно».

Забавно... Молодой офицер, стоявший рядом с монархом, завизжал, перекрикивая треск и дрожание плавящейся рядом почвы. В то же мгновение край огненного столба коснулся его руки, превратив фигуру в ярко вспыхнувший факел.

Плоть человека испарилась мгновенно, чуть дольше продержались лишь кости, и на какую-то долю секунды обнаженный скелет застыл, сжимая в руках остаток оплавленного мушкета. И тут же пал, как ледяное изваяние, попавшее в домну.

«А ведь красиво, дьявол!» – успел подумать безумный король.

И вдохнул. Кипящий воздух вошел в его легкие, сжигая по пути рот, гортань, пищевод. Последний взгляд его упал на руки. Кожа кипела! Потом глазной белок свернулся, и вид заслонила тьма.

В следующее мгновение Его величество стал паром.

Глава 7

Кворум для мертвецов

Темным нарывом на лике планеты в голубые небеса таращился шрам. Титанические борозды глубиной в несколько десятков метров, оправленные брызгами застывшей лавы и расплескавшегося базальта, мрачные рытвины кратеров в тех местах, где неописуемо яркий луч задерживался чуть дольше. Лучи огненных башен оставили на поле страшные следы.

Трэйт покачал головой. Он сидел перед самым краем оплавленной местности на большом армейском барабане, оставленном отступающими гадгедларами Сабина.

Вырвавшись из жерла огненных башен в далекой Эльбинике, поток ионов в доли секунды пронзил почти сто тысяч километров до сателлита Медиас Кордис, а затем, отразившись от его распахнутых крыльев-ковшей, ударил сюда, еще через сто тысяч километров, на поле под Бургосом.

Какая убийственная мощь!

Два миллиона человек испарились меньше чем за несколько мгновений.

В момент удара Трэйт находился не слишком далеко от зоны действия луча, сражаясь плечом к плечу с рядовыми, и лично видел, как в огненной геенне плавилась неуязвимые доспехи Священного легиона и тлеющей бумагой сворачивались в трубочку фигурки королевских стрелков.

Поразительно, но в месте удара не осталось даже человеческих останков, даже теней и следов, даже пепла. Только застывший в невероятных формах оплавленный камень.

Луч прошел вдоль линии сражения, вдоль самого края рабских батальонов, как бы отрезая их пламенем и жаром от королевских полков. За этой чертой полыхал огненный ад, а перед ней бойцы почувствовали бритыми затылками лишь сильный жар и истекающие из земли клубы обжигающего водяного пара. Некоторое время луч блуждал по полю, вполне осмысленно уничтожая застывшие в ужасе королевские соединения, а затем погас также внезапно, как и возник за секунды перед этим.

Королевские солдаты, волею судьбы оставшиеся в живых, бросили оружие. По всей многокилометровой линии сражения их уцелело всего несколько шеренг – десять, может быть двенадцать тысяч человек против оставшихся трехсот тысяч у Трэйта.

Победа была страшной, но абсолютной.

Тут же, рядом со своим полководцем стояли Бранд, Никий и Крисс. Где-то на поле, сраженный мечом, а затем развеянный огненной бурей на атомы, испарился Сардан.

Разбитый картечью в сито и сожженный космическим пламенем, там же витал и Вордрик Аймен.

А также Роббер, и Биллон, и Карум, и Лестар, и Римо, и Паден, и Сима, и Руфий. За его спиной, организуя разоружение и сортировку пленных, помахивая культей правой руки, отдавал команды Рихмендер.

Из всех лавзейских консидориев, с которыми они начинали когда-то этот кровавый бунт, в живых остались только они. Пятеро человек на всю армию.

– Думаешь, это Гор? – негромко спросил маршал у Крисса, показывая рукой на выжженное поле.

– А есть варианты, сэр? – пожал плечами взмыленный габелар.

Трэйт кивнул.

– Значит, Фехтовальщик жив, – маршал поднялся. – Тогда собирай драгун, мы отправляемся в Бургос. Полагаю кроме Гордиана остался в живых еще один лавзеец. Едем к нему.

Крисс удивленно обернулся.

– К кому, сударь? – поинтересовался он.

– К Сабину, – отрезал Трэйт и потер рукоять своего клинка.

* * *

Впервые за два года своего пребывания в этом мире Гордиан Рэкс смотрел на планету-каверну сквозь очи космического сателлита. Если не считать уродливого «шрама» под Бургосом, вид был отличный. С сожалением Гордиан щелкнул клавишей, и великолепная панорама на экране погасла. Времени оставалось мало и ему следовало поторапливаться.

Вызвав интерфейс базовых аксиом, Гор быстро прошелся по основным установкам системы.

Так – шунты шательенов. Отключить всех, пусть спят.

Клик. И свыше миллиона бессмертных лордов во всех частях планеты рухнули без сознания.

Теперь – служители церкви. Сорок миллионов человек? Долой всех и каждого. В летаргию!

Клик. И на пол храмов свалились бесчувственные тела.

Силовые поля вокруг храмов? Убрать, пусть сервы заходят внутрь.

Клик. И, бликнув фиолетовыми пузырями, силовые поля погасли!

Так, что теперь? Питание машин Нуль-Синтеза? Электричество в городах и усадьбах?

Включаем, нам нужна промышленность.

Информационные файлы? О, это интересно. Знакомиться некогда, придется просто скачать прямо в мозг, внутрь тех секторов собственной головы, которые заблокированы шунтом для хранения архивированной информации.

Туда же – все коды Системы. Туда же – только что измененные Гором пароли доступа в секретные и закрытые комнаты управления в храмах.

Контроль над турелями огненных башен и камерами сателлитов вывести на свой шунт через спутниковую радиосвязь, чтобы можно было использовать их в любом месте континента, а не только внутри помещений храмов.

Отлично! А сейчас главное. Закрывать Твердый Космос от проникновений извне, закрепить свою власть. Пусть абоненты Нуля, которым он только что «отписался», шлют письма на электронную почту, а не заявляются сюда незваными. Сначала следует разобраться, кто из них есть кто, а затем по очереди пускать их в свою новую вселенную.

Вот и все.

Гордиан откинулся в кресле. Удивительно, но оказавшись в теле Амира, в совершенном синтезированном теле идеального суперклона со всеми возможными улучшениями генотипа и абсолютным физическим здоровьем, он сразу вернул себе все способности *Тшеди*.

Возможно, сказался способ, которым он занял эту оболочку, возможно, что сам Амир имел некоторую склонность к пси-оперированию. А возможно, что-то еще, теперь уже не столь важно.

Гор с наслаждением потянулся. Хорошо быть богом! С новыми возможностями, с подключением к «глазам» спутников, к убийственной мощи огненных башен он вполне мог считать себя таковым.

«Отставить!» – тут же одернул сам себя Фехтовальщик. Его божественность – фикция. Война не окончена, а значит, он такой же боец, как любой из тех сотен тысяч, что только что превратились в падаль и прах на поле меж Кобурном и Карабаном.

Повесив на плечо автомат, «бог» щелкнул затвором. Пора возвращаться в Бургос. Трэйт ждет.

* * *

Пашкот-палас, выбранный Сабином для своей резиденции на время вероятной осады столицы, сверкал всеми огнями. Час назад включилось электричество, и, несмотря на дневное время, старинный дворец сверкал довоенной иллюминацией сотен хрустальных люстр.

Но вокруг дворца царил хаос.

Как только огненные лучи уничтожили королевскую армию, стало ясно, что битва выиграна сервами, и бургосцы, изменив своему префекту, кинулись к его штабу-дворцу. Лишь преданные гадгедлары, да и то не все, оставались еще с Сабином. В украшенные колоннадой фасады и портики летели зажженные факелы, пакля, просто камни и куски кирпича. Два крыла здания уже пали под натиском штурмующей толпы и подоспевших к расправе армейцев. Держался лишь центральный корпус и несколько примыкающих к нему строений.

Часы предателя были сочтены.

Сабин стоял у окна мансарды, куда не долетали булыжники и проклятия горожан. Думал ли он когда-нибудь, что начатое им предприятие, великолепный бунт за свободу, окончится столь бесславно – проклятиями освобожденных им сервов и булыжниками с мостовой? Ему казалось, что все это кошмарный сон, наваждение! Вот он проснется в своей кровати в Лавзее, где подбострастный лакей принесет кофе и пожелает доброго дня.

– Доброго дня! Не скучаете, сударь? – Голос прозвучал в пустой комнате и прокатился эхом по стенам.

Сабин вздрогнул и резко обернулся. В дверном проеме в дальнем углу стоял некто знакомый. Белый доспех. Круглый шлем с поднятым забралом. «Сгорающий Дракон» на груди. Знакомые черты лица кардинала Амира. Но вот осанка, движения, речь как будто иные.

– Кто вы? – спросил вилик немного рассеянно.

– Ваш бывший серв, сударь.

Сабин помолчал.

– Гордиан. Это вы?

Голова кардинала с начинкой из Гора Фехтовальщика учтиво кивнула.

– Откуда вы взялись? Из дымохода? – Голос вилика стал внезапно спокоен, но руки предательски задрожали.

– Портал, сударь, – спокойно отвечал Гордиан и прошел вперед. – Это ведь Пашкот-палас, дворец Господа Хепри. Он нашпигован порталами. Кстати, одно из этих творений находится всего в двух комнатах отсюда. Я активировал его прямо из Центрального храма в Эльбинике.

– О, так вы все-таки проникли в Храмы! А это огненное побоище на поле перед Бургосом – ваших рук дело?

– Лишь отчасти, сударь. Огненные башни, как вам известно, построил Хепри. А я, в

некотором смысле, только пожинаю плоды.

Сабин растерянно кивнул и снова глянул в окно. Там по-прежнему звучали крики и выстрелы. Осаждающая толпа пошла на штурм центрального корпуса. Его гадгедлары умирали.

– Зачем вы здесь, Гор?

– Так вам невдомек? – взгляд экс-демиурга внезапно сделался жестким. Колочим, как пики атакующей пехотной бригады. Он достал из-за пояса пистолет и взвел курок. – Пистоль за вашим поясом, сударь. Извольте достать!

Сабин посмотрел удивленно.

– Хотите стреляться? Я вилик, мастер Гордиан, а не призовой боец. Я плохо обращаюсь с оружием и не собираюсь играть с вами в эти дурацкие дуэльные игры. К тому же на вас противоположный доспех. Хотите стрелять – извольте.

Но Гор покачал головой.

– Вы не поняли, сударь. Какие могут быть дуэли между солдатом и крысой? Просто достаньте пистолет и бросьте его на пол. Вы арестованы за измену!

Сабин с деланным равнодушием пожал плечами. Медленно достал из-за пояса пистоль, а затем резко вложил дуло в рот, приставив мушку к нижней губе, чтобы можно было говорить.

– Я не стану сдаваться! – в истерике прокричал он. – Уйдите, Гордиан. Уйдите или я убью себя!

Теперь уж плечами пожал Фехтовальщик, а рот его, в свою очередь, скривился в презрительной усмешке.

– Вы изменник, сударь, – сказал он невозмутимо. – Какого черта вы решили, что ваша жизнь мне хоть чуточку дорога?

Он поднял свое оружие и направил заряженный ствол прямо в голову предателю.

– Ну, стреляйте сами, – в голосе Гора сквозило презрение. – Стреляйте же, или это сделаю я!

Но у Сабина лишь мелко тряслись руки. Сильно, даже как-то судорожно вздрагивали под туникой упитанные круглые колени. Трус!

Гор тщательно прицелился в центр лба вилка и уже приготовился спустить курок, но раньше чем прозвучал выстрел, раздался страшный удар – сильнее и громче, чем выстрел пистолы или мушкета!

Здание завибрировало как натянутая струна, как полотно барабана от бравого прохода палочек. Куски штукатурки со стен и потолков попадали на паркет. Один кусок зацепил Сабина и снес его на пол. Другой кусок пролетел мимо Гора всего в паре сантиметров от плеча. Гордиан быстро развернулся и проскользнул к дверному проему в капитальной стене. Здесь под несущей балкой, риск подставить голову под кирпич был несколько меньше. В тот же миг сильная вибрация и порыв ветра, могучего как торнадо, вышиб все стекла в здании.

Еще машинально прикрываясь от пролетающих осколков, Гор посмотрел в окно. С такого расстояния из глубины комнаты ему, конечно, не открывалась вся площадь, но кое-что он увидел. Штурмующая здание толпа разбегалась, как тараканы, прочь со всех ног.

Хотя был полдень, над городом внезапно повисла тьма. Чудовищная титаническая тень заслонила солнце... Гор видел край этой тени – она напозала на брусчатку мостовой, она двигалась. Презрев опасность, бывший губернатор Седана оторвался от дверного проема и решительно выглянул из окна.

И вздрогнул.

Над зданием, да что там – чуть ли не над доброй половиной огромного столичного города, давящей необъятной глыбой висел гигантский космический линкор.

* * *

Абордажные люки корабля раскрылись, и из них, вопреки ожиданиям Гора, вылетела

не рота отдела спецопераций Нуль-Синтеза, а всего лишь три одинокие человеческие фигурки. Но зато какие!

Каждый из троицы был закован в армейский скафандр, а в руках сжимал АШК – «автоматический штурмовой комплекс», – способный бить плазменными разрядами по пехоте противника, а также поразить на орбите космический корабль среднего класса прямо с поверхности планеты.

Оружие богов! В условиях Невона-0143 одна такая штука, пожалуй, дала бы сто очков вперед всей местной артиллерии, вместе взятой.

Боевые скафандры были также экстракласса. Броня выдерживала не просто выстрелы любого ручного оружия. В таком костюме, пожалуй, можно было грудью встретить попадание тактической ракеты без какого-либо ущерба. За спиной у каждого из визитеров висели гравитационные ранцы. Да, эти трое при желании смогли бы разнести весь Эшвен!

Если это враги, то дела плохи.

Толпа под летунами в ужасе разбегалась. Только группы солдат под предводительством нескольких офицеров Армии Свободы, презрев опасность, по-прежнему пробирались к зданию. Опешившие гадгедлары, какое-то время глазели то на линкор Корпорации, то на приближающихся к зданию армейцев, а затем дружно бросали оружие и в отчаянии падали на землю.

«Космическая троица», впрочем, не обращала внимания ни на тех, ни на других. Еще бы, с таким техническим обеспечением они могли себе это позволить! Летящие бойцы просто развернулись и быстро проплыли к Пашкот-паласу.

Конкретно – к месту, где из окна на них смотрел Гордиан Фехтовальщик.

Гор не был удивлен. Если уж кто-то вопреки его программным ограничениям смог притащить сюда целый линейный корабль, то провезти оборудование для слежения за шунтами для такого игрока вообще не представляло проблемы.

Вопрос в другом – кто это?

«Кажется, кардинал со дня на день ожидал визита самого Господа Хепри, – вспомнил Гордиан и усмехнулся. – Ну что же, по всей видимости, он его дождался!»

Но что же делать ему, Гору Рэксу?

Бежать? Ерунда – от космического линкора не убежишь. Ни Центральный храм в Эльбинике, ни огненные башни, ни храмы в Антике не помогут ему. А значит...

Гор не спеша размял пальцы, проверил свое примитивное, по сравнению с «космическим», оружие, спокойно сдвинул предохранители, чуть отошел от окна и стал ждать.

Через пару минут троица ворвалась в комнату с лету, сокрушив при этом остатки балконной двери и витража. Приземлились и, не окружая Гору, как следовало бы при аресте, встали с одной стороны, прямо напротив окон. Стволы АШК мирно смотрели в пол.

Первый из них, самый низкорослый и крепкий нажал на кнопку шлема, слева, чуть выше виска. Повинуясь приказу, глухое забрало сложилось, открывая знакомое Гору лицо.

Грозный начальственный взгляд его сначала напоминал выражение лица человека, готового сделать выволочку нерадивому подчиненному, однако постепенно это выражение менялось.

Оба молчали. Один – усиленно обдумывая ситуацию, другой – теперь уже – со странным удивлением в глазах.

Так же как и Гор, этот человек был *Тшеди* и, оказавшись лицом к лицу, увидел сквозь оболочку кардинала истинную сущность разума, занимающего этот череп.

Так значит, он до сих пор не в курсе?

– Мастер Октавиан? – сказал наконец Гор ничего не выражающим голосом и скупое поклонился. – Гордиан Рэкс к вашим услугам.

Верховный стратиг Корпорации Тэдди Октавиан ответил с некоторой задержкой:

– Здравствуйтесь, мистер Гор, – сказал он, с трудом оправившись от удивления, и сдержанно кивнул. – Развлекаетесь?

– Да куда уж... Не вашими ли трудами? – произнес Гор спокойно, но мысли его лихорадочно скакали.

В дальнем углу, роняя со спины остатки штукатурки, поднялся, пошатываясь, Сабин. Его сильно приложило, глаза бессмысленно блуждали, а по высокому, открытому лбу змейкой струилась кровь.

– О, черт, – вскричал он жалобно, пытаясь утереть лицо рукавом, – да что же это?!

Его вопли мешали сосредоточиться.

Дополнительный элемент в серьезном раскладе отвлекает внимание и всегда лишь вредит. Без лишних церемоний Гор поднял пистоль, нацелив его прямо в рот Сабину, и хладнокровно спустил курок. В конце концов, тот ведь сам туда целился?

Грохнул выстрел, и великолепный голос лавзейского вилика умолк навсегда.

Мозги, осколки кости и куски языка величайшего оратора Республики из тыльной части черепа разлетелись по стенам, сильно испачкав обои и плитуса.

Сабин медленно сполз по стене. Гор поднял руку с бесполезным оружием и демонстративно разжал пальцы. Пистоль упал на пол с высоты его плеча, с грохотом стукнувшись о паркетную доску.

– Он много говорит, вы не находите? – спросил Гордиан громко, не отрывая глаз от лица собеседника.

Тэдди Октавиан улыбнулся одними губами. «Жестко», – подумал он.

Гор открыл рот, чтобы продолжить, но в этот момент в дверном проеме в ближайшей стене засверкала фиолетовая рамка. Изображение следующей комнаты исчезло, и возникла странная пустота, заполненная тусклым светом и клубящимися тенями.

Тени сложились в очертания, очертания – в фигуру.

Фигура сделала шаг вперед, и в комнате оказался еще один персонаж.

Высокий и хрупкий, с чудесными волосами, струящимися по плечам.

Октавиан нахмурился, а Гор дернул бровью.

– Мастер Аякс? – воскликнул он пораженно.

– Пит Тициан Аякс! – поправил тот. – Это я, сударь. Рад вас видеть.

Верховный архонт Нуль-Синтеза ослепительно блеснул зубами и сделал салют рукой.

* * *

С нижних этажей все это время раздавались приглушенные звуки выстрелов и схватки, а спустя секунды в комнату ворвались Бранд и Никий с окровавленными мечами. За ними – партия консидориев и, наконец, Трэйт с Криссом в сопровождении спешенных драгун.

Аякс улыбнулся:

– Я смотрю, у нас тут намечается довольно представительное собрание. Так сказать полный кворум!

Стараясь не отворачивать лица от Октавиана, Гор скосил глаза и посмотрел на прочих визитеров.

«Да уж, – подумал он, – действительно, кворум полный. Или лучше сказать – полный пи...ц!»

Нужно сдержать ребят. Но как? А, понеслось...

– Что здесь происходит? – рявкнул Трэйт. – Ну-ка оружие на пол!

– На пол оружие! – повторил команду маршала Бранд.

– А он шутник, ваш маршал, – тут же прокомментировал Аякс.

– Да нет, он серьезный, – возразил Гор. – Просто не разобрался в ситуации. Здравствуйте, мастер Трэйт!

– Гордиан, это ты? – удивился Трэйт.

– Да это я, – кивнул Гор, – опять в кардинале, как видите.

Трэйт и Бранд переглянулись.

– Опять в кардинале? – переспросил Трэйт. – Но как?..

– Какая трогательная встреча, – снова съязвил Аякс.
– Вам бы заткнуться, Пит, – заявил Октавиан. – Я думал, мы побеседуем с этим парнем наедине.

– Уж лучше вам, Тадеуш, – Аякс поморщился. – Для интимной беседы не являются на линкорах.

– Оружие на пол, я сказал, – снова заорал Бранд.

– Вам здесь не светит, Аякс, шли бы вы.

– Да катитесь сами, сударь!

– Эта броня не для мушкетеров, Бранд. Не дергайся.

– Спокойно, мой друг, спокойно.

– Не двигаться!

– Гор, успокойте ваших!

– Мастер Трэйт?

– Сдавайтесь Тадеуш.

– Вздор!

– АШКи не помогут вам, сударь!

– Тихо!

– А вот и проверим!

– Вы, двое, к стене!

– Я выстрелю!

– Молчать!

Видя, что Трэйт и его люди на фоне перепалки заражаются нервозностью высших чинов Корпорации, неожиданно собравшихся здесь, Гор как можно спокойнее произнес:

– Осторожнее, мастер Трэйт, не ввязывайтесь, пожалуйста!

Однако это не помогло. Разговор Аякса и Октавиана переходил на все более и более высокие ноты, что никак не способствовало и спокойному поведению ввалившихся в покои дворца консидориев.

Глазницы разномастного оружия с каждой репликой дергались то в одну, то в другую сторону. Три десятка людей, заполнивших комнату, орали друг на друга наставив на собеседников разнокалиберные стволы. Три бойца в центре комнаты, включая самого Тэдди Октавиана, тыкали в стороны космическими штурмовыми комплексами, Гор прижимал подмышки висящие на ремнях пулевые автоматы, такие же, какими он пользовался в Харториксе. Драгуны Крисса сжимали в руках кавалерийские карабины, консидории Бранда – огромные пистолы с картечью, а ворвавшиеся позже всех мушкетеры Никия – гладкоствольные ружья с пристегнутыми штыками.

И только Аякс был безоружен. Совсем.

Первым не выдержал Бранд. Бешенство берсерка как всегда ударило ему в голову, он рванулся вперед, направил пистолет прямо в лицо Октавиану, видимо, показавшемуся ему наиболее опасным, и заорал:

– Брось оружие! Брось оружие, ты!

Стратиг чуть качнул стволом, и Гор, видя, что сейчас случится непоправимое, кошкой метнулся к ним.

– Назад, Бранд, назад! – заорал он что есть мочи. – Оглобля ты двухметровая!

Он ловко пнул великана и вышиб из его руки пистолет. Затем развернулся спиной к закованному в доспехи стратигу и заорал на своих:

– Стоять! Я сказал всем стоять! Успокойтесь!

– Точно, это Гор, – сказал Бранд, потирая ушибленную пинком кисть и при этом удивленно глядя на лицо кардинала Амира. – Храмовник бы так не сумел. А орет-то как!

Все действительно замолчали. Гор поднял руки с раскрытыми ладонями вверх – спокойно!

– Первое, – сказал он, по-прежнему глядя на «своих». – Я Гор, и я снова в кардинале. Усвоили? Теперь, второе. Броня, надетая на стоящих перед вами бойцах, недоступна

мушкетным пулям. А их оружие испепелит всех, кто тут есть, за долю секунды. Поэтому опустите стволы и не дергайтесь. Мы просто поговорим, хорошо?

Трэйт кивнул. Бранд фыркнул. Оружие сервов опустилось.

Сжав руки в кулаки, Гордиан развернулся к «гостям».

Глава 8

Увертюра для кинжала с черепом

Спустя десять минут комната немного опустела. В ней остались Октавиан с двумя спутниками в скафандрах, Аякс, единственный из присутствующих, позволивший себе расслабленно развалиться в кресле, Гор, Трэйт, Крисс, Бранд, маячивший за ним Никий и два консидория с взведенными пистолями. Остальные сервы удалились и теперь молча топтались за закрытыми дверями. Апартаменты Сабина оказались довольно велики, и для одиннадцати человек места в них хватало с лихвой.

– Вообще-то я думал, что Твердый Космос закрыт мной от проникновения из других вселенных, – начал Гордиан издалека. – И ни один корабль не может проникнуть сюда, пока координаты защищены паролем.

– Так и есть, мастер Гор, – поморщился Верховный архонт, – однако господин Верховный стратиг, по всей видимости, владеет технологиями, превышающими общедоступные.

– Как и вы, Аякс, – парировал Октавиан. – До этой секунды я полагал, что внепространственные туннели открываются только в стационарные порталы. А вы, сударь, только что вышли почти из воздуха. Где в Корпорации разработана такая методика переходов? И почему мне, как главе правительства Нулевого Синтеза, ничего о ней не известно?

– Не имейте тайн, сударь, и другие не будут хранить секреты от вас.

– Я уже дважды посылал вас сегодня, Аякс. Хотите в третий?

Архонт в который раз поморщился.

– О, Тадеуш, вы как всегда грубы... – Затем он повернулся к Гору: – Мы оба, я и наш общий друг мастер Октавиан, по всей видимости, представляем собой нечто большее, чем просто чиновники Корпорации. В отношении себя я это знал всегда, но вот что касается мастера Октавиана, то он начал удивлять меня всего около тридцати лет назад, демонстрируя возможности, недоступные не то что Верховному стратигу, но даже подчас самому Учредителю Корпорации! За пояснениями мы обратимся к нему позже, после его ареста, – здесь Октавиан хмыкнул, – а сейчас с вашего позволения, мастер Гор, я посвящу вас в события, предшествующие нашей «дружеской» беседе. Много времени это не займет. Надеюсь, вы не против, Тадеуш?

Стратиг лишь пожал плечами.

Гордиан чуть разжал ладони, запотевшие на автоматных прикладах, Октавиан и его бойцы чуть переменили позы, встав более расслабленно. Трэйт и сервы сняли пальцы со пусковых крючков пистолетов.

– Светская беседа за десять минут до смерти, Аякс! – воскликнул Тэдди Октавиан. – Как это в вашем стиле, сударь!

Аякс, не обращая внимания на комментарии своего врага, начал рассказ.

– Итак, Гордиан, – сказал он, – как вам известно, около трех с половиной десятилетий назад власть Учредителя покинула Корпорацию и в связи с этим в наших мирах сложилась... хм, некоторая стагнация, неощутимая, впрочем, для большинства обывателей. Учредитель игнорировал утверждение важнейших решений, перестали появляться новые архитектурные системы миров, новые специальные домены, новые программы. Все это время не подтверждались назначения важнейших должностных лиц и не подтверждалось смещение старых...

Тут архонт поднял палец:

– Но имелось одно «но»! Безусловно, все важнейшие решения должны поступать к нашему Господу и Им утверждаться. Однако мироздание огромно, Творец очень занят и не всегда отвечает на запросы своих чиновников. Поэтому миллиард лет назад, чтобы облегчить Творцу участие в управлении, установилась довольно простая процедура. Верховный стратиг, глава правительства Корпорации, принимает решение сам, отправляет свой вердикт Божеству по электронной почте и ждет десять дней. Если за это время наш Господь не отвергает решений стратига, то такое решение утверждается Сетью автоматически. Понимаете? Это значит, что важные решения Бог Смерти контролирует лично, неважные – пускает на самотек.

Аякс хмыкнул и продолжал:

– И что вы думаете? – Он всплеснул руками. – Наш общий друг, Верховный стратиг Нулевого Синтеза Тэдди Октавиан, воспользовался этим! После исчезновения Учредителя главы секторов руководители департаментов, судов, колоний и даже флотов назначаются им единолично. То же самое происходит с законами и указами, с постановлениями правительства и уставами колоний. Фактически на этот долгий период наш друг стал диктатором!

– Ну не надо сгущать краски, Аякс! – возмутился Октавиан. – Все это время, мастер Гор, ваш чистенький господин Верховный архонт и возглавляемый им ареопаг Нуля самозабвенно вставлял мне палки в колеса. И если бы не моя решительность, то Корпорацию накрыл бы хаос, все встало бы без движения и колоссальная восхитительная система, созданная нашим божественным Учредителем миллионы лет назад, оказалась бы на грани гибели!

– Под решительностью, сударь, – тут же парировал архонт, – мой оппонент понимает прямое насилие по отношению к коллегам по цеху, не так ли, Тадеуш? – Аякс посерьезнел. – Да будет вам известно, Гор, что этот самозванный «спаситель Корпорации» для утверждения собственной власти физически уничтожил более половины членов ареопага и несколько сотен демиургов, одним из которых чуть не стали и вы!

– Это ложь! – взревел Тэдди Октавиан.

Но Аякс, не обращая на него внимания, продолжал:

– И дело не только в том, что вы отказались сотрудничать с ним! – воскликнул он, снова всплеснув от негодования руками. – Как владелец компании, осуществляющей под заказ взлом информации, размещенной в ГИС, вы представляли для него опасность самим фактом своего существования. Ведь как *Тшеди* -взломщик вы могли получить доступ к любой информации! То, что кто-то кроме самого Октавиана может знать правду о его делах, должно было внушать Тадеушу настоящий мистический ужас, поскольку дела им творились невообразимые!

Гор посмотрел на Октавиана. Тот молчал, сопя от гнева и нервно покусывая нижнюю губу.

– Но почему, сударь, вы не остановили его? – поинтересовался Гордиан у Аякса.

– А что я мог?

– Ареопаг и еkkлeсия, насколько я знаю, могут отменить любой нормативный акт главы правительства и даже сместить с должности его самого!

– О да! – согласился Аякс. – Но они могут сделать это лишь полным составом, сударь, собрать же полный состав из двадцати восьми человек, каждый из которых владеет собственным миром-курортом, миром-гаремом или миром-игрой, да еще с разным течением времени, довольно затруднительно. Но даже не в этом дело! Октавиан, желая обезопасить себя, в первые же годы своего «правления» уничтожил шестнадцать из двадцати восьми архонтов, тайно проникая в их миры, уничтожая их самих, их пси-матрицы и даже аннигилируя сами их частные вселенные! Сначала мы не понимали, что происходит, списывая случившееся на отказы оборудования, аварии и катастрофы, но когда разобрались, в ареопаг некого было собирать!

– Ложь, опять ложь, – прошептал Верховный стратиг.

Архонт только усмехнулся, не обращая на эту реплику внимания:

– Вы скажете мне сейчас, мастер Гор, что можно было бы избрать новых членов ареопага, и... ошибетесь! – воскликнул Аякс. – Архонтов назначает Учредитель, либо, если ему недосуг, их кандидатуры утверждает еkkлeсия. При большом напряжении сил я мог собрать всю еkkлeсию и всех демиургов, но для того чтобы добиться от них решения о смещении главы правительства, мне пришлось бы объяснить им суть, рассказать об исчезновении Учредителя! Секретная информация стала бы достоянием масс, а это могло привести к непредсказуемым последствиям!

– И вы молчали? – заключил Гордиан.

– Да я молчал! Мне оставалось лишь наблюдать за действиями Верховного стратига и ждать. Я и несколько оставшихся в живых членов ареопага сумели на время отделить свои миры-резиденции от каналов Нуль-Синтеза и таким образом обезопасить себя от вторжения. Для сбора сил время в наших мирах нам пришлось максимально ускорить, чтобы успеть набрать войска для противодействия правительству и для создания резервов. И вот мы заперлись в своих доменах, собирая силы, готовясь к космической войне и прилагая немыслимые усилия для поисков исчезнувшего Учредителя...

Рассказчик сокрушенно покачал головой:

– То же самое, впрочем, делал и Октавиан, но в отличие от нас он заперся не в собственном частном кластере. Каким-то немыслимым образом, обобрав, должно быть, самого Учредителя, он получил доступ к другим Невонам – тем ста сорока трем Континуумам-Множественностям, что составляют Искусственное Мироздание, помимо Корпорации. Вы представляете?! Причин, по которым наш любезный собеседник выбрал Твердый Космос в качестве своей базы, я не знаю, однако то, что здесь происходило под его управлением, достаточно очевидно! Явившись сюда тридцать лет назад по летосчислению Корпорации, он ускорил здесь время! С тех пор по местным меркам минуло почти четыре тысячелетия. Он заменил собой местное божество, изменив – вы только вдумайтесь в это! – сам культ в местных храмах, объявив себя инкарнацией Бога Смерти! Инкарнацией Учредителя, черт меня раздери, понимаете?! Господь Хепри-Ра – это не кто иной, как Его превосходительство Тэдди Октавиан. И если это не богохульство, то уж измена – наверняка!

Но Гор пропустил последнюю реплику мимо ушей. Похоже, ответ на свой старый вопрос, касаемый смещения времени, он только что получил!

– Значит, здесь ускорено время? – спросил он тихо. – Я здесь два года, а сколько лет минуло в Корпорации?

Аякс усмехнулся.

– Как и в моих мирах, – ответил он, – время в Твердом Космосе в разные периоды сжималось по-разному. Но в последнее время – почти в триста раз! Когда здесь проходит год, в обычном времени Нуль-Синтеза минует лишь один день. Так что, хотя вы провели здесь более двух лет, с момента вашего неудачного Хеб-седа минуло всего два дня!

Гордиан ошарашенно помотал головой. Так вот почему кардинал и король могли связаться со своим трижды проклятым Господом не чаще, чем раз в полгода-год! У Хепри-Октавиана просто не находилось времени, чтобы чаще одного-двух раз в течение суток уделять внимание своим титулованным подчиненным.

– Этого не может быть, – прошептал он тихо. – Два года... Два дня!

Гор со злостью посмотрел на Верховного стратига:

– Дьявол, в такие игры со мной еще не играли!

– О, не спешите сыпать проклятиями, сударь, – заверил его Аякс, – смещение времен не самое страшное из того, на что вас обрек наш молчаливый собеседник. Итак, вы отказались сотрудничать с ним и представляли угрозу. И он решил! Естественно, не смея напасть на вас открыто эскадрами своих флотов, что вызвало бы возмущение в среде других демиургов, Октавиан решил действовать тайно. Его ударом стало вторжение нанятого программиста в процесс вашей реинкарнации, в Святая Святых нашей цивилизации, в личный Хеб-сед. Ваш убийца, мастер Гор, это он – Тэдди Октавиан!

Лицо Фехтовальщика сделалось суровым.

– Это правда? – спросил он резко.

– Именно это – да! – ответил Верховный стратиг, как сплюнул. – Не люблю щенков, которые из-за своих вшивых убеждений готовы подставить под удар всю вселенную! После своего отъезда из вашего кластера я отдал команду на однозначное стирание вашей личности из ГИС в момент перевоплощения! Жаль, что не получилось!

Аякс удовлетворенно кивнул.

– И не могло получиться, – заявил он. – Вы же помните, Гордиан, я обещал вас спасти! Так вот, желая обезопасить возможно единственного своего потенциального союзника, я отдал соответствующие распоряжения, и мой программист еще до вашего Хеб-седа отдал команду на ваше безусловное сохранение при любых обстоятельствах!

Гор помолчал, соображая.

– И что же случилось? – недоуменно поинтересовался он.

– Как что? – усмехнулся светловолосый архонт. – Да то, что и должно было! Обе команды сработали как надо! Ваша матрица исчезла из Корпорации, как того требовал мастер Октавиан, но в то же время она была сохранена, как того требовал я! Вы были стерты из одной системы, но при этом сохранились в другой – ближайшей. Этой «другой» сетью, как вы можете догадаться, стала компьютерная система Эшвенской церкви. Корпорация носит название «Невон-0144», а Твердый Космос Эшвена – «Невон-0143», всё логично! Твердый Космос – ближайшая к Корпорации, невообразимо похожая, но при этом совершенно независимая от Нуль-Синтеза структура. Компьютер просто выполнил обе команды самым простым и доступным образом, вот и все!

Аякс перевел дух, сам замороженный описанной им картиной сногсшибательной «машинной ошибки».

– Единственное, что омрачило ваше воскрешение, – продолжил он, – так это место и тело, в котором вы очнулись. Как вы уже знаете, Эшвенская церковь использует клонические технологии только для создания рабов и воскрешения шательенов. Для перемещения в тело шательена пришлось бы убить одного из них, стереть его личность, что для программы Хеб-седа абсолютно неприемлемо. Для рабов же пси-матрицы набирались из программных, несуществующих миров, и при занятии вами «рабского» тела никто бы не пострадал. Программа Хеб-седа оценила все варианты и приняла наиболее оптимальное решение.

– Ага, – в холодном бешенстве Гордиан сжал кулаки, – я стал рабом. И что же дальше?

– Да ничего! Все это время я был уверен, что мой программист ошибся и вы мертвы. Так же, насколько я понимаю, размышлял и наш противник. Однако час назад я получил от вас письмо, дубликат которого вы, вероятно, отправили и нашему другу Тадеушу. – Аякс показал изящной ладонью на стоявшего в напряженной позе Октавиана. – И вот мы здесь.

– Не совсем, – глухо проговорил молчавший все это время Верховный стратиг. – Я прибыл сюда не по письму мистера Гора, а по сообщению одного из своих местных «управляющих». Примерно час назад по времени Корпорации на плановом сеансе телефонной связи кардинал Амир рассказал мне о захвате медиума, которого он ловил весь последний год. Я знал, что дурацкое восстание, вспыхнувшее в подконтрольном мне сто сорок третьем Континиуме, возглавляет неизвестный *Тшеди* с потрясающим уровнем способностей. Я, конечно, заинтересовался, но не настолько, чтобы охотиться за местной диковиной сам. Я думал, что сил местной администрации вполне хватит как для подавления бунта, так и для отлова серва-экстрасенса. У меня и так было много дел, я носился по вселенным Нуль-Синтеза как угорелый в поисках следов нашего Учредителя. И как я ошибся! Признаю, если бы я знал, что это вы, мастер Гор, то я вылетел бы сюда лично без промедления.

Он покачал головой.

– Но что сделано, то сделано, а господин Аякс лжец. Вы можете мне не верить, но все, что он поведал в своем увлекательном рассказе про мою роль в уничтожении других членов ареопага, – вранье! Впрочем, это уже не важно. Покушение на вас действительно совершил

я. И именно я являюсь Господом Твердого Космоса, церковь и королевство которого подавляли вас все это время. Вы выбрали сторону, мастер Гор, и на ней вы будете сражаться! По телефону Амир сообщил мне, что взял медиума со странным именем Фехтовальщик, с именем, которого не могло быть в моей вселенной! Я велел ему сохранить для меня на диске пси-матрицу этого уникама для воспроизведения в лаборатории, а самого медиума по просьбе короля Бориноса разрешил оставить. Насколько я понял, сударь, уж больно сильно вы ему здесь насолили, и придурок решил лично с вами разделаться в своей привычной манере. Амир с Бориносом немного страдали этим. В смысле – садизмом. Самовлюбленные кретины! Видимо, я зря набирал кардиналов и королей из бывших солдат и менеджеров! Настоящие церковнослужители помогли бы мне больше! – Он махнул рукой: – Но не важно. Двадцать минут назад я спокойно собрался, сел на корабль и отправился сюда, чтобы забрать пси-матрицу загадочного экстрасенса и заодно покончить наконец с дурацким бунтом. Прибыл, осмотрелся, нашел Амира по сигналу его шунта и отправился сюда надрать негодяю уши. И обнаружил в теле Амира вас, мастер Гор. Признаюсь, был удивлен. Вот и все. Сообщений на почтовом ящике я не читал.

Аякс рассмеялся.

– Вы удивляете меня, Тэд! – воскликнул он, рассматривая свои ухоженные ногти. – За столько тысячелетий так и не научились читать сообщения электронной почты вовремя. И вот опять – в пролете. Получается, что ваше присутствие здесь есть результат заблуждения относительно личности нашего собеседника. Вы спутали Гора с Амиром, надо же! Ну-ну, не перечьте, вы ведь только что сами признались. Кроме того, сударь, если бы вы были знакомы с реальной ситуацией, то не явились бы сюда в сопровождении всего лишь двух телохранителей, это очевидно. У нас «пат», сударь!

– Ну отчего же? – Октавиан хищно оскалился. – Вы полагаете, мне не хватит двух космических десантников, чтобы сровнять с землей это место вместе с мастером Гором и его мушкетной армией? Да полно вам, Аякс, на нас боевые скафандры второго уровня безопасности. Сейчас я просто сожгу вас всех на хрен до последнего человека. Всех. Каждого. Разумеется, вы лично, Аякс, не пострадаете и очнетесь в новом теле где-нибудь в родном кластере. Но все стоящие здесь, включая нашего дорогого мастера Гордиана, умрут. Система сто сорок третьего Невона закрыта Гором сама на себя, и даже если он где-нибудь очнется в новом теле, то только снова в шкуре раба в одном из Эшвенских храмов, что означает – полностью в моей власти!

Он медленно обвел стоящих вокруг противников тяжелым и слегка презрительным взглядом.

Гор сглотнул. Негодяй был прав, его бойцы закованы в космические скафандры. За Октавианом стояла сила.

Бранд шумно вздохнул, переминаясь с ноги на ногу, но на него никто даже не посмотрел.

– Но я милосерден, – продолжил Октавиан ядовито, – а потому предлагаю всем следующий вариант. Неплохой. Для вас... Вы, Аякс, возвращаетесь отсюда к себе в кластер и спокойно живете дальше. Сервы уходят подобра-поздорову и занимаются своими делами. А Гордиан Рэкс поднимается ко мне на корабль и помогает в поисках Учредителя. Повторяю: все остаются живы. Более того, я даже готов предоставить определенные гарантии! Этот мир мне не нужен, и я оставляю его в распоряжении армии восставших рабов, пусть играют в свою свободу и свое равенство. И до тех пор, пока вы, Гордиан, будете со мной сотрудничать, они будут жить – подумайте, сударь, это вполне разумное предложение. Плюс большой денежный гонорар, само собой! Ну так как, по рукам?

Гор задумался. Все окружающие молчали, даже Аякс.

И это было понятно, ибо дальнейшее зависело только от него.

Что делать? Вечный вопрос...

На самом деле, стратиг бросал им вполне достойную кость.

Действительно, Гору не было существенной разницы, кому помогать – Аяксу или

Октавиану. Оба высшие иерархи Нуля, оба не бескорыстны. Оба просят содействия в поисках Учредителя, оба хотят нанять Гора на службу.

И оба предадут его, когда сочтут это выгодным!

А значит, если Тэдди Октавиан гарантирует безопасность Республике Трэйта, то прозвучавшее только что предложение являет собой приемлемый вариант. Это значит – конец войне, конец королевству. То есть победа?!

Но что так свербит в душе и почему так кошки скребут на сердце?

«Мне просто не нравится Октавиан!» – мелькнуло в голове Гора.

Человек, создавший эту бесчеловечную, извините за каламбур, систему, не достоин ни верности, ни преданного служения. Уже два года консидорий Гор, по прозвищу Фехтовальщик, и сотни тысяч взявшихся за оружие сервов сражаются с королем и церковью, обагрив кровью земли Эшвена. Но ведь Амир и Боронос, Бавен и Оттон, викарий Юсуф и Хавьер Великолепный, спецназовец по кличке Рыжий Пес и даже красавица Селена с Эльбинийской клерикальной базы – это всего лишь куклы!

Это ширмы, маски, за которыми скрывает свое лицо истинный Творец этого мира, господин всех рабов, лорд всех лордов и шательен шательенов.

Господь Хепри. Тэдди Октавиан...

И решение было принято.

Так же как два года назад, если считать по времени Эшвена, в своем дубовом кабинете на планете Залена, Господь Тринадцатимирья Гордиан Оливиан Рэкс поднял голову и прямо посмотрел на своего врага.

– Нет, – сказал он отчетливо и громко.

– Нет? – Октавиан был искренне удивлен. – Нет?! Да вы глупец, сударь! Вы отказываете мне уже второй раз, причем без каких-либо разумных оснований! Как я могу не желать вашей смерти в таких условиях? Ведь на карте судьба вселенной! Судьба всего Искусственного Мироздания! Аякс лжец, я не убивал архонтов, и это значит... А, к черту вас всех!

Его левая рука дернулась к уху, к кнопке, закрывающей шлем, и уже коснулась ее. Секционное забрало начало быстро разворачиваться сверху вниз, закрывая лицо неокружимой броней.

В это же мгновение руки всех людей в комнате метнулись к оружию!

Время застыло...

Гор видел. Дар *Тшеди* снова был с ним!

В огненно-красном цвете со всполохами от оранжевого до бурого окружающий мир завертелся, задвигался, закружил. Вот очень плавно, разрубая прицелами воздух, но дерзко, решительно дернулись АШКи обоих космических десантников.

Где-то слева Бранд воздел в воздух огромный топор, чтоб метнуть его в сторону врага.

Где-то справа Крисс, Трэйт и стоящие рядом консидории развернули рыла своих пистолетов!

Аякс поднял руку. Открытую, пустую, но привязанную тысячами незримых нитей к шунту и к странной сверкающей точке в основании изящной ладони.

И все они не успевали!

Плюнув пламенем, с дьявольской эффективностью высокотехнологичного оружия заработал ствол первого спецназовца, скашивая стоящих в зале людей, как серп луговую траву.

Мешком рухнул Крисс, а за ним стоящие рядом солдаты – разрезанные напополам тела свалились к собственным сапогам запекшимися кусками. Спасения не было.

С огромной дырой в груди, размером в добрую дыню, в нелепом движении застыл мастер Трэйт. А уже в следующее мгновение его тело, лишенное части позвоночника и ребер, сложилось пополам, голова гулко стукнулась, расплескивая содержимое. Стукнулась о печеное рагу из товарищей, растерзанных скачущим по комнате лучом!

Сгустки плазмы ударили в стороны, в стены, в дверной проем, из которого рванули

внутри мушкетеры. В окна, через которые метнулись в комнату драгуны. Солдаты отчаянно, невзирая на смерть, бежали вперед, не останавливаясь, и падали оплавленными свечами!

В тот же миг топор Бранда достиг своей цели. Запущенный могучими руками, длиннодревковый метательный снаряд буквально снес стреляющего по сервам бойца, выбив его в окно как кеглю с высоты пяти этажей! Да, броня космического скафандра недостижима для его лезвия, но инерция, скорость, вес! Топор был слишком тяжел.

Один готов!

Увидев, как вылетает в окно товарищ, второй охранник с плазмобоем резко развернулся. Ничтожное шевеление ствола – и Бранд упал со срезанной выстрелом головой, но тут же упал и убийца, сраженный прозрачным светом, вырвавшимся из пустой, казалось, руки Аякса.

Танцы смерти! Все это промелькнуло перед Гором за секунду, смешавшись в дикой пляске плазменных сгустков и пороховых залпов. За одну лишь секунду! От начала и до конца этой секунды он сам падал, описывая головой дугу сверху вниз, с уровня, где воздух вспарывали выстрелы, до пола в паркетных досках.

Но за мгновение до начала этой бешеной свистопляски, молниеносного комнатного боя, уже унесшего души его ближайших товарищей, что-то холодное и в то же время обжигающее коснулось его виска. Чуть искривило траекторию и метнулось дальше, по направлению к цели. Гор не успел осознать, что это было – пуля, сгусток плазмы или стрела.

И вдруг все стихло.

Осторожно отталкиваясь непослушными руками от пола, Гордиан чуть приподнялся и сел. Голова кружилась. Из живых в комнате остались только стоящий прямо Аякс и Никий, почему-то, как и Гордиан, сидящий на корточках, прижавшись руками к полу. Все остальные были мертвы.

Гор поднял руку к правому уху – висок заливала кровь, а верхняя часть ушной раковины отсутствовала.

Он, как во сне, посмотрел на Никия.

– Прошу прощения, командир, – сказал молодой офицер, смущенно улыбаясь, – извини за ухо. Просто стоял я, понимаешь, за Брандом, чуть сбоку, вот и пришлось, так сказать, скользящим рикошетом, скорректировать полет метательного кинжала через твой висок. Но зато я попал!

Обалдевшими глазами Гор глянул перед собой.

В самом центре бойни, раскинув руки, как будто в посмертном распятии, картинно лежал Тэдди Октавиан в космическом доспехе, шлеме и... с ручкой здорового метательного кинжала, торчащего из середины лица.

Секционная броня шлема не закрылась, упершись в лезвие и оставив открытой челюсть и нос. Кинжал торчал прямо оттуда, чуть выше скулы и немного левей переносицы.

Гор снова посмотрел на Никия. Тот сидел немного левее и сзади, сразу за массивной тушей Бранда, разрезанного лучом.

И Гор понял. Никий не мог метнуть кинжал так, чтобы попасть в Октавиана прямо, ибо его закрывали Бранд Овальд и сам Фехтовальщик.

И он бросил свое оружие по дуге!

Кинжал ударил Гора в висок, а затем, срезав ухо и изменив траекторию от удара плоскостью лезвия в череп Фехтовальщика, вошел бессмертному стратигу Нуль-Синтеза прямо в клонированную рожу отточенным острием. Классный бросок!

– Ну понимаешь, – продолжал тем временем оправдываться Ник, – ты ведь все делаешь лучше, чем я. Ты лучше со шпагой, лучше в стрельбе. А вот ножи кидаешь так себе. Ну я и подумал, превзойду тебя хоть в чем-то! Почти год тренировался, представляешь?

Он встал. По-видимому, Бранд, оказавшийся в момент схватки прямо перед ним, спас Ника от картечи и АШК. Заслонил от смерти. С другой стороны, удар метательного кинжала в висок снес Гора на пол, тем самым укрыв экс-демиурга от прыгающих по комнате смертоносных лучей.

– А вообще-то, нормально получилось, – обзрев поле бойни, заметил под конец молодой консидорий. Вокруг лежали друзья, однако близость смерти, последние два года сопровождавшей их постоянно, притупляла в бойцах человечность. Они с Гором живы, и значит – хорошо.

Фехтовальщик еще раз посмотрел на Никия, на Аякса, на мертвого Тэдди Октавиана, на свежие тела павших товарищей. Затем отер ладонью кровь с изуродованного, лишенного уха виска, с размаха хлопнул себя по коленям и раскатисто, звонко, истерически захохотал.

Глава 9 Снова в путь

Воскрешение займет год.

Предателя правителя – не воскрешаем.

Аппарат пискнул, сообщая операторам, что процесс реинкарнации завершен.

Гордиан Оливиан Рэкс, диадох Седана, демиург Корпорации Нулевого Синтеза, властелин тринадцати сотворенных планет и собственной частной вселенной, бывший бог и бывший поваренок, чемпион боссонских авеналий и мушкетерский полковник, а ныне еще и Господь Твердого Космоса, с трудом прогоняя нервные импульсы по только что синтезированным мышцам брюшного пресса, сел внутри клонической колбы.

Крышка колбы с жужжанием открылась и явила миру костистое тело узкоплечего, но жилистого полуподростка.

Да, именно так! Гор отказался от великолепных клонических оболочек, предлагаемых ему на выбор программой Хеб-седа. Рослые гиганты, красавцы с атласной кожей, груды мышц, точеные лица женских соблазнитель...

Он послал их к черту. Он выбрал тело, к которому привык за два года безумных мытарств по этой проклятой планете.

Жалкое тело раба. Непобедимое тело чемпиона дуэльных схваток.

Поджарое тело солдата, закаленное походами и боями. Тело бойца.

Тело, в котором он познал Лисию.

Тело, в котором он разил своих врагов.

Напрягая непослушные руки, Гордиан вылез из колбы.

На него глядели, сверкая начищенным оружием, воскрешенные час назад Бранд, Крисс и конечно же маршал Трэйт собственной блистающей латами персоной.

Неразлучный Никий, герой последней схватки с Тэдди Октавианом, бравый мушкетер и «богоубийца», стоял тут же, вытянувшись перед возрожденным командиром «в струну». Впрочем, и другие, включая маршала Трэйта, стояли почти так же. Выправка, мать ее за ногу! Пятка к пятке, носки в стороны, бравую грудь – колесом!

– Вольно, – сказал Фехтовальщик автоматически. – Вы чего это, братцы? Расслабьтесь, чай я не Боринос.

– Да мы так, – смущаясь, прогудел Бранд, – из личного уважения, а не по уставу.

– Ну отчего же «не по уставу», – заметил Крисс. – Гор ведь у нас теперь не только вместо Его величества короля, но и вместо самого Господа Хепри. Натуральный бог, можно сказать!

Трэйт же просто шагнул вперед и крепко прижал Гордиана к своей могучей груди.

– Спасибо, – просто сказал он.

Чуть дальше стоял Аякс, маяча, как и в прошлый раз, в раскрытом дверном проеме. Привычка у него, что ли, такая?

– С удачным Хеб-седом, сударь! – сказал древний, как мир, архонт и изысканно поклонился.

Роскошные волосы цвета платины бледной россыпью разбрызгались по плечам, закрывая прекрасное лицо с нежной шелковой кожей. Чудесные ресницы, достойные юной

девы, прикрыли глаза, видевшие рождение вселенных. Он трогательно приложил руку к груди. Форма ладони была совершенна, а ногти ухожены до невозможности.

«С удачным Хеб-седом! – повторил мысленно Гордиан Рэкс. – Воистину...»

Прошли уже сутки с момента, когда Тэдди Октавиан упал в Пашкот-паласе с кинжалом в голове. События в 143-й Множественности Искусственного Мироздания все это время стремительно неслись вперед. По большому счету, в момент, когда Гордиан Рэкс вошел в центр управления храма в Эльбинике, королевство рабовладельцев пало и сервы по всем провинциям безграничного планетарного королевства сбросили ошейники.

Шательены и церковники упали, сраженные внезапной летаргией.

Силовые поля над твердынями церкви схлопнулись фиолетовыми пузырями. Оборудование для синтеза материи и энергетические установки стали добычей рабов.

Либер Рихмендер, единственный из руководства армии, не участвовавший в финальной схватке в Пашкот-паласе, а потому оставшийся в живых, за это время направил части Равных к ближайшим континентам и удаленным планетам-кавернам через порталы храмов. Знамена Республики взвились везде, куда ранее простиралось королевство Бориноса Вечного.

Сам Гордиан Рэкс, как профессиональный взломщик, прежде всего занялся изучением Эшвенской системы. Познакомившись с архитектурой и программным обеспечением этого потенциального конкурента Нуль-Корпорации, он был очень удивлен. Тэдди Октавиан, он же Хепри, действительно обладал уникальными возможностями, недоступными не только рядовым демиургам Нулевого Синтеза, но даже архонту Аяксу.

В частности, он имел доступ к неизвестным технологиям реинкарнации. Случай с воскрешением Хавьера, после того как на поле под Шерном Гор вырезал ему шунт, прояснился. Храмы могли воскрешать не только подключенных к шунтам, но и вообще любых существ, умерших в Твердом Космосе!

Король, епископы и некоторые из их приближенных, в число которых входил и Хавьер де Катрюшен, могли быть воскрешены независимо от работоспособности шунта в момент смерти. Пси-матрицы погибших считывались непосредственно с затухающего мозга мертвецов спутниками, вращавшимися внутри планет-каверн. Естественно, данная возможность скрывалась от большинства обитателей этого мира.

Это был уникальный шанс, и Гор не замедлил им воспользоваться.

Получив доступ к клоническим технологиям, новый Господь Твердого Космоса, апостол и кардинал в одном лице Гордиан Рэкс, по прозвищу Фехтовальщик, решил воскресить всех солдат, павших во время войны. Именно «всех солдат», а не только «всех сервов» или «солдат Республики».

Жертвы двухлетней кровавой бойни на полях Эшвена, до последнего человека, исключая, быть может, единичные экземпляры особо ретивых врагов восстания, таких как сам король Боринос или кардинал Амир, стали один за другим пробуждаться в палатах реинкарнации. Вся процедура, учитывая количество убитых и умерших от ран, должна была занять, без малого, год, а то и более, однако Гордиана это совершенно не останавливало.

Светлые чудеса!

Столица Республики ликовала. Воскрешались даже павшие шательены, и хотя тех из них, кто прославился наиболее жестокими преступлениями против сервов, лишили бывшей собственности, в живых оставили почти всех. В некотором роде в обществе возник великий «социальный консенсус», свободные снова жили бок о бок с сервами, сбросившими ошейники. Бойня прекратилась, и воцарился мир.

Постепенно приходила в себя и церковь.

Викарий Юсуф, воскрешенный Гором одним из первых, возглавил эту обновленную псевдорелигиозную организацию, занявшуюся после своего разгрома снабжением молодой Республики промышленными товарами и синтезированным зерном. Практически все осталось без изменений. Разрушения, причиненные храмам сервами после снятия силовых полей, были исправлены. Гвардия кардинала, великолепные красноплащники, клерикальные мушкетеры, батальон спецназа с Псом Рутгером и даже восстановленный Священный легион

из киборгов присягнули новой власти.

Разница заключалась лишь в одном – вместо Господа Хепри в качестве объекта канонизации отныне повсюду фигурировал некто по имени Гор Фехтовальщик, Тринадцатый пророк.

Господь и Человек в одном лице. Богочеловек.

Трэйт по-прежнему оставался Верховным маршалом и диктатором Республики.

По личному требованию Гора новый уитанагемот или ассамблея не должны были собираться до тех пор, пока не закончится «большая война» не только в Твердом Космосе, но и противостояние в Корпорации Нулевого Синтеза.

Дело в том, что когда кинжал Никия вышиб дух из брэнной оболочки Тэдди Октавиана, где-то в неизвестных далях Искусственного Мироздания разумные Хеб-сед-машины начали процесс его реинкарнации.

Ни Гор, ни Аякс ни на секунду не сомневались в том, что мятежный стратиг Корпорации, самоназванный «Господь Хепри», присвоивший себе славу Аннубиса, и лжесоздатель Невона-0143, где-то воскреснет. Воскреснет, несмотря на всю замкнутость Твердого Космоса и на программные ограничения, наложенные Верховным архонтом.

Огромный космический линкор, на котором Тэдди Октавиан прибыл на сто сорок третий Невон, исчез из неба над Бургосом спустя всего минуту после смерти своего хозяина. Как видно, смерть Верховного стратига повергла в шок экипаж корабля, и они не решились вступить в бой с противником, сумевшим уничтожить их лидера, хотя бы даже временно.

Да это им и не удалось бы. Ручное оборудование, с которым Аякс явился на Невон, позволяло без труда расправиться даже с небольшим космическим флотом, а не только с единственным линейным кораблем.

Однако Гор не питал иллюзий: он прекрасно понимал, что решающая схватка с Верховным стратигом еще впереди.

Как только решились насущные вопросы безопасности и снабжения, Гор немедленно переключился на задачу, которая все это время, как заноза, сидела у него в сердце. Получилось так, что все долгие месяцы войны Гордиан не мог планомерно отвлекаться на поиски Лисии, но думал о ней постоянно и так или иначе шел по следу, который окончательно потерялся всего несколько недель назад, когда события понеслись вперед со скоростью урагана.

Теперь у него появилась возможность использовать всю свою обретенную власть в этом мире для решения своей личной проблемы. Прежде всего, как только воскрешенные служащие храмов присягнули ему на верность, он через пространственный портал Пашкот-паласа послал в Харторикс викария с отрядом клерикальных гвардейцев, чтобы узнать, что случилось с девушкой в адской круговерти последнего месяца войны.

Красноплащники прочесали город-порт, облазили каждый квартал, но обнаружили только пепелище на месте загородного борделя и полуразрушенный бесчинствами отступающих королевских солдат и бандитов дом Брегорта в самом Харториксе.

Новоиспеченный бог Эшвена только скрипнул зубами и задействовал все доступные ему средства.

Спутники прочесывали поверхность планеты-каверны день и ночь, всматриваясь в лица ползающих внизу людей, однако безрезультатно – Лисию найти не удавалось.

Патрули габеларов по всей территории, где к этому времени уже развернулись отряды Армии Свободы, обыскивали частные гаремы и публичные дома, осматривали больницы и приюты, но всё безрезультатно.

К сожалению, спутниковая система, фиксирующая сознание каждого жителя планеты, регистрировала их только по номеру, полу и возрасту. Данные об именах содержались лишь в отношении прошунтованных лиц, в основном шательенов и церковников, в число которых Лисия не попадала. Соответствующие рабским номерам имена присваивались электронными реестрами койнов, но ошейник с Лисии снял лично Гордиан еще в Бронвене во время таких далеких сейчас боссонских авеналий.

Не находя себе места, Гор перебирал самые фантастические варианты, одним из которых могло быть похищение девушки Аяксом или Октавианом, чтобы потом шантажировать нового Господа Эшвена. Но могло быть и так, что Лисия просто мертва, а ее матрица стерта из Эшвена врагами Фехтовальщика.

Других предположений просто не оставалось: ведь если она жива и ее матрица не уничтожена, то Лисия должна была возродиться вместе со всеми, павшими на этой войне. Но если она снова здесь, то почему не обратилась к ближайшему патрулю с требованием доставить ее к любимому?

Информация пришла, как всегда, внезапно, в тот миг, когда Гор почти отчаялся.

В этот день по заданной программе компьютер эльбинийского храма просматривал реестры всех зарегистрированных в системе лиц – именные шунты шательенов и церковнослужителей, данные бывших койнов бывших рабов, матрицы сервов, воскрешенных Гором и проименованные им в новом реестре. Машина делала эту нудную безрезультатную проверку ежедневно каждый час в течение всего дня, без перерывов.

Гор сидел неподалеку от главного пульта и устало просматривал периодически выдаваемые системой пакеты информации. Казалось, что голова уже кружится от бесконечного потока данных, среди которых, словно песчинка в пустыне, могло затеряться одно-единственное интересующее его имя.

Отупляющая ритмика этого нудного процесса неожиданно была нарушена ворвавшимся Никием, который протянул соратнику по борьбе, а ныне своему повелителю запечатанный конверт.

– Из Антики, сэр, от лорда Брегорта, сэр! – отчеканил он одним духом, вытягиваясь, как на плацу.

Лицо Никия оставалось напряженным, так как он понимал, что вести могут быть как и радостные, так и дурные.

Гор немного заторможенно, в тягостном предчувствии взял и распечатал конверт.

«Ваша Светлость! – писал Брегорт. – Нижайше довожу до Вашего сведения, что любезная Вам Лисия находится у меня в поместье Брегорт, континента Антика, округа Митополь, Антийского Каскада...»

Гор хотел вскрикнуть от радости, но сил почему-то не осталось, и он лишь махнул рукой Никию, сдавленно выговорив короткую фразу:

– Собирайся, мы отправляемся!

Сборы были недолгими. Новый бог местной вселенной испросил у Трэйта отряд драгун в качестве группы сопровождения (кардинальской красной гвардии он пока не доверял), собрал свой убогий скарб, поместившийся в один заплечный ранец, прицепил к поясу шпагу, кинжал для левой руки и по привычке нахлобучил на голову серую шляпу мушкетера с пером.

Сейчас отличий от его старого походного костюма полковника артиллерии имелось всего два – вместо пистолей в поясных кобурах торчали бластеры, а вместо мушкета за спиной – лучевое ружье. Ну и в виске блестел шунт, обеспечивавший его связь с системой Хеб-седа и огненными башнями, в первую очередь, и делавший его богом – неуязвимым и разрушительным.

Однако отъезд суждено было отложить еще на какое-то время – почти перед отбытием на юг в это утро к Гордиану явился Аякс.

Над Заком Сгорающего Дракона, а именно там, в бывших апартаментах Бориноса, размещалась теперь официальная резиденция новоявленного Господа Твердого Космоса, зависли два космических корабля средних размеров. Проигнорировав на этот раз свои возможности к телепортационным переходам, Аякс спустился вниз на обычном гравитационном каре и ступил в старый королевский кабинет прямо с балкона.

– Какие лица! – вскричал Гордиан Рэкс, отрываясь от укладки своих немногочисленных походных принадлежностей. Он понял, что визит этот неспроста – слишком сложен этот мастер Аякс, чтобы вот так, за здорово живешь, заявляться в гости.

– День добрый, сударь, – сказал архонт вежливо.

Гор в ответ поклонился.

– Добрый, сударь! Что-то стряслось?

– Ну что вы, – сказал гость, – я просто явился еще раз засвидетельствовать вам свое почтение. Узнать, как самочувствие. – Аякс улыбнулся. – Узнать, какие планы...

– О, сударь, последнее, я уверен, наверняка является более важным обстоятельством, чем выражение почтения, верно? – рассмеялся Гордиан. – Каковы мои планы? Да, собственно, никаких специальных планов пока нет. Я счастлив, рад и удовлетворен. Что еще сказать? Я получил новое тело, я возвращаюсь домой, враг разбит, друзья живы. И, сударь, я наконец-то отыскал свою девушку, так что скоро буду счастлив полностью. Вот и все!

– И все, вы так полагаете? – Аякс с сомнением изогнул бровь. – Не думаю, сударь, не думаю. Корпорация по-прежнему находится в жесточайшем кризисе, как и само Искусственное Мироздание. Смерть Тэдди Октавиана – явление временное, и его уничтожение вашим юным товарищем не решает всего сонма проблем.

Гор прекрасно понимал, куда клонит старый политик, и, торопясь отправиться в путь, только пожал плечами.

– Опять хотите предложить мне работу? – воскликнул он. – Учредитель Нуля, древние тайны, поиски божественного начала... – Он покачал головой: – Мне триста шестьдесят два года, сударь, и главное, чего я хочу после двух лет мытарств по этому жестокому миру и купания в реках крови, это отдых в родном Тринадцатимирье. К тому же временно или нет, но Октавиан мертв. Насколько я понимаю, на время, пока Верховный стратиг отсутствует, его полномочия переходят к председателю ареопага. То есть к вам! Используя коды еkkлeсии, вы можете заблокировать Хеб-седы Октавиана в пределах всей Корпорации так же, как он когда-то заблокировал мой. Разве я не прав?

Аякс помедлил, рассматривая собеседника чуть прищурившись, затем отрывисто кивнул:

– Вы правы, более того – это уже сделано. Нигде в пределах Корпорации Тэдди Октавиан возродиться не сможет. Но мастер Гор, – архонт сокрушенно покачал головой, – неужели, глядя на простирающийся вокруг вас удивительный Мир Приключений, на замкнутую вселенную, которая не связана с Нулевым Синтезом ни временем, ни пространством, вы склонны питать иллюзии? Искусственное Мироздание включает в себя сто сорок четыре огромных континиума, каждый из которых состоит из бесчисленного количества Вселенных, каждое из которых несет внутри себя множество планет. Мы же с вами контролируем пока лишь две из этих Множественностей. И Тэдди Октавиан воскреснет, я готов поставить на это все что угодно! Кризис не будет исчерпан до тех пор, пока узурпатор окончательно не упокоится или пока не будет найден Учредитель!

Гордиан вздохнул.

– Я прекрасно понимаю, что с нашим противником вряд ли покончено, – печально согласился он. – Но по большому счету мне нет особого дела до кризиса Множественности, по крайней мере, в ближайшее время. Я только что нашел свою женщину, и мне нужен определенный срок, чтобы рассказать ей о том, что я снова ее покидаю. Но, сударь, не унывайте – мне интересно то, о чем вы говорите, так что, быть может, я присоединюсь к вам. Но где-нибудь через стандартный локальный год, не раньше!

Тонкие губы Аякса расплылись в усмешке.

– О, сударь, вы серьезно заблуждаетесь, – энергично произнес он, – ибо вы уже присоединились ко мне. Вам нет дела до кризиса? Вам просто «интересно»? Но кризису, сударь, есть дело до вас! Тэдди мстителен, он не забудет о вашей роли в его убийстве. Учитывая, что на сегодняшний день наш экс-стратиг обладает техническими возможностями, во много раз превышающими все, что только можно себе представить, было бы непростительным самообманом сомневаться, что он рано или поздно достанет вас еще раз. В Нулевом Синтезе, в Твердом Космосе – да где угодно!

Аякс встал и прошелся по комнате. Легко было догадаться, что результат беседы его

совсем не удовлетворяет.

– А знаете что, друг мой? – воскликнул он с неожиданным оптимизмом. – Я делаю вам серьезное предложение – я приглашаю вас на Совет архонтов! На самом деле, Гордиан, когда закончите здесь свои личные дела, приезжайте в кластер Уасет, столицу Нуль-Корпорации. Там мы встретимся с другими архонтами, с преданными нам стратигами, эфорами, диадохами, хилиархами, геронтами, эпархами, да, господи, со всеми, кто управляет нашей чудовищно огромной Множественностью Нулевого Синтеза. Теперь вы, можно сказать, властелин собственной Множественности, равной по статусу всей Корпорации Нуля. Вы включены в число вершителей судеб Искусственного Мироздания уже одним этим фактом. И если одна Множественность не в состоянии справиться с проблемой, то, быть может, с ней справятся две вместе? Твердый Космос и Нуль-Корпорация – таков будет наш союз! Приезжайте, и тогда, возможно, слова тысяч людей убедят вас сделать то, в чем вы отказываете мне. Сделать правильный выбор!

Гор в раздумье слегка наклонил голову набок.

– Уасет, – медленно произнес он, словно пробуя слово на вкус.

Скрытая столица Нуль-Синтеза, своего рода Новые Фивы. Космический куб, колоссальная тайная планета, откуда управляются рукотворные вселенные. За всю свою долгую карьеру Гордиану Рэксу доводилось там побывать лишь дважды...

– Год, не год, но приезжайте через месяц, – продолжал настаивать Аякс. – Уверен, месяца вам хватит, чтобы отдохнуть и разобраться со своими личными делами. Я же за это время соберу оставшихся членов ареопага и прочих магистратур, готовых присоединиться к нашему союзу. К этому же сроку, я полагаю, немного прояснится и ситуация с Тэдди Октавианом.

Гордиан задумчиво потер подбородок.

– Полагаю, месяца должно хватить, – сказал он наконец. – И если вопрос поставлен таким образом, то я, конечно, прибуду.

Аякс удовлетворенно кинул:

– Вот и отлично! Тогда жду вас в условленный срок в нашем столичном кластере.

Архонт уже развернулся к балкону, у которого висел гравикар, но неожиданно задержался.

– Скажите мне, Гор, – спросил он через плечо, – а кроме меня и Октавиана, вы отправляли с Невона – сто сорок три письмо кому-нибудь еще?

Гордиан пожал плечами:

– Да, сударь, как это ни странно. Вы будете надо мной смеяться, но кроме вас я умудрился отослать сообщение еще и Учредителю Корпорации.

– Вам известен электронный адрес Бога Смерти?! – Удивлению Архонта не было предела, а взгляд почти превратился в острие кинжала.

– Нет, я отослал сообщение наугад, просто по имени. А что, письмо дошло?

Аякс отвернулся, уставившись куда-то в окно. Лица его не было видно, и Гор дорого бы дал, чтобы увидеть чувства, отражавшиеся на нем.

– Видимо, да, – медленно, почти по слогам произнес бессмертный Архонт. – Впервые со времени своего исчезновения, впервые за тридцать лет, с адреса Учредителя мне пришел запрос. Станный запрос, сударь, как будто писал не Он, Бог Смерти, наш Господь и хозяин, а некто другой.

Аякс мотнул головой, как бы стряхивая оцепенение, махнул в знак прощания рукой и снова направился к открытому балкону.

– И знаете что, мастер Гор? – крикнул он, уже садясь в гравикар. – Проверьте-ка свою почту. Я думаю, вы найдете там много интересного для себя. Анх-уджа-сенеб, сударь. И до скорого!

Гор в изумлении присел в кресло. Признаться, отправляя послание Аннубису, он не рассчитывал на ответ, а сделал это в том состоянии отчаянной безысходной решимости, в котором пребывал, только-только вырвавшись из прежнего изувеченного и раздираемого

нечеловеческой болью тела.

Эта новость требовала отложить даже поездку за Лисией до того момента, пока он не узнает, что именно может находиться в личной почте Гордиана Рэкса в кластере Тринадцатимирье Множественности Нуль-Синтеза.

Для нового правителя Невона-0143 и одного из сильнейших *Тшеди* всех известных вселенных не составляло труда через общую сеть Искусственного Мироздания войти на личный сервер в одном из кластеров Невона-0144 и развернуть перед собой поступившее послание.

Заставляя себя не спешить и еле сдерживая дрожь во внезапно непослушных руках, Гордиан активировал почтовую программу и кликнул иконку единственного письма.

Текст гласил:

«Анх-уджа-сенеб!

Гордиану Рэксу, демиургу Корпорации Нулевого Синтеза, демарху!

Властелину Твердого Космоса, Господу и Апостолу!

От лорда Аннубиса – Хайре!

Мастер Гор! Учитывая обстоятельства, в которых я оказался, прошу простить меня за некоторую краткость в изложении событий и отсутствие надлежащих пояснений. Если Вы читаете это письмо, то, вероятно, меня нет в живых или же я близок к указанному и, прошу заметить, весьма необычному для Бога Смерти состоянию.

В любом случае примите от меня посылку. Возможно, это последнее, чем я могу послужить созданной мной вселенной и моему Человечеству.

Memento mori!

Многих реинкарнаций и славной смерти в конце!

Искренне Ваши, Творец Искусственного Мироздания, Учредитель Нуля, лорд Аннубис Хептиамент Египетский.

P.S. Это Пшент! Использовать осторожно».

В правом нижнем углу экрана появился восклицательный знак и замигала надпись:

«Прикреплена молекулярная матрица! Прикреплена молекулярная матрица!»

Гор осторожно кликнул на надпись.

«Желаете синтезировать объект? – спросила машина. – Да/Нет?»

Еще бы он этого не желал!

«Да», – кликнул Гор, разумеется.

Аппаратура для синтеза материи, встроенная прямо в шкаф чуть ниже и левее компьютерного стола, легонько зажужжала, замолкла и мигнула зеленым, показывая, что процесс синтеза материального объекта с только что полученной электронной матрицы завершен.

Господь Гор откинул дверцу, и электронные доводчики упругим движением плавно выдвинули полку наружу. В приемном лотке материализатора, словно на блюде простой микроволновой духовки, лежал широкий браслет желтого металла со вставками из черных самоцветов. Сделан он был довольно грубо и выглядел очень древним.

Подделка? Орнамент на браслете на взгляд Гордиана смотрелся довольно примитивно – жесткие прямые линии, угловатые символы. Египетский стиль, точно!

Египетский?! Гор сам поразился внезапно всплывшему в голове слову.

Что такое «египетский»?

Он поднял материализованный предмет и прикинул вес на руке. Ого! Браслет явно сделан целиком из ишеда. Серьезно.

«Это Пшент», – гласило письмо.

Один из кодов Учредителя, «Нижняя Корона»!

Первый Код, гарантирующий власть над Нуль-Корпорацией, Твердым Космосом и, пожалуй, любым другим из ста сорока четырех Невонов, составляющих Искусственное Мироздание Бога Смерти.

Согласно легендам существовало всего два таких «материализованных» кода.

Первый, «Пшент», являлся кодом для управления в рамках Системы. Он обеспечивал власть над существующими мирами, над всей машинерией и над Сетью.

Второй звался «Атеф» и, в отличие от «Пшента», не обеспечивал ничего и никому. Он считался чем-то вроде ключа для взлома Системы, тайным паролем, необходимым для уничтожения Искусственного Мироздания или... или для создания Нового.

И Пшент и Атеф существовали только в единственном экземпляре. Считалось что Сеть Искусственного Мироздания контролирует все существующие миры и все аппараты Нуль-Синтеза, работающие в них, поэтому до тех пор, пока не уничтожен один Пшент или один Атеф, нигде, никем и ни при каких условиях не мог быть сотворен второй...

Фехтовальщик задумчиво покачал головой и, как будто делал это всегда, автоматически застегнул браслет на запястье. Тот лег на узкую кисть как влитой.

«Значит, это Пшент, – подумал Гордиан Рэкс. – Значит, Пшент».

* * *

Длинными коридорами Гор прошел из королевского кабинета в комнату телепортации. Она находилась на нижних ярусах дворца, и на пути пришлось миновать множество помещений.

Пока Фехтовальщик шел, ему многое вспомнилось.

Воистину время – странная вещь, думал он. Когда ты в нем, то ждешь – не дождешься, пока оно истечет. Но как только заканчивается определенный период жизни, в сердце вползает предательская ностальгия по ушедшему. Гордиан смотрел по сторонам, иногда даже трогал поврежденные мушкетной картечью картины и гобеленовое полотно и думал о событиях, которые никогда более не повторятся в его жизни, и о людях, с которыми он их разделял.

Да, сразу после победы судьба раскидала храбрых повстанцев.

Трэйт остался диктатором и главой государства.

Рихмендер возглавил министерство Армии и Генеральный штаб, Циллий Абант – новое гражданское правительство, а его вилики – отраслевые департаменты. Сардан и Лестат, Рашим и Самсон остались во главе своих «легионов» и в качестве таковых возглавили в должности губернаторов целые области павшего «вселенского королевства».

Сардан возглавил Артош и Боссон, Лестат – Артону, Роббер – Тысячеградье, Самсон – гигантский Антийский континент, а Рашим, бывший мертвецом почти половину войны и воскрешенный всего неделю назад, внезапным вывертом судьбы стал наместником Эльбиники.

Биллон и Карум, напротив, остались в Бургосе и вошли в Генеральный штаб в качестве высших офицеров, распределив между собой столичные кавалерийские полки и корпуса инфантерии.

Эти люди останутся здесь и будут строить новое будущее этой вселенной. Воистину в Эшвене наступала новая эпоха, время, уже названное скорыми на язык бардами «Эпохой Фехтовальщика». Но какой действительно станет эта эпоха – решать не ему. Только им самим. «Мир Приключений» менялся решительно и бесповоротно. И – навсегда.

И все же имелись люди, которым с местным «новым временем» было не по пути. Как оказалось, Бранд, Крисс, Дакер и, конечно же, Ник, свое будущее представляли себе кардинально иначе.

Как только Аякс ушел, они завалились к Гордиану в комнату все вчетвером.

– Как жизнь? – спросил Бранд, как всегда, первым и, как всегда, в случаях, когда речь шла не о пробивании железом голов, а об обычном общении, несколько нерешительно.

Хотя с момента воскрешения и канонизации Гора прошла уже в общем-то уйма времени, неистовый в битве великан-консидорий по-прежнему комплексовал в беседе.

Господь, он ведь и есть Господь, даже если раньше ты пил с ним дрянное пиво и бил его в морду.

– Нормально, – ответил Гор, посмотрев на друзей. – Вы чего?

– Уезжаешь?

Фехтовальщик пожал плечами.

– Да, пора, други мои, и так я у вас засиделся. Вот заберу Лисию и отправлюсь к себе домой. К тому же с окончанием войны в Эшвене мои проблемы совсем не кончились. Так что, боюсь, мне еще придется повоевать.

– Ну-ну, тебе виднее, конечно, – протянул Крисс. – Но «у нас» – это громко сказано. Я вот, например, в Боссоне не родился, а так же, как и ты, клонирован в колбе. Моя родина – пустая компьютерная программа, выдуманный мир.

– И у меня, – сказал Дакер.

– И у меня, – сказал Ник.

Бранд насупился и выдал, как всегда, напрямик:

– Вообще-то я, судари мои, коренной боссонец, а Лавзея мой дом, но... – Тут он пошевелил могучими плечами. – Но война здесь закончена и делать, я считаю, мне здесь больше нечего. А вот если еще где-то мечом помахать – то я иду с вами!

При этом он так свирепо оглядел всех присутствующих, что стало ясно: Бранд даст по башке любому, кто запретит ему резать падаля на космических просторах.

Гор почти нежно, насколько были способны его трехсотлетние глаза и вытянутое сухое лицо юного волчонка, посмотрел на друзей, а потом обнял каждого из них по очереди.

– Хорошо, – сказал он. – Как говорят в высших кругах культурной интеллигенции на моей неизвестной родине, в далеком городе Доростоле, «базара нет». Хотите посмотреть на иные миры? Извольте! Вот только легких прогулок я вам, господа, не обещаю. Там, – он ткнул пальцем куда-то вверх, подразумевая неисчислимое бесконечье искусственных вселенных Нуля и поминая давешний договор с архонтом Аяксом, – пока идет война скрытая. Очень возможно, она скоро превратится в войну открытую. Нас ждут кровь и пот, бои и походы. Много, по крайней мере, не меньше, чем здесь, на маленьком древнем Эшвене. Готовы?

И каждый из них кивнул, резко приложив сжатую в кулак правую руку к закованной в сталь груди – под сталью стучали сердца.

– К черту! Чужие миры проходят с обнаженным мечом!

– Да что ты, Гор. Ради прогулки никто бы к тебе и не пришел!

– Мы готовы!

Гор подтянул пояс, на котором уже висела шпага, поправил шляпу с пером, потрогал по-военному «плотно», под горло застегнутый воротничок и еще раз посмотрел на друзей.

– Ну, тогда куда ж я без вас? – улыбнулся он. На душе было легко и радостно. – Раз так, собирайтесь, едем сразу и вместе. Жду вас у портала в левом крыле. Времени на сборы – ровно час.

Эпилог

Искусственное Мироздание.

Континиум Твердого Космоса,

центральная планета-каверна.

Континент Антика, округ Митополь.

Антийское шато лорда Брегорта

Спустя несколько часов Гор и его товарищи были в Антике и въезжали вместе с бойцами сопровождения в распахнутые ворота южного поместья лорда Брегорта. На

открытой площадке, вымощенной красивой декоративной брусчаткой, стоял сам лорд Брегорт со свитой и приближенными сервами. Было видно, что пожилой шательен сильно волнуется, поскольку руки его немного подрагивали, фигура скрючилась, а сам бывший хозяин Лавзейской дуэльной школы чуть ли не кланялся в ноги гостям. Было неприятно видеть подобное изменение манер в некогда гордом литераторе, а потому Гор говорил с Брегортом вежливо, но по возможности кратко и по существу, чтобы как можно скорее покинуть пределы поместья и вернуться к делам.

– Лисия, сударь, – спросил он сразу же после рукопожатия (подумать только потомственный шательен жал руку своему бывшему рабу!), – где она? Я хотел бы с ней переговорить.

– Конечно, монсеньер, – несколько подавленным голосом ответил бывший хозяин, – она здесь, давно готова и ждет вас у себя.

– У себя? Что это значит «у себя»?

– О, господин, – всплеснул руками литератор, – как только мне стало известно, что Лисия вызывает интерес Вашей Божественности, мы сразу же отделили ее от прочих наложниц и предоставили отдельные покои!

– Понятно, – кивнул Гордиан. – Куда идти, показывайте!

Но шательен продолжал лебезить:

– Ваша Божественность, вы, должно быть, утомились с дороги, – скороговоркой пролепетал он, – а мы ожидали вас и приготовили торжественный обед в честь столь почетного гостя. Все накрыто в столовой. Роскошно! Мой повар настоящий мастер, вы будете в восторге, я...

– Признаться, сударь, мне не до еды, – нетерпеливо перебил демиург, – и я не устал. Несколько миль скачки для конного артиллериста – это сущая ерунда. Да и в столице много дел, так что я вас не задержу надолго. Мне нужна девушка!

– Монсеньер, со всем уважением, но девушка никуда не денется, она ваша! Если пожелаете, за обедом Лисия выйдет к вам и вы сможете переговорить с ней в спокойной расслабленной обстановке. – Брегорт семенил справа от Гордиана чуть боком, то и дело кланялся и подобострастно улыбался.

Именно эта улыбка, которую ранее просто невозможно было наблюдать на обычно высокомерном лице шательена, раздражала Гордиана больше, чем его упорство в попытках показать себя гостепреимным хозяином. И внутренне Гор взорвался. Он медленно повернул свое лицо к Брегорту и отчеканил ледяным тоном, от которого даже стены, казалось, немного заиндевели:

– Вы начинаете испытывать мое терпение, сударь, – произнес он, чеканя слог. – Мне нужна Лисия, и ничего больше. Это понятно?

Брегорт отпрянул. Тихо зашуршала сталь, и он обернулся, глядя на охрану Фехтовальщика, которая, услышав гнев сюзерена, автоматически обнажила свое оружие. Клинки сабель и палашей тускло поблескивали на солнце. И Брегорт даже представить себе не мог, кровь скольких людей стекала по этим остро отточенным лезвиям в течение последнего года.

– Конечно, господин, конечно, – тихо прошепел хозяин поместья внезапно пересохшими губами. – Идемте...

Они прошли в дом и длинным коридором добрались в закрытую часть здания – к гарему Брегорта. Далее Гор последовал за лордом один, дав знак своим ребятам оставаться в холле, с которого начинались помещения женской части поместья. Минувя помещения с многочисленными полуголыми девицами, по-видимому, ублажавшими самого литератора, Гордиан и его бывший владелец оказались перед одной из дальних комнат.

– Там? – спросил Гор тихо.

Брегорт кивнул, и его голова качнулась как у фарфорового болванчика. Было видно, что пожилой рабовладелец сильно удручен. Ну и черт с ним. Открыв дверь, Гордиан шагнул в комнату.

Лисия сидела у окна. День был светлым, и солнечные лучи заливали двор. Однако на единственном широком окне комнаты висели густые двухрядные шторы под массивным ламбрекеном, вокруг царил полумрак. Увидев вошедшего, девушка издала тихий возглас и встала, приветствуя то ли старого друга, то ли нового хозяина.

В принципе ничего не изменилось. Та же фигура, светлые волосы, пухлые губки, чуть вздернутый носик, большие, глубоко посаженные томные глаза. Не женщина, а мечта! И все же что-то было не так.

– Лисия?

– Гор?..

Они помолчали.

– Я искал тебя.

Она немного скованно пожала плечами:

– Ты нашел...

– Не могу поверить, мы виделись в последний раз почти два года назад. Ты совсем не изменилась, стала только краше.

– Вот скажешь. Я постарела ровно на два года.

Оба улыбнулись. Он – восторженно и широко, она – немного сдержанно, как будто с опаской.

Повинуясь внезапному порыву, Гордиан бросился к ней. Сердце застучало в груди как молот, бьющий по наковальне, и кровь гулко ударила по вискам. «Это она! Она!» Он снова и снова целовал ее, проникая в губы, прижался лицом к глазам, зарылся носом в волосы. Крепко прижал податливое тело к груди.

– Я не могу верить – ты здесь, со мной! После столького... После стольких... Так много пережито, Лисия, ты не представляешь. Мы сражались и днем и ночью, мы брали города и защищали их. Мы штурмовали крепости, форсировали реки, ночевали в полях... И все это время я думал о тебе. Постоянно, каждую свободную минуту!

И только тут он заметил, что Лисия отвечает ему ласково, но как-то замедленно и осторожно. Так женщина прижимает к груди чужого ребенка, которого нужно приласкать, но к которому нет любви.

– И много их было? – прозвучал ее вопрос.

– Чего?

– Свободных минут.

Фехтовальщик потупился:

– Признаюсь, не много, война отнимает время. И разве это имеет сейчас значение?

– Конечно, нет, – сказала она с горечью и вздохнула.

Что-то было не так!

Гор остановился и опустил руки. Отпрянул, вглядываясь в девушку. Лисия стояла, отведя глаза. На ее лице слабо играла какая-то неживая, механическая улыбка. Прекрасное тело застыло неподвижно, как мертвая статуя.

– Что-то не так? – спросил он вслух.

– Да нет, все отлично. Ты вернулся, и теперь я – твоя.

Она оправила длинные волосы. Тонкий локон соскользнул с груди, и Гор увидел, как за высоким вырезом ее платья тонкой полоской блеснула ленточка «хомута»! Он знал, что она снова стала рабыней Брегорта, однако все ошейники Твердого Космоса были давно обесточены, церковь не поддерживала систему контроля над рабами, и смысла носить на шее это чудовищное «украшение» не было никакого – ни для хозяина серва, ни тем более для самого невольника. Но может быть, был смысл для невольниц?! Дыхание Гордиана на мгновение прервалось. Видеть проклятый койн, с которым он боролся столь долгое время, на шее любимой женщины, ради свободы которой, собственно, и начался этот трижды проклятый сервский бунт, было не просто неприятно – это было кошмарное наваждение, безумие, бред! Но Фехтовальщик сдержался.

Он покачал головой и медленно отошел к окну. Старые вопросы затеребили душу

смоченными в яде когтями.

– Кто надел на тебя этот ошейник? – спросил он негромко. – И как ты здесь оказалась? Что случилось в Харториксе? Расскажи мне.

Лисия на несколько секунд застыла, а затем вонзила в него взгляд своих чудных зеленых глаз. В глазах были гнев и слезы!

– Ты знаешь про Харторикс? – спросила она, не отвечая на первый вопрос.

– И даже про Бургос, – тихо ответил он.

– Ты знал и ничего не сделал!

– Я пытался. Просто не успел.

Она села и покачала головой:

– Боже, так ты все знаешь...

– Ерунда! Другие мужчины были у тебя и раньше. Я спокойно к этому отношусь, поверь мне, но... Но я знаю не все. Мне нужно знать подробности. Просто знать. – Он осторожно взял ее за плечи: – Как ты оказалась здесь? Тебя вернули Брегарту солдаты? Перепродали держатели притона в Харториксе? Кто? Почему ты снова в рабском ошейнике?

– Хочешь «покачать» их? – усмехнулась она. – Ну да, ты ведь теперь Господь...

Гор чуть не поперхнулся от непонимания и злости:

– Нет! Но я снял с тебя ошейник и я должен знать, кто его снова надел!

Лисия помолчала, словно собираясь с мыслями.

– Брегарт тут ни при чем, – наконец вздохнула она после долгой паузы. – И на самом деле все просто, Гор, мой милый избавитель, – это ведь не настоящий ошейник, он не может карать болью, как прежде. Просто Брегарт надевает такие на всех своих наложниц. Своего рода дань традиции, символ... – Она усмехнулась.

– Наложниц?! – Фехтовальщику показалось, что под ним качается земля. – Если Брегарт сделал тебя наложницей насильно, я скормлю его свиньям прямо сейчас!

– Брегарт ни при чем, – снова повторила Лисия. – Хочешь знать, как все было – изволь. После взятия Харторикса притон захватили солдаты. Сутенеров всех разогнали к чертям, кое-кого даже порешили. Поделом, впрочем. Попользовались нами всласть, конечно, война, ты ведь понимаешь? Но затем короля сожгли под Бургосом вместе с армией. И королевский гарнизон, наспех похватав все что можно, загрузился на корабли да и отбыл обратно в Митополь. Наложниц, как ты можешь догадаться, с собой не взяли – ведь мест было мало. Просто оприходовали нас напоследок, чтобы потом было о чем с друзьями под пивко потрепаться. И все. Потом я шаталась по городу без куса хлеба, занимаясь... разным. Потом ты стал новым Господом, открылись храмы, и я вернулась к Брегарту.

– Что значит вернулась? Габелары? Они арестовали тебя и вернули владельцу?

– Я вернулась сама.

– Не понимаю.

– Я вернулась сама, Гордиан!

– О чем ты? Ты ведь получила свободу, порталы открылись. Нужно было вернуться в Бургос, ко мне. При чем здесь Брегарт? Как возможно такое?!

Она качала головой, а в глазах слезной пеленой стояла горечь:

– Видишь ли, милый, когда все это началось и ты снял с меня ошейник, тебя схватили, а я бежала и оказалась в Бургосе одна. А спустя год, когда сбежали королевские солдаты, я оказалась одна в Харториксе. Поверь мне, я пыталась найти работу, но кому нужна прислуга даже за пищу, если у каждого есть рабы? И мне повсюду предлагали одно и то же. Ты легко догадаешься, что именно, если немного посмотришь на меня. И если в Лавзее я делала это с призовыми бойцами, имела комнату, одежду, даже прислугу, то и в столице, и в этом проклятом южном порту, мне пришлось отдаваться за хлеб и за воду, за ночлег, за то, чтоб помыться, за то, чтоб не сдали властям, за то, чтобы не избил сутенер. Ты хоть можешь это представить?! – В голосе ее неожиданно, несмотря на душившие слезы, зазвучал искренний гнев. – Ты подставил меня, дорогой! Подставил так, как не подставлял никто и никогда! Такого ужаса я не испытывала ни разу в жизни!

Гор опешил и задохнулся.

– Но я дал тебе свободу! – пробормотал он.

– Свободу? – усмехнулась Лисия, шмыгнув носом. – Да ты выбросил меня на улицу, заставил стать подстилкой у нищих, у городских голодранцев, у такого отребья, которого я даже не встречала раньше. Знал бы ты, что мне пришлось делать для этой мрази и по сколько раз в день! Поэтому, когда в Харториксе среди шательенов, бегущих с остатками армии, мне случайно встретился наш лорд Брегорт, я сама кинулась к нему за спасением. И он простил меня!..

– Он тебя простил?.. – медленно проговорил Гор.

– Да!! – с каким-то вызовом ответила Лисия. – Пусть он попросил снова надеть подобие прежнего ошейника, но он дал мне кров и накормил.

– И ты счастлива?! – прошептал пораженный демиург.

– Да, да, да! – почти в истерике закричала она. – Если хочешь знать, я счастлива! Брегорт знает, что нужно женщине. Ей нужна забота, нужна ласка и достаток, а не абстрактные идеалы на голодный желудок в вонючей корчме, когда тебя по очереди насилюют грязные уроды. Твоя свобода принесла мне одни несчастья. Как ночной кошмар, как страшный ужасный сон, я хотела бы это забыть как можно скорее!

Вдруг она замолчала так же внезапно, как и начала кричать, словно одумалась.

– Но все кончено, – тихо продолжила она. – Теперь я твоя.

С этими словами Лисия упала на колени, подползла к Гордиану и склонилась перед онемевшим властелином в позе «Тредламму», прислонив голову к его бедрам, что повсюду в гаремах Эшвена означало выражение максимальной покорности мужчине.

Демиург секунду постоял в замешательстве, затем опустил руку и погладил ее по голове. Затем осторожно отодвинул податливое тело и вновь отошел.

– Я вижу тебе нравится ошейник? – спросил он, стараясь не видеть выражение лица девушки.

– Что значит нравится, Гор?! – Лисия чуть повела плечом. – Это мой удел. Мое призвание, если хочешь. Я рождена, чтобы быть рабыней, и никем больше я быть не могу.

– Сотни тысяч мужчин из Лавзеи и Кербуля, из Бронвены и Бургоса сорвали свои «хомуты» и стали свободными. И тысячи из них умерли за эту свободу! Чем ты отличаешься от них? Почему они рвутся на волю, а ты нет?

Лисия слабо улыбнулась, но в этой улыбке уже сквозили нотки обольщения.

– Так ты не заметил? – промурлыкала она, изогнувшись как кошка. – Они мужчины, мой господин, а я – женщина. Скольких наложниц ты знаешь, которым твоя война принесла радость? Признайся – ведь ни одной! Свобода нужна пастухам и таргитариям, купцам и дационам, консидориям и гончарам. Поверь, наложницам из гарема нужна не свобода. Им нужен добрый и мудрый хозяин. Желательно, сильный и молодой. Такой как ты, мой Гордиан...

И вновь, опустившись на четвереньки, она подползла к нему, взяла за руку, заискивающе заглянула в глаза, словно забыв, что всего минуту назад обвиняла его во всех своих бедах. Ее руки заскользили по бедрам мужчины, мягко взбираясь от колен все выше и выше... Челюсти Гора сжались. На коленях перед ним стояла не любимая женщина. То была наложница.

Профессионалка!

Гор отпрянул уже в третий раз за время их короткого разговора. Гнев и отвращение вдруг застлали ему глаза, с которых, как и с его чувств и с разума, словно слетела окутывавшая их пелена.

– Ты ошибаешься! – глухо сказал он, наклонился, подхватил ее за локти и с силой поставил на ноги.

Он придвинулся к ее напуганному личику и тихо произнес, глядя прямо в глаза:

– Лисия Брегорт, ты ошибаешься дважды! Во-первых, свобода – это ценность сама по себе, даже без пищи и без крыши над головой. И нет человека, который рожден быть рабом,

ибо даже червь на этой земле рожден, чтобы ползать, как ему вздумается, а не по воле своего господина. А во-вторых... Во-вторых, я не твой, Лисия. Я – свободен!

Еле сдерживаясь от клокочущей внутри ярости, Гор откинул Лисию в сторону и вышел вон из ставшей внезапно удушливой комнаты.

Брегорт, прохаживавшийся неподалеку, засеменил за ним, о чем-то причитая, но Гордиан слышал только отрывки фраз.

– ...Я специально съездил в Митополь и переписал Лисию Брегорта на имя Вашей Божественности. Мы уже собрали ее вещи, подготовили карету, ее любимую служанку, кучера и даже двух рабов, чтобы носить чемоданы. Все они отправятся с вами, немедленно, как только вы прикажете...

Он шелестел и шелестел рядом, и Гордиан, окончательно устав от навязчивого присутствия Брегорта, остановился, махнув рукой, чтобы хозяин поместья замолчал.

– Девушка останется с вами сударь! – твердо сказал он. – Вы позаботитесь о ней?

– О, разумеется, монсеньер, но...

– Вот и отлично! – отрезал властитель Невона-0143. – У меня к вам все, прощайте.

Дав сигнал своим спутникам, Гор вышел в центр двора. Никий подвел к нему жеребца, и свободный, как никогда, демиург одним движением лихо взлетел в седло.

В этот момент, увидев, как новый Господь Эшвена взметнулся на коня, лорд Брегорт кинулся к нему, побелев от волнения.

– Монсеньер! Монсеньер! – вскричал он настолько жалобно и горячо, что Фехтовальщик придержал скакуна и обернулся к нему.

Брегорт подскочил, заглядывая всаднику в глаза.

– Я не смею, но хочу спросить про мое будущее, господин, – задыхаясь, пролепетал он. – Сознаю, вина моя перед вами ужасна! Два года назад я стал формальным собственником Вашей Божественности, но я ведь не знал... Это произошло совершенно случайно, и, заметьте, я всегда был противником рабства и даже написал по этому поводу эссе. Помните, то «Дитя свободы, вдохновенье...». Вот, прошу вас, примите скромный дар, чтобы прочитать на досуге...

Трясущимися руками Брегорт засунул в седельную сумку какой-то томик, продолжая без остановки лепетать:

– Мы, прогрессивное дворянство Эшвена, всегда осуждали тиранические порядки, установленные Бориносом и Хепри. Надеюсь, мой статус бывшего рабовладельца Лавзеи не скажется на отношении Вашей Божественности ко мне. Эти ужасные реквизиции, прокатившиеся по всей стране... А я всего лишь скромный литератор. Мои имения, моя фамилия достались мне от предков, и хотя я получаю незначительные суммы от издательств, я...

– Пустое, милорд, – перебил Гордиан, прекрасно понимая, к чему клонит старый писатель. – Все ваши привилегии останутся за вами. Имения, титул, думаю, даже ваше положение и оклад при дворе, как королевского библиографа. Я обещаю. Вот только сервов придется отпустить... – Тут он скривился: – Тех, кто захочет! А ошейники приказываю снять со всех!

Внезапно зардевшись от счастья, Брегорт принялся лепетать слова благодарности и уверения в исполнении полученных приказаний, схватил Гору за руку и потянулся, чтобы поцеловать его давно привыкшие к мечу пальцы, но Гор отдернул кисть. В принципе, он знал, что лобызание вассалом руки сюзерена является стандартной дворянской традицией, и ничего унижительного в попытке Брегорта, по сути, не было ни для его чести, ни, тем более, для чести самого Гордиана, особенно учитывая его божественный, священный статус. Однако почему-то ему стало несказанно противно.

Он кивнул изумленному Брегорту, чтобы тот не впадал в отчаяние от такой внезапно продемонстрированной господней немилости, и прищипорил коня. Впереди ждало много дел и забот, а от ближайшего храма, в котором находится портал, чтобы переместиться в Бургос или в Стеллополь, его отделяло почти четыре часа торопливой скачки.

Вскоре поместье уменьшилось, и, обернувшись, Гордиан смог увидеть только силуэты маленьких домиков, в окружении изумрудной россыпи садов и виноградников. Чудесный вид!

Повинуясь внезапному порыву, демиург замедлил галоп, вытащил из седельной сумки книгу Брегорта – это было то самое эссе про «дитя свободы». Размахнувшись, он швырнул ее как можно дальше от обочины. Пусть летит к черту! Сплошная ложь и позерство.

«Конец иллюзиям, – подумал Гор почему-то с неизъяснимо светлой грустью. – Конец любви...»

И, безусловно, конец прошлому. Впереди – только новое!

– Кхарр-рра! – проорал он весеннему небу боевой клич боссонцев, и полусотня луженых глоток его боевых товарищей подхватила этот безудержный крик.

– Кхарр-рра!! Кхарр-рра!! – взревели рядом Бранд и Крисс, Никий и Дакер.

На душе вдруг, несмотря ни на что, стало хорошо и спокойно. Вот они настоящие люди. Те, с кем срывал ошейники, поровну делил кров, кровь и тяготы войны.

Братья, консидории свободы.

Все остальное – прах, все остальное – тупое наваждение, все остальное – ничего не стоит.

Громко улюлюкая, бойцы поскакали на север, обгоняемые только лихим степным ветром, в котором Фехтовальщику уже чудились порывы ураганов иных миров, несущие новые кровавые битвы...

До встречи с Аяксом оставалось ровно двадцать девять дней.

Приложения

Приложение 1

Штатная численность подразделений Эшвенской Королевской армии

ПЕХОТА

Деление пехоты является классическим для описываемого периода эшвенского военного искусства. Структура королевской армии, численность и устройство ее подразделений складывались веками в соответствии с применяемой эшвенами бригадной (терционной) тактикой ведения боя. В соответствии с этой тактикой пехота строится на поле большими квадратными колоннами в шахматном порядке и состоит из следующих видов подразделений:

Тяжелая пехота (пикинеры и алебардщики):

1. Полк, или регимент. Включает 10 800 человек и состоит из 3 пикинерских бригад (терций).

2. Пикинерская бригада, или терция. Включает 3600 человек и состоит из 12 рот.

3. Рота. Включает 300 человек и состоит из десяти капральств по 30 человек в каждом.

Построение пикинерской бригады на поле – квадрат со стороной 60 человек.

Легкая пехота (мушкетеры):

1. Полк (регимент). Включает 12 960 человек, состоит из трех мушкетерских бригад.

2. Мушкетерская бригада. Включает 4320 человек, состоит из 12 мушкетерских рот (фирфинлейнов).

3. Мушкетерская рота (фирфинлейн). Включает 360 человек, состоит из 6 караколей.

4. Караколь. Включает 60 человек, состоит из двух капральств по 30 человек в каждом.

При построении в поле одной пикинерской терции соответствует один фирфинлейн мушкетеров. Фирфинлейн становится перед квадратом пикинеров отдельными караколями, шириной десять человек и глубиной шесть.

КАВАЛЕРИЯ

В соответствии с эшвенской тактикой боя королевская кавалерия делится на два вида: тяжелую (жандармы) и легкую (рейтары). Однако подразделения и тех и других имеют одинаковую численность и состоят из следующих типов подразделений:

1. Кавалерийский полк (регIMENT). Включает 960 человек, состоит из трех эскадронов.
2. Кавалерийский эскадрон. Включает 320 человек, состоит из 10 корнетов.
3. Кавалерийский корнет (полный корнет). Включает 32 человека. Так называемый «полукорнет» – 16 человек.

Приложение 2

Штатная численность подразделений Армии Свободы

ПЕХОТА

После реформ 4380 года пехота рабов была разделена на полки, которые при необходимости объединялись в бригады и корпуса. Однако в рассматриваемый период (Рабская революция 4380–4382 годов) командование восставших несколько раз меняло структуру и численность своих военных подразделений и после знаменитой реформы, постоянно экспериментируя как с вариантами тактических построений, так и со структурной организацией сервского войска. Однако в целом основная часть военных сил Республики состояла из следующих видов подразделений:

1. Корпус. Включает 12 800 человек, состоит из 4 полков.
2. Бригада. Включает 6400 человек, состоит из 2 полков.
3. Полк. Включает 3200 человек, состоит из 4 батальонов.
4. Батальон. Включает 800 человек, состоит из 4 смешанных рот.
5. Рота. Включает 200 человек и делится на 4 плутонга (полусотни).
6. Плутонг (полусотня). Включает 50 человек и делится на 2 капральства.
7. Капральство. Включает 25 человек ровно.

Кроме основного деления, корпуса, бригады и даже отдельные полки могли сопровождаться дополнительным «корволантом» (корпус вестовых и разведки), включающим до 400 всадников, то есть четыре полные сотни.

КАВАЛЕРИЯ

Вся кавалерия в рабской армии на протяжении всех лет войны была исключительно драгунской, то есть состоящей из конных мушкетеров, неуклюжих наездников, очень часто спешивавшихся перед схваткой для огневого боя и дравшихся как обычные пехотинцы.

Драгуны сервов объединялись в следующие типы подразделений:

1. Кавалерийский корпус. Включает 4000 человек и состоит из 4 полков.
2. Кавалерийская бригада. Включает 2000 человек и состоит из 2 полков.
3. Драгунский полк. Включает 1000 человек и состоит из 10 эскадронов (сотен).
4. Эскадрон. Включает 100 человек. Так называемый «полуэскадрон» (полусотня) включает 50 человек.

Ввиду никчемности драгун в сабельной рубке каждый драгун вооружался мушкетом, саблей, а также (помимо них) двумя или четырьмя отличными пистолетами, расположенными в седельных кобурах (первая пара) и в кобурах на поясе (вторая пара).

Артиллерия (стрелковый корпус Гора Фехтовальщика) – в бригады не формировалась и состояла из следующих подразделений:

1. Артиллерийский полк. Включает 2640 человек, 4 батальона-батарей.
2. Батальон-батарея. Включает 660 человек, 4 канонирские роты и 1 бомбардирскую

роту.

3. Канонирская рота (кулеврины и мортиры). Включает 132 человека, 22 орудия.
4. Бомбардирская рота (картауны). Включает 132 человека, 11 орудий.

Бойцы стрелкового корпуса считаются конными мушкетерами.

И хотя реально во время войны на всех стрелков лошадей не хватало, сугубо теоретически вся артиллерия Армии Свободы является конной артиллерией.

Глоссарий

АВЕНАЛИИ – специальные Летние, или Малые игры, ежегодно проводимые префектами в каждой марке (провинции) Эшвенского королевства. Авеналии состоят только из индивидуальных боев-единоборств, так называемых призовых дуэлей. Гордиан Рэкс в теле кадета Гора Фехтовальщика является чемпионом малых боссонских авеналий 4380 года – последних, когда-либо проводившихся при королевской власти. *Королевские авеналии* – Зимние игры, или Большой турнир, проводимый ежегодно в столице королевства Бургосе под патронажем Его величества Единого короля. Включают в себя не только призовые дуэли между чемпионами марок, но и крупномасштабные массовые поединки между целыми отрядами (полусотнями) тяжеловооруженных гладиаторов. В 4380 и 4381 годах Большие игры в Эшвене не проводились в связи с великим Боссонским бунтом, в котором, собственно и были задействованы все потенциальные участники Больших авеналий – консидории бойцовских школ.

«АНХ-УДЖА-СЕНЕБ!» – букв. «Жизни, Силы и Благоденствия» (*протоегип.*). Пожелание одного демиурга другому.

АРЕОПАГ НУЛЯ – согласно Уставу Корпорации в перерывах между заседаниями Общего Собрания акционеров (экклесия демиургов), ареопаг Нуля может выполнять его функции и обладает всей полнотой власти Собрания акционеров. Таким образом ареопаг – это нечто вроде «президиума» общего собрания акционеров, высший совет Корпорации, постоянно действующий коллегиальный орган. Теоретически считается вторым по значимости органом Нулевого Синтеза, хотя в смысле реальных полномочий значительно уступает стратегикону (Правительству). Члены ареопага (архонты Нуля) избираются экклесией из числа демиургов в количестве 28 человек.

БАРРИСТА – рефери, судья, глашатай в одном лице на «призовых» дуэлях.

БОГ-РОБОТ – разумная машина, созданная Учредителем Корпорации для сотворения вселенных. Особая архитектура Искусственного Мироздания вообще и Корпорации Нулевого Синтеза в частности, требует особых средств расширения и экспансии. Важнейшим из таких «средств» на заре Сотворения стали Боги-Роботы. Эти совершенно автономные фабрики-творцы создают вселенные (огромные, замкнутые в себя пространственно-временные ячейки, заполненные звездами) в автоматическом режиме, руководствуясь заложенной в них «вечной» программой – без усталости и без передышки, каждую секунду каждой минуты, каждого часа, каждого дня. Существование Богов-Роботов позволяет Искусственному Мирозданию бесконечно расширяться, не требуя при этом контроля со стороны Человечества.

ВЕРХОВНЫЙ АРХОНТ НУЛЯ – председатель ареопага Нуль-Корпорации. Согласно Уставу «Нулевого Синтеза» в перерывах между заседаниями Общего Собрания акционеров (экклесия демиургов), ареопаг Нуля может выполнять его функции и обладает всей полнотой власти Собрания акционеров. Таким образом ареопаг – это нечто вроде «президиума» общего собрания акционеров, высший совет Корпорации, постоянно действующий коллегиальный орган. Теоретически считается вторым по значимости органом Нулевого Синтеза, хотя в смысле реальных полномочий значительно уступает стратегикону (Правительству). Члены ареопага (архонты Нуля) избираются экклесией из числа демиургов

в количестве 28 человек.

ВЕРХОВНЫЙ СТРАТИГ НУЛЯ – третий по значимости пост Корпорации «Нулевой Синтез» (НС) после епископа и архиепископа, фактический руководитель Корпорации, своего рода «Председатель Правительства», к ведению которого относится решение всех текущих и каждодневных вопросов менеджмента этой громадной космической структуры. Именно Верховный стратиг назначает и снимает с постов важнейших должностных лиц – руководителей департаментов (стратигов Нуля), судов (геронтов Нуля) и флотов (хилиархов Нуля). Он же решает вопросы войны и мира, а также составляет важнейшие нормативные документы, от законов до должностных инструкций, действующих в бесчисленных кластерах Континуума Корпорации.

ГАБЕЛАР – букв. «охранник», «телохранитель», «стражник». В Эшвенском королевстве существовало множество категорий лиц, объединенных этим названием, но выполняющих функции, совершенно не идентичные. Префекты городов, например, и земские наместники содержали целые «габеларские роты» и даже батальоны, выполнявшие в городах функции местной полиции общественной безопасности, ППС, ОМОНа и т. д. Сенешали марок, в состав своих армий включали «габеларские полки», выполнявшие функции войск заграждения и охраны границы. «Рядовые» же и, скажем так, «местечковые» лорды-шательены имели в своих шато габеларские полусотни во главе со старшинами, для поддержания порядка в среде собственных рабов. Примечательно при этом, что в первом и во втором случае габелары набирались из свободных. А в третьем, последнем, – естественно из рабов.

ГЕРОНТЫ НУЛЯ – председатели судебных учреждений.

ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СЕТЬ (сокращенно – ГИС), или Сеть Корпорации – транскосмическая информационная система, сокращенно – «Глобальная Сеть»; аналог Интернета, совмещенного с системой общего образования, банковской системой, а также и системой тотального социального контроля, регистрации и слежки.

ГОРДИАН РЭКС – ГОР – Гордиан Оливиан Рэкс, сокращенно – *ГОР*., он же Хор, он же Гармахис, он же Гор Бехдетский. Бог мести в протоегипетской мифологии, убийца Сета, зачатый матерью от трупа отца – Владыки Мертвых.

ДАЦИОН – тренер «призовых» бойцов. «Ланиста» консидориев. *Старший дацион* – обычно, управляющий Дуэльной школой.

ДЕМИУРГИ – акционеры Нуль-Корпорации, создатели вселенных-кластеров, разыгрывающие богов перед жителями созданных ими планет, являются на самом деле обычными человеческими существами: бессмертными, почти бесконечно могучими, благодаря немыслимому для простых «смертных» богатству – владению акциями Нулевого Синтеза, но все же не более чем людьми. Их псевдобожественность имеет под собой единственное основание – деньги и технику Корпорации.

ДИАДОХИ НУЛЯ – главы секторов, губернаторы звездных систем, галактик и даже небольших кластеров.

ДУЭЛЬНАЯ ШКОЛА – специальное закрытое заведение при эшвенских шато, предназначенное для подготовки консидориев, будущих участников призовых боев или призовых «дуэлей». Призовая дуэль – индивидуальный бой с применением холодного (преимущественно клинкового) оружия на авеналиях или в частном порядке за денежный или иной приз, назначаемый владельцами одного или обоих претендентов, или же организатором турнира.

ЖАНДАРМ, ЖАНДАРМЕРИЯ – старинное название тяжелой панцерной (рыцарской) кавалерии. Вопреки распространенным среди обывателей представлениям, жандарм – это не только толстый усатый дядька-полицейский, жуящий «конфискованный» крыжовник и следящий за порядком в провинциальном городе позапрошлого века. Истинный смысл слова «жандарм» – это великолепный воин, рыцарь, слава и гордость средних веков! Тяжеловооруженный всадник с пикой из легендарной эпохи, когда на полях сражений почти тысячелетие господствовала исключительно конница. Гитлер сравнивал свои танковые

«кулаки» с эскадронами средневековых жандармов. «Бронированные и несокрушимые» – это про них. Рыцари! Дворяне!

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ЦЕНТР НУЛЯ – стальная планета или планетоид, являющаяся основой для производства кластера, то есть отдельного изолированного пространства для размещения звезд и планет. Космическая фабрика, склад, бронированный военный корабль и огромный город под одним корпусом.

ИШЕД, он же «ишед-оливин», он же «шесаит»: (1) изначальное, более приземленное значение слова «оливин» (*хим.*) – магнезиально-железистый силикат, представляющий основную магматическую породу планет земного типа, необычайно распространенный в верхних слоях мантии. На поверхности встречается в виде вкраплений в базальтах. Наиболее известная разновидность – хризолит, ярко-желтый иногда, желто-зеленый драгоценный камень с кристаллической структурой в виде цепей из октаэдров; (2) согласно легендам, ишед-оливин – это металл из крови демонов, крови «Падших Богов», металл Бога-Творца Атума. Убив демонов, Атум творит мир из внутренностей, склеивая их кровью «ишед»; (3) в данном случае под «ишем» имеется в виду так называемый «системный металл» – особый вид необычайно твердого вещества, синтезируемого Нуль-Корпорацией. Не поддается никакому механическому или химическому воздействию. Его можно лишь «сотворить» или аннигилировать внутри аппаратуры Нуль-Синтеза. Но главное свойство – емкость, окруженная ишем, обладает способностью «поглощать» пространство. Поэтому используется ишед в основном для космических станций с нуль-порталами переходов. Технология создания этого «системного металла» доступна только Нуль-Корпорации.

КАВЕРНА, ПЛАНЕТА-КАВЕРНА – многочисленные шарообразные пустоты, расположенные внутри «каменной тверди» Твердого Космоса (Эшвен), заполненные годной для дыхания атмосферой. На внутренней поверхности таких миров-пузырей проживают люди, в центре «пузыря» горит звезда или же группа звезд. Каверны Эшвена объединяются в «группы каверн», «скопления групп каверн» и даже «твердые галактики», в полном соответствии со структурой «обычных» звездных вселенных. Медленно, с течением миллиардов лет галактики перемещаются в «каменном» пространстве, ползут и вращаются вокруг друг друга. Связь между кавернами осуществляется через порталы внутри храмов Хепри. Гравитация на поверхности поддерживается искусственно. От «схлопывания» под воздействием внешнего давления каменной Тверди каверны удерживают силовые поля, которые также генерируются храмами Хепри. Твердый Космос таким образом – абсолютно искусственное образование, существование которого невозможно без участия церкви.

КАРТАУНА – тяжелое широкое мощное осадное орудие; название происходит от слов «короткая», «толстая» (в отличие от длинных и узких кулеврин), имеет длину 2–3 метра, весит от 5 тонн, предназначена для метания чугунных и даже каменных ядер, применяемых при осаде городов или чудовищных карточных «подарков», буквально выкашивающих пехоту. Традиционно используется при разрушении крепостей, лафета не имеет, для стрельбы устанавливается на «балку» – специальную платформу, укрепленную на земле сваями. Картауны весом свыше 10 тонн зачастую назывались суперкартауны и метали ядра весом более 400–500 килограммов. Максимальный известный вес суперкартауны 32 тонны. Представьте, как она лупила!

КОНСИДОРНИИ – букв. «знаменитые». «славные». Дерущиеся на авеналиях дуэлянты. Гладиаторы Эшвена.

КОРПОРАЦИЯ – «Корпорация Нулевого Синтеза», «Корпорация Человека», «Нуль-Корпорация», «Корпорация Нуля», «Нуль-Синтез», или же просто «Нуль». Полное официальное название – «Производственно-коммерческое объединение предприятий Нулевого Синтеза» – организация, создающая искусственные вселенные, искусственных людей, искусственное пространство и время. Грандиозная надгосударственная промышленная и торговая структура, сотворившая все существующие в Искусственном Мироздании вселенные, сдающая большую их часть за ренту или распродавшая меньшую их часть в руки частных владельцев. Происхождение – неизвестно, точная дата возникновения –

также.

КОШКОДЕР – кацбальгер (Katzbalger). Самое распространенное оружие панцерной пехоты в мирах Невона-0143. Короткое, мощное прямое лезвие односторонней заточки с S-образной гардой.

КУЛЕВРИНА – от Couleuvre – «змея», «уж» – длинноствольное орудие полевой артиллерии среднего калибра. Стандартный вес кулеврины в Эшвенской армии – 12 фунтов.

КХАРР-РА! – древний боевой клич варваров-боссонцев, который переняли у них «новые» боссонцы – консидории дуэльных школ этой самой северной марки Эшвена, считавшейся, кстати, родиной авеналий.

ЛАВЗЕЯ, ЛАВЗЕЙСКАЯ ШКОЛА – боссонское шато лорда-шательена Рэя Брегорта и одновременно знаменитое училище консидориев, ставшее вместе с Ормом и Кидоной основой и началом будущей Республики Равных.

МАРКА – основная административно-территориальная единица, «провинция» в Эшвене. Условно все Единое Королевство разделено на марки, обширные регионы, созданные по границам покоренных государств и управляемые сенешалями. Марки, в свою очередь, делятся на префектуры и управляются префектами. Однако помимо марок в состав Королевства также входят вассальные домены:

- церковный домен провинция Эльбиника,
- домен крон-принца провинция Карабан,
- республиканский союз Тысячеградья,
- столичный округ Бургос и Литавра.

МЕДИАС КОРДИС (Medias Cordis) – огромная звезда, освещающая сферу Невон изнутри. Дословно название переводится просто и без изысков – «центральное светило», или на древнем поэтическом «ashven» – «Свет Господа в центре Небес».

НЕВОН-0143 – официальное название вселенной Твердого Космоса (Эшвен) в каталоге Искусственного Мироздания.

ОРДОНАНС – Закон Эшвенского королевства, утвержденный королем и распространяющий свое действие на все земли Короны (в отличие от местных и провинциальных законов, издаваемых префектами и сенешалями и действующих только на территории соответственно марок и муниципалитетов).

ПАФИР – один из месяцев протоегипетского календаря, который, кстати, практически не отличается от современного. Пафир соответствует февралю. Всего календарь египтян включал двенадцать месяцев: Mesori, Tot, Pafir (зимние месяцы), Atir, Hoyak, Tabis (весенние месяцы), Mehiri, Famenot, Farmutin (летние месяцы), Pahon, Painet, Apifis (осенние месяцы).

ПРИЗОВАЯ ДУЭЛЬ – индивидуальный бой с применением холодного (преимущественно клинкового) оружия на авеналиях или в частном порядке за денежный или иной приз, назначаемый владельцами одного или обоих претендентов или же организатором турнира.

ПРОГРАММНЫЕ КЛОНЫ – промышленные клоны, память и личности которых выращены программистами Нуля в т. н. «программных мирах» – особых виртуальных вселенных, генерируемых для получения из них готовых человеческих матриц. Такие миры создаются по заказу Кадрового департамента (молитва Призывания) исключительно как математическая информационная модель и реально не существуют. В фабриках по клонированию КД выращиваются затем миллионы взрослых и здоровых человеческих тел. И для сокращения затрат по их воспитанию и образованию в мозг выращенных таким образом генетических клонов (то есть не клонов конкретного человека, а искусственно созданных человеческих организмов с разным генетическим кодом) помещается сознание и память людей из програмных миров, обычно – выдающихся индивидов, ученых и воинов, администраторов и талантливых ремесленников, художников и избранных манекенщиц, артистов и медиков. И конечно же программистов и инженеров.

СОВЕТ ВИЛИКОВ состоит из *виликов* – управляющих поместьями, главных рабов. *Провилик* – «заместитель вилика», управляющий отдельным хозяйством внутри шато. После

начала восстания вилики и провилики боссонского края – провинции, где вспыхнула великая рабская революция Эшвена, и входившие до начала восстания в подпольную Партию Равных, составили высший исполнительный орган рабской революции – Совет виликов, управляющий армией и принимающий важнейшие кадровые и политические решения.

СТРАТИГИ НУЛЯ – руководители отраслевых департаментов, министры правительства.

ТШЕДИ – единый термин, применяемый в Искусственном Мироздании для обозначения экстрасенсорных и сверхъестественных способностей человека. Слово происходит от протоегипетского синонима, обозначающего букв. «маг», «колдун». «Джедаи» из «Звездных войн» Дж. Лукаса, по всей видимости, имеют то же происхождение.

УЧРЕДИТЕЛЬ КОРПОРАЦИИ, БОГ СМЕРТИ, УЧРЕДИТЕЛЬ НУЛЯ. – Вся власть над машиной Искусственного Мироздания принадлежит легендарному основателю Нуль-Корпорации – загадочному Учредителю, Богу Нуля и Смерти. Учредитель действительно является фигурой мифического, если не сказать, мистического масштаба. Информация о его происхождении и биографии отсутствует в Глобальной Сети, остальные сведения – отрывочны и не точны. Местонахождение и внешность его неизвестны. Личность и история – неопишуты. Цели и предпочтения – не ясны.

Бесспорными считаются только два факта: в начале времен Учредитель изготовил первого нуль-робота, создал первую искусственную вселенную и инициировал таким образом, процесс «размножения» кластеров Корпорации. Впрочем, это утверждение ничем не подтверждается, кроме самого существования искусственных кластеров.

Второй факт, однако, более неоспорим: Учредитель незримо присутствует в Глобальной Сети и обладает в пределах Нуль-Корпорации практически беспредельной властью. Доказательства? Все крупные решения правительства, эклессии или ареопага Нуля имеют силу только после их подтверждения электронной подписью Учредителя.

И он их подтверждает. Миллиарды решений. Каждый день.

ХЕБ-СЕД – в Протоегипте, праздник середины жизни, «тридцатилетие», перерождение фараона или божества. Ритуальный бег по пустыне, демонстрирующий его молодость и силу. Дословно – «Смерть Бога». В смысле – Смерть и Возрождение. «Король умер – да здравствует Король!» В данном случае имеется описанная ранее традиция демиургов Нуль-Корпорации проводить ритуальную реинкарнацию каждые триста шестьдесят лет.

ХИЛИАРХИ НУЛЯ – адмиралы флотов и маршалы армий Нуля.

ХРАМ ХЕПРИ – одно из отражений Ра на Земле (*протоегип.*) . Бог Света.

ШАТО – букв . можно перевести как поместье, вилла, замок. В мире Невона-0143, шато – это гигантский «*ges omnium*», большой имущественный комплекс, дающий право именоваться лордом-шательеном, владетельным вельможей, принадлежащим к числу высшего дворянства и обладающим сонмом неисчислимых привилегий. В самом общем варианте «Шато» обязано включать в себя: 1) земли; 2) административные, жилые и хозяйственные здания; 3) рабов; и 4) титул.

ЭФОРЫ НУЛЯ – руководители религиозных общин.

ЭПАРХИ НУЛЯ – мэры мегаполисов, администраторы планетоидов, топ-менеджеры индустриальных центров и главы колоний.